КУРСЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

Заслуж. профессора Императорскаго Казанскаго Университета

Н. П. Загоскина.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КАЗАНЬ
Гипо-литографія Императорскаго Университета.
1906.

10к

Печатано по опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета 13 февраля 1906 года

Деканъ *В. Ивановскій*

Неоднократно обращались ко мнѣ слушатели мои съ просьбами издать печатный курсъ моихъ университетскихъ чтеній по исторіи русскаго права,—курсъ, который могъ бы замѣнить собою устарѣвшія, весьма неудовлетворительно составленныя и, къ тому же, далеко не полныя литографированныя и гектографированныя записки, обращающіяся среди студентовъ.

Усиленныя работы по составленію юбилейной исторіи Казанскаго университета и біографическаго словаря его преподавателей заставляли меня изъ года въ годъ откладывать исполненіе этого, вполнѣ законнаго, пожеланія моихъ слушателей. Тревожные университетскіе дни, начавшіеся съ осенняго семестра 1904-го года—были причиною не только отмѣны празднованія столѣтняго юбилея нашего университета, но, въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ, повлекли продолжающееся, уже свыше года, вплоть до дня, когда пишутся настоящія строки, прекращеніе въ университетѣ занятій.

Я воспользовался широко раскрывшимся передо мною свободнымъ временемъ для пересмотра и при-

готовленія къ печати своихъ записокъ по исторіи русскаго права, значительная часть которыхъ была изложена въ видѣ болѣе или менѣе краткихъ конспектовъ.

Таково происхожденіе настоящаго печатнаго курса исторіи русскаго права.

Н. Загоскинъ.

Введеніе.

I. Исторія русскаго права, какъ наука.

II. Формація народа и государства.

I.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Исторія русскаго права, какъ наука.

I

Выводъ понятія науки исторіи русскаго права

Исторія права, какъ показываетъ уже самое названіе этой науки, преслѣдуетъ своею задачею раскрытіе историческаго процесса развитія и законовъ эволюціи той сферы жизни какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ составныхъ частей его, которая извѣстна подъ названіемъ правовой и обосновывается на духовномъ началѣ, носящемъ наименованіе—права

Идея права была изстари присуща самосознанію человѣчества, выражаясь въ тѣхъ или другихъ конкретныхъ формахъ, сообразно съ степенью культуры, на которой стояли въ данное время отдѣльные народы, съ условіями жизни ихъ, съ господствомъ у нихъ того или другого міровоззрѣнія, тѣхъ или другихъ идеаловъ и т п Очень давно занимаетъ собою мыслящее человѣчество и вопросъ о происхожденіи права Различныя стадіи культурной жизни какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ народовъ, даютъ намъ и различные отвѣты на этотъ вопросъ Попытки разрѣшенія вопроса о происхожденіи права породили цѣлый рядъ представ

ленiй и теорiй, непрерывная цѣпь которыхъ тянется изъ глубины античныхъ вѣковъ вплоть до новѣйшаго времени Обзоръ, хотя бы и поверхностный, всего разнообразiя воззрѣнiй на существо и на происхожденiе права,—въ связи съ происхожденiемъ самого человѣческаго общества,—не можетъ войти въ рамки настоящаго изложенiя нашего, тѣмъ болѣе, что это составляетъ непосредственный предметъ энциклопедiи и исторiи философiи права—дисциплинъ, занимающихъ самостоятельное мѣсто въ общемъ циклѣ предметовъ университетскихъ преподаванiй Мы позволимъ себѣ коснуться этого весьма сложнаго вопроса лишь постольку, поскольку это является существеннымъ для ближайшихъ задачъ нашего текущаго изложенiя, вообще, и для установленiя понятiя науки исторiи права—въ частности

Были ученiя, которыя строили вопросъ о происхожденiи права на теологической почвѣ, объясняя происхожденiе его въ связи съ религiею Совокупность такихъ ученiй дала мѣсто такъ называемой т е о л о г и ч е с к о й ш к о лѣ въ области интересующаго насъ вопроса Послѣдователи этого направленiя смотрѣли на право какъ на духовное начало, вселенное въ сознанiе человѣка волею Божества Въ связи съ этимъ государство представлялось ограженiемъ въ человѣчествѣ божественнаго распорядка, начертаннаго творческимъ Разумомъ при самомъ мироздании, духовнымъ началомъ божественнаго происхожденiя, искрою Божiею возженною въ сердцѣ человѣка съ самаго появленiя его въ качествѣ вѣнца творенiя Смѣшенiе права съ религiею особенно рѣзко бросается въ глаза въ античномъ мiрѣ Здѣсь служители алтаря, жрецы—вмѣстѣ съ тѣмъ являлись законодателями, возвѣщая и толкуя волю Божества, они же были судьями, т е верховными блюстителями и хранителями права, священныя книги — были и законодательными кодексами (Пятикнижiе у евреевъ, Веда у индусовъ) Вообще древнiй мiръ постоянно смѣшивалъ три духовныхъ начала—религiю, право и нравственность, и только у римскихъ юристовъ встрѣчаются первыя попытки разграниченiя этихъ трехъ сферъ

Высказывались затѣмъ ученiя, выводившiя право изъ чистаго разума, наиболѣе типичными представителями этого направленiя были Эммануилъ Кантъ, Фихте и ихъ послѣдователи.

Это такъ называемая рационалистическая школа въ ученіи о правѣ, которая смотритъ на право, какъ на продуктъ (императивъ) чистаго разума Разумъ человѣческій,—учатъ рационалисты,—представляетъ собою такую великую творческую силу, которая, помимо внѣшнихъ факторовъ, способна вселить въ сердцѣ человѣка идею права и повести эту идею по пути практическаго осуществленія ея въ жизни, подсказавъ человѣку—что справедливо и несправедливо, научивъ его поступать такъ, что бы сдѣлать свою личную свободу и свои интересы совмѣстимыми съ свободою и интересами другихъ людей Словомъ—чистый разумъ является въ состояніи создать, при посредствѣ свободной воли человѣка, цѣлую систему права, притомъ создать ее изъ себя самого, игнорируя условія объективнаго характера

Съ первой половины XVII-го вѣка возникаетъ длинный рядъ ученій естественнаго права, явившихся реакціею противъ теолого-схоластическаго направленія, стѣснявшаго свободу человѣческой мысли и подводившаго ученіе о правѣ въ узкія рамки предопредѣленія, фатума, отказывавшаго свободной волѣ человѣка и условіямъ внѣшняго характера во всякомъ участіи въ дѣлѣ происхожденія и эволюціи права Это ученіе выразилось въ широкомъ циклѣ системъ естественнаго права, наводнившихъ собою философскую литературу XVII и XVIII вѣковъ Исходя отъ положеній, высказанныхъ еще классическими римскими юристами относительно права природы (jus naturale, jus naturae), послѣдователи ученія естественнаго права выводили идею права изъ самой природы, изъ непреложныхъ требованій, которыя предъявляются ею человѣку и съ которыми ему волею-неволею приходится считаться Положеніе о первоначальномъ естественномъ состояніи людей, когда они жили внѣ общенія между собою и которое рисовалось одними писателями—въ качествѣ идеальнаго господства мира и взаимнаго благожеланія, другими—въ качествѣ состоянія безпрерывной борьбы (bellum omnium contra omnes) и господства неограниченныхъ животныхъ страстей, затѣмъ выходъ изъ этого естественнаго состоянія или въ силу присущаго человѣку стремленія къ себѣ подобнымъ (caritas), или въ силу стремленій утилитарнаго характера (utilitas) и образованіе основаннаго на договорѣ (contract social Руссо) общежитія съ правовымъ порядкомъ въ его основѣ—таковъ

общими остовъ большей части теорій естественнаго права XVII—XVIII вѣковъ, съ преобладаніемъ въ основѣ ихъ субъективнаго воззрѣнія въ вопросѣ объ образованіи права и государства. Не удивительно, что послѣдователи ученія естественнаго права впали въ крайность: они стали разсматривать право, какъ систему нормъ, вытекающую изъ самой природы, общую для всего человѣчества и, слѣдовательно, общую, въ основныхъ чертахъ своихъ, для всего же человѣчества, непреложную, какъ непреложны и самые законы природы, общую и въ равной мѣрѣ пригодную для всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи ихъ жизни, на всѣхъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія.

Эта крайность была огромною ошибкою въ ученіи даже лучшихъ представителей мысли XVII-го и XVIII-го вѣковъ, увлеченіе которою находитъ себѣ, впрочемъ, историческое объясненіе: недовольство существующимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, зиждившимся на остаткахъ средневѣковаго феодальнаго режима и стремленіе отрѣшиться отъ него. Отсюда—отрицаніе историческихъ началъ, переставшихъ удовлетворять требованіямъ времени, мечты о созданіи для человѣчества общей системы права, которая имѣла бы въ своей основѣ вѣчные и непреложные законы и императивы природы. Не выходя сначала изъ области чистой теоріи, ученіе это впослѣдствіе стало выражать тенденцію проникать въ дѣйствительную жизнь, съ цѣлью пересозданія существующихъ права, общества и государства—на началахъ права естественнаго, положивъ въ основу новаго строя жизни требованія природы и разума, отрѣшившись отъ исторіи, съ присущимъ ей началомъ національности, и отъ условій мѣста, времени и культуры. На природу и разумъ стали смотрѣть, какъ на единственный источникъ права, на философовъ—какъ на единственныхъ его носителей и толкователей.

Крайности, въ которыя впало ученіе естественнаго права, достигшія своего апогея къ концу XVIII-го вѣка и не замедлившія отразиться на явленіяхъ дѣйствительной жизни—вызвали энергичную реакцію со стороны новаго направленія, возникшаго въ началѣ XIX-го столѣтія и извѣстнаго подъ названіемъ ученія исторической школы. Это ученіе зародилось въ Германіи, гдѣ горячими поборниками его явились знаменитые юристы Гуго, Эйхорнъ, Савиньи и Пухта.

Историческая школа отвергла односторонние взгляды на происхожденіе права какъ чистыхъ раціоналистовъ, такъ и послѣдователей ученія естественнаго права Эта школа возвѣстила уже устами первыхъ основателей своихъ, что право— не должно и не можетъ быть разсматриваемо никакъ исключительный императивъ разума, ни какъ исключительный продуктъ природы, ни какъ результатъ непосредственной творческой дѣятельности человѣка Право,—учила эта школа— не можетъ быть, въ своемъ приложеніи къ дѣйствительной жизни, шаблоннымъ построеніемъ системы нормъ, одинаково пригодной для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, тѣмъ менѣе можетъ оно сводиться къ значенію продукта воли того или другого законодателя, такъ какъ формула „sic volo, sic jubeo"—меньше всего примѣнима именно къ сферѣ права

Но что же такое право, по ученію исторической школы? Историческая школа провозгласила, что право каждаго отдѣльнаго народа—есть продуктъ всей предшествовавшей исторической жизни его и что единственнымъ источникомъ права является правовое сознаніе народа, представляющееся органическою частью всего его міровоззрѣнія А такъ какъ весь складъ міровоззрѣнія каждаго народа является результатомъ всей его предшествовавшей духовной жизни, то, слѣдовательно, и право должно быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ продуктовъ духовной жизни народа Въ этомъ смыслѣ право положительное, т е право, дѣйствующее у даннаго народа, должно быть противопоставлено праву естественному,—если только допустить еще этотъ терминъ,—значеніе котораго теперь сводится, однако развѣ только къ значенію отвлеченной теоріи права, безъ всякаго конкретнаго примѣненія къ опредѣленному времени, мѣсту и народу

Изъ сказаннаго выше вытекаетъ, по ученію послѣдователей исторической школы, что право каждаго народа, какъ продуктъ духовной жизни его—тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его историческимъ прошлымъ, что всѣ явленія правовой жизни народа - прагматически связаны, по закону послѣдовательности явленій и развитія (эволюціи), съ предшествовавшими явленіями этой жизни, что нѣтъ возможности правильно познать существующій правовой бытъ народа безъ знакомства

съ его историческимъ развитіемъ Этимъ путемъ историческая школа выдвинула впередъ не только историческое начало въ правѣ, но возвѣстила и принципъ его національности Хотя на этой почвѣ историческая школа, въ свою очередь, также впала въ крайность, преувеличивъ значеніе національности въ правѣ и придавъ слишкомъ исключительный характеръ объективному моменту въ вопросѣ о происхожденіи его, тѣмъ не менѣе исторической школѣ суждено было оказать огромное вліяніе на теорію права, такъ какъ она повела къ коренному пересмотру вопросовъ о существѣ, происхожденіи и развитіи права Въ этомъ заключается крупная заслуга исторической школы юристовъ

Само собою разумѣется, что, созидая ученіе о правѣ на почвѣ исторіи, эта школа должна была выдвинуть впередъ историческое изученіе права какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и права въ его общечеловѣческомъ развитіи Другими словами, логическимъ послѣдствіемъ ученія, провозглашеннаго исторической школою, явилось возникновеніе новой науки—*науки исторіи права* Теперь становится для насъ ясною задача науки исторіи права эта задача сводится къ раскрытію историческаго хода развитія того продукта духовной жизни какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ народовъ, который извѣстенъ подъ названіемъ права Исторія права стремится раскрыть постепенное образованіе и развитіе правового сознанія какъ въ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ правовыхъ отношеніяхъ и институтахъ, старается подмѣтить тѣ индивидуальныя черты права, которыми обусловливается національный характеръ его (если рѣчь идетъ объ исторіи права даннаго народа) Но задача исторіи права простирается еще дальше этого она стремится вывести общіе законы, которымъ подчиняется развитіе права какъ у отдѣльныхъ народовъ, такъ и во всемъ человѣчествѣ—и на этой почвѣ становится въ самую тѣсную связь съ соціологіею и исторіею культуры Словомъ—исторія права имѣетъ своею задачею постигнуть и объяснить ту крайне медленную, кропотливую и сложную историческую работу, путемъ которой сформировалось современное право

Исторія права можетъ имѣть, такимъ образомъ, своимъ предметомъ какъ историческое изученіе права отдѣльныхъ народовъ, такъ и историческое изученіе права въ его развитіи во всемъ человѣчествѣ Въ послѣднемъ случаѣ задачи исторіи права являются особенно широкими, онѣ стремятся постигнуть историческое развитіе идеи права и ея практическое осуществленіе въ общечеловѣческомъ значеніи, у всѣхъ народовъ, въ различныхъ порахъ ихъ жизни и на всѣхъ ступеняхъ ихъ культуры, изыскивая при этомъ общіе законы, по которымъ совершается эволюція этого продукта духовной жизни человѣчества

Отсюда возникаетъ различіе всеобщей исторіи права отъ исторіи права отдѣльныхъ народовъ

Но существуетъ еще средняя ступень историческаго изученія права это историческое изученіе права племенного, т е права одноплеменныхъ группъ народовъ, родственныхъ между собою по происхожденію, а слѣдовательно и по всему складу духовной жизни своей, одну изъ существенныхъ составныхъ частей которой представляетъ право. Въ этомъ смыслѣ можетъ идти рѣчь объ историческомъ изученіи права славянскаго, германскаго, романскаго и т п, причемъ объектомъ изученія явится историческое развитіе права цѣлой группы народовъ одного общаго племенного происхожденія

Приходится сознаться, что всеобщей исторіи права еще почти не существуетъ, если не принимать въ соображеніе отдѣльныхъ опытовъ изслѣдованія въ этой области, мало разработана и племенная исторія права, хотя здѣсь мы и имѣемъ уже образцы изслѣдованій болѣе или менѣе капитальнаго характера Все это объясняется, конечно, тѣмъ, что исторія права—наука еще молодая, сравнительно-историческій методъ всѣми признается, тѣмъ не менѣе, идеаломъ, къ которому должна стремиться исторія права каждаго отдѣльнаго народа и не далеко, быть можетъ, то время, когда этому методу суждено будетъ прійти къ выводамъ, которые прольютъ яркій свѣтъ на существо и на процессъ эволюціи права—этой въ высшей степени важной сферы духовной жизни человѣчества

Если исторія права должна быть признана наукою, вообще, молодою, то тѣмъ въ большей степени можемъ мы ска-

зать это про науку исторіи русскаго права, которая стала на путь болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія своего не ранѣе конца двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія Еще позже включена была эта наука въ кругъ университетскаго изученія Въ нашемъ отечествѣ историческія кафедры впервые учреждены на юридическихъ факультетахъ университетскимъ уставомъ 1863 го года,—если, не принимать въ расчетъ кафедру „правъ значительнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ", по уставу 1804 года, для университетовъ московскаго, харьковскаго и казанскаго, и чтеній по исторіи римскаго права, входившихъ, по уставу 1835 года, составною частью въ кафедру римскаго права Правда, что въ нѣкоторыхъ университетахъ исторія русскаго права читалась и до 1863-го года, но дѣйствовавшимъ въ то время общимъ университетскимъ уставомъ чтенія эти санкціонированы не были Но за то университетскій уставъ 1863-го года учреждаетъ три самостоятельныя историко-юридическія кафедры, не считая исторіи римскаго права, приуроченной къ кафедрѣ системы этого права, именно слѣдующія а) исторіи русскаго права, б) исторіи славянскихъ законодательствъ и в) исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ Такимъ образомъ уставъ 1863 г признавалъ всѣ три, уже извѣстныя намъ, стадіи историческаго изученія права Университетскій уставъ 1884 года ограничилъ историческій элементъ въ кругѣ юридическаго преподаванія, сохранивъ значеніе самостоятельной кафедры лишь за исторіею русскаго права

Полагаю, что, послѣ всего сказаннаго выше, уясненіе себѣ предмета науки исторіи русскаго права—уже не представитъ трудности Исторія русскаго права имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе постепеннаго хода развитія той стороны духовной жизни русскаго народа, которая извѣстна подъ названіемъ права, она должна имѣть своею задачею изслѣдованіе генезиса и историческаго развитія русской правовой жизни, въ ея правосознаніи, институтахъ и правоотношеніяхъ, въ связи съ историческими судьбами русскаго народа и развитіемъ его государственнаго и общественнаго строя, какъ той внѣшней формы, въ которой эта правовая жизнь народа находитъ себѣ содержаніе

Только что сдѣланное опредѣленіе задачъ, преслѣдуемыхъ исторіею русскаго права, раскрываетъ намъ весьма тѣсное соприкосновеніе этой науки съ наукою русской исторіи, вообще Дѣйствительно, задача исторіи всякаго народа сводится къ изученію постепеннаго развитія его политической, физической и духовной жизни Духовная же жизнь народа слагается изъ цѣлаго ряда проявленій ея, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ: религію, нравственность, языкъ науку, народное творчество (словесность, искусство) и, наконецъ—право Каждое изъ этихъ проявленій духовной жизни народа должно найти себѣ мѣсто въ общей исторіи его, слѣдовательно, должна имѣть здѣсь свое опредѣленное мѣсто и исторія права

Отсюда открывается неразрывная связь исторіи русскаго права съ исторіею русскаго народа вообще—связь настолько близкая, что не всегда возможнымъ является даже проведеніе твердой грани между обѣими отраслями знанія Начало наукѣ исторіи русскаго права было положено историками Всматриваясь, затѣмъ, въ дальнѣйшее развитіе нашей науки, мы найдемъ, что историки не мало посодѣйствовали разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ въ области исторіи русскаго права, отказавшись отъ рутиннаго воззрѣнія на исторію, какъ на исторію государства, что они все болѣе и болѣе укрѣпляются на почвѣ социологіи, на которой и доводится имъ работать рука объ руку съ историками права Но и историки русскаго права не оставались передъ ними въ долгу, содѣйствовавъ уясненію цѣлаго ряда вопросовъ общей русской исторіи касающихся государственнаго, общественнаго и правового строя жизни русскаго народа

Близкая генетическая связь нашей науки съ русскою исторіею вообще—станетъ для насъ болѣе очевидною изъ очерка ея зарожденія и развитія, къ которому мы теперь и перейдемъ

II.

Очеркъ развитія исторіи русскаго права, какъ науки

Наука исторіи русскаго права—наука молодая, не насчитывающая и столѣтія своего существованія Въ теченіи всего XVIII и первой четверти XIX столѣтій о самостоятельной научной постановкѣ исторіи русскаго права не могло идти и рѣчи, такъ какъ зачатки русскаго историко-юридическаго знанія совершенно заслонялись въ ту пору развивающеюся наукою общей русской исторіи Да врядъ-ли можетъ идти до конца XVIII вѣка рѣчь и о русской наукѣ правовѣдѣнія, вообще

Зарожденіе на Руси юриспруденціи — явленіе позднее, непосредственно связанное съ основаніемъ Московскаго университета (1755 г.), въ которомъ уже съ самаго начала учреждается юридическій факультетъ съ тремя кафедрами а) натуральныхъ и народныхъ правъ съ узаконеніями римской, древней и новой исторіи, б) юриспруденціи россійской и в) политики Нельзя, однако, сказать, что бы не встрѣчалось и болѣе раннихъ попытокъ ввести у насъ обученіе правовѣдѣнію, хотя эти попытки и носили совершенно примитивный характеръ, извѣстно, что еще царь Іоаннъ IV издалъ узаконеніе, обязывавшее священниковъ заводить училища, въ которыхъ преподавались бы законъ Божій и законъ градскій.

Болѣе широкія попытки къ насажденію въ Россіи правовѣдѣнія сдѣланы были Петромъ Великимъ Преобразователь, совершая свои реформы, всегда сталкивался съ недостаткомъ въ людяхъ, способныхъ быть проводниками его начинаній, такъ какъ московская Русь выработала только

казуистовъ, которые, по выраженію Петра, законами „играли, какъ въ карты, подбирая масть къ масти“ и учиняя „всякія мины подъ фортецію правды“. Нужно было найти людей, свѣдущихъ „въ правостяхъ“, для занятія должностей во вновь заводимыхъ государственныхъ установленіяхъ. Съ этою цѣлью Петръ еще въ 1715 г. поручилъ генералу Вейде пригласить изъ Ливоніи иноземныхъ „въ правостяхъ (т. е. правахъ) искусныхъ людей“, а если въ Ливоніи таковыхъ не сыщется, то выписать ихъ „изъ заморскихъ академій“. Этимъ путемъ служащихъ Петру добыть не удалось, поэтому въ концѣ того же года онъ поручаетъ своему резиденту при австрійскомъ дворѣ сыскать въ русскую службу людей изъ „шрейберовъ или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ“, а когда и эта мѣра не привела къ желаемому результату, тогда царь сталъ набирать людей для службы въ коллегіяхъ изъ водворенныхъ въ Сибири шведскихъ военноплѣнныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, заботясь о приготовленіи „въ правостяхъ искусныхъ“ людей дома, въ Россіи, Петръ заботился о насажденіи у насъ хотя бы элементарныхъ началъ правовѣдѣнія. Въ 1715 г. Петръ предписываетъ своему послу при вѣнскомъ дворѣ достать ему „книгу юриспруденціи“, подрядивъ кого нибудь для перевода ея на русскій языкъ. Особенною любовью Петра пользовался трактатъ Пуффендорфа: „De officiis hominis et civis“, который переводился на русскій языкъ и печатался подъ личнымъ наблюденіемъ царя. Съ цѣлью обученія ихъ наукамъ, а въ числѣ послѣднихъ и правовѣдѣнію, Петръ посылалъ русскихъ молодыхъ людей въ чужіе края,—въ университеты парижскій, кенигсбергскій, галльскій и пражскій,—а въ планѣ учрежденія у насъ, при академіи наукъ, университета, намѣтилъ въ числѣ предметовъ въ немъ политику, этику и право натуры; изъ числа посланыхъ за-границу молодыхъ людей вышелъ В. Н. Татищевъ, имя котораго неразрывно связано съ зарожденіемъ у насъ историко-юридическаго знанія. Съ тою же цѣлью при коллегіяхъ заведены были практическіе курсы, на которыхъ молодые люди,—такъ называвшіеся „юнкера коллегій“,—подготовлялись къ гражданской службѣ.

Мѣры къ насажденію у насъ правовѣдѣнія принимались и при ближайшихъ преемникахъ Петра I. Такъ, при учрежденіи въ 1731 году сухопутнаго шляхетскаго кор-

пуса, въ числѣ предметовъ преподаванія въ немъ указана и юриспруденція,—„понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожъ въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе“, а въ 1737 году повелѣно было распредѣлить находящихся въ столицѣ дворянскихъ недорослей между сенатомъ, коллегіями и канцеляріями, для подготовки къ службѣ и для обученія наукамъ „къ шляхетству и гражданству пристойнымъ“, а въ числѣ ихъ—„законамъ и правамъ государственнымъ“

Въ такомъ видѣ представляется эмбріональное состояніе на Руси правовѣдѣнія вплоть до основанія московскаго университета Понятно, что если не было у насъ въ ту пору науки права, то тѣмъ менѣе могла существовать исторія права Слѣдуетъ, однако же, сознаться, что уже въ XVIII вѣкѣ начинаетъ слагаться матеріалъ, изъ котораго впослѣдствіе суждено было образоваться фундаменту нашей науки Въ людяхъ науки не малый интересъ должно было возбудить къ минувшимъ судьбамъ русской правовой жизни открытіе памятниковъ этой послѣдней во главѣ которыхъ должны быть поставлены двѣ въ высшей степени важныя находки, сдѣланныя во второй четверти XVIII вѣка извѣстнымъ историкомъ нашимъ В. Н Татищевымъ Это—открытіе имъ, въ одной новгородской лѣтописи, списка Русской Правды и, у одного частнаго лица, списка Судебника царя Іоанна IV Васильевича Люди зарождавшейся русской науки съ восторгомъ привѣтствовали эти драгоцѣнныя открытія, призывая общество ко вниманію по отношенію къ нимъ если не изъ побужденій научнаго характера, то хотя бы изъ простого „любопытства“ „Древніе законы—пишетъ Миллеръ въ предисловіи къ изданію Судебника Іоанна IV въ обработкѣ Татищева (1768),—сколь бы отдалены отъ нашихъ временъ ни были, заслуживаютъ вниманія нашего не токмо по тѣмъ причинамъ, для которыхъ оные сочинены, то есть для познанія прежнихъ правъ и оныхъ производства, но и по случайнымъ обстоятельствамъ, любопытство всякаго человѣка возбуждать имѣющимъ, . сіе разсуждая,—продолжаетъ Миллеръ,—покойный тайный совѣтникъ Татищевъ много старался въ собраніи и изъясненіи древнихъ россійскихъ законовъ“ Равнымъ образомъ и Башиловъ, выпуская въ томъ же 1768 году свое изданіе Судебника, считаетъ необходи-

мымъ пояснить обществу, что „сей Судебникъ очевидно подтвердить можетъ ту истину, что законы. представляютъ живое начертаніе того времени и тѣхъ людей въ которое и для которыхъ они установлены, а сіе есть то, что исторія за первѣйшій свой предлогъ признавать долженствуетъ“ Но современное общество плохо внимало этимъ сентенціямъ, а на изданіе памятниковъ древняго права смотрѣло, какъ на „дѣло поносное“, какъ на дѣло боѣе „во вредъ и поношеніе, нежели на пользу и честь“ служить могущее [1]) Тѣмъ не менѣе, уже въ самомъ началѣ второй половины XVIII-го вѣка появляется попытка систематическаго изложенія исторіи русскихъ законовъ Это—рѣчь Струбе-де-Пирмонта „Discours sur l'origine et les changements des lois russiennes“ (1756 г), въ томъ же году появившаяся въ русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ „Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ“ Этотъ первый опытъ въ области исторіи русскаго законодательства обратилъ на себя вниманіе людей, интересующихся наукою впервые познакомивъ Европу съ минувшими судьбами нашего права

Наставшій вслѣдъ за тѣмъ вѣкъ Екатерины II былъ весьма благопріятенъ для развитія русскаго историко-юридическаго знанія Въ началѣ этого царствованія дастъ первые плоды основанный передъ тѣмъ (въ 1755 г) московскій университетъ, въ лицѣ первыхъ русскихъ ученыхъ юристовъ Десницкаго и Третьякова, доканчивавшихъ свое образованіе въ Англіи и принесшихъ оттуда начала европейской науки права По свидѣтельству Мордвинова, профессоры-юристы московскаго университета, съ Дильтеемъ во главѣ, „начали постепенно вводить студентовъ въ изученіе догматики посредствомъ всей внѣшней исторіи“ Сама молодая императрица, воспитанная на идеяхъ западно-европейскихъ философовъ половины XVIII вѣка, съ страст-

---

[1]) «Не безъизвѣстно и сіе—пишетъ Татищевъ въ предисловіи къ открытой имъ Русской Правдѣ,—что невѣдущіе пользы изъ того (т е изъ изданія памятниковъ) оныя древности не только смѣются и нарѣчіемъ порицаютъ, но ихъ печатать боѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря когда ихъ въ сущъ употреблять не можемъ, то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносимы»

носью предается мысли реформировать русское законодательство на провозглашенныхъ ими гуманитарныхъ началахъ, задается широкимъ планомъ привлеченія къ дѣлу законодательства народнаго представительства, розыскиваетъ подлинный уложенный столбецъ 1649 г., наконецъ сама пишетъ свой знаменитый Большой Наказъ въ руководство депутатамъ, созываемымъ ею отъ всѣхъ областей и отъ всѣхъ сословій государства. Все это не могло не возбуждать толковъ, сужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интереса къ отечественному законодательству и къ его минувшимъ судьбамъ. Въ 1768 году появляется въ свѣтъ миллеровское изданіе Судебника Іоанна IV, съ комментаріями Татищева, дающими отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ изъ области древняго русскаго права, процесса и администраціи, въ столицѣ собираются изъ провинціи рукописи, многія изъ которыхъ, въ томъ числѣ лѣтописцы, предаются тисненію, заводится первое русское ученое общество („Вольное россійское собраніе“) и велется первый русскій историческій журналъ („Ежемѣсячныя сочиненія“), Новиковъ предпринимаетъ изданіе „Древней Россійской Вивліоѳики“, на страницахъ которой помѣщается рядъ грамотъ и актовъ историко-юридическаго характера, является печатное изданіе Русской Правды, а выходящія съ типографскихъ станковъ исторіи Татищева и Щербатова—вводятъ читателя въ область многихъ вопросовъ древняго русскаго права и законодательства.

Сѣмя русскаго историко-юридическаго знанія было, такимъ образомъ, брошено и интеллигентный русскій человѣкъ начинаетъ теперь все болѣе и болѣе сознавать, что изданіе и изученіе древняго права—не есть занятіе „вредъ и поношеніе“ приносящее, но представляетъ собою нѣчто полезное, могущее удовлетворять не только „случайному любопытству“, но и приводить къ извѣстнаго рода благимъ практическимъ результатамъ. Въ этой мысли стремятся утвердить современное имъ общество и русскіе юристы той эпохи. Появляется рядъ сочиненій, направленныхъ къ тому, что бы внушить обществу пользу знакомства съ отечественнымъ правомъ, а равно указать ему и средства къ ознакомленію съ нимъ. На этомъ поприщѣ выступаетъ первый русскій ученый юристъ—Десницкій, изучавшій право въ гласговскомъ университетѣ, куда онъ посланъ былъ съ этою цѣлью москов-

скимъ университетомъ и первый (если не считать его учителя, нѣмца Дильтея) начавшій прививать у насъ зачатки научнаго изученія русскаго права Десницкій уже вскорѣ по возвращеніи изъ заграницы высказалъ („Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи") пожеланіе, что бы законовѣдѣніе преподаваемо было „порядкомъ историческимъ, метафизическимъ и политическимъ, сносяя законы россійскіе съ натуральнымъ объ нихъ разсужденіемъ" — мысль тѣмъ болѣе замѣчательная, что въ эпоху Десницкаго о такомъ сліяніи методовъ не помышляли еще и представители западно-европейской юридической науки Идеи Десницкаго относительно метода изученія права тутъ прививались, однако, въ зарождающейся русской юридической наукѣ Этому содѣйствовали два теченія, съ которыми имъ приходилось бороться съ одной стороны—чрезмѣрная привязанность къ умозрѣніямъ иностранныхъ философовъ и къ иностраннымъ законодательствамъ, въ особенности къ римскому праву, вслѣдствіе чего затемнялось изученіе права отечественнаго съ другой стороны—нападки на науку со стороны приверженцевъ стараго приказнаго порядка, прикрывавшагося именемъ „практики" Тѣмъ не менѣе, уже въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія появляется трудъ, дѣлающій не только попытку изложенія историческихъ основъ русскаго права, но даже попытку сравнительно-историческаго его изложенія, это трудъ одного изъ учениковъ Десницкаго, А Артемьева „Краткое начертаніе римскаго и русскаго права, съ показаніемъ купно обоихъ, равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ исторій" (1777) Другимъ послѣдователемъ Десницкаго явился З Горюшкинъ, преподаватель того же московскаго университета, который въ вступительной рѣчи „О нуждѣ всеобщаго нашея россійскаго законоискусства" (1790) провелъ замѣчательную для того времени мысль о недостаточности одного теоретическаго и практическаго изученія права и о настоятельной необходимости присоединить къ нему изученіе исторіи и древностей

Начало XIX-го столѣтія встрѣтило такимъ образомъ, почву, уже подготовленную для возникновенія науки исторіи русскаго права Изслѣдованія и работы историко-юридическаго направленія были въ значительной степени облегчены появленіемъ сборниковъ законовъ, изложенныхъ то

въ алфавитномъ, то въ хронологическомъ порядкѣ, и явившихся плодомъ частной инициативы, направленной къ восполненію недостатка оффиціальной кодификаціи Всѣ эти изданія, въ которыхъ былъ сведенъ, болѣе или менѣе полно и обстоятельно, наличный историко-юридическій матеріалъ, открыли путь къ изслѣдованіямъ въ области исторіи русскаго права, интересъ къ которымъ не могъ не возбуждаться и крупными государственными реформами, ознаменовавшими собою начальное царствованіе Александра I Первая четверть этого столѣтія была въ высшей степени благопріятна для развитія русскаго историко-юридическаго знанія Государственныя предположенія и реформы императора Александра, открытіе новыхъ университетовъ (казанскаго и харьковскаго въ 1805 г, с-петербургскаго въ 1819 г), а также лицеевъ и главнаго училища правовѣдѣнія (1805 г), открытіе новыхъ памятниковъ и источниковъ права (такъ, въ 1817 г Строевъ и Калайдовичъ открываютъ и издаютъ Судебникъ вел князя Іоанна III), возникновеніе исторической критики (М Т Каченовскій), основаніе при московскомъ университетѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ, появленіе въ свѣтъ богатой историко-юридическими данными „Исторіи государства россійскаго“ Карамзина, учрежденіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ и начало ея капитальнаго изданія, наконецъ выходъ въ свѣтъ цѣлаго ряда работъ, затрогивающихъ вопросы изъ области исторіи нашего законодательства—все это подготовило появленіе науки исторіи русскаго права

Мы не будемъ приводить здѣсь перечня отдѣльныхъ рѣчей, брошюръ и статей, появлявшихся въ концѣ XVIII-го и въ первую четверть XIX-го вѣковъ и, такъ или иначе, соприкасавшихся съ русскимъ историко юридическимъ прошлымъ Всѣ эти рѣчи, брошюры и статьи—не могли, однако же, создать науки исторіи русскаго права Странное совпаденіе явленій какъ начало русской исторіи положено было нѣмецкими учеными, такъ и исторія русскаго права зародилась, какъ наука, въ нѣмецкомъ дерптскомъ университетѣ, въ трудахъ нѣмецкихъ профессоровъ этого университета—Эверса и Ренца Къ этимъ трудамъ мы теперь и перейдемъ

И Ф Г Эверсъ былъ въ 1810 году опредѣленъ на кафедру русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ Прекрасныи знатокъ права, Эверсъ щедро вводитъ въ свой курсъ элементъ историко-юридическій, такъ что съ этой стороны онъ могъ называться столько же историкомъ, сколько и историкомъ-юристомъ Оставивъ въ 1820 году дерптскій университетъ, Эверсъ въ 1826 году снова занялъ здѣсь кафедру,—на этотъ разъ уже государственнаго и народнаго права и политики Эверсъ рано обратилъ вниманіе на необходимость систематическаго и критическаго изслѣдованія памятниковъ древняго русскаго права и это направленіе сказывается уже въ его „Предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи“ (1814), гдѣ Эверсъ даетъ цѣлое изслѣдованіе объ источникахъ Русской Правды, а въ своей „Исторіи руссовъ“ (1816 г) присовокупляетъ обзоръ древняго русскаго права Но главная заслуга Эверса въ области исторіи русскаго права выразилась его трудомъ „Das aelteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung“ (1826 г.), который черезъ девять лѣтъ (въ 1835 г) появился и въ русскомъ переводѣ И Платонова, подъ заглавіемъ „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи“

„Древнѣйшее русское право“ Эверса представляетъ собою первую попытку систематическаго изслѣдованія въ области исторіи русскаго права и въ этомъ отношеніи должно почитаться исходною точкою дальнѣйшаго развитія нашей науки, какъ таковой Трудъ дерптскаго профессора далеко не обнимаетъ собою всей исторіи русскаго права—онъ ограничиваетъ свои предѣлы лишь древнѣйшею эпохою, заканчиваясь изслѣдованіемъ Русской Правды Особенность труда Эверса—это широкое совмѣщеніе въ немъ элементовъ чисто-историческаго и историко-юридическаго, исторія и право стоятъ здѣсь рука объ руку, взаимно освѣщая другъ другу путь Вмѣстѣ съ тѣмъ, трудъ Эверса проникнутъ общею руководящею идеею выясненіе состоянія общества, переходящаго отъ примитивныхъ условій быта родового—къ условіямъ быта государственнаго, и съ этой стороны своихъ историческихъ воззрѣній авторъ нашъ справедливо считается въ русской исторіографіи отцомъ теоріи родового быта. Книга Эверса положила твердое основаніе систематической разработкѣ исторіи русскаго права и должна была вызвать про-

дожателей его попытки Послѣдователь Эверсу нашелся въ томъ же Дерптѣ, въ лицѣ мѣстнаго профессора А Рейца

А фонъ-Рейцъ, ученикъ Эверса, былъ съ 1825 по 1840 годъ первымъ профессоромъ русскаго законовѣдѣнія въ дерптскомъ университетѣ, преподававшимъ не только систему, но и исторію русскаго законодательства Работая въ этомъ послѣднемъ направленіи, Рейцъ въ 1829 году издалъ въ свѣтъ трудъ „Versuch ueber die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats-und-Rechtsverfassung“, въ 1836 г вышедшій въ русскомъ переводѣ профессора Ѳ Морошкина подъ заглавіемъ „Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“ Появленіе въ ту пору руководства исторіи русскаго права вызывалось практическою необходимостью, обусловленною указаніемъ министра народнаго просвѣщенія С. С Уварова на усиленіе историческаго элемента въ преподаваніи юридическихъ наукъ Такой потребности сочиненіе Эверса, не выходящее изъ предѣловъ древнѣйшей исторіи права—удовлетворить не могло Книга Рейца идетъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше, обнимая историческое развитіе всѣхъ отраслей русскаго права до Уложенія царя Алексѣя Михаиловича включительно, причемъ авторъ дѣлитъ свое изложеніе на три періода а) древнѣйшій періодъ—„отъ основанія государства до перваго начертанія закона“ (Русской Правды), б) „періодъ образованія княжествъ, при первенствѣ великаго князя, до введенія монархіи“, и в) „образованіе монархіи и царства Московскаго и всея Россіи“ Каждый изъ трехъ періодовъ открывается указаніемъ источниковъ, послѣ чего авторъ послѣдовательно разсматриваетъ историческое развитіе институтовъ и отношеній правъ публичнаго, уголовнаго, частнаго и судопроизводство

Являясь послѣдователемъ своего учителя въ воззрѣніяхъ на древнѣйшій бытъ нашихъ предковъ, Рейцъ, однако же, смягчаетъ крайности ученія Эверса о родовомъ бытѣ ихъ, допуская, даже для эпохи первоначальнаго образованія государства, переходную ступень къ общиннымъ устоямъ народной жизни Въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, сочиненіе Рейца и для нашихъ дней не утратило значенія

Начало систематическому изученію исторіи русскаго права было положено—и наука наша быстро двинулась по пути своего развитія Могучій толчекъ данъ былъ ей изданіемъ Полнаго собранія законовъ (перваго), въ кото-

ромъ собраны и снабжены подробными алфавитными (предметными) и хронологическими указателями узаконенія состоявшіяся съ 1649 по 1825 годъ, представляя собою обширный и систематизированный матеріалъ для работъ въ области новыхъ эпохъ исторіи русскаго права (съ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича) То, что сдѣлалъ для новой исторіи права Сперанскій съ своими сотрудниками, то совершила для древней исторіи права Археографическая коммиссія начиная съ 1836 года дѣятельно дарящая русскую науку цѣлымъ рядомъ въ высшей степени важныхъ собраній актовъ и лѣтописей

Нива, такимъ образомъ, подготовлялась и ожидала только дѣятелей, которые внеся въ русскую науку права историко юридическіе методы изученія, господствовавшіе въ ту пору въ западной Европѣ дали бы дальнѣйшій импульсъ уже зародившемуся у насъ новому научному направленію И на этотъ разъ на помощь намъ пришла западная Европа Въ виду желанія правительства поставить у насъ на новыхъ началахъ университетское преподаваніе правовѣдѣнія состоялось высочайшее повелѣніе о посылкѣ въ чужіе края, съ цѣлью пріобрѣтенія юридическаго образованія и званія впослѣдствіе университетскихъ кафедръ нѣсколькихъ русскихъ молодыхъ людей Въ исполненіе высочайшей воли, въ началѣ 1828 года выбрано было нѣсколько лучшихъ воспитанниковъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, которые получивъ предварительную подготовку въ петербургскомъ университетѣ и при второмъ отдѣленіи Собственной Е И В Канцеляріи, были осенью 1829 года, по выдержаніи испытанія, отправлены въ берлинскій университетъ, гдѣ ввѣрены руководительству профессора Савиньи, знаменитаго корифея исторической школы Въ эту первую заграничную командировку попали К Невольинъ, С Богородскій А Благовѣщенскій, В Знаменскій и С Орнатскій Занятія будущихъ ученыхъ шли въ Берлинѣ весьма успѣшно и Савиньи, отпуская своихъ учениковъ на родину, писалъ, что по полученіи надлежащихъ ученыхъ степеней они „достойны были бы занять кафедры въ германскихъ университетахъ“ По возвращеніи въ 1832 году въ Петербургъ, молодые ученые были прикомандированы ко Второму Отдѣленію,

а затѣмъ, по выдержаніи особо установленнаго для нихъ докторскаго экзамена, Неволинъ, Богородскій и Орнатскій (остальные двое скончались къ этому времени) получили кафедры во вновь основанномъ университетѣ св. Владиміра. Вѣрный началамъ, вынесеннымъ имъ изъ школы великаго Савиньи, К. А. Неволинъ, не смотря на теоретическую кафедру энциклопедіи права, которую онъ занималъ въ университетѣ кіевскомъ, а затѣмъ и петербургскомъ, сумѣлъ внести въ изложеніе этого предмета историческій элементъ, удѣливъ здѣсь обширное мѣсто внѣшней исторіи права, вообще, и русскаго, въ особенности, и не переставая работать надъ самыми разнообразными вопросами въ области этого послѣдняго, достаточно указать хотя бы только на его трехтомную „Исторію россійскихъ гражданскихъ законовъ“, до сихъ поръ не имѣющую подражанія, что бы признать имя Неволина безсмертнымъ въ исторіи нашей наукѣ. Первымъ опытомъ посылки за-границу молодыхъ русскихъ юристовъ дѣло не ограничилось такими же командировки повторялись въ 1830, 1836, 1841 и 1843 годахъ (не говоря о позднѣйшихъ)—и въ результатѣ каждаго изъ такихъ начинаній являлось обогащеніе русской юридической науки новыми силами, стоявшими на высотѣ западно-европейскаго знанія и методологіи.

Благодаря всѣмъ указаннымъ выше причинамъ, историческій методъ въ юриспруденціи, начало которому такъ удачно положено было у насъ нѣмецкими учеными дерптскаго университета, получаетъ съ конца 30-хъ годовъ XIX столѣтія полное право гражданства. Въ задачи настоящаго очерка не можетъ войти обозрѣніе всей литературы исторіи русскаго права, тѣмъ болѣе, что желающіе детально ознакомиться съ нею могутъ воспользоваться нашимъ трудомъ „Наука исторіи русскаго права. Библіографическій указатель“ (Каз. 1891 г.), гдѣ систематическій обзоръ литературы науки доведенъ до конца 1890 года, кромѣ того, необходимыя библіографическія указанія будутъ даны нами ниже, а равно и въ соотвѣтствующихъ частяхъ нашего курса.

Сдѣлавъ эту оговорку, мы считаемъ возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію главныхъ направленій, которыя высказывались въ историческомъ развитіи науки исторіи русскаго права, начиная съ конца 20-хъ годовъ минувшаго столѣтія и кончая нашими днями.

III.

Очеркъ главнѣйшихъ направленій въ наукѣ исторіи русскаго права.

Зарожденіе исторіи русскаго права, какъ науки, стоитъ въ самой тѣсной связи съ развитіемъ русской исторіографіи, вообще. Не должно представляться, въ силу этого, ничего удивительнаго въ томъ, что начальное направленіе русскаго историко-юридическаго знанія стоитъ въ генетической связи съ начальнымъ направленіемъ русской исторіографіи, отъ котораго лишь по истеченіи продолжительнаго промежутка времени и съ немалыми усиліями удалось освободиться наукѣ исторіи русскаго права.

Это—такъ называемое **нѣмецкое направленіе или нѣмецкая школа** русской исторіографіи, начало которой было положено германскими учеными, приглашенными членами открытой въ 1726 году русской академіи наукъ и на долю которыхъ выпала задача выступить первыми піонерами разработки русской исторіи, какъ науки. Родоначальникомъ этого направленія долженъ быть признанъ Г. С. Байеръ (приглашенъ въ Россію въ 1726 г.), а затѣмъ Б. Ф. Миллеръ, Струбе-де-Пирмонтъ, А. Шлецеръ и другіе иностранцы-академики, заложившіе въ XVIII вѣкѣ фундаментъ научнаго зданія русской исторіи. Наши первые историки-иностранцы посвятили свои силы и дарованія изслѣдованіямъ въ области вопроса о самомъ генезисѣ русскаго государства—именно вопросу о происхожденіи варяго-руссовъ. Байеръ, а за нимъ и другіе адепты нѣмецкой школы, рѣшили этотъ вопросъ въ пользу скандинаво-нормапскаго происхожденія варяго-руссовъ.

Въ связи съ этимъ, ученые нѣмецкой школы стали съ предвзятой точки зрѣнія смотрѣть на всѣ явленія древней русской исторіи, силясь вгискивать ихъ въ рамки исторіи западно-европейской Признавая восточно-славянскія племена, населявшія западную европейскую часть нынѣшняго отечества нашего, стоявшими въ половинѣ IX-го вѣка на весьма низкой ступени культуры, наши иностранные академики приписывали громадное цивилизующее значеніе германскому элементу вторгнувшемуся въ среду этихъ племенъ въ лицѣ первыхъ варяжскихъ князей и пришедшихъ съ ними заморскихъ дружинъ По воззрѣнію этихъ ученыхъ, пришельцы-норманы выступили въ крупной исторической роли носителей культуры и благодѣтелей, явившихся въ восточную равнину Европы съ тѣмъ, что бы внести свѣтъ въ жизнь населявшихъ ее „варварскихъ“ племенъ, давъ имъ германскія формы строя, германскія учрежденія, германскіе законы Это направленіе, надолго затормозившее самобытное, національное, развитіе отечественной исторіи—извѣстно подъ названіемъ скандинавской или норманской школы въ русской исторіографіи Въ своихъ историческихъ построеніяхъ школа эта пришла къ крайнимъ выводамъ, адептами которыхъ сдѣлался и рядъ послѣдующихъ поколѣній уже русскихъ историковъ

Нѣмецкое или скандинавское направленіе русской исторіографіи не замедлило отразиться и въ зародившейся наукѣ исторіи русскаго права, причемъ типичными представителями его явились въ первой трети минувшаго столѣтія дерптскіе профессора Нейманъ, Эверсъ, Рейцъ, а затѣмъ оно стало находить себѣ послѣдователей и среди русскихъ ученыхъ (Каченовскій, Карамзинъ, наконецъ—Погодинъ, доводившій его до крайности) Это направленіе допускало рѣшительное воздѣйствіе норманскаго элемента на весь складъ древней русской политической и правовой жизни, объясняя норманскимъ вліяніемъ и нашъ древній государственный строй, и обычаи, и нравы, и самые законы Скандинавскіе законы выставляются источникомъ, изъ котораго наша Русская Правда черпала свое содержаніе Увлеченные пыломъ историческихъ сближеній, ученые стали обращаться и къ другимъ народностямъ, отыскивая въ ихъ быту источники древняго русскаго права Дальше всѣхъ зашелъ въ этомъ отношеніи Эверсъ, а за нимъ и Морошкинъ,

въ своей попыткѣ объяснить происхожденіе Русской Правды заимствованіемъ изъ законовъ франковъ, основываясь при этомъ на сходствѣ многихъ опредѣленій Русской Правды съ отдѣльными статьями только что указанныхъ законовъ Такимъ образомъ, древнѣйшій періодъ исторіи русскаго права всецѣло подвергся въ свое время общему направленію, господствовавшему въ русской исторіи со второй половины XVIII столѣтія,—направленію, которое подъ вліяніемъ ученія историковъ нѣмецкой школы, стремилось отказывать въ національныхъ основахъ всему государственному и общественному строю древнѣйшей русской жизни, силясь доказать заимствованіе основъ этой жизни у всевозможныхъ народностей, съ какими только доводилось нашимъ предкамъ вступать въ тѣ или другія отношенія Достаточнымъ считалось малѣйшей аналогіи что бы готчасъ же подчинять вопросъ о заимствованіи, о воздѣйствіи объ отсутствіи національности Будучи такъ падки на объясненіе бытовыхъ и правовыхъ началъ древнѣйшей жизни русскаго народа заимствованіемъ ихъ отъ чуждыхъ народностей, писатели этого направленія упускали изъ виду законъ человѣческой культуры, который учитъ насъ, что извѣстныя стороны жизни какъ единичныхъ людей такъ и цѣлыхъ народовъ, имѣютъ общечеловѣческій характеръ и въ близкихъ, а подъ-часъ и отдаленныхъ, чертахъ выливаются у отдѣльныхъ индивидовъ и народовъ, стоящихъ въ одинаковыхъ условіяхъ своего физическаго умственнаго и нравственнаго существованія Игнорируя это соображеніе, мы рисковали бы дойти до самыхъ невѣроятныхъ выводовъ, впасть въ самые нелѣпые парадоксы Въ настоящее время, съ развитіемъ исторіи культуры и съ рациональною постановкою сравнительно-историческаго метода, это безплодное шатаніе по всевозможнымъ странамъ и народностямъ, съ цѣлью розысканія источниковъ нашей древнѣйшей культуры—безповоротно отошло уже въ область исторіи науки

Представляется весьма любопытнымъ, что крайніе выводы ученія историковъ нѣмецкой школы уже въ половинѣ XVIII вѣка вызвали противъ себя горячій протестъ, вылившійся изъ подъ пера „перваго русскаго ученаго“—М В Ломоносова, который, полемизируя съ Миллеромъ по вопросу о происхожденіи варяго-руссовъ, отказывался признавать ихъ скандинавами и силился доказать ихъ славянское происхожденіе По мнѣнію Ломоносова, эти варяго-руссы были выходцами

изъ прибалтійскихъ, именно прусскихъ („порусскихъ"), славянъ Ломоносовъ можетъ, по всей справедливости, считаться раннимъ предтечею славянской школы русской исторіографіи, которая, возникнувъ со второй четверти XIX столѣтія, приняла своею исходною точкою крайнюю идеализацію древняго періода русской жизни, а основною идеею—положеніе о преобладаніи славянскаго элемента во всеобщей исторіи По ученію послѣдователей этой школы, славянскій элементъ явился преобладающимъ въ Европѣ Гунны, готы, авары, волжскіе булгары—все это славяне, славянскій же элементъ явился преобладающимъ и въ вызванномъ великимъ переселеніемъ народовъ процессѣ разложенія и созиданія государствъ За послѣднее тридцатилѣтіе особенно видными представителями славянской школы явились Д И Иловайскій, И Е Забѣлинъ, С А Гедеоновъ и Д Я Самоквасовъ

Направленіе, положенное ученіемъ славянской школы въ русской исторіографіи, уже довольно рано отразилось и въ исторіи русскаго права, въ области котораго оно всего удачнѣе можетъ быть названо **направленіемъ сравнительно-славянскимъ** — названіе, которое мы за нимъ и удержимъ Это направленіе сводится къ изученію исторіи древняго русскаго права въ связи съ исторіею права всѣхъ народовъ славянскаго племени, вообще Въ основу его могутъ быть положены слѣдующія соображенія Извѣстно, что каждый народъ входитъ въ общечеловѣческую семью черезъ посредство высшей, по отношенію къ нему, единицы человѣчества—племени, къ которому онъ и относится, какъ часть къ цѣлому Изъ родственной связи, существующей между народами одного племени, легко возникаетъ предположеніе, что какъ языкъ, характеръ, склонности, міровоззрѣніе ихъ проявляютъ признаки болѣе или менѣе тѣснаго родства, такъ и правовое сознаніе ихъ, а слѣдовательно и выраженіе его во внѣшнихъ формахъ, должно носить на себѣ слѣды большей или меньшей идентичности, которая должна обозначаться все рельефнѣе по мѣрѣ того, какъ мы станемъ углубляться въ минувшіе вѣка жизни сплеменныхъ народовъ.

Славяно-сравнительный методъ, въ приложеніи его къ исторіи русскаго права, зарожденіемъ своимъ восходитъ къ началу 20-хъ годовъ XIX столѣтія Первую, и для своего времени удачную, попытку примѣненія его даетъ намъ польскій писатель И В Раковецкій, въ 1820 году выступившій

съ изслѣдованіемъ: „O stanie cywilnym dawnych Slowian“ (т. е. „О гражданскомъ бытѣ древнихъ славянъ“), а въ слѣдующихъ годахъ издавшій въ свѣтъ крупный трудъ свой: „Prawda Ruska, czyli Prawda wielkiego xiecia Jaroslawa Wladymirowicza etc.“ (1820—1822 г.г., русскій переводъ заглавія: „Правда Русская или Правда великаго князя Ярослава Владиміровича, съ присоединеніемъ договоровъ Олега и Игоря кіевскихъ съ греческими императорами и Мстислава Давиловича Смоленскаго съ Ригою и пр.“) Въ этомъ трудѣ Раковецкій впервые возвѣстилъ славянское происхожденіе древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права, доказывая это объясненіемъ религіи, обычаевъ, языка и права славянъ, вообще, и русскихъ славянъ, въ частности, сопоставленіемъ памятниковъ права древнихъ руссовъ и, главнымъ образомъ, Русской Правды какъ между собою, такъ и съ древними правовыми нормами другихъ славянскихъ народовъ и критическимъ объясненіемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій ихъ. Въ результатѣ Раковецкій приходитъ къ убѣжденію, что наша Русская Правда—памятникъ права національнаго, самобытнаго, что она представляетъ собою одну изъ отраслей древнѣйшаго права, по началамъ котораго съ незапамятныхъ временъ регулировало жизненныя отношенія свои когда то еще нераздѣльное славянское племя. Раковецкій настаиваетъ, въ концѣ концовъ, на необходимости допустить существованіе общеславянскаго права, ни одна изъ отраслей котораго не можетъ быть плодотворно изучаема въ историческомъ отношеніи безъ изученія всего цѣлаго. Выводы Раковецкаго представляются въ высшей степени замѣчательными для эпохи появленія его книги, когда русское историко-юридическое знаніе находилось подъ гнетомъ ученія нѣмецкой школы, отрицавшей національныя основы развитія нашего древнѣйшаго права.

Краеугольный камень славяно-сравнительнаго метода положенъ былъ польскимъ писателемъ. Польская историко-юридическая литература дала и ближайшаго послѣдователя Раковецкаго въ лицѣ В. А. Мацѣевскаго, автора объемистаго труда: „Historya prawodawstw Slowianskich“ („Исторія славянскихъ законодательствъ“, 1832—35 г.г.). Этотъ трудъ представляетъ собою первый починъ въ дѣлѣ систематической обработки славянскаго права и этимъ обстоятельствомъ объ-

ясняются его недостатки, тѣмъ не менѣе лишь послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ открывается дорога для обширной разработки исторіи славянскаго права въ его цѣломъ Не имѣя возможности входить въ дальнѣйшія библіографическія указанія, отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что изученіе славянства получило крупное развитіе въ 30-хъ—50-хъ годахъ истекшаго столѣтія, матеріалы же, сборники, изслѣдованія и монографіи славянскихъ ученыхъ, трудившихся за послѣдніе полвѣка какъ на поприщѣ славянской исторіи, этнологіи и словесности, такъ и непосредственно въ области историко-юридической, уже дали цѣнный матеріалъ для сравнительной исторіи славянскаго права

Мысль о цѣлесообразности изученія исторіи русскаго права въ связи съ исторіею права другихъ народовъ славянскаго племени—блеснула въ русской литературѣ довольно рано быть можетъ подъ вліяніемъ трудовъ Раковецкаго и Мацѣевскаго Эта мысль была брошена Ѳ Л Морошкинымъ въ 1836 году, въ послѣднихъ строкахъ его добавленій къ переводу книги А Рейца Здѣсь, трактуя о Русской Правдѣ, Морошкинъ внезапно осѣняется блестящею мыслью, которою и заканчиваетъ свой трудъ „Нигдѣ, мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—нельзя такъ много почерпать къ объясненію русскаго законодательства, какъ въ исторіи богемскихъ правъ развиваясь параллельно русскимъ, они попадаютъ въ однѣ и тѣ же формы развитія, въ одну и ту же терминологію, одна и таже славянская природа безъ сомнѣнія могла поддерживать родство богемскихъ обычаевъ съ русскими“ Заслуга перваго практическаго примѣненія въ русской наукѣ сравнительно-историческаго метода изученія славянскаго права принадлежитъ профессору кіевскаго университета Н Д Иванишеву Выступивъ въ 1840 году съ докторскою диссертаціею на тему „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, въ сравненіи съ германскою вирою“, Иванишевъ въ предисловіи къ этому труду уже совершенно категорически высказывается за настоятельную необходимость сравнительно-историческаго изученія правъ славянскихъ народовъ „Для объясненія памятниковъ россійскаго законодательства,—читаемъ мы здѣсь,—необходимо сравнительное изученіе законодательствъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Законодательство каждаго отдѣльнаго народа, какъ

выраженіе народной мысли, можетъ быть понятно только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ одноплеменныхъ народовъ.. Для древняго россійскаго законодательства изслѣдованіе славянскихъ законодательствъ не только важно потому, что можетъ пролить намъ древніе наши законодательные памятники, но и потому, что оно даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ считать ли намъ древніе памятники россійскаго законодательства произведеніями, заимствованными у германцевъ, или—что число славянскими"[2] Въ этихъ словахъ брошенъ былъ Иваниševымъ прямой вызовъ по адресу послѣдователей нѣмецкой школы Мысль, провозглашенная Иваниševымъ, съ тѣхъ поръ уже не угасала, чему не мало способствовалъ возбудившійся въ Россіи интересъ къ изученію славянскаго міра, все большее и большее усвоеніе идеи о славянской взаимности и, наконецъ ученіе славянофиловъ

Виднымъ дѣятелемъ сравнительно славянскаго направленія въ исторіи русскаго права долженъ быть признанъ профессоръ новороссійскаго (а съ 1892 года варшавскаго) университета Ѳ И Леонтовичъ Явившись продолжателемъ направленія, внесеннаго въ нашу науку Иваниševымъ, Леонтовичъ поставилъ его на твердую почву и намѣтилъ для него сознательный путь, который и обѣщаетъ привести въ будущемъ къ блестящимъ результатамъ въ области науки исторіи русскаго права Ѳ И Леонтовичъ дебютировалъ на поприщѣ сравнительно-славянскаго изученія древняго русскаго права въ 1867 году статьею „О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ", въ которой прибѣгаетъ къ сравнительно-историческому методу для выясненія значенія „верви" Русской Правды, причемъ приходитъ къ выводу, что наша древняя вервь и вервь Полицкаго Статута—ничто иное, какъ современная семейная община или „задруга" юго-западныхъ славянъ,—учрежденіе, лежавшее когда то въ основѣ общественнаго быта всего славянскаго племени Открытіе было столько же важное, сколько и любопытное, которое не могло не возбудить къ себѣ интереса ученаго міра и не дать проф Леонтовичу импульса къ продолженію дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи Слѣдующій 1868-й годъ подарилъ науку другимъ капитальнымъ изслѣдованіемъ О. И. Леон-

товича „Древнее Хорвато-Далматское законодательство“, въ которомъ авторъ производитъ сравнительное изслѣдованіе памятниковъ права славянскихъ общинъ, разбросанныхъ по восточному и сѣверо-восточному берегамъ Адріатическаго моря и которыя уже очень рано знакомы были съ писанными законами Леонтовичъ приходитъ къ убѣжденію, что памятники древняго хорвато далматскаго права, и въ особенности Полицкій Статутъ, всецѣло построенный на нормахъ древняго славянскаго обычнаго права и въ первоначальной своей редакціи, быть можетъ, современный Русской Правдѣ—должны дать вѣрный ключъ къ объясненію многихъ темныхъ сторонъ древне-славянскаго права, вообще, и русскаго права, въ частности Въ 1869 году появился въ свѣтъ первый и до настоящаго времени, къ сожалѣнію, единственный выпускъ задуманнаго Ѳ И Леонтовичемъ курса „Исторіи русскаго права“ Здѣсь, между прочимъ, авторъ дѣлаетъ интересную для своего времени попытку возстановить характеръ древнѣйшаго славянскаго права, какъ общаго источника, отъ котораго получило свое начало развитіе правъ всѣхъ отдѣльныхъ народовъ славянскаго племени

Мы видѣли, что проф Леонтовичъ въ 1867 году затронулъ вопросъ объ идентичности древне-русской верви съ задругою юго-западныхъ славянъ Въ 1874 году онъ снова возвращается къ тому же вопросу и, анализируя политическій строй древней Руси, приходитъ къ выводу, что въ основѣ его лежатъ бытъ задружно общинный, построенный на семейныхъ общинахъ („задруга“), еще и въ наши дни наблюдаемый у юго-западныхъ славянъ Относящіяся сюда изслѣдованія Леонтовича, которыя привели къ коренному пересмотру вопроса объ основахъ древнѣйшей жизни русскихъ славянъ, изложены имъ въ статьѣ „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“ Наконецъ, въ 1889 году появляется трудъ Ѳ И. Леонтовича „Старый земскій обычай“, въ которомъ авторъ детально разсматриваетъ происхожденіе, значеніе и архаическія основы обычнаго права, начала его санкціи, вѣщанія и охраненія и т п, давая цѣнный рядъ указаній для характеристики древнѣйшаго права, вообще, и славянскаго, въ особенности

Сравнительно-славянскимъ направленіемъ разработка исторіи русскаго права ограничиться не могла Достаточно

бросить бѣглый взглядъ на историческій ходъ жизни русскаго народа, что бы убѣдиться, что ему доводилось стоять въ близкомъ соотношеніи съ другими народностями, въ болѣе или менѣе значительной степени воздѣйствовавшими на ходъ русской исторической жизни, слѣдовательно—и на исторію русскаго права.

Прежде всего русскому народу довелось столкнуться съ варяго-руссами,—элементомъ, съ которымъ ставится въ связь самое зарожденіе русской государственности. Вопросъ о происхожденіи варяго-руссовъ, не смотря на свою болѣе чѣмъ полуторовѣковую давность, остается вопросомъ до сихъ поръ открытымъ, хотя онъ и вылился въ русской исторіографіи въ форму особаго **варяжскаго вопроса**, на разрѣшеніе котораго было потрачено не мало силъ и дарованій. Послѣ нѣмецкихъ академиковъ XVIII вѣка, наиболѣе фанатичнымъ послѣдователемъ ихъ, признававшимъ варяго-руссовъ нашей начальной лѣтописи норманами—явился М. П. Погодинъ, всѣ основныя изслѣдованія котораго по вопросу о происхожденіи варяго-руссовъ собраны во второмъ и третьемъ томахъ его „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи“ (1846). Здѣсь Погодинъ подробно касается вопроса о воздѣйствіи скандинавскаго права на древне-русскій правовой бытъ, а въ IX-й главѣ третьяго тома, носящей заглавіе: „Право“, старается доказать непосредственное вліяніе норманизма въ дѣлѣ формаціи Русской Правды. Не впадая въ крайности Погодина, историку русскаго права,—разъ только онъ признаетъ варяговъ за скандинавскій этнологическій элементъ,—неминуемо доведется столкнуться съ изученіемъ скандинавскаго политическаго, общественнаго и правового быта, что бы быть въ состояніи имѣть фактическій критерій для сужденія о степени воздѣйствія варяго-руссовъ на древнѣйшую русскую правовую жизнь.

Весьма рано стала древняя Русь въ близкія отношенія къ Византіи. Эти отношенія, начало которыхъ уходитъ за кругозоръ исторіи, поддерживались торговыми сношеніями, походами и мирными трактатами первыхъ русскихъ князей, принятіемъ отъ Византіи христіанской вѣры, наконецъ византійскимъ вліяніемъ, вторгнувшимся въ русскую жизнь во второй половинѣ XV вѣка, послѣ брака в. к. Іоанна III съ греческою царевною Софіею Палеологъ. Византизму суждено

было сыграть выдающуюся роль въ историческихъ судьбахъ русскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ и византійскому праву суждено было оказать весьма значительное вліяніе на его правовой бытъ и на древне-русское право Слѣдовательно, **вопросъ о вліяніи византизма и о рецепціи византійскаго права** русскимъ правомъ—вотъ еще одна сфера изученія, которую не въ правѣ игнорировать наша наука Могущественный толчокъ изученію у насъ византійскаго права, въ связи съ исторіею русскаго права, данъ былъ появленіемъ въ 1829 году въ свѣтъ труда барона Г А. Розенкампфа „Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ“, въ которомъ авторъ разслѣдуетъ вопросъ о Кормчей книгѣ или греческомъ Номоканонѣ, памятникѣ византійскаго церковно-свѣтскаго права, перенесенномъ къ намъ вслѣдъ за принятіемъ христіанства и не переставшемъ оказывать вліяніе на русское право и на русскую правовую жизнь въ продолженіи всей до-Петровской эпохи русской исторической жизни Уже въ 1838 году появляется изслѣдованіе Э Тобина „Nonnula de vi, quam jus Romanum in jus Rossicum temporibus antiquissimis habuerit“, а вскорѣ послѣ того изслѣдованіе Н Рождественскаго „Разсужденіе о вліяніи греко-римскаго права на россійскіе гражданскіе законы“ (1843) Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ появляются въ свѣтъ два капитальныхъ труда Н В Калачова „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права“ (1847) и „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“ (1846), которые окончательно и безповоротно рѣшаютъ вопросъ о необходимости включенія памятниковъ греко византійскаго права, собранныхъ въ Кормчей книгѣ, въ кругъ источниковъ исторіи русскаго права Не касаясь позднѣйшей литературы вопроса, ограничимся замѣчаніемъ, что, не смотря на многое, уже сдѣланное въ этомъ направленіи, вопросъ о рецепціи византійскаго права въ древней Руси—во многихъ частяхъ своихъ остается вопросомъ открытымъ, ожидающимъ еще своихъ изслѣдователей

Во второй четверти XIII вѣка древняя Русь пришла въ столкновеніе съ монголами, подъ владычествомъ которыхъ она и томилась въ теченіи $2^1/_2$ вѣковъ На этой почвѣ возникаетъ **вопросъ о монгольскомъ вліяніи** на историческія судьбы русскаго народа, не чуждый и исторіи русскаго

права какъ въ виду непосредственнаго вліянія, оказаннаго монголами въ дѣлѣ измѣненія въ XIV—XV вѣкахъ основъ русскаго политическаго строя, такъ и потому, что въ число источниковъ русскаго права XIII—XIV вѣковъ входятъ ханскіе ярлыки, которые монгольскіе повелители давали русскому духовенству.

Существуетъ и еще одна отрасль исторіи права, которая должна неминуемо входить въ общій циклъ науки исторіи русскаго права. Это — **исторія литовско-русскаго права**, т. е. права Руси Западной, которая послѣ татарскаго погрома подпала подъ власть Польско-Литовскаго государства. Вопросъ о необходимости включенія въ кругъ исторіи русскаго права исторіи права литовско-русскаго—былъ поднятъ въ 1865 году профессоромъ Ѳ. И. Леонтовичемъ въ трудѣ, озаглавленномъ „Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права". Дѣло въ томъ, что, занимаясь частичными изысканіями въ области литовско-русскаго права XV—XVI столѣтій, проф. Леонтовичъ напалъ на слѣды близкаго родства Литовскаго Статута, памятника права Литовской Руси (первоначальная редакція относится къ 1529 году), съ нашею Русскою Правдою. Фактъ сходства узаконеній Руси западной и восточной подмѣченъ былъ А. В. Семеновымъ еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ („О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси"), но Ѳ. И. Леонтовичъ впервые поставилъ вопросъ этотъ на научно-историческую почву, указавъ въ этомъ направленіи путь позднѣйшимъ изслѣдователямъ. Сходство отдѣльныхъ опредѣленій Литовскаго Статута съ опредѣленіями памятниковъ нашего древняго права—одною Русскою Правдою не ограничивается. Изученіе нѣкоторыхъ дополнительныхъ къ Судебнику 1550 г. указовъ (въ особенности такъ называемаго Эрмитажнаго списка ихъ) обнаруживаетъ также близкое сходство ихъ съ постановленіями Литовскаго Статута, такое же сходство обнаруживается при сличеніи нашихъ уставныхъ грамотъ XIV—XVI вѣковъ съ литовско-русскими уставными грамотами и другими памятниками литовскаго законодательства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сходство права восточной Руси съ правомъ западной Руси—вполнѣ естественнымъ образомъ объясняется духовнымъ родствомъ ихъ. Обѣ системы права черпали свое

содержаніе, свой духъ, изъ общаго источника—*стараго русскаго обычнаго права*, которое только получало въ нихъ письменную формулировку и законодательную санкцію, отдѣльныя же опредѣленія Русской Правды, бывшей когда то правовымъ сборникомъ общимъ для всей, еще нераздѣльной, русской народности, цѣликомъ вошли въ Литовскій Статутъ Таковы серьезныя основанія, которыя заставляютъ включить памятники литовско-русскаго права въ кругъ исторіи права русскаго

Мы разсмотрѣли историческія направленія, которыя обрисовываютъ собою ближайшія задачи сравнительно историческаго метода въ его приложеніи къ нашей наукѣ, подготовляя ее къ воспринятію этого метода въ несравненно болѣе широкомъ видѣ—въ примѣненіи его къ изученію исторіи русскаго права въ связи съ исторіею права уже въ его *всемірно-человѣческомъ развитіи*

IV

Литературныя пособія въ дѣлѣ изученія исторіи русскаго права

Познакомившись съ генезисомъ науки исторіи русскаго права и съ намѣченными въ ней, въ связи съ ея исторіею, направленіями, мы перейдемъ къ ознакомленію съ ея литературою и, прежде всего, съ **попытками систематическаго изложенія нашей науки**

Извѣстные уже намъ труды Эверса (1826 г) и Рейца (1829 г) являются первыми попытками систематическаго изложенія исторіи русскаго права Такую же задачу преслѣдуютъ и труды профессора дерптскаго университета Э Тобина „Введеніе въ исторію русскаго права“ и „Взглядъ на основныя начала русскаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о наказаніяхъ 1845 года“ (1845 и 1847 г г) Сороковые же года дали намъ и два опыта внѣшней исторіи русскаго законодательства Первый изъ нихъ принадлежитъ К А Неволину и помѣщенъ во второмъ томѣ его „Энциклопедіи законовѣдѣнія“ (1840), второй изданъ Н Рождественскимъ, отдѣльною небольшою книжкою, подъ заглавіемъ „Обозрѣніе внѣшней исторіи законодательства“ (1849)

Таковы немногочисленные труды по систематизаціи исторіи русскаго права, появившіеся до начала 60-хъ г г минувшаго столѣтія Между тѣмъ историко-юридическій матеріалъ,—въ видѣ изданія памятниковъ и актовъ, изслѣдованій, монографіи, журнальныхъ статей и замѣтокъ,—принялъ уже настолько широкій размѣръ, что стала чувствоваться потреб-

ность въ появленіи болѣе или менѣе полныхъ руководствъ по исторіи русскаго права Если въ началѣ 60-хъ годовъ такого руководства и не было составлено, то за то въ 1862 году появилась замѣчательная рѣчь адъюнкта казанскаго университета ближайшаго ученика покойнаго П Д Бѣляева, С М Шпилевскаго „Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I“, въ которой даны отвѣты на существеннѣйшіе вопросы историческаго развитія права и государства

Первая широко задуманная, но оставшаяся при самомъ зарожденіи своемъ, попытка систематической исторіи русскаго права относится къ 1869 году Это трудъ профессора новороссійскаго университета Ѳ П Леонтовича „Исторія русскаго права“, задуманный съ идеею широкаго приложенія къ древнѣйшей исторіи русскаго права сравнительно историческаго метода, но остановившійся на первомъ выпускѣ, въ которомъ авторъ трактуетъ объ источникахъ нашей науки и объ ея научной разработкѣ и литературѣ и разслѣдуетъ вопросъ объ „обычномъ правѣ древнихъ славянъ вообще и русскихъ въ особенности, до призванія князей“, иллюстрируя этотъ вопросъ выписками изъ источниковъ, сведенными въ двухъ приложеніяхъ къ книгѣ Не смотря на свою далекую незаконченность, этотъ трудъ заслуживаетъ вниманія, какъ опытъ широкаго приложенія сравнительно-славянскаго метода къ изученію древнѣйшаго русскаго права

Въ 1871 году вышелъ въ свѣтъ курсъ лекцій профессора с-петербургскаго университета М М Михайлова „Исторія русскаго права“ Курсъ этотъ хотя и доведенъ до судебныхъ уставовъ 1864 г включительно, тѣмъ не менѣе долженъ быть признанъ въ высшей степени неудовлетворительнымъ несистематичность изложенія, несоразмѣрность въ отдѣльныхъ частяхъ, поверхностное знакомство съ одними источниками и совершенное незнакомство съ другими—таковы отрицательныя стороны, въ силу которыхъ лицамъ, самостоятельно не ориентировавшимся еще въ исторіи русскаго права, можно лишь посовѣтовать не брать въ руки этого произведенія бывшаго петербургскаго профессора

Третьею попыткою (впрочемъ частичною) изложенія исторіи русскаго права былъ трудъ профессора (въ то время при-

ватъ-доцента) казанскаго университета Н П Загоскина „Исторія права Московскаго государства“ (1877 г) Въ первомъ томѣ этого труда, имѣвшаго обнять собою, какъ это усматривается изъ самаго заглавія его, только одинъ московскій періодъ нашей науки, дается введеніе, въ которомъ излагаются условія и явленія, содѣйствовавшія успѣху дѣла московской централизаціи, затѣмъ слѣдуетъ внѣшняя исторія права (обозрѣніе источниковъ) и наконецъ, начало внутренней исторіи права (государственнаго), заключающее въ себѣ исторію верховной власти въ Московскомъ государствѣ, со включеніемъ монографическаго изслѣдованія о земскихъ соборахъ Первый выпускъ второго тома (1879) всецѣло посвященъ исторіи боярской думы въ Московскомъ государствѣ,—но на этомъ выпускѣ трудъ и остановился

Слѣдующею попыткою систематическаго изложенія науки исторіи русскаго права является трудъ бывшаго профессора варшавскаго университета Д Я Самоквасова „Исторія русскаго права“ (два выпуска, 1878 и 1884 гг) Первый выпускъ посвященъ изложенію литературы, источниковъ и методовъ ученой разработки источниковъ Здѣсь авторъ, исходя изъ точки зрѣнія недостаточности существующихъ источниковъ для познанія условій политико-общественнаго быта древнѣйшихъ предковъ нашихъ, предлагаетъ новый источникъ—археологію, которая, путемъ изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ въ мѣстахъ разселенія восточныхъ славянъ, должна возстановить черты внутренняго быта ихъ На этой почвѣ проф Самоквасовъ является основателемъ археологическаго метода въ его приложеніи къ изученію древнѣйшаго русскаго права Во второмъ выпускѣ своего труда Д Я. Самоквасовъ изслѣдуетъ вопросы о происхожденіи славянъ, вообще, и о происхожденіи русскихъ славянъ, въ частности, считая ихъ потомками скиѳовъ, вытѣсненныхъ римлянами изъ первоначальныхъ мѣстъ жительства своего

Въ 1879 году вышло въ свѣтъ посмертное изданіе курса лекцій профессора московскаго университета И Д Бѣляева, подъ весьма неудачнымъ заглавіемъ „Лекціи по исторіи русскаго законодательства“ (1879 г, второе изданіе 1888 г),—заглавіемъ неудачнымъ потому, что задачи исторіи

права далеко не исчерпываются одною исторіею законодательства Курсъ проф Бѣляева, сильно проникнутый отпечаткомъ славянофильскаго направленія, представляетъ существенные недостатки, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить почти совершенное отсутствіе исторической критики, пользованіе источниками довольно сомнительнаго характера, безсистематичность и несоразмѣрность въ отдѣльныхъ частяхъ курса, бездоказательность многихъ положеній, въ особенности въ предѣлахъ древняго періода, тяжелую форму изложенія и, даже, не всегда точное разграниченіе юридическихъ понятій Этотъ курсъ доведенъ до изданія Свода Законовъ Россійской Имперіи, впрочемъ, новый періодъ изложенъ здѣсь конспективно, такъ какъ всѣ симпатіи покойнаго были направлены на древніе, и, въ особенности, московскій, періоды русской исторической жизни

Въ 1883 году появилось первое изданіе курса лекцій профессора с -петербургскаго университета В И Сергѣевича „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“ (1883, были еще послѣдующія, исправленныя и дополненныя, изданія 1886—87 и 1889—90 годовъ) Курсъ этотъ отличается всѣми тѣми достоинствами, которыя присущи, вообще, трудамъ почтеннаго ученаго и доводится имъ до изданія Свода Законовъ Россійской Имперіи Съ внѣшней стороны можно отмѣтить неравномѣрность въ обработкѣ курса, благодаря монографическому характеру отдѣльныхъ его частей, которыя широкою рукою черпаются авторомъ изъ другихъ печатныхъ трудовъ его, между тѣмъ какъ, въ сравненіи съ ними, другіе отдѣлы излагаются кратко, подъ-часъ даже конспективно. Весь курсъ, помимо введенія, въ которомъ авторъ трактуетъ о задачѣ исторіи и о законахъ историческаго развитія, о сравнительномъ методѣ, о характеристикѣ древнѣйшаго состоянія человѣка и о методологіи собственно исторіи русскаго права, дѣлится на двѣ, почти равныя, части 1) исторія права при князьяхъ и 2) исторія права при царяхъ и императорахъ Въ каждой изъ этихъ двухъ частей заключается по 5 главъ, посвященныхъ слѣдующимъ сферамъ изученія а) источники, б) государственное право (два отдѣла устройство и управленіе), в) уголовное право, г) гражданское право (три отдѣла семейный союзъ вещное право и наслѣдственное право) и д) судопроизводство Система курса строго,

такимъ образомъ, выдержана, облегчая всякаго рода справки въ книгѣ, которая и должна быть рекомендована, какъ весьма хорошій учебникъ исторіи русскаго права

Послѣдующую переработку своего курса, но въ предѣлахъ уже только древнихъ, до-Петровскихъ, эпохъ В И Сергѣевичъ далъ въ своихъ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по древней исторіи русскаго права“ (СПБ 1894, третье, пересмотрѣнное и измѣненное, изданіе — 1903 г)

Слѣдующею попыткою изложенія курса исторіи русскаго права выступаетъ трудъ профессора кіевскаго университета М Ф Владимірскаго-Буданова „Обзоръ исторіи русскаго права“ (1886, въ 2-хъ выпускахъ, второе дополненное изданіе въ одномъ томѣ 1888 г, третье пересмотрѣнное изданіе 1900 г) Богатый содержаніемъ и наглядностью представленіемъ исторіи развитія отдѣльныхъ институтовъ и правоотношеній, „Обзоръ“ страдаетъ слишкомъ большою дробностью системы, въ ущербъ прагматичности изложенія, вслѣдствіе чего сводится скорѣе къ исторіи институтовъ и отдѣльныхъ правовыхъ отношеній нежели къ исторіи права въ его историческомъ развитіи, параллельно съ историческою жизнью самого народа, эта дробность не даетъ читателю возможности такъ быстро ориентироваться въ предметѣ, какъ онъ можетъ сдѣлать это въ курсѣ проф Сергѣевича Все это не умаляетъ значенія труда г Владимірскаго-Буданова какъ цѣннаго, по богатству фактическаго содержанія пособія при изученіи нашей науки

Мы уже знакомы съ неоконченною попыткою профессора Д Я Самоквасова предпринять составленіе полнаго курса исторіи русскаго права (1878—1884 гг) Проф Самоквасовъ въ 1888 году выступаетъ съ новою попыткою въ томъ же направленіи, въ результатѣ чего и появляется снова въ свѣтъ его „Исторія русскаго права (университетскій курсъ), книга первая“ Эта первая книга заключаетъ въ себѣ вступленіе и начало изложенія перваго періода— „періода языческихъ или племенныхъ славяно русскихъ государствъ“, какъ называетъ его авторъ, здѣсь г Самоквасовъ предлагаетъ обзоръ источниковъ, причемъ подробно излагаетъ вопросъ о договорахъ русскихъ князей съ греками, переходитъ къ вопросу о происхожденіи славяноруссовъ и, наконецъ,

разсматриваетъ, въ предѣлахъ языческаго періода, развитіе институтовъ: экономическаго, религіознаго, государственнаго и процессуальнаго Продолженіе этого труда послѣдовало лишь въ 1896 году, подъ заглавіемъ „Лекціи по исторіи русскаго права“ (М 1896, выпускъ второй—„Происхожденіе и содержаніе общихъ законовъ русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ“, выпускъ третій—„Мѣстное законодательство удѣльныхъ государствъ и законодательство Московскаго государства и Россійской имперіи“)

Въ 1888 же году появился въ свѣтъ курсъ чтеній профессора с.-петербургскаго университета В Н Латкина „Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права Московское государство и Россійская имперія“ (1888 г, второе изд 1890 г), который, какъ показываетъ заглавіе, заключаетъ въ себѣ лишь историческій обзоръ внѣшней исторіи памятниковъ русскаго законодательства за московскій и петербургскій періоды исторіи русскаго права и, въ этихъ предѣлахъ, представляетъ собою очень хорошее пособіе въ которомъ приняты во вниманіе всѣ новѣйшія открытія и изслѣдованія въ области даннаго вопроса

Въ слѣдующемъ 1889 году вышли въ свѣтъ первый выпускъ университетскихъ чтеній бывшаго профессора одесскаго университета Ѳ И Леонтовича „Краткій очеркъ исторіи русскаго права Выпускъ I Источники права земскаго періода“ и печатное изданіе курса лекцій В Н Латкина „Лекціи по исторіи русскаго права“

Въ 1896 году снова выступилъ съ попыткою систематизаціи исторіи русскаго права проф Д Я Самоквасовъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права“, коснувшихся, впрочемъ, лишь древнѣйшихъ эпохъ жизни русскихъ славянъ

Въ 1898 году вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ „Лекцій по внѣшней исторіи русскаго права“ приватъ-доцента (нынѣ профессора) университета св. Владиміра М Н Ясинскаго, обнимающій собою „введеніе“ и „исторію источниковъ перваго, земскаго, періода“

Въ 1899 году появился „Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи“ профессора петербургскаго университета В Н. Латкина, непосредственно примы-

кающій ко второй половинѣ указаннаго уже выше курса лекцій того же автора и посвященный исторіи русскаго права (кодификація и права государственное, уголовное, гражданское и процессуальное) XVIII-го и XIX столѣтій.

Къ тому же 1899 году относится первый томъ труда профессора казанскаго университета Н. П. Загоскина „Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права". Этотъ томъ включаетъ въ себѣ законченное пропедевтическое введеніе въ науку исторіи русскаго права, въ которомъ излагаются въ первой части—исторія этой науки, въ связи съ развитіемъ русской историографіи вообще, обзоръ источниковъ исторіи русскаго права и ея литературы, во второй части—формація русскаго народа и государства, въ связи съ основами политической, общественной и духовной жизни восточно-русскихъ славянъ передъ эпохою образованія ими государства.

Въ 1902 году уже извѣстный намъ профессоръ варшавскаго университета О. И. Леонтовичъ еще разъ выступилъ съ попыткою изданія курса лекцій исторіи русскаго права, подъ заглавіемъ „Исторія русскаго права". Эта новая попытка дала намъ, пока, одинъ первый выпускъ, посвященный изложенію литературы нашей науки.

1903 годъ представилъ намъ новую переработку проф. Д. Я. Самоквасовымъ прежнихъ печатныхъ курсовъ его по части древняго русскаго права—„Древнее русское право. Лекціи 1902—1903 акад. года". Въ этомъ трудѣ читатели найдутъ обзоръ памятниковъ права языческой и удѣльной эпохъ русской исторической жизни, „содержаніе системы русскаго права (государственнаго, процессуальнаго, уголовнаго и гражданскаго) эпохи удѣльныхъ государствъ" и рядъ приложеній, разсчитанныхъ для практическихъ занятій съ студентами.

Въ 1905 году, подъ скромнымъ заглавіемъ „Исторія русскаго права. Конспектъ лекцій"—приступилъ къ изданію своихъ чтеній профессоръ московскаго университета А. Н. Филипповъ. Въ вышедшемъ въ свѣтъ первомъ выпускѣ первой части этого труда включены введеніе, обзоръ источниковъ права и исторія государственнаго устроенства и управленія эпохи удѣльно-вѣчевого уклада русской исторической жизни.

Къ числу трудовъ, имѣющихъ своею задачею систематизацію русскаго историко-юридическаго знанія, долженъ быть отнесенъ и предпринятый профессоромъ В И Сергѣевичемъ трудъ „Русскія юридическія древности“ (томы I—III, 1890—1903) Въ первомъ томѣ этого капитальнаго труда проф Сергѣевичъ изслѣдуетъ вопросы о двухъ основныхъ элементахъ русской государственности—„государственной территоріи“ и „населеніи“, второй томъ посвященъ вопросу о правительственныхъ элементахъ древне-русскаго государственнаго строя—„вѣчѣ“, „князѣ“ и „княжеской думѣ“, третій томъ трактуетъ о древне-русскомъ „землевладѣніи“, „тяглѣ“ и „порядкѣ обложенія“

Литература нашей науки даетъ намъ и образцы разнаго рода „повторительныхъ курсовъ“ и „конспектовъ“ по исторіи русскаго права, представляющихъ собою, въ лучшихъ случаяхъ—лишь болѣе или менѣе удачныя компиляціи изъ ходячихъ учебниковъ, а въ худшихъ случаяхъ—чисто спекуляторскія изданьица, разсчитанныя на облегченіе университетскимъ слушателямъ выполненія разнаго рода экзаменаціонныхъ требованій Касаться этихъ изданій мы не будемъ

Самостоятельное и плодотворное изученіе исторіи права не можетъ быть достигнуто безъ подлиннаго ознакомленія учащагося съ памятниками Сознаніе необходимости такого ознакомленія вызывало въ литературѣ нашей науки попытки составленія **христоматій по исторіи русскаго права**.

Мы имѣемъ два опыта въ этомъ направленіи Первый относится еще къ 1859 году Это—„Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права“, составленное И Лазаревскимъ и Я Утинымъ Сюда вошли договоры руссовъ съ греками, договоры смоленскихъ князей съ нѣмцами, Русская Правда трехъ редакцій, образцы междукняжескихъ договоровъ и договоровъ Новгорода съ князьями, уставныхъ и жалованныхъ грамотъ, Судебники 1497 и 1550 гг съ дополнительными къ нимъ указами, церковные уставы русскихъ князей и, наконецъ, ханскіе ярлыки Собраніе Лазаревскаго и Утина очень скоро разошлось и сдѣлалось книгою рѣдкою Вновь возникшей потребности въ повтореніи изданія подобнаго же характера удовлетворилъ профессоръ ярославскаго демидовскаго лицея, нынѣ кіевскаго университета, М. Ф Владимірскій-Бу-

дановъ изданіемъ своей „Христоматіи по исторіи русскаго права“ (три выпуска, 1872—75 гг., имѣвшія впослѣдствіе было еще нѣсколько изданій, пересмотрѣнныхъ и дополненныхъ) въ которую вошли всѣ важнѣйшіе памятники древняго русскаго права до Уложенія 1649 года въ первомъ выпускѣ—X-XIV вѣковъ, во второмъ—XIV-XVI вѣковъ, а третій выпускъ весь отведенъ записнымъ указнымъ книгамъ приказовъ Важное значеніе христоматіи проф Владимірскаго-Буданова усугубляется тѣмъ, что помѣщенные здѣсь памятники права обильно снабжены комментаріями, объясненіемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, сопоставленіями и литературными указаніями

Въ числѣ изданій, посвященныхъ воспроизведенію въ учебныхъ цѣляхъ, памятниковъ русскаго права могутъ быть отмѣчены также сборники Сѣверскаго—„Памятники древняго русскаго законодательства“ (1893) и В М Грибовскаго „Сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII столѣтія“ (1900)

Въ введеніи къ каждой наукѣ обыкновенно принято давать болѣе или менѣе подробныя указанія ея литературы Нельзя не признать этого обыкновенія весьма полезнымъ въ пропедевтическомъ отношеніи Именно съ этой точки зрѣнія считаемъ и мы необходимымъ указать **наиболѣе доступныя пособія, которыя могутъ быть рекомендованы для самостоятельнаго чтенія по предмету нашей науки** Этою точкою зрѣнія и именно такою задачею обусловливается самый выборъ рекомендуемыхъ нами пособій мы останавливаемъ ближайшее вниманіе лишь на трудахъ, во первыхъ—наиболѣе доступныхъ, во вторыхъ—возможно объективныхъ и чуждыхъ полемическаго характера, если же доводится приводить труды полемическаго характера, то мы ссылаемся и на труды противниковъ ихъ авторовъ

Особенно подробное указаніе литературы мы считаемъ излишнимъ какъ потому, что не мало такого рода указаній будутъ даваться нами въ своихъ мѣстахъ, такъ и потому, что лица, ищущія систематическаго знакомства съ источниками, пособіями и литературою исторіи русскаго права могутъ об-

рититься въ нашей же книгѣ „Наука исторіи русскаго права Ея вспомогательныя знанія, источники и литература Библіографическій указатель“ (Казань 1891 г.), гдѣ литература эта исчерпана по 1890 годъ

Сдѣлавъ эти необходимыя оговорки, укажемъ важнѣйшія пособія для ознакомленія съ отдѣльными частями нашей науки [1])

А

Пособія по исторіографіи и библіографіи права

Морошкинъ Ѳ.—Обзоръ литературы исторіи русскаго права, въ предисловіи къ переводу сочиненія Рейца «Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ» (М. 1836)

Станиславскій А.—Систематическій указатель сочиненій юридическаго характера, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 г. (Ж. М. Нар. Пр. 1853 г.)

Муллова П., Пискарева И., Андреевскій И. и Горбуновъ А.—Указатель матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи русскаго права, изданныхъ до 1856 года (Архивъ истор. и практич. свѣдѣній о Россіи, изд. Калачовымъ, 1859, кн. 6)

Тоже, съ 1856 по 1860 годъ (тамъ же, 1860—61 г., кн. 6)

Пфафъ В.—Систематическій каталогъ книгъ на русскомъ языкѣ Императорской публичной библіотеки по части правовѣдѣнія (Спб. 1863)

Межовъ В.—Библіографическій указатель книгъ и статей по части правовѣдѣнія, съ 1859 по 1867 гг. (Журн. Мин. Юст. 1864, 1865, 1866 и 1867)

Его-же.—Литература русскаго правовѣдѣнія за 1859—1866 гг. (Спб. 1867)

Самоквасовъ Д.—Обозрѣніе литературы исторіи русскаго права въ его «Исторіи русскаго права» (Томъ I, главы 1-я и 2-я, Варш. 1878 г.)

---

[1]) Пособія приводятся въ хронологическомъ порядкѣ, за исключеніемъ отдѣла Б, рубрики II, гдѣ они расположены по памятникамъ.

Звѣздочкою (*) обозначены пособія, рекомендуемыя для выбора лицамъ, не ищущимъ спеціальнаго изученія нашей науки, но лишь общаго знакомства съ содержаніемъ и отдѣльными вопросами ея, въ цѣляхъ исключительно общеобразовательныхъ.

Милюковъ П —Юридическая школа въ русской историографіи Соловьевъ, Кавелинъ, Чичеринъ Сергѣевичъ (Русск Мысль 1886 г, № 6)

Поворинскій А —Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву (Спб 1886)

Загоскинъ Н —Наука исторіи русскаго права Ея вспомогательныя знанія, источники и литература Библіографическій указатель (Каз 1891)

Шершеневичъ Г —Наука гражданскаго права въ Россіи (Кіз. 1893)

Б.

Литературныя пособія по основнымъ отдѣламъ науки.

I Общія пособія и курсы исторіи русскаго права

*С М Шпилевскій Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства (Учен Зап Казанск унив за 1862 г)

Ѳ И Леонтовичъ Исторія русскаго права До-княжескій періодъ (Од 1869)

Н П Загоскинъ Исторія права Московскаго государства, т I и перв вып II (К 1877—1879)

П Д Бѣляевъ Лекціи по исторіи русскаго законодательства (М 1879 и 1888)

*В И Сергѣевичъ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права (Спб 1883 и послѣдующія изданія)

М Ф Владимірскій-Будановъ Обзоръ исторіи русскаго права (Кіевъ, изд 1886 и слѣд, послѣднее изданіе 1900-го г)

В Н Латкинъ Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права Московское государство—Россійская имперія (Спб 1888)

*Его же Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи XVIII и XIX ст (Спб 1899)

М П Ясинскій Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, I (Кіевъ, 1898)

Н П Загоскинъ Исторія права русскаго народа, т I (К 1899)

А Н Филипповъ Исторія русскаго права (М 1905)

II Памятники права

*В В Сокольскій О договорахъ Олега съ греками (Кіевскія унив изв 1870 г, IV)

В И Сергѣевичъ Греческое и русское право въ договорахъ съ греками (Ж М Н Пр 1882 г, ч 219)

*Н В Калачовъ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды (М 1846 и 1880)

Ѳ П Леонтовичъ Русская Правда и Литовскій Статутъ (Кіевск унив изв 1865 г)

Н А Максименко Русская Правда и литовско-русское право (Кіевъ, 1904)

*П Н Мрочекъ-Дроздовскій Изслѣдованія о Русской Правдѣ (Два вып, М 1881—85)

И Е Андреевскій О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г (Спб 1855)

Б Н Чичеринъ Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей (Русск Вѣстн 1857 г, VII—VIII, также въ его «Опытахъ по ист. русск права», М 1858)

И Е Энгельманъ Гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты (Спб 1855)

*Ѳ Устряловъ Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты (Спб 1855)

Ѳ Пановъ Изслѣдованіе о Новгородской Судной Грамотѣ (Сборникъ изд студентами С-Петерб унив, 1856)

А Н Горбуновъ Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII—XV вв (Архивъ ист и практ свѣд изд Калачовымъ, 1860—61, кн 1 и 5)

Н Шалфѣевъ Объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа (Спб 1868)

Н Загоскинъ Уставныя грамоты XIV—XVI вв (2 вып, Каз 1875—76, Учен Зап Казанск унив 1875—76 гг)

М Н Ясинскій Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства (Кіевъ, 1889)

С Шумаковъ Губныя и земскія грамоты Московскаго государства (М 1895)

Д М Мейчикъ Грамоты XIV и XV вв московскаго Архива М—ва Юстиціи (М 1883)

Д М Мейчикъ Судныя дѣла XV столѣтія и ихъ значеніе для Судебника Іоанна III (Юрид Вѣстн 1883 г, II)

*Н В Калачовъ О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича (Юрид Зап изд Рѣдкинымъ, М 1841, I)

М Ф Владимірскій-Будановъ Судебникъ 1589 г, его значеніе и источники (Кіевъ, 1902)

? Строевъ Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія 1649 г (Спб 1833)

*Ѳ Л Морошкинъ Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи (М 1839)

Я Есиповичъ Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г (Ж М Н Пр 1859, VII)

*М Ф Владимірскій-Будановъ Литовскій Статутъ и Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича (Сборникъ Госуд Знан изд Безобразовымъ, т IV Спб 1877)

*Н Загоскинъ Уложеніе царя и в к Алексѣя Михаиловича и земскій соборъ 1648—1649 г (Актъ Казанск унив 1879, отдѣльно К 1879)

Н Тихтинъ Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1649 г и Новоуказныхъ статей (О 1898)

Д М Мейчикъ Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 (Сборникъ Археол Инст, III, Спб 1880)

III Исторія кодификаціи

С В Пахманъ Исторія кодификаціи гражданскаго права (2 т т, Спб 1876)

Н Д Сергѣевскій Предисловіе къ изданію В В Вострокова «Проекты уголовнаго уложенія 1754—1766» (Спб 1882)

*В И Сергѣевичъ Откуда неудача Екатерининской законодательной коммиссіи? (Вѣсты Евр 1878, № 1)

*В Н Латкинъ Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII стол (Спб 1887)

*М М Сперанскій Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ (Спб 1833, Од 1889)

А В Романовичъ-Славатинскій Государственная дѣятельность гр М М Сперанскаго (К 1873)

А Н Филипповъ Императоръ Николай I и Сперанскій Къ вопросу о кодификаціи русскаго права въ царствованіе Николая I (Ученыя рѣчь, Ю 1897)

IV Организація верховной власти Вѣче и земскіе соборы

К А Неволинъ О преемствѣ великокняжескаго Кіевскаго престола (Сочиненія, VI, 1859)

С М Шпилевскій Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана IV (Юрид Журн изд Солмановымъ, 1861 г, № 5)

К С Аксаковъ Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ (Сочиненія, I, М 1891)

*В И Сергѣевичъ Вѣче и Князь Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей (М 1867)

И Д Бѣляевъ Земскіе соборы на Руси (Актъ Москов унив 1867 г, отдѣльно—М 1903 и 1905)

*В И Сергѣевичъ Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ (Сборникъ Госуд Знаній, II Спб 1875)

И Загоскинъ Земскіе соборы («Исторія права Московскаго государства», I, Каз 1877, стр 207—341)

П В Полежаевъ Московское княжество въ первой половинѣ XIV в (Спб 1878)

Внутренній бытъ русскаго государства въ 1740—1741 гг Верховная власть и Императорскій Домъ (Изд Москов Арх Мин Юст, М 1880).

Ф Н Дьячанъ Очерки вѣчевой жизни въ древней Россіи (глава IV его сочиненія «Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ и пр» (Варшавск унив изв 31 1881 и 1882 гг)

*И И Дитятинъ Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства (Русск Мысль 1880 г, № 5)

В Н Латкинъ Земскіе соборы древней Руси (Спб 1885)

Д Я Самоквасовъ Происхожденіе Московскаго государства (Варшав унив. изв 1886 г, № 3)

*М А Дьяконовъ Власть Московскихъ государей (Спб 1889)

V Центральное управленіе

А Вицынъ Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра Великаго до изданія общаго учрежденія министерствъ (Казань, 1855)

*К А Неволинъ Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго («Сочиненія», т VI, 1859)

П Дашевскій Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи (Спб 1859)

*А Д Градовскій Высшая администрація XVIII вѣка и генералъ-прокуроры (Спб, 1866)

С А Петровскій О Сенатѣ при Петрѣ Великомъ (М 1875)

Н Востоковъ Святѣйшій Синодъ и отношенія его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при императорѣ Петрѣ I (Ж М Н Пр, 1875 г., чч 180, 182)

А Н Филипповъ Къ вопросу о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (М 1897)

Н Загоскинъ Дума Боярская («Исторія права Московскаго государства», т II, вып I, Каз 1879)

*В О Ключевскій Боярская дума древней Руси (М 1882, 1883 и 1902, Русск Мысль, 1880 и 1881)

Внутренній бытъ русскаго государства въ 1740—1741 гг Высшія государственныя учрежденія (Изд Москов Арх Мин Юст, М 1886)

В Г Щегловъ Государственный совѣтъ въ Россіи (Яр 1892)

В М Грибовскій Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II (Спб 1901)

Ольшевскій Святѣйшій правительствующій синодъ при Петрѣ Великомъ (1894)

І А Малиновскій Рада великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярскою думою древней Россіи (1903)

VI Мѣстное управленіе

К Арсеньевъ Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до конца XVIII вѣка («Матеріалы для статистики Русскои Имп», изд Стат Отдѣл м—ва внутр дѣлъ, Спб 1839)

А Вицынъ Краткій очеркъ управленія въ Россіи и пр (Каз 1855, раздѣлъ II Учрежденія губернскія, стр 231 и слѣд)

*Б Н Чичеринъ Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ (М 1856)

А В Романовичъ-Славатинскій Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В до учрежденія губерніи 1775 г (1859)

И Д Бѣляевъ О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину (Юрид Журн, изд Салмановымъ, 1861 г, №№ 7—9)

*И Е Андреевскій О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ (Спб 1864)

*А Д Градовскій Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи (Спб 1868)

П Н Мрочекъ-Дроздовскій Областное управленіе Россіи въ XVIII вѣкѣ, до учрежденія о губерніяхъ Часть первая 1708—1719 (М 1876)

VII Дружина, служилый классъ, дворянство.

Г Ф Миллеръ Извѣстія о дворянахъ россійскихъ, о ихъ начальномъ происхожденіи, старинныхъ чинахъ, должностяхъ и пр (Спб 1790)

*И Д Бѣляевъ О дружинѣ и земщинѣ въ Московскомъ государствѣ (Временникъ Моск Общ Ист и Др, 1849 г, I)

Его же О служилыхъ людяхъ въ Московскомъ государствѣ (тамъ же, 1849 III, 1850, III)

*А В Романовичъ-Славатинскій Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в до отмѣны крѣпостного права (Спб 1870 г)

*И Загоскинъ Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до—Петровской Руси (Каз 1876)

А И Марковичъ Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вв (Од 1879)

П Н Павловъ-Сильванскій Государевы служилые люди Происхожденіе русскаго дворянства (Спб 1898)

VIII. Духовенство

*С М Соловьевъ Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси (Чтенія Моск Общ Ист и Др, 1846—47, VI)

Смирновъ О значеніи духовенства, какъ сословія государственнаго, съ XIV до XVII вв (Москов Вѣдом 1851 г, №№ 51, 106, 107)

Объ отношеніи гражданской власти къ русскому духовенству въ XVII и XVIII стол (Правосл Собес 1863 г, II—III)

*М И Горчаковъ О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и свят Синода, 988—1738 (Спб 1871)

А С Павловъ Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи (Од 1871)

*П В Знаменскій Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра (Каз 1873)

Шпаковъ Государство и церковь въ Московскомъ государствѣ (1904)

IX Городское населеніе.

И Д Бѣляевъ Города на Руси до монголовъ (Ж М Н Пр 1848, ч 57)

Л О Плошинскій Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи, отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ (Спб 1852)

*И И Дитятинъ Устройство и управленіе городовъ въ Россіи I Города Россіи въ XVIII стол (Спб 1875)

*Его же Городское самоуправленіе въ Россіи до 1870 г (Яросл 1877)

*Н Д Чечулинъ Города Московскаго государства въ XVI в (Спб 1889)

X Крестьянское населеніе и крестьянская община

В Н Лешковъ Общинный бытъ древней Россіи (Ж М Н Пр 1855 г ч 91)

*Б Н Чичеринъ Сельская община въ Россіи (Русск. Вѣст 1856, I, также въ его «Опытахъ по исторіи русскаго права», М 1858)

Полемика по поводу этого вопроса—см статьи И Д Бѣляева въ «Русской Бесѣдѣ», 1856, №№ I, II IV, и отвѣтъ Чичерина въ «Русск Вѣстн» 1856 III—IV, а также въ его «Опытахъ по ист русскаго права»

М П Погодинъ Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права въ Россіи? (Русск Бесѣда, 1858, IV)

Полемика по поводу этого вопроса—см статью Н И Костомарова въ «Архивѣ истор и практ свѣд» Калачова, 1859 г, I, и отвѣтъ Погодина, тамъ же, 1859 г, III

*П Д Бѣляевъ Крестьяне на Руси (М 1860, 1879 и 1903)

К П Побѣдоносцевъ Историческіе очерки крѣпостного права въ Россіи («Историч изслѣдов и статьи», Спб 1876)

*В О Ключевскій Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи («Русская Мысль» 1885 г, №№ 8—10)

*В И Семевскій Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка (2 тт, Спб 1888)

*Н П Семеновъ Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II (Спб 1889—90)

*М А Дьяконовъ Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв (Спб 1898)

Его же Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ (1895—1897)

М Н Ясинскій Закупы Русской Правды и памятниковъ западнорусскаго права (1904)

XI Рабы (холопы, кабальные люди).

*Б Н Чичеринъ Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка («Опыты по исторіи русск права», М 1858)

*В О Ключевскій Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (Русск Мысль 1886 г, №№ 5, 7, 9, 10)

Н Н Павловъ-Сильванскій Люди кабальные и докладные (Спб 1895)

XII. Иностранцы

*И Е Андреевскій О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія на престолъ Іоанна III (Спб 1854)

Г Гамель Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол (Спб 1865—69)

А С Лаппо-Данилевскій Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (Ж М Н Пр 1885, № 9)

*Д В Цвѣтаевъ Иностранцы въ Россіи въ XVI—XVII вв (Русск Вѣсти 1887, № 12)

*А Н Пыпинъ Иноземцы въ Московской Россіи (Вѣстн Евр 1888, № 1)

XIII Полицейское право

В Н Лешковъ Очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о сохраненіи народнаго богатства (Временникъ М Общ Ист и Др, кн XVIII, 1854)

С М Шпилевскій О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ (Временникъ М Общ Ист и Др, кн XXIV, 1856)

*В Н Лешковъ Русскій народъ и государство Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в (М 1858)

*И Е Андреевскій Полицейское право (2 тт, Спб 1871—74, здѣсь дается много историческихъ указаній)

И Т Тарасовъ Личное задержаніе Полицейскій арестъ въ Россіи Періодъ до-княжескій, княжескій и царскій (Яр 1877)

XIV Финансовое право

*Д А Толстой, графъ Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи со временъ основанія государства до кончины Екатерины II (Спб 1848)

Е Г Осокинъ Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи (Каз 1850)

Его же О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ развитіи его въ Россіи (Каз 1850)

*П Н Милюковъ Государственное хозяйство въ Россіи въ связи съ реформои Петра Великаго (Ж М Н Пр 1890 г, № 9—11, отдѣльно Спб 1891)

*А С Лаппо-Данилевскій Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смутнаго времени до эпохи преобразованія (Спб 1890)

XV Гражданское право

*К А Неволинъ Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ (3 тт, Спб 1848—51, «Сочиненія», 3—5, Спб 1857—58)

И Е Энгельманъ Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ (Спб 1855)

И Д Бѣляевъ Какъ понимали давность въ разное время и русское общество и русскіе законы (М 1855)

Его же О наслѣдованіи безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михаиловича (М 1858)

*В Никольскій О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ (М 1859)

К Д Кавелинъ Взглядъ на историческое развитіе порядка законнаго наслѣдованія и пр (Спб 1860)

И Е Энгельманъ О давности по русскому гражданскому праву Историко-догматическое изслѣдованіе (Ж Мин Юст 1868, т 36, отдѣльно Спб 1868)

*К П Побѣдоносцевъ Курсъ гражданскаго права (I—III, Спб, изданія 1871 и послѣд, здѣсь дается много историческихъ указаній)

Г Ѳ Блюменфельдъ О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи (Записки Новорос унив 1884 и 1885 гг, отдѣльно Од 1884)

*Н Н Дебольскій Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка (1903)

XVI Уголовное право

В А Линовскій Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича (Од 1847)

Деппъ О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михаиловича (Спб 1849)

А Богдановскій Развитіе понятія о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго (М 1857)

Н И Лэнге Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды (Спб 1871 г, также въ приложеніяхъ къ Архиву ист и практ свѣд Калачова 1859 г)

*А Н Чебышевъ-Дмитріевъ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву (Учен Зап Казанск унив 1862, отдѣльно Каз 1862)

Н Некрасовъ Дополненія по исторіи русскаго права къ переводу уголовнаго права А Бернера (Спб 1865—67)

С Ведровъ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ (1877)

*Н Д Сергѣевскій Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в (Спб 1888)

*А Н Филипповъ О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою (М 1891)

А Г Тимофеевъ Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ (Спб 1897)

В В Есиповъ Преступленіе и наказаніе въ древнемъ правѣ (Варш 1903)

XVII Процессъ

*К Д Кавелинъ Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ (М 1844, «Сочиненія», т I, 1859)

*С В Пахманъ О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву (М 1851)

К Троицына Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи со времени основанія государства (Спб 1851)

*П Чоглоковъ Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михаиловича (Юридич Сборникъ, изд Д И Мееромъ, Каз 1855)

А Вицынъ Третейскій судъ по русскому праву (М 1856)

*Ѳ М Дмитріевъ Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебниковъ до Учрежденія о губерніяхъ (М 1859 и 1890)

*В В Сокольскій Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска (Кіевск унив изв 1871 г, отдѣльно: К 1871)

XVIII. Церковное право.

Г А Розенкампфъ, баронъ Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ (М. 1829 и Спб 1839)

*К А Неволинъ О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго (Спб 1847, «Сочиненія», т VI, 1859)

*Его же О собраніяхъ и ученой обработкѣ церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи (Спб 1859, «Сочиненія», т VI, 1859)

*Н В Калачовъ О значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго русскаго права (Чтенія Моск Общ Ист и Др 1847 г, и отдѣльно М 1850)

И Д Бѣляевъ Объ общественномъ значеніи церкви и ея учрежденіи на Руси до монгольскаго владычества (Ж М Н Пр 1855 г, ч 91)

А С Павловъ Первоначальныя славяно-русскія Номоканоны (Учен Зап Казанск унив 1869, отдѣльно К 1869)

И С О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи (Спб 1874)

М И Горчаковъ О таинѣ супружества Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50 и главы Кормчей книги (Спб 1880)

А С Павловъ 50-ая глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права (М 1887)

XIX Военное право.

*Розенгеймъ Очеркъ исторіи военно судныхъ учрежденій до кончины Петра Великаго (Спб 1878)

П О Бобровскій Развитіе способовъ и средствъ для образованія юристовъ военнаго и морскаго вѣдомства въ Россіи Періодъ преобразованій Петра Великаго (Спб 1881)

*Его же Происхожденіе Воинскихъ Артикуловъ и изображеніи процессовъ Петра Великого (Спб 1881)

Его же Постоянныя войска и состояніе военнаго права въ Россіи въ XVII столѣтіи (Юрид Вѣстн 1882 г, т XI)

*Его же Военное право въ Россіи при Петрѣ I Артикулъ Воинскій (Спб 1886)

Его же Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ Историко-юридическое изслѣдованіе (Спб 1887)

Его же Бесѣды о военныхъ законахъ Петра Великаго (Соб 1890)

XX Международное право.

А А Терещенко Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи (3 тт, Спб 1837)

И И Снегиревъ Объ иностранныхъ посланникахъ въ Россіи (Ж М Н Пр 1845, ч 45)

*В Н Лешковъ О древней русской дипломатіи (М 1847)

*А. А. Сахаровъ: Дипломатическіе обычаи древней Россіи (Сынъ Отеч. 1852 г., тт. IX—XII).

А. Н. Поповъ: Русская дипломатія въ XVII вѣкѣ (Москов. Вѣдом. 1855 г., №№ 47, 60, 62).

*А. В. Лохвицкій: О плѣнныхъ по древнему русскому праву XV—XVII вѣковъ (М. 1855).

Сколько нибудь самостоятельное изученіе исторіи русскаго права не можетъ быть полнымъ безъ ознакомленія съ памятниками права въ ихъ подлинникахъ, такъ какъ литература никогда не въ состояніи дать того, что даетъ непосредственное знакомство съ первоисточниками.

Для ознакомленія съ памятниками древняго права (до Уложенія 1649 г.) отличное подспорье имѣется въ лицѣ трехъ выпусковъ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича и Новоуказныя статьи (1649—1696), а равно памятники законодательства послѣдующихъ эпохъ—напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, причемъ важнѣйшіе и наиболѣе органическіе изъ нихъ, не исключая Уложенія, имѣли не мало и отдѣльныхъ изданій. Уложеніе 1649-го года и Новоуказныя статьи 1649-го—1696-го годовъ, соотвѣтствующія первому тому Полнаго Собранія Законовъ, наиболѣе доступны въ изданіи Е. П. Карновича: „Собраніе узаконеній русскаго государства“, томъ I (и единственный, Спб. 1875).

Не можемъ, далѣе, не рекомендовать при изученіи нашей науки ознакомленіе съ лѣтописями и, прежде всего, съ лѣтописью начальною (по Собранію Русскихъ Лѣтописей и отдѣльнымъ выпускамъ лѣтописей, изданія Археографической Коммиссіи), съ Собраніемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ и съ важнѣйшими для историка-юриста изданіями Археографической Коммиссіи: Актами Археографической Экспедиціи, Актами Историческими (въ особенности первые три тома), Актами Юридическими и Актами относящимся до юридическаго быта древней Россіи.

Хотя бы сколько нибудь внимательное перелистаніе указанныхъ выше изданій—дастъ изучающему оріентировку въ пользованіи первоисточниками, а этимъ будетъ сдѣланъ уже крупный шагъ въ дѣлѣ самостоятельнаго изученія нашей науки.

V.

Памятники государственнаго и юридическаго быта, какъ источники науки исторіи русскаго права.

Изученіе какой бы то ни было отрасли знанія всегда предполагаетъ знакомство съ ея источниками. Подъ источникомъ мы разумѣемъ все то, что можетъ дать намъ возможность познать истины, раскрытіе которыхъ составляетъ предметъ данной науки.

Исходя изъ этого общаго положенія, мы можемъ опредѣлить понятіе источниковъ исторіи даннаго народа, какъ совокупность матеріала, при посредствѣ котораго получаемъ мы возможность изучать явленія его минувшей жизни, въ ихъ постепенномъ развитіи, и выяснить законы, которымъ подчинялось это послѣднее. Все то, что способно послужить намъ средствомъ къ познанію минувшей жизни народа,—будутъ ли это письменныя повѣствованія, рукописные документы и акты, устныя преданія, произведенія устной и письменной словесности, прежніе и современные народные обычаи, законодательные памятники, остатки стариннаго дѣлопроизводства, вещественные памятники,—тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ значеніе источниковъ къ познанію исторіи народа.

Источники русскаго историческаго знанія, вообще, и русскаго историко-юридическаго знанія, въ частности—неразрывно связаны между собою. Да оно иначе быть и не можетъ: право каждаго народа настолько глубоко проникаетъ собою всѣ стороны его и физической и духовной жизни, что для познанія этого права намъ сплошь и рядомъ приходится затрогивать такія стороны жизни народа, которыя, съ перваго взгляда, могутъ показаться стоящими внѣ сколько нибудь тѣснаго со-

отношения къ области права Это тѣмъ болѣе относится къ изученію исторіи права народа, на почвѣ котораго историку-юристу то и дѣло доводится вторгаться въ область общей исторіи какъ и дѣятелю этой послѣдней—не обойтись безъ содѣйствія исторіи права Отсюда и раскрывается идентичность источниковъ русской исторіи, вообще, и исторіи русскаго права, въ частности

Желающихъ ближе ознакомиться съ вопросомъ объ источникахъ русскаго историческаго знанія, вообще, а слѣдовательно и съ источниками исторіи русскаго права—мы можемъ направить къ уже упоминавшемуся выше труду нашему „Исторія права русскаго народа“ (томъ I, 1899), въ которомъ вопросу этому всецѣло посвящены отдѣлы третій и четвертый [1]) Здѣсь всѣ эти источники разсматриваются въ слѣдующихъ шести группахъ 1) памятники вещественные, 2) лѣтописи и хронографы, 3) памятники государственнаго и юридическаго быта, 4) памятники устной и письменной словесности, 5) записки (мемуары) и письма современниковъ и 6) сказанія иностранцевъ Сколько нибудь обстоятельный обзоръ всѣхъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ—завлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашихъ ближайшихъ задачъ, почему, давъ для интересующихся этимъ вопросомъ только что сдѣланное нами библіографическое указаніе, мы остановимъ наше вниманіе лишь на третьей изъ перечисленныхъ группъ источниковъ, какъ представляющей для насъ прямой и уже непосредственный интересъ Это—**памятники государственнаго и юридическаго быта**

Къ выполненію только что намѣченной задачи мы въ настоящую минуту и переходимъ

Всякое человѣческое общежитіе регулируется нормами, которыя имѣютъ своею задачею какъ самое устройство этого общежитія, такъ и опредѣленіе отношеній отдѣльныхъ индивидовъ, съ одной стороны—къ цѣлому, съ другой стороны—между собою Мы уже знаемъ, что это регулирующее начало носитъ названіе права Безъ права—немыслима никакая разумная форма общежитія, а тѣмъ менѣе мыслима безъ него

[1]) «Исторія права русскаго народа», I, стр. 129—274

та совершенная форма его, которую представляетъ собою государство

Общее понятіе права распадается на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, сообразно различію тѣхъ отношеній которыя оно регулируетъ Право, регулирующее отношенія отдѣльныхъ гражданъ между собою—называется правомъ частнымъ или гражданскимъ, право, регулирующее устройство и дѣятельность государства, а равно отношенія къ нему, какъ къ коллективному цѣлому, отдѣльныхъ индивидовъ—составляетъ понятіе права публичнаго, въ свою очередь распадающагося на цѣлую систему отдѣльныхъ видовъ права (права государственное, полицейское или право управленія права финансовое, уголовное, процессуальное, каноническое, военное), наконецъ нормы, регулирующія отношенія отдѣльныхъ государствъ между собою—даютъ содержаніе праву международному

Государство, преслѣдуя задачи своего существованія, проявляетъ, въ лицѣ общественной власти своей, извѣстные виды дѣятельности, направленные на установленіе, примѣненіе и охраненіе правъ Дѣятельность государственной власти, направленная на установленіе нормъ права—носитъ названіе дѣятельности законодательной, являющейся осуществленіемъ того вида власти, который называется властью законодательною, дѣятельность государственной власти, направленная на приведеніе этихъ нормъ въ исполненіе—принято называть дѣятельностью (властью) исполнительною, наконецъ, дѣятельность ея, имѣющая своею задачею охраненіе и возстановленіе правъ—составляетъ понятіе дѣятельности или власти судебной Совокупность условій и отношеній какъ самого государства, такъ и отдѣльныхъ членовъ его къ государству и между собою, дающая содержаніе праву—составляетъ понятіе государственнаго и правового быта, который можетъ быть разсматриваемъ или въ его современномъ состояніи (дѣйствующее право) или въ его историческомъ развитіи (исторія права) Всѣ тѣ источники изъ которыхъ могутъ быть почерпаемы свѣдѣнія о государственномъ и юридическомъ бытѣ даннаго народа въ ту или другую эпоху его исторической жизни—носятъ названіе памятниковъ государственнаго и правового быта, а самое возстановленіе этимъ путемъ отдѣльныхъ сторонъ, чертъ, отношеній и институтовъ

древняго и правового быта общества—ведетъ насъ къ понятію изученія юридическихъ древностей

Уже самое понятіе **памятниковъ государственнаго и юридическаго быта** раскрываетъ намъ значеніе ихъ для изученія исторической жизни народа, вообще, такъ какъ государство представляетъ собою ту внѣшнюю форму, въ которую отливается жизнь народа, а право есть то духовное начало, которымъ обусловливается самая возможность разумнаго общежитія Но особенно важно изученіе этихъ памятниковъ для исторіи права, здѣсь памятники государственнаго и правового быта являются источникомъ основнымъ, по отношенію къ которому всѣ остальные носятъ характеръ второстепенныхъ, дополнительныхъ Это и побуждаетъ насъ остановиться съ нѣкоторою подробностію на обозрѣніи данной группы источниковъ нашей науки

Большая часть памятниковъ государственнаго и правового быта представляется въ видѣ памятниковъ письменныхъ, сохранившихся до нашихъ дней отъ различныхъ эпохъ исторической жизни русскаго народа Весьма многіе изъ такихъ памятниковъ являются напечатанными и, слѣдовательно, общедоступными для цѣлей какъ практическихъ, такъ и для цѣлей научнаго изученія ихъ Но огромное, подавляющее, количество ихъ остаются неизданными, сохраняясь по различнымъ собраніямъ рукописей и библіотекамъ Въ особенности много такихъ памятниковъ государственнаго и правового быта хранятъ въ себѣ архивы,—т е учрежденія, существующія именно для цѣлей храненія письменныхъ актовъ и документовъ Это храненіе ихъ здѣсь первоначально преслѣдуетъ цѣли чисто практическія, но впослѣдствіе начинаетъ преслѣдовать интересы научные, которые уже заслоняютъ собою интересы перваго рода въ этихъ матеріалахъ видятъ богатый источникъ для историческаго изученія, вслѣдствіе чего архивы разбираютъ, приводятъ содержимое ихъ въ извѣстность и порядокъ, располагаютъ его въ систему, составляютъ описи и указатели, заботятся о наиболѣе цѣлесообразномъ устройствѣ архивовъ, открываютъ доступъ въ нихъ для научныхъ занятій, наконецъ издаютъ въ свѣтъ сохраняющіеся здѣсь, нерѣдко драгоцѣнные въ историческомъ отношеніи, матеріалы На этой почвѣ создалась даже цѣлая отрасль знанія—архивовѣдѣніе, имѣющая своею задачею изученіе наилучшихъ и наиболѣе цѣлесо-

образныхъ способовъ организаціи архивнаго дѣла Въ западной Европѣ архивовѣдѣніе уже давно получило полное право гражданства, но у насъ эта отрасль знанія представляется еще юною, причемъ заслуга насажденія ея въ нашемъ отечествѣ въ огромной степени принадлежитъ покойному историку-юристу и глубокому знатоку архивнаго дѣла, сенатору Н В Калачову, явившемуся основателемъ особаго Археологическаго института въ Петербургѣ

Въ нашемъ отечествѣ сохранилось громадное количество старинныхъ письменныхъ памятниковъ актовъ и документовъ, не смотря на неблагопріятныя условія,—непріятельскія нашествія, пожары невѣжество,—благодаря которымъ погибла масса драгоцѣнныхъ памятниковъ старины Еще наши историки XVIII вѣка, Татищевъ и Щербатовъ, пользовались рукописными источниками, въ наши дни уже безслѣдно утраченными для науки Особенно гибельнымъ оказался въ этомъ отношеніи 1812 годъ, сопровождавшійся нашествіемъ французовъ и колоссальнымъ пожаромъ Москвы,—этой истинной сокровищницы русскаго историческаго знанія Тѣмъ не менѣе архивы представляютъ собою богатѣйшій и неисчерпаемый источникъ русскаго историческаго и историко-юридическаго знанія Для интересовъ русскаго историко-юридическаго знанія особое значеніе представляютъ собою два центральныхъ московскихъ архива архивъ министерства юстиціи и главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ (въ обоихъ акты до 1801-го года)

Архивные матеріалы не всегда могутъ быть доступны всѣмъ лицамъ, которыя желали бы пользоваться ими Главные и наиболѣе цѣнные въ научномъ отношеніи архивы сосредоточены въ столицахъ, притомъ занятія въ нихъ требуютъ много навыка, времени и въ высшей степени кропотливы Поэтому архивные матеріалы не всегда достигали бы цѣли, если бы не принимались мѣры къ постепенному изданію важнѣйшихъ изъ нихъ въ печати, что представляется настоятельнымъ и въ предупрежденіе опасности отъ возможной гибели, нерѣдко драгоцѣнныхъ, подлинниковъ [1])

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ архивовѣдѣніи и русскомъ архивномъ дѣлѣ, о русскихъ архивахъ и ихъ изданіяхъ—интересующіеся найдутъ въ

Капитальная попытка изданія въ свѣтъ собранія старинныхъ грамотъ и актовъ, изъ которыхъ весьма многіе крайне цѣнны и съ точки зрѣнія исторіи права, имѣется уже отъ XVIII вѣка Это—изданіе Новикова „Древняя россійская вивліоѳика“, продолжавшееся, затѣмъ, академіею наукъ (первое изданіе, въ 10 частяхъ, 1773 — 1775, второе дополненное, въ 20 частяхъ, 1788—1791, продолженіе этого изданія, 11 частей, 1786—1801) Изъ собраній актовъ и грамотъ, появившихся въ XIX вѣкѣ, выдающееся значеніе представляетъ собою „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“ (5 томовъ, 1813—1828, 1894) и многочисленныя изданія Археографической коммиссіи

Дѣло изданія „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ тѣсно связано съ памятью извѣстнаго мецената русскаго историческаго знанія первой четверти истекшаго столѣтія — государственнаго канцлера графа Н П Румянцева По его иниціативѣ при московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1811 году учреждена была коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, задачею которой поставлено было изданіе древнихъ русскихъ государственныхъ грамотъ и актовъ великихъ и удѣльныхъ князей, новгородскихъ, царскихъ, актовъ земскихъ соборовъ, памятниковъ дипломатическихъ сношеній грамотъ объ избраніи и восшествіи на престолъ государей и т п важнѣйшихъ памятниковъ русской старины Въ теченіи 1813—1828 гг коммиссіею выпущены были четыре огромныхъ тома изданія „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, а въ 1837 году начато при академіи наукъ печатаніе пятаго тома этого изданія, выпущеннаго въ свѣтъ лишь въ 1894 году Кромѣ упомянутаго изданія, при коммиссіи было издано много другихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ важные памятники отечественной исторіи

Археографическая коммиссія, обогатившая русское историческое и историко-юридическое знаніе массою цѣнныхъ матеріаловъ, возникла при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ Въ 1828 году императорская академія наукъ, желая

главѣ II-й четвертаго отдѣла нашей «Исторіи права русскаго народа (т I, стр 249—259)

привести въ извѣстность и собрать историческіе матеріалы, хранящіеся по областнымъ архивамъ, монастырямъ и церквамъ, а также и у частныхъ лицъ рѣшила снарядить съ этою цѣлью особую археографическую экспедицію по Россіи. Выполненіе этого широко задуманнаго ученаго начинанія было возложено на извѣстнаго археографа П. М. Строева, въ помощь которому былъ приданъ чиновникъ академіи Я. И. Бередниковъ. Раздѣливъ между собою трудъ осмотра различныхъ мѣстностей, Строевъ и Бередниковъ съ 1830 по 1834 годъ объѣхали большую часть сѣверной и сѣверо-восточной Россіи, осмотрѣвъ до 200 архивовъ и библіотекъ. Въ 1834 году экспедиція возвратилась съ громаднымъ запасомъ собранныхъ ею матеріаловъ, и академія наукъ стала разработывать планъ ихъ изданія. Между тѣмъ результаты экспедиціи обратили на себя вниманіе императора Николая Павловича, и 24 декабря 1834 года для изданія собранныхъ матеріаловъ было высочайше повелѣно учредить при министерствѣ народнаго просвѣщенія особую Археографическую коммиссію. Открывъ свою дѣятельность съ 1835 года и непрерывно продолжая ее до настоящаго времени, Археографическая коммиссія издала подавляющую массу древнихъ актовъ и другихъ историческихъ и историко-юридическихъ матеріаловъ, размѣщенныхъ по различнымъ ея изданіямъ и оказавшихъ неоцѣнимую и громадную пользу русскому историческому знанію.

Изъ изданій Археографической коммиссіи особеннаго вниманія заслуживаютъ, съ точки зрѣнія исторіи русскаго права, слѣдующія:

Акты археографической экспедиціи, 4 тома (съ указателемъ къ нимъ (1836).

Акты историческіе, въ 5 томахъ (1841—1842 гг.).

Дополненія къ актамъ историческимъ, которыхъ вышло 12 томовъ (1843—1872 гг.).

Акты юридическіе 1 томъ (1838 г.).

Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, 3 тома (1-й — 1857 г., 2-й—1864 г., 3-й—1884 г.).

Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи, 7 томовъ (1846—1853 г.).

Акты относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, 8 томовъ (1861—1872 гг.) и др.

Съ 1872 года Археографическая коммиссія издаетъ „Русскую историческую библіотеку“, замѣнившую собою издававшіяся до тѣхъ поръ, подъ разнообразными названіями, сборники историческихъ актовъ

Сверхъ упомянутыхъ сборниковъ, Археографическая коммиссія съ 1846 года предприняла изданіе отечественныхъ лѣтописей, подъ заглавіемъ „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“, которыхъ съ 1841-го вышло 11 томовъ (съ I по XI и XV—XVI) первые томы вышли въ теченіи послѣдняго двадцатипятилѣтія вторымъ изданіемъ и, сверхъ того, нѣкоторыя лѣтописи изданы также въ роскошныхъ фотолитографическихъ снимкахъ Археографическая коммиссія издавала также „Писцовыя книги“, издаетъ „Четьи-минеи“, т е житія святыхъ, и много другихъ сборниковъ и книгъ, детальное перечисленіе которыхъ мы считаемъ возможнымъ опустить

Перейдемъ къ краткому обзору другихъ важнѣйшихъ собраній актовъ, грамотъ и т п матеріаловъ, предпринимавшихся въ истекшемъ столѣтіи различными учрежденіями

Первое мѣсто должно быть отведено здѣсь бывшему второму отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи, въ которомъ съ 1826 г сосредоточились кодификаціонныя работы и которое не мало потрудилось и въ дѣлѣ изданія историко юридическихъ памятниковъ. Самое капитальное изданіе Отдѣленія, это, конечно—„Полное собраніе законовъ россійской имперіи“, составленіе котораго было предпринято съ 1826 года, по иниціативѣ и по плану М М Сперанскаго, и которое заключаетъ въ себѣ хронологическое изложеніе текста узаконеній, состоявшихся съ 1649 года, т е съ изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, послѣднее и вошло сюда первымъ номеромъ перваго тома Это обширное изданіе заключается изъ двухъ вполнѣ законченныхъ собраній, перваго—обнимающаго собою узаконенія, изданныя съ 1649 года по 12 декабря 1825 годъ, т е день изданія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая I (46 томовъ въ 50-ти частяхъ, Спб 1830), и второе—обнимающее собою узаконенія съ 12 декабря 1825 года по 1 марта 1881 года, т. е за время царствованія императоровъ Николая I и Алек-

сандра II (55 томовъ въ 125 книгахъ, Спб 1830—1884) съ 1-го марта 1881 г, то есть со дня восшествія на престолъ императора Александра III, стало выходить третье „Полное Собраніе З Р И", продолжающееся и понынѣ Первые два собранія снабжены подробными алфавитными (предметными) и хронологическими указателями, въ весьма значительной степени облегчающими пользованіе ими Нечего, конечно, и говорить о томъ, что „Полное собраніе законовъ россійской имперіи" представляется источникомъ въ высшей степени важнымъ для исторіи русскаго права, безъ котораго не обойдется ни одинъ историко-юридическій трудъ, затрогивающій вопросы русской правовой жизни, начиная съ половины XVII вѣка Справедливость требуетъ замѣтить, что это Собраніе является полнымъ только по названію новѣйшія архивныя изслѣдованія обнаружили что сюда не вошло весьма значительное количество узаконеній которыхъ не имѣли въ виду составители Собранія Въ 1874 г предпринята была Е И Карновичемъ попытка частнаго переиздания Полнаго Собранія Законовъ подъ заглавіемъ „Собраніе узаконеній Россійскаго государства" но это изданіе не пошло далѣе перваго тома, соотвѣтствующаго первому же тому оффиціальнаго изданія

Далѣе вторымъ отдѣленіемъ собственной е и в канцеляріи были изданы „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными" (10 тт, Спб 1851—71), представляющіе собою богатый матеріалъ для исторіи русской дипломатіи, „Дворцовые разряды" (4 тт., Спб 1850—55), т е дворцовыя записи XVI—XVII вѣковъ о важнѣйшихъ придворныхъ событіяхъ, церемоніалахъ, царскихъ выходахъ, назначеніяхъ „Разрядныя книги" (2 тт съ указателемъ къ нимъ, Спб 1853—56), т е записныя книги съ означеніемъ различныхъ служебныхъ назначеній, посольскихъ и воеводскихъ отпусковъ, военныхъ дислокаціи, мѣстническихъ счетовъ и, вообще, важнѣйшихъ происшествій, имѣющихъ отношеніе къ государственной службѣ и разному дѣлу, которыя велись при Разрядномъ приказѣ, вѣдавшемъ службу и служилый классъ

Печатаніе своихъ архивныхъ матеріаловъ предпринимали и ведутъ нѣкоторыя высшія государственныя установленія Государственный Совѣтъ (,Архивъ Государствен-

наго Совѣта", съ 1869 г.), Правительствующій Сенатъ („Сенатскій Архивъ", съ 1888 г., и „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе Петра В.", 3 т.т. 1880—88), Комитетъ Министровъ („Журналы Комитета Министровъ", съ 1888 г.) и другія учрежденія.

Много актовъ издано также временными и постоянными коммиссіями для разборки древнихъ актовъ и центральными областными архивами; имѣются собранія актовъ областныхъ и отдѣльныхъ городовъ; немало издано было и актовъ изъ фамильныхъ архивовъ. Очень цѣнные историческіе матеріалы печатались и продолжаютъ печататься въ изданіяхъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, Императорскаго русскаго историческаго общества и другихъ ученыхъ обществъ; въ изданіяхъ губернскихъ архивныхъ коммиссій, въ губернскихъ вѣдомостяхъ и памятныхъ книжкахъ, въ историческихъ журналахъ и т. п. и т. п. Мы вынуждены положительно отказаться отъ детальнаго перечисленія всего, сдѣланнаго на этомъ поприщѣ [1]).

Познакомившись съ общимъ понятіемъ памятниковъ государственнаго и правоваго быта и съ общимъ положеніемъ дѣла ихъ изученія и выясненія въ нашемъ отечествѣ, мы можемъ приступить къ систематическому обозрѣнію этихъ основныхъ источниковъ науки исторіи русскаго права. Считаемъ необходимымъ впередъ оговориться, что разграничить твердою чертою памятники быта государственнаго и памятники быта правоваго—дѣло весьма трудное, настолько же трудное, насколько труднымъ представляется разграничить сферу государства отъ сферы права. Въ силу этого, обозрѣніе нами ниже этихъ памятниковъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ—будетъ носить характеръ весьма относительный.

Въ силу соображеній, которыя будутъ въ своемъ мѣстѣ приведены нами, мы включаемъ въ кругъ памятниковъ правоваго быта и современное обычное право русскаго народа.

---

[1]) Подробности см. въ нашей «Исторіи права русскаго народа» (т. I, стр. 174—177).

А—ПАМЯТНИКИ ГОСУДАРСТВЕННАГО БЫТА

Обзоръ памятниковъ русскаго государственнаго быта мы начнемъ съ **памятниковъ международныхъ сношеній** нашихъ предковъ съ иноземными государствами

Древнѣйшими изъ памятниковъ этого рода являются договоры первыхъ князей русскихъ съ Византіею, которые, по счастливой случайности, сохранились до нашихъ дней, во всей своей полнотѣ, въ текстѣ начальной лѣтописи Такихъ договоровъ извѣстно три договоръ великаго князя Олега 907—912 года, договоръ великаго князя Игоря, 945 года, и договоръ великаго князя Святослава 971 года всѣ три договора явились результатами войнъ съ Византіею которыя велись этими князьями Договоры знакомятъ насъ съ государственнымъ устройствомъ и внутреннимъ состояніемъ русской земли въ X вѣкѣ знакомятъ съ характеромъ и условіями древнѣйшей торговли нашихъ предковъ, знакомятъ насъ, наконецъ, и съ правомъ древнихъ руссовъ

Далѣе слѣдуетъ рядъ договоровъ съ сѣверо-германскими ганзейскими городами, которые заключались западно-русскими городами—Новгородомъ, Смоленскомъ и Полоцкомъ Кромѣ указанія на характеръ древне-русской торговли, всѣ эти договоры важны для изученія древняго государственнаго устройства русской земли и древняго русскаго права, въ его конфликтѣ съ правомъ германскимъ

Для изученія исторіи позднѣйшихъ международныхъ отношеній нашихъ къ иноземнымъ государствамъ—обильный матеріалъ представляютъ такъ называемые статейные списки, т е описанія посольствъ какъ отправлявшихся русскими государями въ чужіе края, такъ и принимавшихся ими изъ послѣднихъ Описанія посольствъ попадаются въ весьма многихъ сборникахъ актовъ по основнымъ источникомъ для изученія памятниковъ этого рода являются упомянутыя уже нами выше изданія „Разрядныя книги“, „Дворцовые разряды“ и, главнымъ образомъ—„Памятники дипломатическихъ сношеній“

Переходимъ къ разсмотрѣнію памятниковъ, отражающихъ въ себѣ исторію **древне-русскаго государственнаго устройства и управленія** Памятники этого рода въ высшей степени разнообразны, представляясь въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ

указовъ, описокъ, наказовъ, книгъ и т. п., ими буквально переполнены всѣ существующія изданія старинныхъ актовъ и сдѣлать полное обозрѣніе отдѣльныхъ видовъ памятниковъ этого рода, а тѣмъ болѣе представить сколько нибудь полное исчисленіе самыхъ изданій, въ которыхъ они встрѣчаются— дѣло положительно немыслимое Вслѣдствіе этого, мы представимъ обозрѣніе лишь важнѣйшихъ памятниковъ этого рода

Для исторіи организаціи верховной власти въ древней Россіи, по отношенію къ древнѣйшему, до-Московскому, періоду—важное значеніе представляютъ договоры князей съ Новгородомъ, договоры князей между собою и духовныя грамоты ихъ Новгородъ, въ эпоху своей самобытности, какъ и другіе города русскіе въ теченіи удѣльно-вѣчевого періода, самъ избиралъ себѣ князей изъ среды членовъ такъ называемаго Рюрикова дома, причемъ избранный князь, придя въ Новгородъ на княженіе, договаривался съ новгородскимъ вѣчемъ относительно взаимныхъ правъ и обязанностей, договоры подобнаго рода излагались на письмѣ въ формѣ „договорныхъ грамотъ“ Нѣтъ сомнѣнія, что подобные договоры заключались съ князьями и другими городами русскими и мы имѣемъ на это несомнѣнныя указанія въ лѣтописяхъ, но, къ сожалѣнію, до нашихъ дней сохранилось только нѣсколько договоровъ Новгорода съ своими князьями, образцы которыхъ интересующіеся могутъ найти въ первомъ томѣ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и въ первыхъ томахъ „Актовъ историческихъ“ и „Актовъ археографической экспедиціи“, а общее изслѣдованіе этихъ памятниковъ—въ сочиненіи профессора Соловьева. „Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ“ (1846 г.) Въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими князьями и между собою, а также и въ духовныхъ грамотахъ князей—мы находимъ картину государственныхъ понятій и государственнаго строя того времени, характеристику значенія государственной власти и различныхъ сторонъ государственной жизни русской земли въ XIV—XVI вѣкахъ, для исторіи которыхъ памятники этого рода и являются важнѣйшими, послѣ лѣтописей, источниками Какъ междукняжескія договорныя грамоты, такъ и духовныя грамоты князей, изданы въ первомъ томѣ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“

Для ознакомленія съ характеромъ и организаціею верховной власти въ Московскомъ государствѣ важны *окружныя грамоты* (напечатаны въ „Актахъ археографической экспедиціи“, въ „Актахъ историческихъ“ и въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“), которыми области извѣщались о вступленіи на престолъ новаго царя; *подкрестныя или крестоцѣловальныя грамоты* (тамъ-же), по которымъ области присягали царямъ и, наконецъ, *утвержденныя грамоты* (напечатаны въ „Актахъ археографической экспедиціи“, въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и въ Древней россійской вивліоѳикѣ“), т. е. торжественные утвердительные акты, составлявшіеся при избраніи на престолъ царей новой династіи. Съ историческими памятниками, уясняющими существо и организацію верховной власти, непосредственно соприкасаются *акты и приговоры земскихъ соборовъ* (напечатаны въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“); эти памятники даютъ намъ обстоятельную картину организаціи земскихъ соборовъ, передаютъ порядокъ соборныхъ засѣданій, знакомятъ съ мнѣніями и челобитьями, представлявшимися соборными людьми и, наконецъ, съ приговорами земскихъ соборовъ. Для второй половины XVII вѣка и для послѣдующихъ эпохъ оффиціальные источники, служащіе къ исторіи организаціи у насъ верховной власти, заключаются уже въ „Полномъ собраніи законовъ“.

Органами *центральнаго управленія* являлись въ Московской Руси—боярская дума и приказы. До нашихъ дней дошло огромное количество различнаго рода актовъ, являющихся памятниками дѣятельности этихъ учрежденій. Сюда относятся: „доклады“ приказовъ боярской думѣ и состоявшіеся по этимъ докладамъ „царскіе приговоры“, царскіе указы приказамъ, „памяти“, которыми сносились приказы между собою и „указы“, которые посылались приказами органамъ мѣстнаго управленія и т. п. памятники приказнаго дѣлопроизводства, которыми буквально переполнены изданія Археографической коммиссіи и другіе сборники актовъ. Для исторіи управленія въ древней Россіи важное значеніе представляютъ собою такъ называемыя *записныя книги приказовъ*, которыя велись при всѣхъ приказахъ и въ которыя заносились узаконенія и распоряженія, касавшіяся вѣдомства каждаго отдѣль-

наго приказа Нѣкоторыя записныя книги приказовъ напечатаны въ третьемъ выпускѣ „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“ проф Владимірскаго-Буданова и въ другихъ изданіяхъ, но большое количество памятниковъ этого рода остается до сихъ поръ неизданнымъ, сохраняясь въ архивахъ и, главнымъ образомъ, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи

Изъ общей массы остатковъ московскаго приказнаго дѣлопроизводства особенно важны памятники дѣятельности Разряднаго приказа или Разряда Сюда относятся разрядныя книги, съ сущностью которыхъ мы уже познакомились, боярскія книги, т е. списки служилыхъ людей, съ означеніемъ ихъ службъ, съ конца XVII вѣка въ этомъ же приказѣ сосредоточено веденіе родословныхъ книгъ московскихъ служилыхъ родовъ Большая часть памятниковъ дѣлопроизводства Разряднаго приказа хранится въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи

Весьма важное значеніе имѣло въ древней Руси управленіе военное и финансовое Памятниками военнаго управленія являются десятные списки или книги, т е списки служилыхъ людей по отдѣльнымъ городамъ, книги сеунчей въ которыя записались извѣстія „сеунщиковъ“, т е гонцевъ, присылавшихся съ театра войны, книги строильныя заключавшія въ себѣ описаніе строенія городовъ и ихъ укрѣпленій, книги засѣчныя, заключавшія въ себѣ описаніе „засѣкъ“, т е стратегическихъ линій лѣсовъ по южной украйнѣ государства, часто подвергавшейся нападенію крымцевъ и т п Памятниками финансоваго управленія являются книги писцовыя, переписныя, дозорныя, приправочныя, которыя заключали въ себѣ подробное описаніе городскихъ и уѣзныхъ податныхъ единицъ и на основаніи которыхъ производилась раскладка податей и повинностей, далѣе таможенныя книги и грамоты, служившія руководствомъ при сборѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ т е. особыхъ сборовъ съ торговли и сопряженныхъ съ нею дѣйствій Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, напримѣръ писцовыя книги, неоднократно издавались въ печати, но подавляющее большинство ихъ до сихъ поръ составляетъ достояніе архивовъ Начиная съ 1649 года основнымъ источникомъ для познанія исторіи центральнаго управленія является Полное собраніе законовъ

Переходимъ къ памятникамъ, сохранившимся отъ областного или мѣстнаго управленія Органами мѣстнаго управленія являлись въ древнѣйшую эпоху русской исторической жизни—посадники, которыхъ съ XIV вѣка смѣнялъ намѣстники и волостели, а съ конца XVI вѣка начинаетъ развиваться управленіе воеводское Мѣстное управленіе регулировалось въ XIV—XVI вѣкахъ уставными грамотами, опредѣлявшими порядокъ правительственнаго управленія, въ которыхъ обозначались права и обязанности лицъ стоявшихъ во главѣ мѣстнаго управленія, а въ эпоху воеводскаго управленія—воеводскими наказами, въ которыхъ нерѣдко съ замѣчательною подробностью предусматривались различныя стороны и вопросы областного управленія, наказы давались и всякаго рода должностнымъ лицамъ, вообще, получавшимъ тѣ или другія правительственныя назначенія или порученія Инструкціи для отправленія суда, дававшіяся органамъ мѣстнаго управленія—носили названіе судныхъ грамотъ, онѣ довольно близки къ грамотамъ уставнымъ

Областные правители получали отъ центральнаго правительства—указы, съ Москвою сносились отписками, а между собою—памятями Въ предѣлахъ областей ввѣренныхъ мѣстнымъ правителямъ, нѣкоторыя учрежденія корпораціи и отдѣльныя лица пользовались нерѣдко изъятіями изъ общаго порядка управленія и суда,—напримѣръ освобождались отъ финансовыхъ повинностей или отъ общей, нормальной, подсудности, такія изъятія предоставлялись жалованными грамотами, которыя получали еще названіе грамотъ тарханныхъ или несудимыхъ, если предоставляли судебные иммунитеты, т е. привиллегіи, и грамотами обѣльными, если освобождали отъ платежа податей Жалованныхъ грамотъ сохранилось до нашихъ дней весьма много онѣ давались частнымъ лицамъ, общинамъ, духовнымъ лицамъ, церквамъ и монастырямъ, тѣ льготныя грамоты, которыя давались въ эпоху татарскаго владычества ханами русскому духовенству, носятъ названія ханскихъ ярлыковъ.

Не мало сохранилось до нашихъ дней и памятниковъ, свидѣтельствующихъ о самоуправленіи, которымъ пользовались отдѣльныя области и общины или по всѣмъ, вообще, вопросамъ мѣстнаго управленія, или только по отношенію къ нѣкоторымъ предметамъ его Сюда относятся уставныя

грамоты опредѣляющія порядокъ земскаго самоуправленія, которое со второй половины XVI вѣка предоставлялось областямъ, съ полною отмѣною при этомъ казенныхъ правителей,—намѣстниковъ и волостелей,—и органами котораго являлись выборныя земскія власти Сюда же относятся губныя грамоты, предоставлявшія областямъ „губное право", т е право преслѣдованія, суда и карапія первоначально разбоевъ, а впослѣдствіе и другихъ высшихъ уголовныхъ преступленій, черезъ посредство своихъ выборныхъ судей Наконецъ, памятниками самодѣятельности земщинъ служатъ многочисленныя челобитья государямъ, въ которыхъ земскіе люди указывали свои нужды и потребности или заявляли жалобы на притѣсненія и обиды со стороны должностныхъ лицъ, къ этой же категоріи памятниковъ относятся земскіе и общинные приговоры по общественнымъ дѣламъ, выборы въ различныя общественныя должности, поручныя, т е поручительныя грамоты по лицамъ, избраннымъ въ какую либо должность, или принимаемымъ въ общину, или берущимъ на себя исполненіе тѣхъ или другихъ порученій и нѣкот др

Образцы всѣхъ приведенныхъ выше памятниковъ имѣются въ „Актахъ археографической экспедиціи", въ „Актахъ историческихъ" съ „Дополненіями" къ нимъ, въ „Актахъ юридическихъ", „Актахъ относящихся до юридическаго быта древней Россіи" и въ др сборникахъ актовъ, а съ 1649 года—и въ Полномъ собраніи законовъ

Б—ПАМЯТНИКИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА, ВЪ ТѢСНОМЪ СМЫСЛѢ ЭТОГО ПОНЯТІЯ

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію памятниковъ юридическаго быта Здѣсь мы прежде всего остановимся на дошедшихъ до насъ **памятникахъ законодательства**

Въ первоначальномъ правомъ быту всякаго народа всѣ юридическія отношенія опредѣляются исключительно такъ называемымъ обычнымъ правомъ, т. е нормами права, которыя не созданы законодательною властью, но, вытекая непосредственно изъ склада народнаго міровоззрѣнія, живутъ въ сознаніи народа, освященныя продолжительнымъ и одно-

образнымъ примѣненіемъ своимъ къ тѣмъ или другимъ отношеніямъ дѣйствительной жизни. Формою выраженія обычнаго права во внѣшности является—*правовой обычай*. На первыхъ ступеняхъ развитія правовой жизни народа это обычное право представляется даже неписаннымъ, но устнымъ живущимъ въ памяти народа и переживаемымъ, какъ священныя завѣты, отъ предковъ потомкамъ, отъ поколѣнія къ поколѣніямъ, а вѣщателями нормъ этого неписаннаго обычнаго права являются старѣйшины, древніе „судные мужи", „судные цѣловальники",—люди просвѣщенные долголѣтнимъ опытомъ жизни, которые и возвѣщаютъ это право на судѣ и наставляютъ въ немъ молодыя поколѣнія. Со временемъ обычное право начинаетъ записываться и, такимъ образомъ, возникаютъ старинные сборники нормъ обычнаго права, существующіе наряду съ устнымъ обычнымъ правомъ.

Рано или поздно, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія правовой жизни народа обычное право, какъ развивающееся весьма медленно и кромѣ того, весьма туго поддающееся прогрессу—становится уже безсильнымъ регулировать правовой бытъ, начинаетъ отставать отъ естественнаго роста народной жизни. Тогда возникаетъ *законодательная дѣятельность* т. е. творчество верховной власти въ дѣлѣ созданія и развитія права. На первыхъ порахъ своего существованія законодательная дѣятельность является средствомъ созданія права лишь вспомогательнымъ по отношенію къ обычному праву и сводится, главнымъ образомъ, къ формулированію на письмѣ и къ санкціи существующаго устнаго обычнаго права. Но, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, законодательная дѣятельность начинаетъ возвышаться надъ обычнымъ правомъ и, наконецъ, становится преобладающею формою регулированія правовой жизни народа, вмѣстѣ съ тѣмъ обычное право отходитъ уже на второй планъ и становится формою выраженія права подчиненною по отношенію къ законодательству. Указанныя выше степени развитія права наблюдаются въ жизни всѣхъ народовъ, онѣ наблюдаются и въ историческомъ ходѣ развитія жизни русскаго народа.

Исходною точкою развитія русскаго законодательства слѣдуетъ признать *договоры великихъ князей Олега* (907—912 г.) и *Игоря* (945 г.) съ *Византіею*, въ этихъ договорахъ впервые записываются и получаютъ законо-

дательную санкцію нѣкоторыя нормы обычнаго права древнихъ руссовъ, здѣсь впервые упоминаются „уставъ и законъ русскій“

Въ 988-мъ году совершилось принятіе на Руси христіанства въ качествѣ государственной и господствующей религіи Это событіе не могло остаться безъ вліянія на историческій ходъ развитія русской жизни, вообще, и правовой жизни въ частности съ этого событія начинается воздѣйствіе на русскую жизнь и на русское право греко-византійскихъ началъ, съ этого момента возникаетъ и историческій вопросъ о вліяніи византизма на строй древней русской жизни Вмѣстѣ съ христіанствомъ появился у насъ греческій сборникъ законовъ которыми отнынѣ должны были регулироваться какъ жизнь русской церкви, такъ и отношенія свѣтскаго права, долженствовавшія теперь вѣдаться церковью или обсуживаться съ христіанской точки зрѣнія Такимъ сборникомъ явился греческій Номоканонъ, заключавшій въ себѣ, съ одной стороны—свѣтскія узаконенія византійскихъ императоровъ, а съ другой стороны—каноническія постановленія Въ нашемъ отечествѣ Номоканонъ получилъ названіе Кормчей книги, т е книги, имѣющей значеніе „кормчаго“ для молодой русской церкви и для неокрѣпшаго еще въ христіанствѣ народа Руководствуясь Кормчею книгою, духовенство стало проводить въ русскую жизнь и въ русское законодательство греко-византійскія начала Вслѣдъ за введеніемъ христіанства появляются въ русской землѣ, кромѣ Кормчей книги, и русскіе памятники церковнаго права—именно церковные уставы русскихъ князей Первый церковный уставъ приписывается, по крайней мѣрѣ въ краткой его редакціи, самому просвѣтителю русской земли великому князю Владиміру это—Церковный уставъ св Владиміра Слѣдующій памятникъ приписывается сыну и преемнику св Владиміра, великому князю Ярославу это такъ называемый Церковный уставъ в к Ярослава Въ послѣдующее время издано было еще нѣсколько церковныхъ уставовъ. Во всѣхъ указанныхъ церковныхъ уставахъ и грамотахъ, кромѣ постановленій собственно церковныхъ, мы находимъ попытки приложенія христіанскихъ началъ къ условіямъ русской жизни, вообще, и правовой, въ частности, видимъ проявленіе борьбы началъ христіанскихъ съ началами языческими—и въ этомъ отноше-

ніи памятники эти весьма важны для русской исторіи и для исторіи русскаго права XI—XIII вѣковъ

Наряду съ церковно-гражданскимъ законодательствомъ, въ первомъ періодѣ русской исторической жизни возникаетъ и памятникъ свѣтскаго права, въ которомъ живо отразилось древнее обычное право руссовъ—Русская Правда Русская Правда не была продуктомъ единовременной законодательной дѣятельности изученіе этого памятника обнаруживаетъ въ немъ постепенное наслоеніе отдѣльныхъ постановленій, формулировавшихся въ различныя эпохи и, по мѣрѣ появленія своего приписывавшихся къ основной Правдѣ Поэтому, совершенно неосновательнымъ должно быть признано названіе Русской Правды, во всемъ ея объемѣ—„Ярославовою“ названіе которое, однакоже, весьма нерѣдко употребляется Дѣло въ томъ, что законодательной дѣятельности великаго князя Ярослава принадлежитъ далеко не вся Русская Правда, но только та часть ея, которая извѣстна подъ названіемъ „Краткой Русской Правды“, все же остальное содержаніе Русской Правды, вся такъ называемая „Подробная Русская Правда“—является уже позднѣйшимъ наслоеніемъ законодательныхъ нормъ къ этой основной Правдѣ самого Ярослава

Законодательство XIV и первой половины XV вѣковъ развивалось путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ, которыя, имѣя ближайшею задачею своею регламентацію областного управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ касались и нѣкоторыхъ сторонъ права, преимущественно уголовнаго и процессуальнаго, сюда относятся грамоты жалованныя, судныя и уставныя Лишь во второй половинѣ XV вѣка появляются въ русской землѣ болѣе или менѣе обширные законодательные своды, возникаетъ дѣятельность кодификаціонная и, прежде всего, въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ псковскомъ и новгородскомъ. Здѣсь возникаютъ два въ высшей степени важные памятника права, извѣстные подъ названіемъ Псковской Судной грамоты (1467 г) и Новгородской Судной грамоты (1471 г) Названіе этихъ памятниковъ „грамотами“—не совсѣмъ правильно они представляются „сборниками“, притомъ первый изъ нихъ даже весьма обширнымъ Появленіе обоихъ памятниковъ права вызвано было совершенно одинаковыми обстоятельствами во второй половинѣ XV вѣка усиливающееся московское великое княженіе стало угро-

жать политической самобытности Пскова и Новгорода,—и вотъ псковичи и новгородцы, желая спасти свое право, спасти тѣ законы, по которымъ привыкли судиться они сами, ихъ отцы и прадѣды, постановляютъ на вѣчахъ составить сборники дѣйствовавшихъ у нихъ законовъ для того, чтобы эти послѣдніе не были забыты послѣ присоединенія къ Москвѣ обоихъ народоправствъ

Въ самомъ концѣ XV вѣка, именно въ 1497 году, появляется первый законодательный сборникъ московскаго государства—Судебникъ великаго князя Іоанна III-го. Появленіе этого памятника имѣетъ важное историческое значеніе Москва объединила передъ тѣмъ подъ своею властью почти всѣ отдѣльныя, бывшія прежде самостоятельными, области русскія, совершила централизацію территоріальную—и теперь стремится объединить и законодательства этихъ областей, стремится восполнить территоріальную централизацію—централизацією законодательною, давъ въ первомъ Судебникѣ своемъ сборникъ законовъ уже общій для всѣхъ областей русскихъ

Въ 1550 году появляется второй законодательный сборникъ московскаго государства это—Судебникъ царя и великаго князя Іоанна IV-го, называемый также царскимъ, въ отличіе отъ перваго, называемаго княжескимъ, Судебникъ Іоанна IV представляетъ собою лишь исправленіе и дальнѣйшее развитіе перваго Судебника

Къ эпохѣ царя Іоанна IV относится и составленіе сборника Стоглава, замѣчательнаго памятника церковнаго законодательства половины XVI вѣка. Какъ и Судебники, Стоглавъ имѣетъ непосредственное соотношеніе къ завершившейся передъ тѣмъ территоріальной централизаціи если Судебники могутъ быть признаны выраженіемъ централизаціи законодательной, то Стоглавъ представляется попыткою централизаціи русской духовно-религіозной жизни Стоглавъ—памятникъ высокаго интереса для изученія условій внутренней жизни русской церкви и русскаго общества половины XVI вѣка,—жизни, еще полной борьбы христіанскихъ началъ съ началами языческими и переживаній языческаго періода жизни нашихъ предковъ

Послѣ изданія Судебника 1550 года русское законодательство снова вступаетъ на путь развитія своего путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, восполняющихъ

и развивающихъ теперь Судебникъ. Всѣ отдѣльные законодательные акты, изданные въ промежутокъ времени отъ 1550 года по 1649 г (годъ изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича), извѣстны подъ названіемъ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ, они даютъ богатый матеріалъ для изученія государственной и правовой жизни русскаго народа во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII-го вѣковъ Дополнительные указы, касавшіеся предметовъ вѣдомства отдѣльныхъ приказовъ, записывались при послѣднихъ въ особыя книги и такимъ образомъ возникли указныя или записныя указныя книги приказовъ многія изъ этихъ книгъ дошли до нашихъ дней и часть ихъ издана въ свѣтъ Всѣ приведенные выше памятники законодательства (кромѣ Кормчей книги и Стоглава) изданы, для цѣлей учебныхъ, профессоромъ кіевскаго университета М Ф Владимірскимъ-Будановымъ въ трехъ выпускахъ его „Христоматіи по исторіи русскаго права“, гдѣ всѣ памятники снабжены толкованіями и указаніемъ ихъ литературы, отдѣльныя грамоты законодательнаго характера приведены здѣсь, конечно, только въ образцахъ Кормчая Книга и Стоглавъ имѣются отдѣльными изданіями

Наконецъ, въ 1649 году появляется третій законодательный памятникъ московскаго государства—Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича Этотъ обширный законодательный памятникъ стоитъ уже на рубежѣ древняго и новаго русскаго законодательства Уложеніе 1649 года часто называется также „Соборнымъ“, такъ какъ оно было составлено при участіи созваннаго для этой цѣли земскаго собора Въ царствованіе же Алексѣя Михаиловича, именно въ 1653 году, была въ первый разъ напечатана Кормчая книга, обращавшаяся до тѣхъ поръ въ рукописныхъ спискахъ.

Послѣ Уложенія наше законодательство снова начинаетъ развиваться посредствомъ изданія отдѣльныхъ узаконеній, вся совокупность которыхъ съ 1649 года по 1696 годъ (начало единодержавнаго царствованія Петра I-го) извѣстна подъ названіемъ Новоуказныхъ статей Начиная съ Уложенія, памятники русскаго законодательства находятся уже напечатанными въ Полномъ собраніи законовъ россійской имперіи, въ которомъ Уложеніе и помѣщено во главѣ перваго тома

Съ начала XVIII столѣтія развитіе русскаго законодательства совершается посредствомъ изданія отдѣльныхъ законовъ самаго разнообразнаго вида и содержанія — регламентовъ (такъ регламенты даны Петромъ I учрежденнымъ имъ, взамѣнъ приказовъ, коллегіямъ), учрежденій, уставовъ, положеній, наказовъ, указовъ, манифестовъ и т п Несмотря на неоднократныя попытки кодификаціи вызывавшіяся въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка накопленіемъ законодательнаго матеріала, общаго сборника дѣйствующихъ законовъ или „новаго Уложенія“ у насъ не появлялось вплоть до 1832 года, когда былъ изданъ нынѣ дѣйствующій Сводъ законовъ россійской имперіи Подобно Уложенію и новоуказнымъ статьямъ, памятники русскаго законодательства XVIII и XIX столѣтій напечатаны въ Полномъ собраніи законовъ, въ которомъ всѣ вновь появляющіеся законодательные акты продолжаютъ въ такомъ же порядкѣ печататься и по настоящее время

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ законодательства, памятниками правового быта нашихъ предковъ представляются также и акты частнаго гражданскаго оборота Сюда относятся духовныя грамоты, договоры (рядныя грамоты), купчія крѣпости, мѣновныя, данныя и другія записи, межевыя грамоты, заемныя кабалы и т п акты Затѣмъ сюда же должны быть отнесены акты процессуальнаго производства жалобницы, явки и челобитныя (по которымъ вчинались иски), приставныя, зазывныя и срочныя грамоты (которыми тяжущіеся вызывались на судъ), судные списки (протоколы судоговоренія), обыски (допросы), сказки (показанія лицъ, участвующихъ въ процессѣ), правыя и безсудныя грамоты (изложеніе судебныхъ рѣшеній), поручныя записи (которыми тѣ или другія лица давались на поруки) и мн др Акты подобнаго рода напечатаны, главнымъ образомъ, въ „Актахъ юридическихъ“ и въ Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи“, изданныхъ Археографическою коммиссіею

В —СОВРЕМЕННОЕ ОБЫЧНОЕ ПРАВО РУССКАГО НАРОДА

Выше, говоря объ историческомъ ходѣ развитія юридическаго быта каждаго народа, мы указали что, на первоначаль-

ныхъ ступеняхъ его жизни, всѣ правоотношенія регулируются исключительно обычнымъ правомъ, съ сущностью котораго мы тогда же познакомились Обычное право, являясь результатомъ непосредственнаго творчества народнаго духа, не помнитъ своего начала, таящагося въ отдаленныхъ вѣкахъ сѣдой древности, не помнитъ, чтобы кто нибудь установилъ его, подобно тому, какъ и другой продуктъ духовной жизни народа,—языкъ,—не помнитъ, что бы кто нибудь изобрѣлъ его Исторія человѣческой культуры и исторія права давно уже констатировали ту громадную силу, какую представляетъ собою обычное право не только у народовъ, всецѣло еще регулирующихъ свою правовую жизнь этою первичною формою выраженія права, но даже и у народовъ, у которыхъ, наряду съ обычнымъ правомъ, уже возникла вторая форма выраженія права—законодательство Одна изъ характерныхъ особенностей обычнаго права—это его упорный консерватизмъ Этотъ консерватизмъ является результатомъ не только самаго характера образованія и прекращенія обычая,—совершающихся крайне медленно,—но особенно является онъ результатомъ привязанности народа къ своимъ обычаямъ народъ дорожитъ ими, ревностно оберегаетъ ихъ отъ забвенія, считаетъ соблюденіе ихъ дѣломъ священнымъ, угоднымъ божественной волѣ и, наоборотъ, измѣну установившемуся обычаю—считаетъ дѣломъ чурнымъ, преступнымъ, прогивнымъ волѣ божества Многіе народы простираютъ на столько далеко авторитетность обычнаго права, что вырабатываютъ представленіе о божественномъ происхожденіи своихъ обычаевъ

Обычаями регулировали свою правовую жизнь и наши предки въ ту отдаленную эпоху, о которой дошли до насъ древнѣйшія историческія указанія Такъ, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, вошедшая въ нашу начальную лѣтопись, характеризуя древнѣйшій бытъ восточно-славянскихъ племенъ передъ призваніемъ князей, заявляетъ, что эти племена „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“ И впослѣдствіе славяно-руссы всегда отличались привязанностью къ своимъ обычаямъ, къ „закону и преданьямъ отецъ своихъ“, представлявшимися имъ стариною, пошлиною, т е началами жизни, которыя пошли изъ глубины вѣковъ, которыя составляютъ

священный завѣтъ, унаслѣдованный ими отъ отцовъ и дѣдовъ. Призвавъ варяго-русскихъ князей, новгородскіе славяне, по преданію, обязуютъ ихъ судить и рядить „по праву“; и въ послѣдующіе вѣка новгородцы, заключая „ряды“, т. е. договоры, съ своими князьями, всегда требовали отъ нихъ обѣщанія держать ихъ „по старинѣ“, „по старымъ пошлинамъ“. Мы увидимъ впослѣдствіе, что эти „старыя пошлины“ въ Псковѣ систематически облекались въ письменную форму („приписки псковскихъ пошлинъ“) и включались въ систему писаннаго права, которое отлилось во второй половинѣ XV-го вѣка въ грандіозный памятникъ вѣчевого законодательства—Псковскую судную грамоту; мы увидимъ, что и Русская Правда явилась отраженіемъ древне-славянскаго обычнаго права. Нѣкоторыя сферы древне-русскаго обычнаго права, построенныя на почвѣ языческаго міровоззрѣнія,—напримѣръ отношенія права брачнаго,—долго и упорно боролись впослѣдствіе съ началами христіанства и отраженія этихъ древнихъ, до-христіанскихъ, началъ—и до настоящаго времени еще могутъ быть наблюдаемы въ обычаяхъ русскаго крестьянства; свадебные и похоронные обычаи, многія празднества и игрища нашего крестьянства—носятъ несомнѣнные слѣды переживанія древнѣйшей, языческой, поры жизни народа.

Начало консерватизма, которымъ характеризуется обычное право всякаго народа, вообще, и русскаго народа, въ частности; свидѣтельства исторіи о той упорной борьбѣ, съ какою неоднократно противостояло русское обычное право попыткамъ законодательства внести въ него измѣненія; наконецъ то обстоятельство, что цѣлые десятки милліоновъ русскаго крестьянства,—оставшіеся во многихъ отношеніяхъ внѣ вліяній, которыя въ теченіе XVIII и XIX столѣтій бороздили складъ жизни другихъ классовъ населенія,—до сихъ поръ регулируютъ свой правовой бытъ почти исключительно обычнымъ правомъ, жизненную силу котораго должно было признать само законодательство, предоставивъ ему полную свободу примѣненія въ крестьянскихъ и, до недавняго еще времени, въ мировыхъ судахъ,—все это даетъ историку-юристу основаніе искать въ современномъ обычномъ правѣ русскаго народа переживаній его древняго юридическаго быта.

Разработка современнаго обычнаго права русскаго народа—дѣло у насъ еще сравнительно новое, хотя нельзя не сказать, что на этомъ поприщѣ уже имѣются весьма почтенные труды, которые и теперь дають возможность интересныхъ сопоставленій началъ этого обычнаго права съ исторіею права русскаго народа Такъ, остатки договорнаго воззрѣнія на бракъ, многіе свадебные обряды, принципъ наслѣдственнаго права, по которому „сестра при братьяхъ не вотчинница“, обычай, въ силу котораго отцовскій дворъ достается младшему брату (Русская Правда устанавливаетъ· „а дворъ безъ дѣлу огень всякой меншему сынови“), цѣлый рядъ отношеній общиннаго быта и условій общиннаго землевладѣнія—все это явленія, которыя устанавливаются въ генетическую связь съ историческимъ развитіемъ русской правовой жизни

Отсюда понятнымъ становится, почему современное обычное право русскаго народа—должно занять свое мѣсто въ ряду источниковъ исторіи русскаго права, на первое время примкнувъ къ кругу памятниковъ юридическаго быта Нѣтъ, однако-же, сомнѣнія въ томъ, что, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ изученія обычнаго права нашего народа и съ внесеніемъ въ это изученіе историко-сравнительнаго метода (въ особенности примѣнительно къ обычному праву и исторіи права другихъ славянскихъ народовъ)—современное обычное право получитъ значеніе вполнѣ самостоятельнаго источника русской историко-юридической науки Пока же въ этой области сдѣланы только отдѣльныя, и притомъ частичныя, начинанія

VI.

Система изложенія науки исторіи русскаго права.

Изученіе всякой науки всегда предполагаетъ изложеніе ея въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстной системѣ

Это положеніе является безусловно вѣрнымъ и въ примѣненіи его къ историческимъ наукамъ, при изложеніи которыхъ принято раздѣлять это послѣднее по періодамъ. Конечно, жизнь народа развивается по закону преемственности явленій, развивается безъ всякихъ скачковъ и перерывовъ, развивается такимъ же постепеннымъ и послѣдовательнымъ путемъ, какимъ развивается всякій организмъ, но, взглядываясь въ историческое развитіе жизни каждаго народа, мы всегда будемъ имѣть возможность подмѣтить въ прагматической цѣпи фактовъ и явленій—отдѣльныя эпохи, которыя принимаютъ характеръ и колоритъ болѣе или менѣе самостоятельные, сравнительно съ предшествующими и послѣдующими Жизнь народа не можетъ представляться сѣрою, безцвѣтною смѣною историческихъ явленій Какъ и въ жизни каждаго организма, здѣсь наблюдаются и эпохи нормальнаго развитія, и эпохи уклоненія отъ этого послѣдняго, наблюдаются эпохи болѣзненнаго и здороваго состоянія организма, эпохи то особенной интенсивности развитія организма, то, обусловленной разнаго рода условіями и воздѣйствіями, задержки въ этомъ развитіи

Все это ведетъ къ совершенно естественному раздѣленію исторической жизни народа на извѣстные періоды, соотвѣтственно различію самыхъ началъ, лежавшихъ въ основѣ тѣхъ или другихъ промежутковъ его историческаго бытія Дѣленіе на періоды допускаетъ не одна только политическая исторія народа, но и исторія всѣхъ проявленій его физической и духовной жизни, а въ числѣ этихъ послѣднихъ — и исторія права

Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что не всѣ историки раздѣляютъ мысль о цѣлесообразности изложенія исторіи по періодамъ Такъ, у насъ противъ такого способа изложенія ея возсталъ С М Соловьевъ, который и отвергъ въ своей „Исторіи Россіи“ какое бы то ни было дѣленіе на періоды, расположивъ свой трудъ лишь по государствованіямъ и царствованіямъ,—способъ изложенія, противъ котораго, въ свою очередь, можно было бы многое сказать Не вдаваясь въ критику покойнаго историка, замѣтимъ только, что его предубѣжденіе противъ цѣлесообразности дѣленія исторіи на періоды является, во всякомъ случаѣ, преувеличеннымъ Исторія обратится, конечно, въ мертвый матеріалъ для трупосѣченія, въ педантно разставленную по шкафамъ и полкамъ коллекцію раритетовъ, если мы примемъ для дробнаго дѣленія ея по періодамъ какіе либо факты чисто внѣшняго характера—напримѣръ, перенесеніе изъ города въ городъ резиденціи представителя суверенитета, воцареніе или кончину носителя верховной государственной власти, изданіе кодекса, войну, мирный трактатъ и т п Но исторія народа не утратитъ своего прагматизма, если мы возьмемъ для дѣленія ея на періоды такія историческія явленія, которыя оставили глубокія борозды на народной жизни, внося въ нее новыя начала, новые идеалы и стремленія или болѣе или менѣе радикально измѣняя прежнія, которыя коренным образомъ измѣняли текущее направленіе этой жизни, тѣмъ самымъ рельефно оттѣняя двѣ смежныя эпохи

Все то, что сказано было о дѣленіи на періоды исторіи народа, вообще, всецѣло относится и къ дѣленію на періоды исторіи права И здѣсь были попытки принимать за предѣльныя грани періодовъ явленія болѣе или менѣе внѣшняго характера, причемъ, въ погонѣ за изысканіемъ математически опредѣленныхъ точекъ для установки такихъ граней, естественный ходъ развитія права и правоотношеній насильственно вписывали въ рамки совершенно произвольно взятыхъ періодовъ Такъ, были попытки опредѣленія грани между періодами вокняженіемъ того или другого государя, въ особенности же в к Іоанна III, другіе принимали предѣльною гранью періодовъ—введеніе христіанства третьи—изданіе сборниковъ законодательства, что является опять такимъ неудобнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ, для разграниченія періодовъ, прихо-

дится прибѣгать къ явленіямъ внѣшней исторіи права, а именно таковымъ представляется кодификація права, и дѣленіе науки на періоды по такимъ признакамъ умѣстно было бы развѣ только для исторіи законодательства, но никакъ не для исторіи права

Такимъ образомъ, слѣдуетъ обратиться къ болѣе глубокому анализу исторической жизни народа, чтобы найти въ ней рельефно выдѣляющіяся одно отъ другого и вліявшія на всѣ стороны народной жизни теченія, которыя могли бы быть положены въ основу дѣленія на періоды Всматриваясь въ тысячелѣтній ходъ развитія русской исторической жизни, мы придемъ къ сознанію, что какъ русская исторія, вообще, такъ и исторія русскаго права, въ частности, вполнѣ естественно и весьма рельефно распадаются на три большихъ періода

Въ первомъ изъ этихъ періодовъ, который принято называть удѣльно-вѣчевымъ или княжескимъ, земско-вѣчевое начало выступаетъ основнымъ стимуломъ всего какъ государственнаго такъ и общественнаго строя, что и придаетъ этому періоду совершенно самостоятельную и типичную окраску Въ самомъ началѣ этого періода совершается зарожденіе русской государственности, возникаетъ общая государственная власть объединившая отдѣльныя славянскія и инородческія племена, разсѣянныя по обширной равнинѣ восточной Европы Эта власть, сосредоточившаяся въ представителяхъ одного княжескаго рода, вскорѣ раздробляется между болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ отдѣльныхъ князей, вслѣдствіе развѣтвленія обладавшаго ею рода Такимъ образомъ, русская земля распадается на цѣлую систему отдѣльныхъ, самостоятельныхъ княженій,— удѣловъ,— постоянно боровшихся и соперничавшихъ между собою Съ другой стороны, на ряду съ княжескою властью возвышалась и другая, не менѣе могущественная воля—воля земщины, выражавшаяся въ исконномъ органѣ послѣдней—вѣчѣ, отношенія между обоими этими факторами древнѣйшей русской государственной жизни опредѣлялись добровольнымъ соглашеніемъ, свободнымъ договоромъ Вообще, договорное начало, въ многоразличныхъ проявленіяхъ своихъ, составляло коренную основу всей древне-русской жизни не только въ государственныхъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ общественныхъ, соціальныхъ Договорное начало легло въ основу отношеній князей

къ земщинѣ, отношеній удѣльныхъ князеи между собою, оно легло далѣе въ основу отношеній служебныхъ, въ основу организаціи служилыхъ силъ, договорнымъ началомъ опредѣлялись, наконецъ, и отношенія сословныя и общинныя Очевидно что, при подобномъ господствѣ въ древней русской жизни договорнаго начала, не могло быть и рѣчи о самодержавіи верховной власти, такъ какъ воля князя, въ нормальномъ проявленіи ея, могла лишь на столько заявлять себя въ сферѣ государственной жизни, на сколько согласовалась она съ волею земщины, выражавшеюся въ непосредственномъ органѣ послѣдней—вѣчѣ

Только что указанныя характерныя черты этого перваго періода русской исторической жизни даютъ намъ основаніе окрестить его наименованіемъ **періода Руси земско-вѣчевой**

Совершенно иной порядокъ жизни начинаетъ слагаться въ русской землѣ послѣ покоренія ея татарами До покоренія русской земли татарами судьбами ея заправляли двѣ паралельно стоявшія и взаимно согласовавшіяся воли—воля князя и воля вѣча, воля земщины Немедленно послѣ татарскаго погрома на судьбы русской земли начинаетъ оказывать могущественное вліяніе еще третья воля—воля хана ордынскаго Воля хана, какъ воля покорителя, оказывается могущественнѣе и воли князя и воли земщины Пользуясь своимъ фактическимъ превосходствомъ, она подчиняетъ себѣ первую, т е волю князя, и отнимаетъ всякое государственное, жизненное значеніе у послѣдней, т е у воли земщины, весьма наглядными представляются тѣ причины, которыя вслѣдъ за татарскимъ покореніемъ, должны были сломить автономію земщины, постепенно умалять значеніе вѣча и, наконецъ, совершенно уничтожить это учрежденіе Въ силу обстоятельствъ и условій, съ которыми мы впослѣдствіе ознакомимся, особаго могущества и значенія въ русской землѣ достигаютъ князья, впослѣдствіе великіе князья, московскіе Москва, въ эпоху татарскаго погрома еще незначительный удѣльный городокъ, становится мало по малу центромъ русской государственной жизни, постепенно округляетъ и распространяетъ свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ съ нею областей и княженій и, управляемая рядомъ энергичныхъ и въ высшей степени умѣвшихъ приноравливаться

къ обстоятельствамъ великихъ князей, становится уже Московскимъ государствомъ, — самымъ могущественнымъ изъ остальныхъ великихъ княженій русскихъ Москва уже рано начинаетъ выказывать свои централизаціонныя стремленія и тенденцію объединить подъ своею властью всѣ самостоятельныя еще русскія области Послѣдняя задача съ успѣхомъ завершается великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ покореніемъ Пскова, съ паденіемъ псковской вольности пала подъ власть Москвы послѣдняя, до нѣкоторой степени самостоятельная еще, русская волость Между тѣмъ еще въ концѣ XV вѣка удалось Москвѣ освободиться изъ подъ власти ослабѣвшей и раздираемой внутренними смутами Орды и, стряхнувъ съ себя иго послѣдней, выступить на арену исторіи могущественнымъ, единодержавнымъ и самодержавнымъ государствомъ, а съ половины XVI вѣка—царствомъ Московскимъ

Съ образованіемъ единодержавнаго и самодержавнаго московскаго государства русская исторія и тѣсно связанная съ нею исторія русскаго права вступаютъ во второй періодъ —въ періодъ московскій, не вполнѣ удачно называемый также „царскимъ“, неудобство наименованія этого періода „царскимъ“ заключается въ томъ, что начало его не совпадаетъ съ принятіемъ московскими государями царскаго титула

Въ **московскій періодъ** развитіе правовой жизни русскаго народа начинаетъ существенно видоизмѣняться сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ и въ ея отношенія проникаютъ новые элементы, нерѣдко діаметрально противоположные удѣльно вѣчевымъ

Это прежде всего и особенно отчетливо проявляется въ организаціи государственной власти Теперь исчезаютъ уже всякіе слѣды договорнаго отношенія государственной власти къ земщинѣ Государственная власть московскаго періода становится не только единодержавною, но и самодержавною Еще за-долго до того замолкнувшее вѣче перестало служить органомъ выраженія воли земщины надъ всею русскою землею возвысилась единая самодержавная и могущественная воля—воля государя московскаго, который становится первоначальнымъ и завершающимъ звѣномъ всякаго рода власти, въ немъ коренится идея правды и общественнаго блага и

черезъ его посредство находитъ себѣ практическое осуществленіе Этимъ, конечно, не исключается еще возможность вліянія земской воли на проявленіе дѣятельности государственной власти, и, дѣйствительно, послѣдняя нерѣдко прислушивается и теперь къ голосу земской воли (земскіе соборы, право челобитій) но теперь согласованіе дѣятельности государственной власти съ волею народа теряетъ уже обязательный характеръ, коренясь единственно только въ свободной волѣ государя

Договорное начало исчезаетъ, затѣмъ, и во всѣхъ другихъ сферахъ государственныхъ и, частью, общественныхъ отношеній, замѣняясь началомъ крѣпости Московское государство стремится закрѣпить всѣ государственные элементы, желая всецѣло утилизировать ихъ для обще-государственныхъ цѣлей Прежде всего закрѣпляются служилые люди, въ концѣ XVI вѣка совершается закрѣпленіе крестьянскаго, волостного, населенія, наконецъ, въ періодъ времени отъ воцаренія царя Михаила Ѳеодоровича до изданія Уложенія 1649 года, исподволь совершается закрѣпленіе городского, посадскаго, населенія Такимъ образомъ московское государство вырабатываетъ замкнутыя въ извѣстномъ смыслѣ слова сословія, всецѣло подчиненныя государственнымъ цѣлямъ и интересамъ, съ болѣе или менѣе ясно начерганнымъ для каждаго изъ нихъ кругомъ правъ и обязанностей

Весьма значительныя видоизмѣненія терпитъ, въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ, и самая законодательная дѣятельность Съ паденіемъ вѣча естественно должно было пасть и вѣчевое законодательство, оставивъ на рубежѣ стараго и вновь наступающаго періодовъ два грандіозныхъ памятника въ лицѣ судныхъ грамотъ Псковской и Новгородской Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается и непосредственное право сословій на участіе въ законодательной дѣятельности государственной власти,—участіе, столь широкое въ предшествующемъ періодѣ Единый и первоначальный источникъ законодательной власти представляетъ собою лишь государь московскій, если теперь и допускаются къ участію въ законодательной дѣятельности представители извѣстныхъ слоевъ населенія или отдѣльныя лица, то не иначе, какъ на основаніи личнаго усмотрѣнія государя и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сочтетъ онъ подобное участіе цѣлесообразнымъ Затѣмъ характерною чертою законодательной дѣятельности,

въ первоначальную эпоху существованія московскаго государства, является стремленіе его къ объединенію областныхъ законодательствъ, явившихся наслѣдіемъ удѣльнаго періода, стремленіе къ сглаженію партикулярныхъ чертъ ихъ и къ концентрированію ихъ въ общихъ законодательныхъ сборникахъ Таково значеніе и мысль перваго законодательнаго сборника московскаго—Судебника Іоанна III и послѣдующей переработки и восполненія его—Судебника Іоанна IV Наконецъ, существенную черту московскаго законодательства составляетъ стремленіе къ кодификаціи законодательныхъ нормъ и къ возможно правильной систематизаціи отдѣльныхъ законоположеній Это стремленіе проявляется, въ первомъ отношеніи—въ изданіи болѣе или менѣе полныхъ и систематизированныхъ законодательныхъ сборниковъ, во второмъ отношеніи—въ приписке къ послѣднимъ издающихся послѣ обнародованія ихъ отдѣльныхъ нормъ и въ учрежденіи записныхъ указныхъ книгъ, въ которыхъ весь законодательный матеріалъ, по мѣрѣ накопленія его, группируется по вѣдомствамъ, къ которымъ относятся отдѣльныя нормы, его составляющія

Въ сферѣ внутренней администраціи замѣчаются постоянныя, хотя и не всегда плодотворныя, заботы правительства о возможно лучшей организаціи какъ центральнаго, такъ и областного управленія Въ первомъ отношеніи должно отмѣтить твердую организацію боярской думы и учрежденіе приказовъ, т. е главныхъ центральныхъ управленій, завѣдующихъ извѣстными вѣдомствами Въ области мѣстнаго управленія дѣятельность московскаго правительства характеризуется стремленіемъ отыскать такую организацію его, которая всецѣло отвѣчала-бы требованіямъ государственныхъ интересовъ и въ возможно большей степени гарантировала бы благосостояніе населенія и его безопасность отъ злоупотребленій со стороны областныхъ правителей,—задача нелегкая и не достигнутая московскимъ государствомъ Въ безпрестанныхъ поискахъ за лучшею организаціею областного управленія оно не перестаетъ колебаться въ выборѣ между системою правительственнаго управленія и между системою земскаго самоуправленія и, то усиливая приказный элементъ, то выдвигая на первый планъ земское самоуправленіе, выказываетъ крайнюю нерѣшительность и недовѣріе какъ къ первому, такъ и ко второму.

Въ сферѣ уголовнаго права вырабатывается государственное воззрѣніе на существо преступнаго дѣйствія взамѣнъ частнаго воззрѣнія на него, господствовавшаго въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, хотя уже и въ теченіи послѣдняго постепенно замѣтнымъ дѣлается это измѣненіе воззрѣнія Московское государство усвоиваетъ себѣ взглядъ на преступное дѣяніе, какъ на злое проявленіе воли, нарушающее интересы всего общества, всего государственнаго союза и, въ силу этого, выдѣляетъ подъ названіемъ „губныхъ дѣлъ“ цѣлый кругъ преступленій, инициативу преслѣдованія которыхъ возлагаетъ на обязанность правительственной или общественной власти, хотя-бы и не было на лицо частной жалобы потерпѣвшаго Вмѣстѣ съ тѣмъ, московское законодательство усвоиваетъ себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ умыслѣ и неумышленности, о вмѣненіи и о различной степени напряженія злой воли преступника въ различныхъ стадіяхъ движенія ея отъ начальнаго замысла къ полному осуществленію преступнаго дѣянія Въ системѣ преступленій развиваетъ оно цѣлый кругъ преступленій политическихъ и преступленій квалифицированныхъ, неизвѣстныхъ удѣльному періоду Въ сферѣ наказаній вырабатывается обширная система жестокихъ смертныхъ, членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній, не встрѣчавшихся въ уголовномъ правѣ перваго періода

Въ области частнаго гражданскаго права продолжаютъ дѣйствовать нормы изстариннаго обычнаго права, развивавшіяся и дополнявшіяся самою жизнью, вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдней Законодательство въ рѣдкихъ случаяхъ брало на себя регламентацію нормъ гражданскаго права,—да и то въ тѣхъ только отношеніяхъ, которыя имѣли государственный характеръ, тѣсно соприкасаясь съ интересами государственнаго союза, такъ, въ особенно значительной степени обращала на себя вниманіе регламентація вотчинныхъ и помѣстныхъ отношеній, и это вполнѣ понятно, такъ какъ отношенія эти лежали въ основѣ организаціи московскаго служилаго класса

Въ сферѣ процесса обращаетъ на себя вниманіе возникновеніе особаго вида уголовнаго процесса для преслѣдованія важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій, выдѣляющихся въ понятіе губныхъ дѣлъ, инициативу преслѣдованія которыхъ, какъ мы это только что видѣли, беретъ на себя госу-

дарственная или общественная власть, помимо частнаго обвиненія потерпѣвшаго отъ преступленія лица Это—слѣдственный процессъ или сыскъ, характеризующійся не только сейчасъ указаннымъ способомъ возбужденія его, но и дальнѣйшимъ ходомъ своимъ, при которомъ важную роль играетъ повальный обыскъ и пытки Сыску противополагается обвинительный процессъ или судъ въ собственномъ смыслѣ слова, по прежнему остающійся общею формою процесса для дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ,—но изъ послѣднихъ тѣхъ только, которыя не причислялись къ дѣламъ губнымъ и, слѣдовательно, не подлежали преслѣдованію порядкомъ сыскнаго процесса

Таковы важнѣйшія и наиболѣе бросающіяся въ глаза особености, характеризующія развитіе различныхъ сторонъ государственной и правовой жизни московскаго государства и оттѣняющія московскій періодъ отъ періода удѣльно-вѣчевого

Москва не сразу сдѣлалась, однако же, государствомъ единодержавнымъ и самодержавнымъ Дѣло московской централизаціи подготовлялось въ теченіи почти двухъ вѣковъ. Московскіе государи-собиратели русской земли не прибѣгали къ рѣзкимъ, потрясающимъ переворотамъ и дѣйствіямъ,—но медленно, шагъ за шагомъ, шли къ достиженію преслѣдуемой ими цѣли Вполнѣ естественно, что, вслѣдствіе подобнаго характера развитія московскаго великаго княженія, далеко не легкимъ дѣломъ представляется опредѣленіе съ хронологическою точностью начальнаго момента московскаго періода Многія явленія, подмѣчаемыя въ этомъ періодѣ, таятъ начало и первоначальное развитіе свое въ глубинѣ удѣльно-вѣчевого періода и, обратно, многія явленія удѣльно-вѣчевого періода находятъ себѣ болѣе или менѣе сильный отголосокъ и въ московскомъ періодѣ Вообще, промежутокъ времени отъ покоренія русской земли татарами и до полнаго завершенія дѣла объединенія русской земли—представляется во многихъ отношеніяхъ какъ-бы нейтральнымъ поясомъ, въ которомъ сходятся особенности того и другого періодовъ Это—эпоха ломки старыхъ порядковъ, обусловливаемой совершившимся фактомъ татарскаго завоеванія, эпоха всеобщаго броженія государственныхъ и общественныхъ элементовъ, въ результатѣ котораго

является возникновеніе единодержавнаго и самодержавнаго московскаго государства

Татарскій погромъ, постигшій въ половинѣ XIII вѣка русскую землю и всею своею тяжестью легшій на Русь центральную, среди которой, слѣдомъ затѣмъ, начинаетъ формироваться московское государство, рѣзкими чертами выдѣлилъ изъ общерусской земщины двѣ составныя части, которыя, послѣ татарскаго покоренія, и вступаютъ въ обособленный режимъ политической жизни Это—сѣверно-русскія народоправства и Русь юго-западная (польско-литовская), черты государственнаго и правового строя которыхъ представляютъ собою особенности, заставляющія выдѣлить ихъ въ самостоятельные циклы русской исторической жизни интересующаго насъ періода

Приведенныя выше соображенія побуждаютъ насъ расчленить изложеніе московскаго періода исторіи русскаго права на двѣ эпохи 1) Русь эпохи московской централизаціи и 2) Русь эпохи московскаго царства

Съ исходомъ XVII вѣка стала замирать жизнь московскаго государства, все еще продолжавшая, такъ или иначе, оставаться на почвѣ компромисса (земскіе соборы—напримѣръ) между старыми земскими устоями жизни и нарождающимся и все болѣе и болѣе пріобрѣтающимъ фактическое значеніе абсолютнымъ централизаціоннымъ режимомъ государственнаго строя Рѣшительный переворотъ дѣлается въ этомъ направленіи эпохою реформъ Петра Великаго Съ началомъ единодержавнаго (1696 г.) царствованія Петра, русская государственная, общественная и правовая жизнь терпитъ коренныя преобразованія Въ эту жизнь вносятся новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ей или, по крайней мѣрѣ, не сознававшіяся ею начала,—начала заимствованныя изъ западно-европейской жизни Разносторонніе и многочисленныя реформы Петра I совпадаютъ и съ основаніемъ новаго центра государственной жизни русскаго народа Этимъ новымъ центромъ является вновь основанная столица С.-Петербургъ Сюда переселяется изъ Москвы царское семейство и дворъ, сюда переносится жизненный пульсъ всей государственной организаціи, здѣсь учреждаются и новые высшіе органы центральнаго управленія Вмѣстѣ съ тѣмъ завершается московскій періодъ рус-

ской исторіи и послѣдняя вступаетъ въ новый періодъ—періодъ—Петербургскій, называемый также императорскимъ; послѣднее названіе объясняется тѣмъ, что въ началѣ этого періода Петръ I принялъ титулъ „императора“, отодвинувшій уже на второе мѣсто прежній титулъ „царя и великаго князя“.

Въ какія формы расчленится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи этотъ третій, переживаемый нами, періодъ русской исторической жизни—это вопросъ весьма отдаленнаго будущаго, но несомнѣннымъ представляется тотъ фактъ, что на нашихъ глазахъ, обнародованіемъ высочайшаго манифеста 17 октября 1905 года, завершился первый двухсотлѣтній круговоротъ этого періода, который мы назовемъ „эпохою абсолютнаго имперіализма“ и который въ полномъ объемѣ своемъ долженъ уже сдѣлаться теперь достояніемъ исторіи отчественнаго права. Съ 17 октября 1905 года Россія вступила въ новую эпоху своей исторической жизни—въ эпоху конституціоннаго правопорядка, возвращаясь, такимъ образомъ, къ началу народнаго представительства въ управленіи, которому не былъ чуждъ даже московскій царизмъ, но который не могъ сдѣлаться достояніемъ первыхъ двухъ вѣковъ петербурскаго періода нашей исторической жизни, отмѣченныхъ чертами абсолютнаго централизаціонно-бюрократическаго режима и господствомъ односторонне принимаемой идеи государственнаго утилитаризма.

Всѣ приведенные выше доводы и соображенія позволяютъ намъ намѣтить **слѣдующую схему изложенія науки исторіи русскаго права:**

I. Періодъ первый—Русь земско-вѣчевая или удѣльная (до монгольскаго погрома).

II. Періодъ второй—Русь Московская.

А. Русь эпохи московской централизаціи (отъ монгольскаго погрома до начала московскаго царства).

Б Московское царство (отъ начала его до эпохи реформъ Петра Великаго)

III Періодъ третій—Петербургскій.

А Эпоха абсолютнаго имперіализма (XVIII-й и XIX-й вѣка—до 17 октября 1905 года)

Только что намѣченная схема и будетъ нами положена въ основу изложенія науки исторіи русскаго права

Еще одинъ вопросъ заключительнаго характера

Можно ли установить математически-точныя грани для раздѣленія указанныхъ нами трехъ періодовъ русской исторической жизни? На это слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, да въ этомъ и не представляется никакой надобности. Жизнь медленно, безъ скачковъ и перерывовъ, вступала изъ одного періода въ другой, явленія одного періода заходятъ въ другой періодъ, переплетаются между собою и разрубать и насильственно втискивать ихъ въ искусственныя рамки—явилось бы трудомъ совершенно безплоднымъ Москва какъ мы уже сказали выше, не разомъ сдѣлалась, напримѣръ, государствомъ единодержавнымъ, но дѣло московской централизаціи подготовлялось и выполнялось въ теченіи почти двухъ вѣковъ Если уже не такъ трудно, то, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ легко установить и твердую грань между періодами московскимъ и петербургскимъ Тѣ факты, что Петръ I съѣздилъ за-границу, переселился съ береговъ Москвы-рѣки къ берегамъ Финскаго залива, нарядилъ свой служилый классъ въ нѣмецкое платье и заставилъ его брить бороды или сталъ заводить вмѣсто приказовъ коллегіи—еще не могутъ служить точно поставленнымъ рубежемъ двухъ періодовъ исторической жизни великаго народа, разбросаннаго по почти безпредѣльнымъ пространствамъ восточной Европы и сѣверной Азіи Весьма многія явленія московскаго періода—заходятъ въ періодъ петербургскій, или продолжая здѣсь свое существованіе, или модифицируясь на новыхъ началахъ, или же, просто на просто, медленно вымирая Съ другой стороны, многія явленія собственно петербургскаго пе-

ріода—*тлятъ* свое начало еще въ періодѣ московскомъ и Петръ, могучею волею своею, далъ только толчокъ ихъ дальнѣйшему развитію, особенно знаменательна въ этомъ отношеніи эпоха такъ называемыхъ „новоуказныхъ статей“ (1649—1696 гг.), являющаяся съ характеромъ переходной отъ Руси московской къ Россіи петровской

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Формація народа и государства.

I.

Славяне и начало славяно-русской самобытности —Обзоръ теорій древняго быта славянъ, вообще, и русскихъ славянъ, въ особенности

Извѣстно, что Азія почитается колыбелью народовъ такъ называемаго арійскаго или индо-европейскаго племени, къ которому принадлежатъ древнѣйшіе европейскіе насельники, а въ числѣ ихъ и **славяне**, давшіе основной элементъ для образованія русской народности

Исторія не въ состояніи указать ту весьма отдаленную эпоху, когда часть арійцевъ, покинувъ свою первоначальную азіатскую родину, двинулась на западъ и разселилась по отдѣльнымъ мѣстностямъ европейскаго материка Не могла исторія указать до сихъ поръ и той отдаленной поры, когда изъ общей массы арійскаго пра-народа выдѣлился славянскій элементъ, принадлежащій къ такъ называемой сѣверно-европейской или славяно-германской отрасли арійскаго племени Не одно тысячелѣтіе скрывалось происхожденіе славянъ въ толчеѣ племенъ и народовъ, выбрасывавшихся Азіею на материкъ Европы, не одно тысячелѣтіе протекло отъ этихъ временъ незапамятной старины и до появленія первыхъ историческихъ извѣстій о теперешней русской землѣ

Имя „славянъ“ было впервые произнесено въ исторіи не ранѣе конца V-го или начала VI-го вѣка отъ Р Х—и это

обстоятельство давало ученымъ поводъ отрицать старобытность ихъ въ Европѣ, пріурочивая начальное появленіе славянъ на европейскомъ континентѣ лишь къ концу IV-го вѣка, когда они проникли сюда, будто бы, слѣдомъ за гуннами Особенно настойчиво проводили эту мысль ученые нѣмецкіе, въ вопросѣ о колонизаціи средней, сѣверной и восточной Европы тенденціозно выдвигавшіе впередъ первенствующую роль германскаго элемента и почти совершенно устранявшіе съ исторической арены племя славянское Тенденціозность нѣмецкихъ ученыхъ встрѣтила себѣ отпоръ со стороны писателей славянскаго лагеря (Добровскій, Шафарикъ, Венелинъ, Лелевель, Гедеоновъ, Забѣлинъ, Иловайскій, Самоквасовъ и др), настаивавшихъ на глубокой старобытности славянъ въ Европѣ. Такъ, Добровскій утверждалъ, что славяне являются такими же исконными насельниками Европы, какими признаются здѣсь греки, романцы, германцы Польскій ученый Лелевель доказывалъ, что славяне, хотя и подъ другими этнологическими названіями, не менѣе двухъ тысячелѣтій населяютъ мѣстности между рѣками Одеромъ, Вислою, Нѣманомъ, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Дунаемъ Венелинъ настаивалъ на томъ, что „славяне—старожилы Европы, наравнѣ съ греками и латинами“, и что „толковать о распространеніи ихъ лишь съ VI-го вѣка — значитъ бредить въ просонкахъ“ Забѣлинъ проводитъ мысль, что въ явленіи великаго переселенія народовъ должны быть розыскиваемы „истинныя основанія русской исторіи“ и что всѣ эти скиѳы, сарматы, роксолане, гунны и др. народы, дефилирующіе на рубежѣ древней и средней исторіи — весьма значительны для русской исторіи, такъ какъ „прямо указываютъ на старинныхъ хозяевъ нашей земли, которые въ теченіи вѣковъ не могли же не оставить намъ кое чего въ наслѣдство“

Не касаясь вопроса о болѣе или менѣе остроумно построенныхъ попыткахъ генетически связать славянскую народность съ различными племенами, фигурирующими на зарѣ средней исторіи и, въ частности, съ скиѳами, скажемъ лишь, что исторія застаетъ славянское племя уже разселеннымъ въ восточной части Европы, между Балтійскимъ моремъ и устьемъ р Дона, на западѣ — до р Вислы и Карпатскихъ горъ Первыя достовѣрныя извѣстія о славянахъ появляются въ источникахъ лишь съ начала VI вѣка по Р Х Съ этой поры они

становятся извѣстными византійцамъ подъ своимъ настоящимъ именемъ, такъ какъ начинаютъ крѣпко тѣснить съ сѣвера Византію и даже вторгаются въ ея задунайскія области Это не могло не побудить византійцевъ къ болѣе близкому ознакомленію съ своими безпокойными сосѣдями, къ изученію ихъ общественно-политическаго строя, нравовъ, образа жизни На этой почвѣ съ начала VI вѣка открывается рядъ свидѣтельствъ византійскихъ писателей о славянахъ—свидѣтельствъ, правда, не обильныхъ и не подробныхъ, но далеко не лишенныхъ, тѣмъ не менѣе, серьезнаго историческаго интереса Свидѣтельства византійскихъ авторовъ, къ которымъ предъходятъ показанія германскихъ хроникъ и арабскихъ землеописателей, сводятся, въ общемъ, къ слѣдующимъ выводамъ Въ VI—X вѣкахъ по Р Х славянское племя занимало обширное пространство восточной Европы между Балтійскимъ моремъ, Карпатскими горами, р Дономъ и верховьями р Волги Населявшая это громадное пространство земель славянская народность не представляла изъ себя органическаго цѣлаго она распадалась на множество отдѣльныхъ племенъ, проникнутыхъ духомъ племенной вражды, къ счастью своихъ германскихъ и византійскихъ сосѣдей, которые хорошо пользовались подъ-часъ этою печальною но къ сожалѣнію, до сихъ поръ присущею славянской народности чертою характера

Обратимся теперь къ преданіямъ самихъ славянскихъ народовъ Эти преданія, подтверждаемыя изученіемъ названій мѣстныхъ рѣкъ и урочищъ, укажутъ намъ на Дунай, какъ на мѣсто древнѣйшаго поселенія ихъ здѣсь послѣ выхода изъ Азіи, пространство земель, расположенныхъ между р Дунаемъ и Карпатскими горами—является исходною точкою разселенія славянъ по Европѣ Отсюда началась колонизація ихъ по различнымъ направленіямъ,—колонизація медленная но, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорная и успѣшная Эта колонизація распространилась на югъ—до Балканскихъ горъ, переваливъ даже за южные отроги ихъ, на юго-западъ—до Адріатическаго моря, на сѣверъ—по бассейнамъ рѣкъ Эльбы, Одера и Вислы, до самаго Балтійскаго моря, на сѣверо-востокъ—до озера Ильменя, верховьевъ р Волги и по бассейнамъ рѣкъ западной Двины и Днѣпра Колонизація на югъ привела славянъ въ соприкосновеніе съ восточною частью римской имперіи, которой и выпало на долю сдерживать напоръ славянъ

къ Эгейскому морю Колонизація на сѣверъ привела ихъ въ соприкосновеніе съ германцами и была сдержана послѣдними, причемъ съ теченіемъ времени часть славянъ была оттиснута на востокъ, другая же часть подпала вліянію германцевъ и подверглась продолжительному процессу германизаціи Болѣе интересна для насъ колонизація славянъ на сѣверо-востокъ въ этой колонизаціи лежитъ зародышъ исторіи русскаго народа, такъ какъ она послужила началомъ разселенія по пространству нынѣшняго отечества нашего отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ основнымъ элементомъ въ составъ будущей русской народности, и надолго обусловила собою дальнѣйшее направленіе исторической жизни ея

Если мы взглянемъ на карту и примемъ въ соображеніе географо-гидрографическія условія восточной Европы передъ эпохою движенія сюда славянъ отъ странъ придунайскихъ и прикарпатскихъ, то поймемъ причины успѣшности славянской колонизаціи въ этомъ направленіи Дѣйствительно, на сѣверо-востокѣ, начиная отъ восточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ вплоть до крайнихъ предѣловъ европейскаго материка и до Уральскаго хребта—безпредѣльною равниною раскинулись неизмѣримыя пространства, перерѣзываемыя могучими рѣками, направляющими теченіе свое въ три моря, примыкающія къ этой равнинѣ Особенно замѣчательна въ географическомъ отношеніи мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Валдайской плоской возвышенности („Окскій лѣсъ“ начальной лѣтописи) здѣсь, на незначительномъ по своему протяженію пространствѣ, берутъ начало свое три великія рѣки — Волга, Днѣпръ и Западная Двина Первая изъ нихъ открываетъ путь въ восточныя края этой обширной равнины и къ отдаленному морю Хвалисскому (Каспійскому), а черезъ значительнѣйшій притокъ свой Каму — открываетъ дорогу къ самому подножью Уральскаго хребта, естественному предѣлу между Европою и Азіею Вторая рѣка ведетъ на югъ и открываетъ путь къ древнему Понту Эвксинскому или „Русскому“, нынѣшнему Черному, морю, связывая далекій сѣверъ съ землями восточной римской имперіи—центромъ цивилизованнаго міра первой половины среднихъ вѣковъ Третья рѣка открываетъ путь въ Балтійское море и, черезъ это послѣднее, въ отдаленнѣйшія страны запада Южная, т. е днѣпровская, рѣч-

ная система имѣетъ еще одну замѣчательную въ географическомъ отношеніи особенность войдя рѣкою Невою изъ Финскаго залива въ озеро Нево (нынѣшнее Ладожское) и поднявшись впадающею въ послѣднее рѣкою Волховымъ въ озеро Ильмень, а отсюда рѣкою Ловатью до ея верховьевъ — мы очутимся въ близкомъ разстояніи отъ верхняго теченія Днѣпра, отъ котораго будемъ отдѣлены лишь волокомъ не длиннѣе ста верстъ, перебравшись черезъ этотъ волокъ — мы могли бы спуститься внизъ по Днѣпру до самаго впаденія его въ Черное море Такимъ образомъ открывается великій водный путь „изъ варягъ въ греки“, о которомъ свидѣтельствуетъ начальная лѣтопись и которымъ издревле пользовались наши славянскіе предки для своихъ сообщеній съ Черноморьемъ и Византіею

Согласно съ обще славянскими преданіями, на придунайскія и на прикарпатскія земли, какъ на мѣстность первоначальнаго поселенія славянъ въ Европѣ указываютъ и **преданія русскихъ славянъ**, нашедшія себѣ отраженіе въ нашей такъ называемой „начальной“ лѣтописи, въ связи съ повѣствованіемъ о порядкѣ разселенія славянъ, спустившихся съ восточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ, по рѣчнымъ и озернымъ системамъ великой восточно европейской равнины

Открывъ свое повѣствованіе разсказомъ о раздѣленіи между собою сыновьями Ноя послѣ всемірнаго потопа, всей земли и указавъ на происхожденіе отъ нихъ всѣхъ народовъ, начальная лѣтопись заявляетъ, что „по мнозѣхъ времянѣхъ сѣли суть славѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска (т е венгерская) земля и Болгарьска“ Такимъ образомъ, нашъ древній лѣтописецъ заноситъ въ свою хронику общеславянское преданіе о первоначальной родинѣ славянъ въ Европѣ Отсюда,—повѣствуетъ онъ,—разошлись славяне по землѣ, причемъ отдѣльныя племена ихъ получили названія свои отъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ поселились одни,—продолжаетъ лѣтописецъ,—получили названіе Моравы (отъ р Моравы, по которой они осѣли), другіе — Чеховъ, третьи — Бѣлыхъ Хорватовъ, Сербовъ, Хорутанъ Что касается, въ частности, выселенія славянъ съ Дуная на сѣверо-востокъ, въ предѣлы нынѣшняго отечества нашего, то лѣтописецъ приводитъ преданіе и о самой причинѣ, вызвавшей это движеніе на дунайскихъ славянъ насѣли „волохи“ (кто такіе эти „волохи“—до

сихъ поръ въ этомъ отношеніи еще не установилось единогласія: одни видятъ въ нихъ кельтовъ, другіе—римлянъ, третьи—даковъ) и своими насиліями побудили часть ихъ выселиться въ болѣе свободныя земли, спустившись съ восточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ и разселившись по восточно-европейской равнинѣ.

Разселяясь здѣсь, повѣствуетъ начальная лѣтопись, славянскія племена получили свои названія отъ тѣхъ мѣстностей, которыя были ими заняты. Славяне, сѣвшіе по правому степному берегу средняго теченія рѣки Днѣпра, назвались—Полянами, другое племя, поселившееся въ лѣсистой мѣстности, къ западу отъ Полянъ, получило названіе—Древлянъ, сѣвшіе между рѣками Припетью и Западною Двиною стали называться—Дреговичами, сѣвшіе по р. Западной Двинѣ—Полочанами, получивъ это названіе отъ р. Полоты, притока Западной Двины, сѣвшіе по рѣкамъ Деснѣ, Семи и Сулу нарекались - Сѣверянами, наконецъ славяне, поселившіеся близъ озера Ильменя—„прозвашася своимъ именемъ“, т. е. сохранили за собою родовое названіе Славянъ, впослѣдствіе лѣтописецъ, дѣйствительно, знаетъ это племя подъ собственнымъ названіемъ Славянъ, такъ что въ этомъ смыслѣ названіе „Славяне“ —употребляется имъ для отличія новгородскихъ славянъ отъ Полянъ, Древлянъ и др. племенъ восточныхъ славянъ, получившихъ на новыхъ мѣстахъ поселенія своего и новыя племенныя названія. Сверхъ перечисленныхъ выше племенъ, выселившихся въ восточную равнину Европы непосредственно изъ странъ придунайскихъ, лѣтописецъ указываетъ намъ еще два славянскія племени, выселившіяся сюда изъ привислянскихъ странъ, изъ среды славянскаго же племени Ляховъ это, именно—Радимичи, сѣвшіе по р. Сожу (лѣвому притоку верхняго теченія р. Днѣпра), и Вятичи, сѣвшіе къ востоку отъ Радимичей, по верховьямъ р. Оки.

Кромѣ разселившихся въ восточной равнинѣ Европы собственно славянскихъ племенъ, начальная лѣтопись перечисляетъ и мѣстныхъ аборигеновъ-финновъ, платящихъ, по ея словамъ, „дань Руси“. Здѣсь фигурируютъ меря, весь, мурома, мордва, мещера, черемисы, ливь, чудь, емь, пермь, югра, печора.

Разселившись, въ только что указанномъ порядкѣ, по рѣкамъ и озерамъ восточной Европы, славяне не образовали

здѣсь одного политическаго цѣлаго; проникнутые духомъ племеннаго партикуляризма, они не только не могли сплотиться но, напротивъ, постоянно враждовали между собою и раздирались внутренними усобицами. Объ этомъ партикуляризмѣ и взаимномъ несогласіи славянскихъ племенъ свидѣтельствуютъ намъ, какъ мы это уже видѣли, иноземные писатели; ясныя указанія на нихъ находимъ мы и въ нашей начальной лѣтописи.

Изъ византійскихъ писателей особенно цѣннымъ представляются свидѣтельства Прокопія Кесарійскаго, который знаетъ нашихъ отдаленныхъ предковъ подъ наименованіями славянъ и антовъ. Этотъ авторъ далъ древнѣйшія и весьма любопытныя свѣдѣнія о бытѣ и религіи славянъ. Говоря объ устройствѣ общественнаго быта славянъ, Прокопій свидѣтельствуетъ, что „славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи (ἐνδημοχρατία)“ и что у нихъ „въ обычаѣ совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ“. Живутъ славяне, по свидѣтельству того же писателя, въ плохихъ хижинахъ, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ территоріи; жизнь свою устраиваютъ по старинным обычаямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ; главнымъ божествомъ ихъ является богъ-громовержецъ (славянскій Перунъ), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они поклоняются и другимъ божествамъ, а также почитаютъ рѣки и рѣчныхъ нимфъ (русалки). Другой византійскій историкъ VI-го вѣка, императоръ Маврикій, описывая славянъ и антовъ, говоритъ, что оба народа весьма схожи своими нравами и образомъ жизни: они въ высокой степени почитаютъ свободу и нѣтъ никакой возможности принудить ихъ къ повиновенію единой власти. Свидѣтельствуя о томъ, что у „славянъ много царьковъ“, Маврикій добавляетъ, что они „не терпятъ никакого повелителя“, что ихъ „невозможно никакимъ образомъ склонить къ повиновенію“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ средѣ славянъ царитъ постоянное несогласіе: „чего хотятъ одни, на то не соглашаются другіе; ни одинъ не хочетъ повиноваться другому и всѣ питаютъ другъ къ другу вражду“. Для поселеній своихъ славяне выбираютъ мѣстности болотистыя и лѣсистыя, дѣлая, на случай опасности, нѣсколько выходовъ изъ своихъ домовъ и имѣя обыкновеніе, съ тою же цѣлью, зарывать все цѣнное имущество въ землю. На войнѣ славяне мужественны и хитры, что, вмѣстѣ съ са-

мымъ характеромъ ихъ поселеній, дѣлаетъ наступательную войну противъ нихъ невозможною. Но, съ другой стороны, Маврикій указываетъ хорошія стороны въ характерѣ славянъ, восхваляя ихъ гостепріимство, вниманіе къ чужеземцамъ и гуманныя отношенія къ плѣннымъ и невольникамъ. Съ распространеніемъ знакомства византійцевъ съ славянами—названіе антовъ постепенно исчезаетъ и названіе славянъ становится нарицательнымъ для всѣхъ племенъ, населявшихъ землю между устьемъ р. Вислы и р. Дономъ, между Балтійскимъ моремъ и Карпатскими горами.

Къ свидѣтельствамъ о славянахъ, оставленнымъ намъ византійскими авторами, слѣдуетъ добавить и извѣстія арабскихъ писателей. Извѣстія о славянахъ были заносимы въ ихъ описательныя сочиненія благодаря тому обстоятельству, что арабскіе торговцы, путешественники и миссіонеры часто посѣщали восточныя области нынѣшняго отечества нашего, гдѣ находился, не вдалекѣ отъ устья р. Камы—городъ Булгаръ, столица царства волжскихъ булгаръ, а при устьяхъ р. Волги—городъ Итиль, столица Хазарскаго царства, съ которыми арабы поддерживали постоянныя сношенія и гдѣ они могли имѣть случай познакомиться съ славянами и добыть свѣдѣнія о земляхъ, ими занимаемыхъ. По свидѣтельствамъ арабовъ—славяне не составляютъ одного народа, но дѣлятся на множество отдѣльныхъ племенъ, между которыми царятъ вѣчная вражда и междоусобія; одинъ изъ арабскихъ писателей (Аль-Бекри) добавляетъ, что если бы славяне не были такъ раздроблены и если бы между отдѣльными племенами ихъ было менѣе несогласія, то ни одинъ народъ въ мірѣ не въ состояніи былъ бы имъ противиться". Такой же характеръ носятъ и позднѣйшія свидѣтельства о славянахъ. Титмаръ Мерзебургскій говоритъ о славянскомъ племени Лутичей, что они „не повинуются одному властителю, а сообща совѣщаются о дѣлахъ своихъ": Адамъ Бременскій пишетъ про славянъ, что они „не терпятъ между собою господина и повелителя"...,

Обращаясь къ русскимъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ мы и здѣсь наталкиваемся на тѣ же черты племеннаго партикуляризма нашихъ предковъ. Характеризуя образъ жизни ихъ, начальная лѣтопись заявляетъ, что отдѣльныя восточно-славянскія племени жили каждое „особо", „ко-

до на своихъ мѣстахъ", что они „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья—кождо свой нравъ" Извѣстно, что наша начальная лѣтопись именно съ этою племенною разобщенностью, съ этими племенными раздорами и усобицами, съ отсутствіемъ „наряда"—ставитъ въ связь записанное ею преданіе о призваніи варяжскихъ князей и о началѣ русской государственности „И не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся, рѣша сами въ себѣ поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву и пр" „Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ"—таковъ самый мотивъ лѣтописнаго преданія о призваніи „изъ за моря" варяго-русскихъ князей

Мы познакомились съ тѣмъ шаткимъ, исполненнымъ недоумѣній, противорѣчій и предположеній состояніемъ, въ которомъ находится одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ зарожденіемъ русской самобытности это—вопросъ объ историческихъ судьбахъ древняго славянства, вообще, и восточно-русскаго славянства, которому суждено было передать свое наименованіе нашему народу и государству, въ частности Не въ большей ясности очень долго оставался и другой краеугольный вопросъ, тѣсно связанный съ зарожденіемъ русской государственности—**вопросъ о коренныхъ началахъ общественнаго быта, въ которомъ стояли восточно славянскія племена, вошедшія впослѣдствіе въ составъ русской народности**

Вообще говоря, среди нашихъ историковъ и историковъ-юристовъ наблюдались и наблюдаются три основныя теоріи,—или, вѣрнѣе, три основныя группы теорій,—древнѣйшаго общественнаго быта восточныхъ славянъ передъ эпохою и въ эпоху образованія русскаго государства, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ Болѣе подробное изложеніе этихъ трехъ теорій интересующіеся найдутъ въ нашей „Исторіи права русскаго народа" (т I, стр 363—405)

I По первой изъ этихъ теорій,—слѣдующихъ одна за другою, во времени, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы

ихъ будимъ приводить,— восточные славяне жили въ ту отдаленную отъ насъ эпоху въ родовыхъ основахъ быта Это ученіе, выработавшееся въ цѣлую **теорію родового быта** восточно-русскихъ славянъ, исходитъ изъ положенія о томъ, что передъ эпохою образованія государства русскіе славяне жили въ родовыхъ союзахъ, т е расчленялись на отдѣльные роды члены которыхъ связаны были между собою единствомъ кровнаго происхожденія, общностью родовой собственности, началомъ родовой самопомощи и самозащиты, причемъ съ внѣшней стороны объединялись патримоніальною властью родоначальника или заступающаго его мѣсто старшаго въ родѣ Дальнѣйшія положенія послѣдователей этой теоріи сводятся къ постепенному ослабленію началъ родового быта, параллельно съ усиленіемъ началъ государственныхъ, которыя, въ концѣ концовъ, и получаютъ торжество надъ первыми Видоизмѣняясь въ своихъ частностяхъ, въ исходныхъ положеніяхъ и въ доказательныхъ доводахъ, только что набросанныя нами положенія представляются основною схемою, по которой строились всѣ отдѣльныя теоріи родового быта

Основателемъ теоріи родового быта древней Руси явился уже извѣстный намъ дерптскій профессоръ Г Эверсъ, авторъ перваго научно-систематическаго труда въ области древняго русскаго права Эверсъ признавалъ родовой бытъ за форму общественности, безусловно и у всѣхъ народовъ предшествующую быту государственному Въ основѣ всякаго древнѣйшаго общественнаго быта Эверсъ признаетъ родовые союзы или роды, зиждущіеся на началахъ кровнаго родства, на патріархальной власти общаго родоначальника или старѣйшины въ родѣ, на институтѣ общей родовой собственности и на родственномъ судѣ, расправѣ и самозащитѣ Государство,— по воззрѣнію Эверса,— есть ничто иное, какъ „соединеніе отдѣльныхъ, бывшихъ долгѣ совершенно свободными, родовъ или большихъ семействъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы“ Каждый народъ,— учитъ Эверсъ,— неизбѣжно проходитъ въ своей исторической жизни процессъ постепеннаго перехода отъ началъ быта родового въ побѣдѣ надъ послѣдними началъ быта государственнаго, причемъ первыя постепенно ослабѣваютъ, уступая свое мѣсто вторымъ, въ концѣ концовъ

и получающимъ торжество Съ этой точки зрѣнія и самая власть государя, какъ властителя цѣлаго народа, государства, есть ничто иное, какъ преемство сорокупной власти прежнихъ родоначальниковъ, государь является лишь начальникомъ цѣлой совокупности родовъ, патріархомъ, управляющимъ однимъ великимъ семействомъ, сложившимся изъ всей этой совокупности родовъ Пережить этотъ процессъ перехода отъ основъ быта родового къ основамъ строя государственнаго—выпало на долю русскаго народа уже въ историческія поры его существованія Съ цѣлью обоснованія своего ученія о господствѣ у восточно русскихъ славянъ начала родового быта въ эпоху, предшествовавшую основанію государства, Эверсъ приводитъ изъ нашей начальной лѣтописи рядъ цитатъ, въ которыхъ встрѣчается слово „родъ“ и которымъ суждено было лечь въ основу доводовъ и всѣхъ позднѣйшихъ послѣдователей теоріи родового быта Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ лѣтописныхъ текстахъ, заключающихъ въ себѣ, въ той или иной формѣ упоминаніе о „родѣ“, о „родахъ“—Эверсъ неукоснительно усматриваетъ указанія на слѣды господства у нашихъ предковъ родового быта

Теорія родового быта, обоснованная Эверсомъ, имѣла своимъ послѣдователемъ, хотя и въ болѣе умѣренной формѣ, профессора дерптскаго же университета Рейца, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ—К Д Кавелина („Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“), С М Соловьева („Исторія Россіи“, третья глава I го тома), въ 70 хъ годахъ того же столѣтія А И Никитскаго („Теорія родового быта въ древней Руси“, „Очеркъ древней исторіи Псьова“)

II Въ началѣ 50 хъ годовъ, подъ значительнымъ вліяніемъ ученія славянской школы (съ крайнимъ выраженіемъ его въ славянофильствѣ), теоріи родового быта восточно русскихъ славянъ противопоставлена была **теорія общиннаго быта** ихъ Ученіе послѣдователей этой теоріи сводится, въ своихъ главныхъ чертахъ, къ тому, что основною жизненною единицею общественнаго строя древнихъ восточныхъ славянъ являлся въ эпоху зарожденія русской государственности не родъ, въ указанномъ выше смыслѣ этого слова, но о б щ и н а,—единица въ значительной степени уже искусственная, зиждущаяся не на узахъ единства кровнаго происхож-

дения, но на связяхъ соціально-экономическихъ необходимости взаимопомощи, съ истекающими изъ основъ ея круговою порукою и общиннымъ судомъ, и на общинномъ землевладѣніи, съ періодическими передѣлами принадлежащихъ цѣлой общинѣ земель Внѣшними выразителями общинной корпоративности выступаютъ собранія членовъ общины (сходъ, міръ) и выборный представитель, начальникъ,—органъ исполнительный по отношенію къ общинной мысли и волѣ, выражающимся въ приговорахъ этихъ собраній Общинный бытъ представляетъ собою стадію общежитія болѣе культурную, сравнительно съ родовымъ устройствомъ быта, а потому и вполнѣ понятнымъ становится, что представители русскаго историческаго знанія, признававшіе древнихъ насельниковъ нынѣшняго отечества нашего стоявшими въ эпоху формаціи русскаго государства на низкомъ уровнѣ своего общественнаго развитія—являлись и послѣдователями теоріи родового быта ихъ, и, наоборотъ, писатели уже для той поры признававшіе за нашими предками относительную степень самобытнаго общественно-культурнаго развитія,—въ тоже время выступали поборниками теоріи общиннаго быта ихъ.

Основателемъ и наиболѣе рельефнымъ представителемъ теоріи общиннаго быта, въ ея приложеніи къ древней русской исторіи, долженъ быть признанъ одинъ изъ талантливыхъ представителей славянофильскаго направленія русской исторіографіи—К С Аксаковъ Основы ученія К С Аксакова разбросаны по весьма многимъ работамъ, замѣткамъ и статьямъ этого плодовитаго историка-публициста, но въ наиболѣе категорической формѣ высказаны онѣ въ статьѣ „О древнемъ бытѣ у славянъ, вообще, и у русскихъ, въ особенности“ („Полное собраніе сочиненій К С Аксакова, т I) Сдѣлавъ въ началѣ этой статьи замѣчаніе о томъ, что нѣмцы, первые начавшіе объяснять русскимъ ихъ исторію, „не принадлежали къ русскому народу и не имѣли съ нимъ жизненной связи“, Аксаковъ, сѣтуетъ на то, что и „сами русскіе изображали русскую исторію такъ, что въ ней русскаго собственно ничего не было видно“ Вслѣдъ затѣмъ Аксаковъ останавливается на вновь появившихся передъ тѣмъ теоріяхъ родового быта „Давно высказанное мнѣніе Эверса о родовомъ бытѣ недавно подняго молодыми учеными,—заявляетъ онъ,—отправляясь отъ этой точки зрѣнія,

они идутъ далѣе, изслѣдуютъ, развиваютъ, отыскиваютъ родовой бытъ вездѣ и родовой бытъ принимаютъ за основаніе всего въ русскомъ народѣ и, вообще, въ народахъ славянскихъ. Переходя къ болѣе подробному анализу основныхъ положеній Кавелина и Соловьева относительно родового быта у нашихъ предковъ и, въ особенности, ихъ толкованія тѣхъ мѣстъ начальной лѣтописи, въ которыхъ встрѣчаются уже извѣстныя намъ упоминанія о „родѣ", Аксаковъ приходитъ къ выводу, что какъ Кавелинъ, такъ и Соловьевъ, во первыхъ—не дали настоящаго опредѣленія самаго понятія „родового быта", а во вторыхъ—*смѣшиваютъ понятія семьи и рода* вслѣдствіе чего характеръ неопредѣленности носятъ у обоихъ писателей уже самыя точки отправленія ихъ.

Самъ Аксаковъ не отрицаетъ родового быта, какъ первой культурно-общественной ступени, черезъ которую, въ исторической жизни своей, проходятъ всѣ народы. Но не въ этомъ сущность вопроса,—замѣчаетъ онъ,—а въ томъ былъ ли родовой бытъ у славянъ въ тѣ поры, къ которымъ пріурочиваются древнѣйшія историческія извѣстія? На этотъ вопросъ дается имъ отвѣтъ безусловно отрицательный. Обращаясь къ анализу историческаго термина — „родъ", „роды", который клался въ основу доводовъ поборниковъ родовой теоріи, Аксаковъ приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что *родъ нашихъ древнихъ памятниковъ и нашего древняго языка—ничто иное, какъ семья* въ естественномъ понятіи этой послѣдней. Самая этимологія слова „семья"—отъ глагола „соимагися", „соимати" и производныхъ отсюда существительныхъ „союзъ", „соймъ", „сеймъ", „снемъ",—ясно указываетъ, по словамъ Аксакова, на общинный характеръ, который присущъ былъ древне-славянской семьѣ, вообще, и древне-русской семьѣ, въ частности. *Общій* выводъ Аксакова сводится къ тому, что *общинное устройство*, начиная съ общинной семьи и кончая высшими стадіями общественнаго расчлененія—*было основною, характерною и жизненною особенностью древнѣйшаго внутренняго быта славяно-русскаго народа*. Этотъ общинный строй пережилъ древнія поры жизни народа, будучи переданъ въ наслѣдіе и послѣдующимъ вѣкамъ исторической жизни его.

Теорія общиннаго быта древней Руси, обоснованная К С Аксаковымъ, нашла себѣ послѣдователей и, прежде всего, конечно въ рядахъ того же славянофильскаго направленія, корифеемъ котораго выступилъ самъ создатель только что разсмотрѣннаго ученія Изъ ближайшихъ послѣдователей Аксакова отмѣтимъ И Д Бѣляева („Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика", „Крестьяне на Руси", „Лекціи по исторіи русскаго законодательства") и В Н Лешкова („Общинный бытъ древней Россіи", „Русскій народъ и государство") Главнѣйшія положенія, выдвинутыя Аксаковымъ, Бѣляевымъ и Лешковымъ, продолжаютъ до нашихъ дней лежать въ основѣ ученія объ общинномъ бытѣ древней Руси Изъ послѣдователей теоріи общиннаго быта, принадлежащихъ позднѣйшимъ годамъ развитія русскаго историко-юридическаго знанія укажемъ на П А Соколовскаго („Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи"), дѣлающаго попытку примѣненія своего ученія о древнѣйшей землевладѣльческой русской общинѣ-волости къ исторіи развитія сельскихъ общинъ на сѣверѣ Россіи въ до-петровскую пору русской исторической жизни

III Въ концѣ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія сказалась въ исторіи русскаго права новая теорія общественнаго быта древнихъ славянъ, внесенная въ нашу науку сравнительно-историческими изслѣдованіями проф Ѳ И. Леонтовича въ области древне-славянскаго права („О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ", „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси") Это — **теорія задружно-общиннаго быта древней Руси**", ученіе, носящее характеръ средняго, примирительнаго, направленія между крайностями двухъ предшествовавшихъ теорій

Ближайшій толчокъ къ построенію этой теоріи данъ былъ трудами по изслѣдованію юридическаго быта юго западныхъ славянъ [1]), обнаружившими существованіе въ ихъ на-

---

[1]) Въ особенности же чешскаго историка-юриста Г Прѣчка («Slovanske pravo v Cecach a na Morave» (Прага 1863 и др труды его) и В Богишича («Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u jusnich Slovena» (Аграмъ 1874 и др

родномъ быту особаго типа семейной общины, носящей (хотя и не повсемѣстно) наименованіе задруги—въ смыслѣ совокупности семеи, связанныхъ между собою не исключительно только узами родства, но и интересами соціально экономическими, вслѣдствіе чего въ такой семейной общинѣ бываютъ, обыкновенно, и элементы посторонніе, не связанные родствомъ съ первоначальными членами семьи Эти союзы живутъ на одномъ огнищѣ (домъ, домача, дымъ, куча, обитель, очагъ, куча), подъ управленіемъ выборнаго старѣйшины (дамачинъ, господарь, владыка, дѣдъ) и сообща владѣютъ, распоряжаются и пользуются общиннымъ имуществомъ (дѣдовина, дѣдинина, бащина, имовина, домачность, кучно имѣніе, задружно добро, добытокъ) Кромѣ названія „задруга", такіе семейно-общинные союзы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются также подъ наименованіями задружна куча, велика куча, добра куча, кучна дружина, друштество, скупчина, село, заедница, многина и др Θ И Леонтовичъ даетъ намъ слѣдующее опредѣленіе понятія задруги „Задруга—говоритъ онъ,—есть союзъ лицъ и семей. живущихъ въ одной и общей чертѣ осѣдлости, однимъ или нѣсколькими домами, союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, находящемся въ общемъ обладаніи общины" Леонтовичъ признаетъ семейную общину тою ячейкою, изъ которой у всѣхъ безъ исключенія народовъ выработались, въ извѣстныя поры ихъ жизни, высшія формы общежитія, семейно-общинные союзы у отдѣльныхъ народовъ (какъ то у юго западныхъ славянъ, гдѣ они наблюдаются отчасти и до нашихъ дней) далѣе переживаютъ эти поры жизни и, выполнивъ свое историческое

работы) Новѣйшіе труды въ области разработки вопроса о славянской задругѣ, съ указаніемъ литературы предмета, принадлежатъ чешскому ученому К Кадлецу «Rodinny nedil čili zadruha v pravu Slovanskem» (Прага, 1898), «Slovo o zadruze Kritica uvaha o nove theorii d-ra J Peiskera» (Прага, 1900), «Rodinny nedil ve světle dat srovnavacich dějin pravnich», и львовскому ученому О Balzer'y «O zadruze slowiańskiey uwagi i polemika» (Львовъ, 1899)

назначеніе, продолжаютъ сохранять свое бытіе и на высшихъ ступеняхъ общественной жизни народа Перейдемъ къ той, вполнѣ послѣдовательной и логичной, цѣпи соображеній и доводовъ, которую Леонтовичъ кладетъ въ основу построенной имъ теоріи задружно-общиннаго быта

Каждый народъ,—утверждаетъ авторъ „Задружно общиннаго характера политическаго быта древней Руси“,—проходитъ въ своей исторической жизни, если только эта жизнь идетъ нормально, три общественныя стадіи своего развитія, находящіяся въ тѣсной связи съ тремя же политическими элементами, доминирующими въ жизни народовъ на извѣстныхъ ступеняхъ ихъ историческаго существованія Первая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первичная стадія общественной жизни—это родовой бытъ народа, черезъ который проходитъ въ свое время всякій народъ, эта стадія общественности соотвѣтствуетъ тому элементу политической жизни, который можетъ быть названъ физіологическимъ или личнымъ Вторая стадія общественнаго строя—бытъ общинный, соотвѣтствующій территоріальному, мѣстному, элементу политической жизни Третья стадія общественнаго строя народа—государство, отвѣчающее преобладанію въ жизни народа элемента правящаго, связующаго, элемента общаго порядка Каждая изъ этихъ трехъ стадій, черезъ которыя проходятъ всѣ народы, имѣетъ свои характерно-культурныя черты Родовой бытъ характеризуется тремя такими чертами а) замкнутостью родового союза, обусловливающею недоступность въ него сторонникъ элементовъ и исключительность въ немъ кровныхъ, физіологическихъ, связей, б) кочевымъ образомъ жизни и отсутствіемъ еще территоріальныхъ устоевъ общежитія, в) военнодружиннымъ складомъ родовой организаціи, благодаря которому каждый родъ образуетъ собою подвижную дружину, подъ управленіемъ родоначальника. Родовой строй жизни, путемъ развѣтвленія отдѣльныхъ родовъ, ведетъ къ образованію племени, въ средѣ котораго на первыхъ порахъ еще всецѣло сказываются черты культурнаго строя, характеризующія собою бытъ родовой Но мало по малу и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ разростанія племени и накопленія имъ матеріальныхъ средствъ, кочевой образъ жизни начинаетъ представлять круп-

ныя неудобства, къ чему присоединяются и требованія внѣшней безопасности, необходимость организаціи противъ враговъ прочной защиты, задачамъ кажовой уже не въ состояніи болѣе удовлетворять дружинно родовая организація Въ связи со всѣмъ только что сказаннымъ находится возникновеніе осѣлыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ населенія, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образуются—города Съ другой стороны, въ виду расширенія матеріальныхъ нуждъ племени, возникаетъ необходимость въ изысканіи новыхъ видовъ экономической дѣятельности и, прежде всего, появляется трудъ земледѣльческій, который, въ свою очередь, становится новымъ факторомъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія племенемъ осѣдлаго характера Такимъ путемъ вторгается въ жизнь племени второй элементъ политическаго строя—территоріальный или мѣстный, обусловливающій собою переходъ племени къ общиннымъ началамъ быта Въ силу экономическаго начала соединенія и раздѣленія труда возникаютъ теперь первыя земледѣльческія ассоціаціи, все болѣе и болѣе распространяющіяся по территоріи бывшихъ кочевокъ племени Здѣсь то проф Леонтовичъ и усматриваетъ зарожденіе семейно-территоріальныхъ общинъ (задруги, огнища, верви, починки, села), на почвѣ которыхъ начинаетъ формироваться общинный строи жизни народа

Естественные предѣлы территоріи, занятой зарождающимся въ эту пору жизни народомъ, уже скоро перестаютъ удовлетворять его Разростаніе племени и расширяющійся кругъ его потребностей вызываютъ колонизаціонную дѣятельность, медленный, вѣковой процессъ которой, распространяясь по рѣчнымъ и степнымъ путямъ, сводится къ стремленію пріобрѣтать новыя земельныя пространства и тѣмъ исподволь создавать предѣлы народной,—будущей государственной,—территоріи Само собою разумѣется что, параллельно съ этими, идущими рука объ руку, процессами распространенія племени и расширенія географическихъ границъ его территоріи—все болѣе и болѣе выгѣсняется изъ жизни прежній личный, физіологическій, элементъ, все болѣе и болѣе утрачивается сознаніе единства родового, кровнаго, происхожденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе внѣдряется сознаніе единства территоріальнаго,

соціальнo-экономическаго На этой то ступени культурной жизни народа послѣдняя и отливается въ формы семейно общиннаго быта На этой ступени культурной жизни и застаетъ исторія славянo-русскій народъ въ ту пору его существованія, которую пріурочиваютъ къ такъ называемой „эпохѣ призванія князей и образованія русскаго государства“

Семейно общинные союзы не оставались въ разобщеніи между собою, напротивъ они соединялись въ группы, объединявшіяся общностью интересовъ По воззрѣнію проф Леонтовича, интересы эти сводятся, прежде всего, къ слѣдующимъ основнымъ а) Береженіе отъ внѣшнихъ враговъ, въ силу необходимости въ которомъ отдѣльные союзы слагались въ одно цѣлое, совокупными усиліями отстаивавшее собою безопасность и свою независимость, б) Береженіе въ сферѣ нравственно-религіознаго быта, попеченіе о которомъ принимаютъ на себя представители религіозной сферы жизни, являющіеся также общими, не пріуроченными къ опредѣленной части территоріи, в) Береженіе въ области правовыхъ отношеній, начало которыхъ таится еще въ глубинѣ эпохи родового строя и которыя также выступаютъ теперь въ качествѣ фактора въ дѣлѣ подчиненія сознанія единенія между отдѣльными семейно-общинными союзами Такимъ образомъ, за предѣлами этихъ стимуловъ единенія, между отдѣльными союзами не существовало еще связей болѣе прочнаго характера не существовало союзнаго начала, которое обладало бы признаками будущей государственности Это начало замѣнялось связью федеративною, которая являлась мѣстною, волостною, стягивающею отдѣльные союзы въ политически-самостоятельныя извнѣ и самобытно-автономныя внутри группы, федераціи волости, изъ которыхъ каждая имѣла свой собственный мѣстно-территоріальный центръ, свои мѣстно-областные интересы, сознаніе своей политической отдѣльности и самобытности

Задружно-общинныя начала жизни послужили тою почвою, на которой зародились и получили свое развитіе высшія формы общиннаго строя Путемъ добровольнаго подчиненія (преимущественно въ интересахъ самозащиты), а равно и путемъ неуклонно продолжающагося колонизаціоннаго процесса,

семейныя общины постепенно развиваются въ новые и болѣе широкіе союзы—въ земельныя, волостныя общины, встрѣчающіяся у славянскихъ народовъ подъ наименованіями волостей земель, жупъ, княжествъ. Взаимныя отношенія между такими волостными общинами (землями, жупами, княжествами) опредѣлялись по давности поселенія, по старшинству колонизаціи, причемъ установлялось представленіе о волостяхъ старѣйшихъ и молодшихъ, находившихся въ отношеніяхъ метрополіи къ колоніямъ, наряду съ этимъ возникаетъ понятіе городовъ, съ одной стороны —старѣйшихъ, носившихъ характеръ средоточія волостей, земель, жупъ, княженій, и слѣдовательно, находившихся во главѣ волостного общиннаго наряда, съ другой стороны— городовъ молодшихъ, пригородовъ, стоявшихъ въ извѣстной подчиненности первымъ „На чемъ же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ",—такъ характеризуетъ нашъ лѣтописецъ это соотношеніе между городами

Весьма интересны соображенія Ѳ И Леонтовича относительно дальнѣйшаго развитія волостной общинной жизни, наглядно иллюстрирующія внутренній строй русскихъ волостей княженій въ эпоху созданія и начальнаго развитія нашей исторической жизни На первыхъ порахъ,—говоритъ авторъ нашъ,—волости управлялись и колонизировались своими собственными силами и средствами, причемъ основы управленія ихъ покоились на тѣхъ же началахъ, на какихъ покоилось и управленіе задругъ, но, съ усложненіемъ территоріальныхъ и другихъ отношеній—прежній общинный нарядъ становится все болѣе и болѣе несостоятельнымъ, въ связи съ чѣмъ возникаетъ потребность въ болѣе сосредоточенной и въ болѣе твердой его организаціи Эта потребность удовлетворяется призваніемъ особыхъ нарядниковъ-колонизаторовъ, въ роли каковыхъ и появляются княжескіе роды, дружины, династіи (Рюриковичей, Неманичей, Пястовичей и др), они призываются общинами для того, что бы вести дѣло колонизаціи и наряда ихъ Такимъ путемъ появляются общинно-волостные князья, сущность власти которыхъ совершенно отлична и отъ характера власти прежнихъ родоначальниковъ, съ ихъ патріархальнымъ военно-дружиннымъ могуществомъ, и отъ верховной власти будущихъ государей

Что касается внутренней организации этихъ княжескихъ родовъ, то и она зиждется на общезадружныхъ началахъ—по старшинству лѣтъ, по принадлежности къ старшей по времени происхожденія семьѣ всего рода, затѣмъ по избранію общинъ и по ряду (договору) съ землею, по добыванію, захвату и т п „Княжескій родъ,—заявляетъ проф Леонтовичъ,—быть задругою общею для всего народа, для всѣхъ волостей" Задружными началами опредѣляются и отношенія членовъ княжескаго рода между собою (по началу задружнаго старшинства), и отношенія князей къ общинамъ (по началу довѣрія, призванія, избранія, договора), и отношенія князей къ своимъ дружинникамъ, въ рядахъ которыхъ они являются какъ бы первыми между равными При такомъ порядкѣ вещей князья не осѣдаютъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, но постоянно переходятъ изъ одной волости въ другую—явленіе, столь характерное для русской эпохи удѣльно-вѣчевого уклада

Изложенный выше строй общинно-волостной жизни начинаетъ претерпѣвать значительное измѣненіе съ завершеніемъ колонизаціоннаго движенія общинъ, когда ясными чертами обозначаются предѣлы территорій ихъ, и съ окрѣпленіемъ внутренняго быта общинъ Теперь наблюдается осѣданіе князей по волостямъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до тѣхъ поръ еще нераздѣльная княжеская задруга распадается на нѣсколько самостоятельныхъ княжескихъ задругъ Получающіе осѣдлость князья мало по малу сбрасываютъ съ себя значеніе колонизаторовъ-нарядниковъ и начинаютъ проявлять свой авторитетъ и свое вліяніе на всѣ стороны внутренняго быта своихъ волостей На помощь возростающей власти князей приходитъ ученіе духовенства о божественномъ происхожденіи власти, объ основанныхъ на этомъ происхожденіи власти началахъ верховенства—съ одной стороны, и безусловнаго подчиненія, подданства—съ другой стороны Все это, въ конечномъ результатѣ своемъ, ведетъ къ тому, что въ населеніи зарождается и зрѣетъ воззрѣніе на князя, какъ на господина, государя Вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается третья стадія общественнаго строя народа—государство

Проф. Леонтовичъ признаетъ, что не всѣ народы съ такою постепенностью и съ такою регулярностью проходили черезъ всѣ указанныя выше стадіи развитія своего обществен-

наго строя Всего правильнѣе и всего наглядиѣе шло въ этомъ отношеніи развитіе исторической жизни народовъ германскаго и славянскаго корней—послѣднихъ въ особенности При этомъ нашъ авторъ констатируетъ, что у этихъ народовъ родовой строй жизни ихъ уходитъ въ глубину до-историческихъ временъ первые же историческіе вѣка застаютъ ихъ уже въ задружно-общинныхъ началахъ жизни, съ нѣкоторыми только (у славянскихъ народовъ особенно слабыми) слѣдами переживанія условій быта родового

Такова теорія задружно-общиннаго быта, предложенная Θ И Леонтовичемъ Ученіе проф Леонтовича не осталось безъ послѣдователей Оно было принято покойнымъ К Н Бестужевымъ-Рюминымъ, категорически заявившимъ, что „основою общественнаго развитія славянъ послужила семейная община (вервь, задруга)“, но особенное развитіе получила за послѣднее время эта теорія въ юго-западной славянской историко-юридической литературѣ (указанія см въ цитированномъ выше трудахъ К Кадлеца) Попытки приложенія задружно-общинной теоріи къ историческимъ судьбамъ русской крестьянской общины даны А Я Ефименко („Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“) и А М Евреиновою („О задружномъ началѣ“) Любопытный и широко-задуманный опытъ приложенія той же теоріи къ исторіи землевладѣнія въ древней Россіи принадлежитъ Г. Ф Блюменфельду („О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи“), пришедшему въ этомъ направленіи къ крайнимъ выводамъ, отмѣченнымъ проф М Ф Владимірскимъ-Будановымъ въ рецензіи на этотъ трудъ („Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе“),—рецензіи, въ которой почтенный кіевскій профессоръ высказываетъ и рядъ интересныхъ собственныхъ взглядовъ въ области интересующаго насъ предмета

II

Основы политической общественной и духовной жизни восточно-русскихъ славянъ передъ эпохою образованія государства

Мы познакомились съ начальными этнологическими элементами, которые легли въ основу образованія русской народности Мы познакомились и съ различными воззрѣніями нашихъ ученыхъ историковъ на основы внутренняго быта славянскихъ племенъ, населявшихъ нынѣшнее отечество наше въ эпоху формаціи русскаго государства

Какія же, спрашивается, основы быта господствовали въ ту пору у нашихъ восточно-славянскихъ предковъ? О р о д о в о м ъ б ы т ѣ въ его чистой, архаической, формѣ—не можетъ, конечно, идти и рѣчи, искусственно построенная теорія этого быта, казавшаяся еще способною отвѣчать пытливымъ запросамъ извѣстной ступени развитія русскаго историческаго знанія—для нашихъ дней должна быть почитаема сданною въ архивъ исторіи науки Теорія ч и с т а г о о б щ и н н а г о б ы т а, въ свою очередь, грѣшила не всегда умѣреннымъ перенесеніемъ на древнѣйшія поры русской исторической жизни началъ, составлявшихъ достояніе уже болѣе позднихъ и болѣе совершенныхъ формъ общественной жизни. Приходится остановиться на з а д р у ж н о-о б щ и н н ы х ъ н а ч а л а х ъ б ы т а, какъ находящихъ себѣ серьезную подкладку въ сравнительно-историческомъ изученіи славянскаго міра, вполнѣ послѣдовательно освѣщающихъ основныя явленія политической и общественной жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ и логично подготовляющихъ уже недалекія, яркія, проявленія общинной жизни, которыми всецѣло проникнуто даль-

нѣйшее развитіе исторической жизни нашего народа. На первыхъ порахъ этой жизни легко могутъ быть еще наблюдаемы переживанія родовыхъ началъ, уходящихъ въ глубь временъ до-историческихъ, но на этихъ переживаніяхъ уже зиждется и все болѣе и болѣе утверждаются начала будущаго земско-общиннаго строя, идущаго параллельно съ развитіемъ идеи государственности. Сдѣлавъ приведенныя выше оговорки, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію основъ политическаго, общественнаго и правового строя восточно-русскихъ племенъ передъ эпохою образованія государства.

Мы уже знаемъ, что, разселившись въ равнинѣ восточной Европы, по системамъ рѣкъ и озеръ, славянскія племена не образовали здѣсь одного политическаго цѣлаго. Обращаясь теперь къ выясненію основъ политической и общественной организаціи, существовавшей у этихъ племенъ въ интересующую насъ пору жизни ихъ, мы не можемъ не остановиться на существенномъ вопросѣ о самомъ **порядкѣ заселенія ими тѣхъ земельныхъ пространствъ восточной равнины Европы, на которыхъ застаетъ ихъ наша начальная исторія**. Въ этомъ отношеніи вниманіе изслѣдователя неминуемо останавливается на извѣстіяхъ о существованіи среди этихъ племенъ уже въ первой половинѣ IX-го вѣка, т. е. къ эпохѣ предполагаемаго призванія князей—**городовъ**, причемъ многіе изъ этихъ городовъ началомъ своимъ должны относиться къ эпохамъ весьма отдаленнымъ, къ эпохамъ первоначальнаго разселенія славянскихъ племенъ въ равнинахъ нынѣшняго отечества нашего. Что бы уяснить себѣ это положеніе, могущее казаться парадоксальнымъ, постараемся представить себѣ условія, въ которыхъ должны были находиться славянскія племена въ эпоху заселенія ими новой родины.

Славянскія племена, двинувшіяся отъ береговъ Дуная и отъ подножій Карпатскихъ горъ въ степи, лѣса и дебри будущей русской земли, должны были прійти въ неминуемое соприкосновеніе съ населявшими ихъ аборигенами. Допустимъ ли мы занятіе славянскими выходцами этихъ мѣстностей силою или путемъ мирной колонизаціи свободныхъ земельныхъ пространствъ—конечный результатъ получится одинъ и тотъ же: новымъ поселенцамъ приходилось пребывать въ постоянномъ опасеніи окружавшихъ ихъ сосѣдей,—не только аборигеновъ страны, но и сосѣднихъ славянскихъ же насельниковъ,

го является вполнѣ естественнымъ при констатируемой всѣми источниками разрозненности и взаимной враждебности господствовавшими между славянскими племенами, въ начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на то, что Поляне „быша обидимы Древляны (т е сосѣднимъ съ ними славянскимъ же племенемъ) и инѣми окольними“, во второй половинѣ IX-го вѣка Олегъ, уже историческій князь Полянскаго племени, въ свою очередь „примучиваетъ“ Древлянъ, „побѣждаетъ“ Сѣверянъ, облагаетъ данью Радимичей Слѣдствіемъ только что указаннаго положенія вещей должна была явиться забота славянскихъ пришельцевъ-насельниковъ о томъ, что бы обезопасить себя отъ враждебныхъ намѣреній сосѣдей—явятся ли этими сосѣдями аборигены края или своя же братья, славяне Эта пора жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ вполнѣ соотвѣтствуетъ той стадіи развитія задружно-общиннаго строя, на которой, по теоріи Ѳ И Леонтовича, у первопачальныхъ кочевниковъ возникаетъ потребность въ укрѣпленной осѣдлости, въ силу которой осаждающіеся и теперь уже разлагающіеся роды занимаютъ дремучіе лѣса, неприступныя горныя возвышенности и ущелья, а затѣмъ прибѣгаютъ и къ искуственнымъ укрѣпленіямъ, на почвѣ которыхъ и возникаютъ—города Можно допустить, что на первыхъ порахъ эти укрѣпленные пункты даже и не были мѣстами осѣдлаго поселенія, что они лишь на время наступавшей опасности служили убѣжищами, за естественныя или искусственныя укрѣпленія которыхъ со всѣмъ своимъ скарбомъ укрывалось окрестное населеніе въ то самое время, когда люди способные владѣть оружіемъ устремлялись дать отпоръ врагу въ открытомъ полѣ.

Поднимая вопросъ о городахъ, существовавшихъ у нашихъ далекихъ предковъ до эпохи и въ эпоху такъ называемаго „призванія князей“—мы должны совершенно отрѣшиться отъ современнаго намъ понятія города Древнѣйшій русскій городъ это,—какъ показываетъ самая этимологія слова,—ничто иное, какъ огороженное поселеніе, укрѣпленное или природою или человѣческимъ искусствомъ, чаще, впрочемъ, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, въ послѣднемъ случаѣ съ валомъ и рвомъ, а иногда съ деревянною стѣною или, просто, тыномъ Въ этомъ укрѣпленномъ характерѣ поселенія, на первыхъ порахъ конечно только, и лежитъ отличи-

тельная черта, дающая ему право на названіе—города Имѣя въ виду указанное значеніе „города“ мы уже не будемъ съ скептическимъ недоумѣніемъ останавливаться передъ имѣющимися данными о весьма значительномъ количествѣ городовъ, существовавшихъ у древнихъ славянъ вообще, и у русскихъ славянъ—въ частности Арабскій писатель первой половины X-го вѣка Аль-Масуди свидѣтельствуетъ, что славяне имѣютъ „многіе города“, такъ называемый Баварскій Географъ (IX-го вѣка), описывая только нѣкоторые районы сѣвернаго славянства, насчитываетъ здѣсь до 20-ти различныхъ племенъ и свыше 3760-ти укрѣпленныхъ городовъ, скандинавы называли территорію древняго отечества нашего „Гардарикомъ“ (Gaardarike), т. е. „царствомъ городовъ“ Историки наши (Погодинъ, Соловьевъ, Неволинъ) на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ насчитывали до 350-ти городовъ, существовавшихъ на Руси только до татарскаго погрома До нашихъ дней сохранилось не мало вещественныхъ слѣдовъ этихъ древнихъ городовъ и дѣло археологовъ разобраться въ томъ, какіе изъ этихъ слѣдовъ должны быть отнесены къ быту аборигеновъ страны и какіе могутъ быть приурочены къ колонизаціонной дѣятельности находниковъ-славянъ И такъ, мы должны признать, что города (въ указанномъ выше архаическомъ значеніи этого слова) возникали у нашихъ славянскихъ предковъ параллельно съ разселеніемъ ихъ по пространствамъ восточной Европы, наряду съ процессомъ перехода ихъ отъ разлагающагося кочевого дружинно-родового (по теоріи г Леонтовича) къ осѣдлому задружно-общинному быту Возникновеніемъ городовъ сопровождалась и начавшаяся всѣдъ за тѣмъ колонизаціонная дѣятельность новыхъ насельниковъ края Сооруженіемъ новыхъ городовъ позже всегда сопровождалась и колонизаціонно-завоевательная дѣятельность историческихъ русскихъ князей Занявъ данную мѣстность, колонизаторы тотчасъ же „срубаютъ“ въ ней „городъ“—первый укрѣпленный пунктъ, долженствующій служить имъ оплотомъ противъ аборигеновъ или сосѣдей Отсюда, опираясь на этотъ укрѣпленный базисъ, начинается уже колонизація окрестныхъ территорій,—то мирная, направляющаяся съ топоромъ и сохою въ рукѣ, то враждебная, съ оружіемъ въ рукахъ, или вытѣсняющая старыхъ насельниковъ съ насиженныхъ ими мѣстъ или подчи-

няющая ихъ своему вліянію Теперь возможнымъ становится появленіе въ занятой мѣстности и неукрѣпленныхъ поселеній—„починковъ“ въ смыслѣ начальныхъ, вновь „початыхъ пунктовъ осѣлости, съ увеличеніемъ населенія обращающихся въ „села“, т е мѣста селенія, жительства, вообще На почвѣ этой ея колонизаціонной дѣятельности, съ сопровождающимъ ее возникновеніемъ городовъ и селеній, и подготовляется почва для перехода задружно общиннаго быта въ другія, уже высшія, формы общиннаго строя—въ федеративно-волостные союзы (княженья) и наконецъ—въ государство, какъ вѣнецъ всего этого сложнаго и долгаго само собою разумѣется многовѣковаго, созидательнаго процесса

Города и окружающія ихъ пространства территоріи не остаются между собою въ разобщеніи, напротивъ, между ними уже очень рано установляется тѣсная, живая, связь Всѣ эти неукрѣпленные пункты поселенія,—отдѣльные дворы, починки, села,—опираются на городъ, тяготѣютъ („тянутъ“) къ нему, образуютъ его „потугу“ его территоріальный округъ, при чемъ этотъ послѣдній, конечно, все болѣе и болѣе раздвигаетъ свои предѣлы по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія колонизаціоннаго процесса Съ существованіемъ центральнаго укрѣпленнаго пункта,—города,—безопасность окрестнаго населенія до извѣстной степени уже обезпечена Съ появленіемъ опасности, всѣ способные носить оружіе устремляются для отпора врагу, а остальное населеніе, побросавъ свои незатѣйливыя мѣста осѣдлости, бѣжитъ искать спасенія за валами и стѣнами города [1]) Это древнее значеніе города, какъ крѣпости, долго жило въ сознаніи русскаго народа, каждый старинный русскій городъ непремѣнно являлся и крѣпостью („кремль“ или „дѣтинецъ“—въ противоположность „посаду“) съ своимъ неизбѣжнымъ ратнымъ нарядомъ, мѣрами воинскаго береженія, съ своими спеціальными распорядками „городовой осадной

---

[1]) «Славяне,—свидѣтельствуетъ Гельмгольдъ (авторъ XII-го в),—не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ Едва раздастся кликъ военной тревоги они забираютъ все цѣнное имущество и прячутъ его въ ямы, а сами уводятъ жонъ и дѣтей въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія и не остается на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ лачугъ, о которыхъ они и не жалѣютъ»

службы". Прекрасную и въ высшей степени типичную иллюстрацію только что указаннаго стратегическаго характера древняго русскаго города даетъ намъ лѣтописное повѣствованіе о войнѣ великой княгини Ольги съ славянскимъ племенемъ древлянъ, въ которомъ это послѣднее обрисовывается еще въ древнѣйшихъ, до-государственныхъ, началахъ своего внутренняго быта. Разбитые въ открытомъ полѣ, древляне,— разсказываетъ начальная лѣтопись,—„побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ". И, вотъ, когда одинъ изъ древлянскихъ городовъ, Искоростѣнъ, оказываетъ Ольгѣ особенно упорное сопротивленіе, великая княгиня посылаетъ сказать осажденнымъ: „Что хощете досидѣти? А вси грады ваши предашася мнѣ и ялися по дань и дѣлаютъ нивы своя, а вы хощете измерети гладомъ". Здѣсь, какъ не трудно убѣдиться въ этомъ, слова: „градъ", „грады ваши"—употреблены въ широкомъ смыслѣ (каковое и впослѣдствіе удержалось въ русскомъ языкѣ), т. е. въ смыслѣ цѣлаго городского округа, со всѣми тяготѣющими къ нему землями.

Такимъ образомъ, каждый городъ имѣлъ свой собственный, болѣе или менѣе обширный, округъ и въ немъ, въ городѣ, заключалась вся сила, весь жизненный пульсъ тяготѣющихъ къ нему окрестныхъ земель [1]). Въ этомъ отношеніи городовъ къ окружающимъ ихъ землямъ и лежитъ корень будущихъ городскихъ **волостей**, позднѣйшихъ **уѣздовъ**, на почвѣ которыхъ развилась наша до-петровская территоріально-административная система, создавшаяся путемъ строго историческимъ, жизненнымъ, помимо (за исключеніемъ нѣкоторыхъ единицъ спеціальнаго назначенія) искусственно-административнаго, механическаго дѣленія, какимъ явилось,

---

[1]) На сколько немыслимымъ представлялся русскому сознанію, даже въ позднѣйшія времена, городъ безъ «уѣзда», безъ тяготѣющихъ къ нему земель, это ясно выражается въ сказкѣ, поданной духовенствомъ на земскомъ соборѣ 1566 г. (по Ливонскому вопросу). Указывая здѣсь на то, что польскій король соглашается прирѣзать въ уступку къ г. Полоцку слишкомъ мало земель, эта группа соборныхъ людей замѣчаетъ: «И тому стати можно ли, что городу быти безъ уѣзда? Ано и село или деревня безъ поль и безъ угодій не живутъ.... **А городу какъ быти безъ уѣзда?**» (Собр. Гос. Грам. и Дог., I, стр. 547).

въ свое время, первое раздѣленіе нашего отечества на губерніи эта система въ теченіи восьми вѣковъ шла рука объ руку съ развитіемъ мѣстнаго управленія русскаго государства. Значеніе древняго славяно-русскаго города не могло ограничиться его исключительно-стратегическимъ характеромъ. Если древнѣйшая Русь не выработала себѣ никакого юридическаго различія между населеніями городскимъ и сельскимъ, волостнымъ, то это, конечно, еще не значитъ, что древнѣйшій русскій городъ не могъ занять особаго, хотя бы и чисто фактическаго, положенія въ ряду другихъ, негородскихъ, поселеній. Городъ составлялъ центръ тяготѣнія для окрестныхъ земель. Здѣсь имѣлъ пребываніе князь, въ смыслѣ выборнаго главы городской волости, а въ эпохи болѣе поздняя въ городахъ сидѣли княжескіе посадники,— слѣдовательно, городъ являлся въ извѣстномъ, хотя, конечно, и условномъ значеніи административнымъ центромъ своего округа, въ городѣ собиралось вѣче, вмѣстѣ съ княземъ мыслившее здѣсь о дѣлахъ, общихъ для всего городского округа. Городъ представлялъ значеніе и религіознаго центра, здѣсь сосредоточены были языческіе кумиры, сюда собиралось окрестное населеніе для моленій и жертвоприношеній и существуетъ даже въ литературѣ воззрѣніе, что первоначально города у славянскихъ народовъ возникали именно на почвѣ потребностей религіознаго культа. Въ силу своего центральнаго положенія, города становятся средоточіемъ обрабатывающей промышленности, а въ качествѣ поселеній, расположенныхъ, большею частью, по воднымъ и удобнымъ сухопутнымъ путямъ сообщенія, города являются преимущественными пунктами торговли: здѣсь устраиваются торги или торжища, на которые окрестные жители сходятся для продажи и мѣны предметовъ своего производства. Все это укореняетъ значеніе города, въ качествѣ центра тяжести для окружающихъ его земель, все это содѣйствуетъ укрѣпленію живой связи между городомъ и „тянущимъ“ къ нему округомъ, все это подготовляетъ понятіе будущаго русскаго городского „уѣзда“.

По мѣрѣ того, какъ пришлыя славянскія племена разростались и каждое изъ нихъ захватывало все большее и большее пространство земель, центральный городъ становился уже безсильнымъ служить центромъ тяготѣнія для всего

окрестнаго населенія; связь города съ крайними пунктами послѣдняго дѣлается все слабѣе и слабѣе—и вотъ сказывается потребность въ созданіи новыхъ центральныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, новыхъ городовъ. Возникаютъ второстепенные города—*пригороды*, *города молодшіе* по отношенію къ старшимъ, признающіе за послѣдними *извѣстную степень* авторитета, первенства: „На чемъ старшіе (города) сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“—такъ поясняетъ лѣтописецъ это обоюдное отношеніе. Эти вновь создавшіеся города въ свою очередь стремятся образовать вокругъ себя собственные территоріальные округа, которые съ теченіемъ времени,—иногда и не безъ борьбы,—выдѣляются изъ первоначальнаго метрополькаго городского округа съ характеромъ самостоятельныхъ территоріальныхъ единицъ. Такимъ путемъ развиваются цѣлыя системы городовъ съ тяготѣющими къ нимъ округами (будущіе „уѣзды“), въ послѣдующія поры русской исторической жизни послужившія основнымъ ядромъ для организаціи мѣстнаго управленія.

Понимаемый въ указанномъ выше смыслѣ слова, каждый городской округъ распадался на меньшія корпоративныя единицы,—носившія въ различное время и у различныхъ славянскихъ народовъ различныя названія, изъ которыхъ у русскихъ славянъ древнѣйшимъ является названіе „*верви*“, встрѣчающееся въ Русской Правдѣ („задруги“, т. е. семейныя общины—по теоріи Ѳ. И. *Леонтовича*). *Дворы* составляли, наконецъ, меньшія единицы, изъ которыхъ слагались общины. Община, вервь—была жизненнымъ пульсомъ всего общественнаго строя той отдаленной отъ насъ эпохи. Управляясь своими выборными начальниками, при ближайшемъ содѣйствіи *общиннаго совѣта* (схода, міра, снема), всѣ члены общины были связаны между собою общимъ землевладѣніемъ, своимъ общиннымъ судомъ, началомъ взаимной помощи и защиты и, наконецъ, круговою порукою, распространявшеюся, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, даже на уголовныя правонарушенія.

Если въ лицѣ общиннаго схода, міра, снема—каждая отдѣльная община имѣла органъ для выраженія своей мысли и воли, то такіе же органы выраженія ихъ имѣли и городскіе округа—въ смыслѣ тяготѣющихъ къ городамъ волостныхъ общинъ, т. е. федеративныхъ союзовъ отдѣльныхъ семейныхъ

общинъ (задругъ). Такимъ образомъ возникаетъ понятіе городского или *волостного вѣча*, собиравшаго въ городѣ отъ отдѣльныхъ семейныхъ общинъ для обсужденія и рѣшенія всякаго рода дѣлъ, касавшихся интересовъ всей волости, всего городского округа Наконецъ, такой же точно органъ выраженія мысли и воли имѣла и вся племенная земля, въ смыслѣ совокупности всѣхъ городскихъ округовъ, образовавшихся на пространствѣ занятой даннымъ племенемъ территоріи Этимъ путемъ возникаетъ понятіе *вѣча племеннаго*, собиравшагося, по всей вѣроятности въ старшемъ городѣ земли, для обсужденія вопросовъ, интересовавшихъ собою все племя, всѣ городскія волости, взятыя въ ихъ совокупности Вѣче—явленіе общеславянское и историческіе памятники западныхъ и югозападныхъ славянъ служатъ тому несомнѣннымъ подтвержденіемъ У сербовъ были народныя и городскія собранія, у чеховъ—земскіе и жупные сеймы, у поляковъ—городское и сельское вѣча и т п Мы уже знаемъ свидѣтельство Прокопія Кесарійскаго о томъ, что у славянъ въ обычаѣ совѣщаться между собою о всемъ, случающемъ имъ къ пользѣ или вреду („ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent“)

Наряду съ вѣчемъ у славянъ, вообще, и у русскихъ славянъ, въ частности, находимъ мы и собственныхъ **племенныхъ князей**

Объ этихъ князьяхъ свидѣтельствуютъ намъ византійскіе источники Императоръ Маврикій пишетъ, что „у славянъ много царьковъ постоянно находящихся между собою въ несогласіи“, что не противорѣчитъ, тѣмъ не менѣе, его же свидѣтельству о томъ, что славяне отличаются свободолюбіемъ и что трудно принудить ихъ къ подчиненію („libertatem colunt, nec ulla ratione ad parendum persuadentur“, „neminem ferunt imperantem“ и пр) Арабскій писатель Массуди отмѣчаетъ, что славяне „дѣлятся на множество народцевъ („differentes races“), раздираемыхъ усобицами и имѣющихъ каждый своего князя“ („. dont chaque a son roi“) Византійцы называли славянскихъ князей — *ἀρχοντες, κατάρχοντες, ἀρχηγοί, ἡγέμονες, γερόντες, βασιλεις, ρηγες*, западныя хроники—duces, primores, reges, reguli, у самихъ же славянъ преобладающимъ являлось наименованіе — *князь* („кънязь“, „конязь“), извѣстное всѣмъ славянскимъ народамъ и происходящее отъ корня „кън“, „кон“ (т е „начало“)

Указанія на существованіе племенныхъ князей у русскихъ славянъ даетъ намъ наша начальная лѣтопись Такъ, здѣсь имѣемъ мы повѣствованіе о томъ, что еще задолго до эпохи, къ которой также лѣтопись пріурочиваетъ призваніе варяговъ, у племени Полянъ княжили три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ, причемъ имя перваго связывается съ названіемъ старшаго города полянской земли—Кіева Упомянувъ, далѣе, о смерти этихъ князей-братьевъ, лѣтопись продолжаетъ „И по сихъ братіи держаша почаша родъ ихъ княженіе въ Полянѣхъ“, и вслѣдъ затѣмъ какъ бы поясняетъ „а въ Деревлянѣхъ свое, а Дреговичи—свое, а Славяне свое въ Новѣгородѣ и пр“, давая этимъ понять, что княжеское достоинство существовало,—у каждой „свое“,—и по другимъ племеннымъ волостямъ. Имѣются указанія на продолжающееся у отдѣльныхъ восточно-славянскихъ племенъ существованіе своихъ туземныхъ князей даже послѣ образованія русской государственности Первые кіево-русскіе великіе князья, принявъ на себя представительство общей, объединяющей, власти по отношенію къ племенамъ, на которыя распространился ихъ авторитетъ, на первыхъ порахъ не нарушали исконной общественной организаціи этихъ племенъ и даже терпѣли существованіе у нихъ собственныхъ племенныхъ князей, ограничивая отношенія свои къ нимъ сборомъ даней и требованіемъ вспомогательныхъ ополченій Именно такихъ туземныхъ, племенныхъ князей можно угадывать въ „князьяхъ, подъ Олегомъ сущихъ“, о которыхъ говоритъ лѣтопись въ разсказѣ о походѣ въ 907-мъ году великаго князя Олега на Царьградъ Налагая на побѣжденныхъ грековъ выкупъ, Олегъ выговариваетъ съ нихъ еще особые „уклады“, т е дополнительныя дани, на русскіе города,—„первое на Кіевъ, также и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ,—поясняетъ лѣтописецъ,—сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“ Равнымъ образомъ и въ договорѣ великаго князя Игоря съ греками (945 г) говорится, что для заключенія этого договора отправлены были въ Константинополь послы „отъ Игоря великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людій русскія земли“. Далѣе въ томъ же договорѣ, въ формулѣ утвердительной клятвы, предусматривается руссами возможность нарушенія условій согласе-

нія съ ихъ стороны, причемъ вставлено слѣдующее выраженіе „аже преступитъ се отъ страны нашея ли князь, ли инъ кто да не имутъ помощи отъ Бога“ и пр., здѣсь можно, опять таки, видѣть указаніе на племенныхъ князей, подручниковъ кіевскаго великаго князя

Но самое любопытное свидѣтельство о племенныхъ князьяхъ мы находимъ въ лѣтописномъ разсказѣ о смерти великаго князя Игоря и о войнѣ вдовы его, великой княгини Ольги, съ древлянами Легендарный въ своихъ подробностяхъ, этотъ разсказъ рисуетъ намъ въ вполнѣ опредѣленныхъ и согласныхъ съ другими историческими данными чертахъ основы политическаго строя древнѣйшей восточно-славянской племенной волости. Древляне еще при Олегѣ испытавшіе на себѣ силу кіевскаго оружія и обложенные въ то время данью, по смерти Олега „заратишася отъ Игоря“, возстали противъ него, но въ слѣдующемъ же году были вновь приведены въ покорность, причемъ кіевскій великій князь наложилъ на нихъ дань „большю Ольгови“ Не взирая на этотъ двоекратный погромъ, отношенія древлянъ къ Кіеву ограничивались лишь данью да выставленіемъ вспомогательной рати (древляне участвуютъ въ походахъ кіевскихъ великихъ князей на Византію),—во всемъ же остальномъ имъ было оставлено древнее политическое устройство, съ племенными князьями во главѣ послѣдняго Въ одинъ изъ походовъ (945 г) Игоря на древлянскую землю за данью, древляне, „сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ“, вышли изъ города Искоростѣна и умертвили кіевскаго великаго князя Извѣстенъ лѣтописный разсказъ о мести Ольги за смерть мужа, изъ котораго мы припомнимъ лишь одинъ эпизодъ. Явившись къ кіевской великой княгинѣ сватать ее за своего князя Мала, древлянскіе посланцы убѣждаютъ ее къ тому въ слѣдующихъ словахъ „Бяше мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли (т е были добрыми пастырями, а не „распахали“ ее, какъ комментируютъ нѣкоторые) Деревьску землю, да поиде за князь нашъ за Малъ“,—„бѣ бо имя Малъ, князю деревьску“, поясняетъ лѣтописецъ. Военныя дѣйствія свои противъ древлянъ Ольга сосредоточиваетъ, главнымъ образомъ, противъ города Искоростѣна, жители котораго убили ея мужа, откуда мы имѣемъ основаніе заключить, что этотъ Малъ былъ княземъ

именно округа города Искоростѣпа, тѣмъ болѣе, что въ древлянской землѣ имѣлись, повидимому, и другіе князья („наши князи добри суть“,—говорятъ древлянскіе послы), какъ имѣлись въ ней и другіе города („вси грады ваши предашася мнѣ“,—посылаетъ Ольга сказать осажденнымъ древлянамъ) Ко всему этому можно добавить, что археологическія раскопки, произведенныя въ территоріи бывшаго древлянскаго племени, обнаружили здѣсь слѣды княжескихъ погребеній, остатки такихъ погребеній обнаружены были и раскопками проф Д Я Самоквасова въ предѣлахъ бывшей территоріи племени Сѣверянъ

Естественно возникаетъ теперь вопросъ **какимъ же пространствомъ и характеромъ власти располагали эти туземные славянскіе князья**, слѣды которыхъ такъ отчетливо выступаютъ передъ нами на самомъ рубежѣ историческихъ временъ минувшей жизни русскаго народа? Эти князья не были, конечно, властителями цѣлыхъ племенъ, иначе они должны были бы оставить послѣ себя болѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи Приходится, такимъ образомъ, признать въ этихъ туземныхъ князьяхъ—выборныхъ старшинъ городскихъ округовъ, городскихъ волостей, федеративныхъ союзовъ семейныхъ общинъ (задругъ), древнѣйшихъ княжествъ,—тѣхъ князей-колонизаторовъ которыхъ пріурочиваетъ задружно-общинная теорія проф Леонтовича именно къ этой стадіи развитія общественнаго строя древнихъ славянъ, когда, на почвѣ задружно-общинныхъ союзовъ, образующихъ собою городскія волости, начинаетъ уже слагаться зданіе будущей высшей формы общественнаго строя—государства До пустивъ постазленную выше гипотезу, мы должны будемъ прійти къ логическому заключенію объ одновременномъ существованіи нѣсколькихъ князей въ одной и той же племенной землѣ (легендарные Кій, Щекъ и Хоривъ въ землѣ полянъ, Маль и другіе князья въ землѣ древлянъ) Съ этой точки зрѣнія наши племенные князья будутъ вполнѣ соотвѣтствовать „князьямъ“, „жупанамъ“, „банамъ“ юго-западныхъ славянъ Съ этой точки зрѣнія для насъ понятными явятся свидѣтельства Прокопія Кессарійскаго о томъ, что „славяне не подчиняются одному мужу, но искони живутъ въ народовластіи“, императора Маврикія о томъ, что „у славянъ много царьковъ“, императора Константина Багрянороднаго, заявляющаго, что „у сербовъ и у хорватовъ нѣтъ другихъ властителей,

кромѣ старѣшинъ жупановъ, какъ и у остальныхъ славянскихъ народовъ“ Весьма любопытнымъ является для характеристики значенія древне-славянскаго князя свидѣтельство лѣтописи Ейнгарда (перв полов IX-го вѣка) объ одномъ эпизодѣ изъ войны императора Карла Великаго съ прибалтійскимъ славянскимъ племенемъ Вильцевъ Вступивъ въ предѣлы территоріи вильцевъ, Карлъ сталъ все опустошать огнемъ и мечемъ и направился на городъ царька („regulus“) Драговита, происхожденіемъ и лѣтами превосходившаго всѣхъ остальныхъ царьковъ вильскихъ, Драговитъ сдался императору и тогда, вслѣдъ за нимъ, поддались Карлу Великому и всѣ остальные царьки того же племени Этотъ „царекъ“ Драговитъ, наряду съ остальными „царьками“ вильскими—близко напоминаетъ намъ древлянскаго князя Мала, вмѣстѣ съ другими князьками того же племени

Переходя къ разсмотрѣнію самаго характера власти у древнихъ славянъ, мы должны прежде всего замѣтить, что всѣ источники несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ въ пользу того, что княжеское достоинство было у нихъ—выборнымъ У славянъ „достоинство княжеское,—выводитъ В В Макушевъ на основаніи цѣлаго ряда источниковъ,—не было наслѣдственно, ни даже пожизненно народъ свободно избиралъ и низлагалъ своего князя, князь былъ только первымъ мужемъ въ государствѣ, не народъ повиновался князю, а князь народу“ Такимъ положеніемъ вещей объясняются свидѣтельства Прокопія и Маврикія о томъ, что славяне живутъ ‚въ народовластіи“, что они „не повинуются одному властителю и что ихъ трудно принудить къ повиновенію“ Подобныя же характеристики славянъ оставили намъ Титмаръ Мерзебургскій (перв полов X-го в) и Богухвалъ (перв полов XIII-го в), по свидѣтельству перваго, у Лютичей „нѣтъ никакого особеннаго властителя“, а у Ляховъ, по словамъ второго, не было никакой „власти короля или князя“ и они „считались братьями, происходящими отъ одного отца“ Макушевъ весьма мѣтко замѣчаетъ, что иностранцы, не находя у славянъ повелителей съ такимъ характеромъ власти, какою были облечены греческіе и германскіе императоры или арабскіе калифы, не могли даже прискать на своихъ языкахъ выраженій, подходящихъ къ значенію славянскихъ князей и окрещивали послѣднихъ самыми разнородными

наименованіями „Такое множество выраженій для обозначенія государственной власти у славянъ не доказываетъ ли,—пишетъ Макушевъ,—что они послѣдніе понимали ее иначе чѣмъ сосѣди ихъ? Славянское понятіе о княжеской власти не подходило ни подъ одну изъ мѣрокъ, имѣвшихся у грековъ, нѣмцевъ и арабовъ, а потому иностранцы отрицали самое существованіе государей у славянъ“

Выбираясь славянскіе князья чаще всего изъ среды одного и того же рода, пріобрѣтшаго фактическое преобладаніе въ странѣ или ознаменовавшаго себя доблестями и заслугами передъ землею, такъ послѣ смерти полянскихъ князей-братьевъ Кія, Щека и Хорива „пача родъ ихъ княженіе держати въ Полѣхъ“ Разъ избранное въ князья лицо оставалось въ этомъ достоинствѣ до тѣхъ поръ, пока было „любо“ землѣ, въ противномъ случаѣ оно свергалось и слѣдовало новое избраніе,—порядокъ, хорошо знакомый историкамъ по позднѣйшей организаціи княжеской власти въ удѣльно-вѣчевой Руси, а въ Новгородскомъ и Псковскомъ народоправствахъ даже пережившій паденіе общаго режима этого періода русской исторической жизни Такой характеръ княжеской власти находилъ себѣ, какъ и позже, при удѣльно-вѣчевомъ укладѣ русской исторической жизни, твердую почву въ стоявшемъ рядомъ въ этою властью значеніи вѣча, земли Этотъ характеръ организаціи древнѣйшей княжеской власти опять такн вполнѣ соотвѣтствуетъ ученію Ѳ И Леонтовича о задружно-общинномъ бытѣ древней Руси, по которому каждый княжескій родъ „организуется по тѣмъ же началамъ, какъ и простыя задруги по старшинству лѣтъ, по принадлежности къ старшей семьѣ рода“, по которому каждый „княжескій родъ былъ задругою, общею для всего народа“ Легко открывается отсюда и тотъ выводъ, что многія черты политическаго строя удѣльно-вѣчевой Руси находятъ себѣ генетическую связь съ общественными распорядками, господствовавшими у восточныхъ славянъ еще до образованія русскаго государства,—обстоятельство, на которое у насъ обращали слишкомъ мало вниманія но которое, на нашъ взглядъ, вполнѣ заслуживало бы такового

Продолжая обозрѣніе общественной организаціи восточнославянскихъ племенъ передъ эпохою образованія русскаго

государства, мы должны будемъ остановиться теперь на вопросѣ о томъ,—существовало ли въ ту пору у этихъ племенъ какое либо **общественное расчленение, въ смыслѣ сословій или классовъ населения?** Сословій въ томъ тѣсномъ значеніи этого понятія, съ какимъ знаетъ ихъ теорія государственнаго права и политическій строй новыхъ государствъ—не знала древняя Русь весьма долго и послѣ основанія государства такъ какъ сословія стали у насъ формироваться лишь послѣ окончанія смутнаго времени, а самая рѣчь о сословіяхъ въ Россіи, какъ таковыхъ, врядъ ли и можетъ идти до эпохи преобразованій Петра Великаго Это не даетъ намъ, однако, повода утверждать, что бы у предковъ нашихъ и до основанія государства не было того или другого раздѣленія населенія по роду занятій, хотя бы и безъ всякой юридической опредѣленности, хотя бы даже и безъ характера постоянства, не говоря уже о какой бы то ни было кастовой замкнутости Источники даютъ намъ возможность составить себѣ представленіе о тѣхъ видахъ промышленности, которые были извѣстны древнимъ славянамъ Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣли географическія, климатическія и другія условія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ разселены были отдѣльныя племена, но всѣ иностранные источники свидѣтельствуютъ, что земледѣльческая промышленность была особенно распространена у древнихъ славянъ, придавая имъ характеръ народности по преимуществу земледѣльческой

Что **добывающая промышленность** была изъ глубины сѣдыхъ вѣковъ знакома славянской народности, на это указываютъ намъ названія у нихъ хлѣбныхъ злаковъ и различныхъ понятій, связанныхъ съ земледѣліемъ, несомнѣнно таящія свои корни еще въ праславянскомъ языкѣ [1]) Императоръ Маврикій пишетъ, что славяне изобиловали просомъ и пшеницею, арабъ Димешки утверждаетъ, что южнымъ русамъ извѣстно было и винодѣліе Великая княгиня Ольга, убѣждая жителей Искоростѣня сдаться ей, говоритъ, что остальные древлянскіе города уже сдались и „дѣлаютъ нивы

---

[1]) См соотвѣтствующія рубрики у А С Будиловича «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ», I К 1878 г

свои", по свидѣтельству начальной лѣтописи, земледѣліе извѣстно было даже Вятичамъ и Радимичамъ, которыхъ эта лѣтопись ставитъ, вообще, на самую низкую ступень культуры

Обиліе рѣкъ, лѣсовъ и степныхъ пространствъ весьма рано развило у нашихъ предковъ рыболовство, бобровый промыселъ, пчеловодство, разнаго рода лѣсные промыслы, звѣриный промыселъ и скотоводство Помимо данныхъ сравнительной филологіи, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ иностранные и отечественные источники О морскихъ дальяхъ туземной постройки пишетъ императоръ Константинъ Багрянородный, разсказывая о морскихъ экспедиціяхъ приднѣпровскихъ славянъ, по словамъ этого автора славяне зимою заготовляли строительный матеріалъ и сооружали изъ него ладьи, на которыхъ, съ вскрытіемъ рѣкъ, спускались внизъ по Днѣпру, рѣчныя и морскія суда различныхъ наименованій упоминаются въ Русской Правдѣ Ловля бобровъ („бобровые гоны"), пчеловодство („бортничество"), и рыболовство („кочегничество") были излюбленными промыслами нашихъ предковъ Великій князь Святославъ, восхваляя торговое положеніе города Переяславля на Дунаѣ, говоритъ, что туда идутъ изъ Руси „скора (звѣриныя шкуры) и воскъ, медъ и челядь", арабскіе авторы свидѣтельствуютъ, что русскій медъ, воскъ и мѣха шли на востокъ, находя себѣ здѣсь обильный сбытъ Поляне, по словамъ начальной лѣтописи—„бяху ловящи звѣрь", охота и охотничьи принадлежности занимаютъ не послѣднее мѣсто въ Русской Правдѣ На занятіе звѣроловствомъ указываетъ и обращеніе у нашихъ отдаленныхъ предковъ, въ качествѣ денежныхъ знаковъ, звѣриныхъ шкурокъ, мѣховъ и ихъ частей воспоминаніе о чемъ сохранилось въ названіи денежныхъ единицъ древнѣйшей поры исторической жизни нашего народа („куна", „бѣлка" „векша", „бѣлая вѣверица" „морцка", „ногата") Слово „скогъ" (аналогичное римскимъ pecus, pecunia) еще въ эпоху Русской Правды выражало собою понятіе денегъ, имущества Арабскій писатель Массуди свидѣтельствуетъ, что древнимъ славянамъ не чуждо было и горное дѣло, руссы, по его словамъ, обладали значительными серебряными пріисками, которые этотъ авторъ ставитъ въ параллель съ харасанскими рудниками Не чужда была нашимъ предкамъ и **обрабатывающая промышленность** вспомнимъ, что

поляне платили казарамъ дань мечами, причемъ казары сознавали превосходство полянскихъ обоюдо-острыхъ мечей передъ ихъ саблями, видя въ этомъ знаменіе будущаго подчиненія ихъ славянамъ

Обширныя **торговыя сношенія** древняго восточно-славянскаго міра достаточно извѣстны, находя себѣ подтвержденіе и въ отечественныхъ свидѣтельствахъ, и въ сказаніяхъ иностранцевъ и въ данныхъ нумизматики, широко обезпечиваясь обиліемъ водныхъ путей сообщеній О постоянныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ нашихъ предковъ съ византійскою имперіею свидѣтельствуютъ какъ наши древніе (X-го вѣка) договоры съ греками, такъ и источники византійскіе (Константинъ Багрянородный) По свидѣтельству арабскихъ авторовъ, наши предки вывозили на востокъ лисьи, бобровые, соболи, куньи и др мѣха а также мамонтову кость, циновки и рогожи, сырыя кожи, орѣхи, невольниковъ, доходя съ своими товарами до Каспія и далѣе до восточнаго калифата (г Багдадъ) Руссы были постоянными гостями въ хазарской столицѣ Итилѣ (близъ устья р Волги) и въ Булгарѣ—столицѣ волжскихъ булгаръ, имѣя въ обоихъ городахъ свои колоніи Торговыя сношенія русскаго сѣвера (Новгородъ) съ Балтикою—оставили по себѣ слишкомъ яркій слѣдъ въ исторіи для того, что бы доводилось распространяться объ этомъ предметѣ Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о мореплаваніи, вообще, судоходствѣ у нашихъ предковъ, стоящемъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ какъ къ торговымъ сношеніямъ нашихъ предковъ такъ и къ древнѣйшимъ воинскимъ предпріятіямъ ихъ

Покончивъ съ обзоромъ видовъ промышленности, извѣстныхъ нашимъ отдаленнымъ предкамъ, повторимъ еще разъ, что обусловленное ими распаденіе населенія по роду занятій—не носило никакого юридическаго характера, не создавало никакого исключительнаго положенія для лицъ предавшихся тому или другому дѣлу Сегодняшній пахарь могъ завтра явиться—звѣроловомъ, а добывъ матеріальный достатокъ—пойти въ куплю, сдѣлаться купцомъ, гостемъ, равно какъ и наоборотъ, не пріобрѣтая и не теряя тѣмъ самымъ никакого особеннаго, съ точки зрѣнія права, положенія, не подвергаясь никакимъ перемѣнамъ въ своей личности и правоспособности. Если у предковъ нашихъ и не существовало общественнаго

расчлененія въ смыслѣ позднѣйшихъ сословій, тѣмъ не менѣе должны же были, конечно, и у нихъ встрѣчаться лица, которымъ, въ силу фактическихъ условій удавалось пріобрѣсти выдающееся положеніе среди окружающихъ ихъ. Подобнаго рода лица представлялись въ глазахъ окружающаго ихъ общества какъ бы фактически лучшими, большими въ сравненіи съ остальною массою населенія, имѣли въ средѣ послѣдняго много сторонниковъ, а вслѣдствіе того и особый авторитетъ на вѣчѣ и въ другихъ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ голосъ ихъ, ихъ мнѣніе, нерѣдко получали рѣшающее значеніе Такимъ образомъ, лица эти становились фактически лучшими большими сравнительно съ остальною массою населенія, окрещиваемою уже общимъ наименованіемъ „людей“ (людинъ, люди), а отсюда и ихъ названіе—люди лучшихъ нарочитыхъ, старѣйшихъ или бояръ (боярынь, бояре), послѣднее наименованіе, несомнѣнно имѣющее свое происхожденіе отъ сравнительной степени „болій“, гдѣ больший впослѣдствіе сократилось въ слово—боярин, бояре [1]) Въ лѣтописномъ разсказѣ о войнѣ Ольги съ древлянами повѣствуется о томъ, что на требованіе кіевской великой княгини прислать къ ней „нарочитыхъ“ древлянскихъ мужей, въ Кіевъ были отправлены для переговоровъ „лучшіе мужи, иже держаху деревску землю“ „Бояре“ упоминаются и въ договорахъ русскихъ князей съ греками, такъ, договоръ 945-го года заключается отъ имени Игоря, великаго князя русскаго, „и боляръ его и всѣхъ людій русскія земли“ Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что у восточно-русскихъ славянъ еще до основанія русскаго государства выработались понятія „дружины“ и класса „смердовъ“,—но эти элементы древнерусскаго общества возстановляются по памятникамъ, относящимся къ начальнымъ вѣкамъ уже исторической русской жизни, а потому мы о нихъ, пока, говорить и не можемъ

Остается еще замѣтить, что древнѣйшимъ предкамъ нашимъ вполнѣ знакомъ былъ институтъ рабства, съ его древнимъ наименованіемъ—челядинства (челядинъ,

---

[1]) По свидѣтельству Макушева, о знатныхъ людяхъ среди славянъ говорятъ и иностранные источники Византійцы называли ихъ—*μεγιστάνοι, μέγα δυναμένοι, ἀρίστοι, βοϊλάδες*, западные лѣтописцы—primates, optimates, nobiles

собирательная форма—челядь), причемъ основнымъ и по времени первымъ источникомъ рабства у славянъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, являлась—война Въ рабство обращались во время войнъ даже военноплѣнные изъ своей же брати—славянъ, такъ, по свидѣтельству лѣтописи, Ольга, взявъ г Искоростѣнъ, часть его населенія велѣла перебить, другую часть „работѣ предасть мужемъ своимъ", т е отдала своимъ сподвижникамъ въ рабство, а остальныхъ жителей обложила данью Рабы служили видным предметомъ торговли, о чемъ свидѣтельствуютъ наши договоры съ греками, заключающіе въ себѣ рядъ опредѣленій о невольникахъ Существуютъ, впрочемъ, свидѣтельства, что рабы, по крайней мѣрѣ военноплѣнные рабы, пользовались у славянъ сравнительно хорошимъ положеніемъ, императоръ Маврикій пишетъ, что славяне не обрекали своихъ военноплѣнныхъ рабовъ на пожизненную неволю, но, по истеченіи извѣстнаго срока дозволяли имъ выкупаться на волю, послѣ чего тѣ могли или возвратиться на родину, или оставаться у нихъ, но уже на правахъ свободныхъ членовъ общества и даже друзей [1])

Познакомившись съ основами политическаго и общественнаго строя восточно-русскихъ славянъ, сдѣлаемъ еще попытку сказать нѣсколько словъ относительно нѣкоторыхъ сторонъ **духовной жизни ихъ** Впередъ оговариваемся, что этотъ вопросъ, представляющій въ своемъ разрѣшеніи не мало трудностей даже примѣнительно къ народамъ, уже въ достаточной степени проявившимъ свою индивидуальность въ исторіи развитія человѣчества, заставитъ насъ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями общаго характера въ его примѣненіи къ жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ эпохи формаціи русскаго государства

Коснемся, прежде всего, религіи *восточно-русскихъ* славянъ Въ задачи нашего настоящаго изложенія не можетъ

---

[1]) Въ данномъ случаѣ любопытнымъ представляется самое названіе «челядинъ», челядь», выражающее у западныхъ славянъ понятіе младшихъ членовъ семьи, вообще Аналогичное сопоставленіе невольно напрашивается и отъ слова «рабъ» къ слову—«робенокъ», съ общимъ, повидимому, корнемъ, выражающимъ понятіе работы (робить, роботить, работать), т е отправленія обязанностей младшаго члена семьи

войти разсмотрѣніе вѣрованій и религіознаго культа нашихъ языческихъ предковъ. Считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ на то, что у нихъ не было никакого религіознаго общества, въ смыслѣ церковномъ, не было ни храмовъ, ни жреческаго сословія. Лѣса, рощи и берега рѣкъ и озеръ — служили мѣстами отправленія религіознаго культа, а обязанности жрецовъ возлагались на народныхъ старѣйшинъ. Такъ обстояло первоначально дѣло и у остальныхъ славянскихъ народовъ и здѣсь долго не видимъ мы особаго жреческаго сословія. Моленія и жертвы богамъ приносилъ всякій, кому это было нужно и кто этого хотѣлъ, и только у Титмара Мерзебургскаго (автора начала XI-го вѣка) является первое упоминаніе о жрецахъ у славянъ. Вторая половина X-го вѣка явилась, вообще, яркою вспышкою славянскаго язычества, готовящагося уже уступить мѣсто христіанству. Такъ было и у насъ на Руси. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что начало княженія Владиміра Святославича было ознаменовано необычайнымъ подъемомъ языческаго благочестія и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ во множествѣ воздвигаются кумиры, которымъ въ обиліи приносятся жертвы до человѣческихъ включительно — „и осквернися кровью и требами земля русская", сѣтуетъ лѣтописецъ. Но это была уже пора послѣдней реакціи стараго язычества противъ надвигающагося изъ Византіи свѣта новой религіи. Представляется, во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ, въ чемъ мы, во своемъ мѣстѣ и убѣдимся, что свѣтъ Христова ученія вовсе не былъ новостью для Руси X-го вѣка и что корни русскаго христіанства несомнѣнно восходятъ за предѣлы основанія русскаго государства, это и не представляется нисколько удивительнымъ въ виду тѣхъ сношеній славянскаго Приднѣпровья съ Византіею, которыя существовали еще задолго до зарожденія русской государственности и слѣды которыхъ ясно обнаруживаются въ свидѣтельствахъ византійскихъ источниковъ и въ договорахъ первыхъ русскихъ князей съ греками.

Раннее возникновеніе въ Приднѣпровьи христіанской религіи невольно ставитъ вопросъ и о столь же раннемъ существованіи у нашихъ предковъ письменности. Ходячее мнѣніе относитъ начало русской письменности къ исходу X-го вѣка, когда, вмѣстѣ съ христіанскою религіею, будто бы впер-

вые быть перенесенъ къ намъ и болгаро-славянскій алфавитъ, составленный славянскими первоучителями Существуютъ, однако, весьма вѣскія данныя въ пользу предположенія, что искусство письма было знакомо нашимъ предкамъ еще ранѣе того Черноризецъ Храбръ (втор полов IX-го и перв треть X-го в) оставилъ свидѣтельство о томъ что „прежде убо славяне не имѣху книгъ, но чертами и рѣзами читаху и гадаху, погани суще“, т е прежде (до изобрѣтенія болгарскаго алфавита) славяне не имѣли письменъ, но читали и писали посредствомъ чертъ и надрѣзовъ, будучи въ то время еще язычниками Арабскій писатель Ибнъ Фадланъ видѣлъ обрядъ погребенія русса и при этомъ говоритъ, что руссы ставили надъ могильными курганами своихъ покойниковъ столбы, на которыхъ надписывали имена умершаго и того князя, при которомъ онъ умеръ Другой арабскій авторъ Недимъ (X-го вѣка) свидѣтельствуетъ, что его знакомый, возвратившійся изъ страны руссовъ, говорилъ о существованіи у руссовъ письменъ, причемъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, показалъ ему кусокъ бѣлаго дерева съ надрѣзанными на немъ фигурами, изображающими „не знаю, цѣлыя ли слова, или отдѣльныя буквы“ Но, не говоря уже объ этихъ древнѣйшихъ письменахъ, въ эпоху образованія русскаго государства могла быть извѣстна нашимъ предкамъ и письменность, изобрѣтенная св Кирилломъ, такъ какъ христіанство въ Приднѣпровьи въ ту пору уже успѣло пустить корни Несомнѣнное указаніе на существованіе на Руси письменности въ разсматриваемую эпоху почерпаемъ мы и изъ договоровъ первыхъ нашихъ князей съ греками Эти договоры были подписаны русскими послами и гостями русскіе купцы, пріѣзжающіе въ Царьградъ, имѣютъ при себѣ удостовѣрительныя грамоты отъ своихъ князей, русскіе великіе князья пересылаются съ византійскими императорами грамотами, ведутъ съ ними дипломатическую переписку, договоръ 912-го года предусматриваетъ случай смерти въ Константинополѣ русса, оставившаго „рукописаніе“, т е духовное завѣщаніе Принимая все это во вниманіе, мы уже не должны скептически относиться къ факту знакомства предковъ нашихъ съ искусствомъ письма еще задолго, сравнительно, до той эпохи, къ которой пріурочивается крещеніе Руси и послѣдовавшее за тѣмъ появленіе у насъ славяно-болгарской книжности

Въ ряду проявленій духовной жизни каждаго народа видное мѣсто занимаетъ его словесность, творчество въ области которой идетъ параллельно съ развитіемъ жизни народа, находящей себѣ въ нихъ отраженіе и воплощеніе Трудно говорить, конечно, о творчествѣ въ этой области нашихъ отдаленныхъ предковъ эпохи формаціи русскаго государства, хотя несомнѣнно, что значительная часть дошедшихъ до насъ отъ позднѣйшихъ эпохъ произведеній устной народной словесности, въ особенности изъ цикла миѳическаго и, отчасти, героическаго періодовъ народнаго творчества, таятъ свое начало въ глубинѣ языческихъ вѣковъ, ясные слѣды которыхъ въ нихъ и отражаются Воспоминанія о древнѣйшемъ народномъ творчествѣ обнаруживаются въ извѣстномъ эпическомъ „Словѣ о полку Игоревѣ“, извѣстно, что одна изъ составныхъ частей нашей начальной лѣтописи, такъ называемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, въ числѣ своихъ источниковъ заключаетъ древнія повѣствованія, преданія и легенды племени полянъ, игравшаго ближайшую роль въ процессѣ формаціи древняго русскаго государства

Намъ слѣдовало бы еще затронуть вопросъ о непосредственно интересующемъ насъ продуктѣ духовной жизни восточно русскаго славянства—объ его правѣ, но этотъ вопросъ послужитъ предметомъ нашего вниманія ниже, при обозрѣніи источниковъ права перваго изъ намѣченныхъ нами періодовъ развитія русской историко-юридической жизни

III

Зарожденіе русской государственности

Теорія государственнаго права знакомитъ насъ съ элементами, которые являются необходимыми для понятія государства Этими элементами являются народъ, территорія, извѣстная общественная организація и объединяющая всѣ эти элементы—общая власть

Передъ нами теперь уже имѣются на лицо элементы которые въ теченіи долгаго ряда вѣковъ вырабатывались на равнинахъ восточной Европы для зарожденія будущаго русскаго государства Мы имѣемъ передъ собою народъ, пока еще слагающійся изъ отдѣльныхъ племенъ, путемъ длиннаго процесса колонизаціи уже осѣвшихся по опредѣленнымъ пространствамъ территоріи, имѣющихъ опредѣленную политическую и общественную организацію, стоящихъ даже на извѣстной ступени культуры Мы имѣемъ передъ собою, пожалуй даже, рядъ отдѣльныхъ государствъ,—но государствъ, находящихся между собою въ состояніи разобщенія, изъ которыхъ „кождо“ сіояло „особь“ отъ другихъ и которыя опредѣляли свои соотношенія скорѣе враждебными, нежели солидарными, чертами Мы оставили эти племена-государства, эти федеративно-волостные территоріальные союзы, въ состояніи броженія, въ состояніи переходномъ къ высшей формѣ общественности—къ государству народу, которое способно было бы дать „нарядъ“ этому разнообразію племенъ, территорій и политическихъ организацій, создавъ изъ него одно политическое цѣлое—уже съ сознаніемъ своей общенародности, съ общею территоріею, съ общею государственною властью

Созидание русскаго народа и русскаго государства подготовлялось и элементы для ихъ возникновенія—уже имѣлись на лицо Нужень былъ только толчокъ или другой импульсъ для того, что бы этотъ народъ, на первое время конечно только чисто механическимъ путемъ—сложился, что бы это государство—осуществилось Такимъ толчкомъ могло быть или завоеваніе или же свободное самоопредѣленіе воли отдѣльныхъ государствъ-племенъ,—все равно, выразится ли это самоопредѣленіе воли въ формѣ признанія общей власти или въ формѣ добровольнаго признанія такой общей власти О завоеваніи, какъ исходной точкѣ образованія русской государственности,—по крайней мѣрѣ о завоеваніи въ той рѣзкой и категорической формѣ, путемъ какового формировались великія государства Западной Европы—въ нашей начальной исторіи не можетъ идти и рѣчи Конечно, частичныя завоеванія не чужды были и зарожденію русской государственности „поча Олегъ воевати древляны и примучивъ и, имаше на нихъ дань", „иде Олегъ на сѣверяны и побѣди сѣверяны и возложи нань дань" „съ уличи и тиверцы имяше (Олегъ же) рать", но несомнѣнно, что основное ядро русской государственности—съ полянскимъ племенемъ-государствомъ, уже издавна извѣстнымъ, повидимому, окрестнымъ странамъ подъ наименованіемъ „Руси", въ его основѣ,—сформировалось путемъ свободнаго самоопредѣленія воли вошедшихъ въ него племенъ

Русское государство создалось, такимъ образомъ, помимо завоеванія въ томъ суровомъ значеніи этого понятія, съ какимъ столкнулось зарожденіе великихъ западно-европейскихъ государствъ Отсюда отсутствіе рѣзкаго распаденія населенія на побѣдителей и побѣжденныхъ, порабогителей и порабощенныхъ, съ крѣпостнымъ подневольнымъ состояніемъ въ его основѣ, отсюда отсутствіе раздачи отобранныхъ отъ побѣжденныхъ земель сподвижникамъ по завоеванію, съ бенефиціальною системою и феодализмомъ въ ея результатѣ, отсюда отсутствіе борьбы обладателя верховной власти съ феодалами и ранняго развитія абсолютизма, закрѣпощающей дѣятельности государства и сословнаго раздѣленія,—словомъ, тѣхъ историческихъ формъ и явленій, которыя невольно бросаются въ глаза въ историческихъ судьбахъ народовъ Западной Евро-

пы [1]) Будь въ начальной жизни русскаго государства подобнаго рода завоеваніе—оно оставило бы по себѣ крупный слѣдъ въ исторіи и не прошло бы незамѣченнымъ нашими ранними сосѣдями-византійцами, которые, однако, и послѣ возникновенія русскаго государства продолжаютъ поддерживать сношенія съ руссами, какъ съ старыми знакомцами, указанія на что даютъ намъ договоры съ греками 912-го и 945-го годовъ, ясно, что въ жизни восточно-славянскихъ племенъ произошло теперь измѣненіе только въ формѣ этой жизни, но не въ ея содержаніи

Вопросъ о происхожденіи русскаго государства, неразрывно связывавшійся съ пресловутымъ вопросомъ о происхожденіи варяго-руссовъ, уже болѣе полутора вѣка интересуетъ собою историковъ Россіи, безплодно бродившихъ въ туманѣ легендарныхъ сказаній нашихъ лѣтописей, начальныхъ и болѣе позднихъ разрядовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя ухитрялись даже выводить Рюрика отъ рода римскаго цезаря Августа, тщетно старавшихся истолковывать въ пользу своихъ предвзятыхъ построеній источники византійскіе и западно-европейскіе, въ отчаяніи бродившихъ въ дебряхъ противорѣчій и полунамековъ арабскихъ бытописателей Въ области вопроса о началѣ русской народности и русской государственности въ русской исторіографіи сказались три основныя направленія а) Направленіе норманское, признававшее полную достовѣрность сказанія нашей начальной лѣтописи о призваніи сѣверными племенами из за-моря варяго-руссовъ (норманновъ), которымъ и суждено было не только передать будущему русскому народу свое наименованіе и основать русское государство, но и оказать рѣшительное вліяніе на всѣ, безъ исключенія, стороны духовной жизни народа, не выключая и права, эти норманы, пробывъ на новгородскомъ

---

[1]) Не лишнимъ будетъ отмѣтить здѣсь весьма характерное историческое происхожденіе русскихъ терминовъ «подданство», «подданный» Въ смыслѣ выражаемаго въ нихъ понятія нахожденія «подъ данью», зависимости отъ власти съ точки зрѣнія платежа ей «дани»—эти термины указываютъ намъ на болѣе свободное отношеніе населенія къ государству, сравнительно съ западно-европейскими терминами subject, sujet (sub jugo) или Unterthan (unterthun), выражающими въ себѣ понятіе полной, абсолютной, подчиненности, въ смыслѣ противоположности покорителя и покоренныхъ

сѣверѣ не болѣе двадцати лѣтъ, спускаются отсюда въ Приднѣпровье, гдѣ и кладутъ твердыя основы русской монархіи, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ,—по крайней мѣрѣ до половины XI-го вѣка,—не выходящей изъ подъ рѣшительнаго норманскаго склада жизни („норманскій періодъ“ русской исторіи), б) Славяно-балтійское направленіе, по ученію котораго призванные изъ за-моря варяго руссы были выходцами изъ балтійскаго славянства, причемъ и это ученіе допускаетъ передвиженіе зародившагося пульса русской государственной жизни съ сѣвера на югъ, въ Приднѣпровье, гдѣ онь и столкнулся съ самостоятельно и уже издавно забившимся здѣсь славянскимъ же пульсомъ жизни, в) Самобытно-русское направленіе, которое, совершенно отвергая достовѣрность сказаній начальной лѣтописи, признаетъ самобытное и вполнѣ органическое развитіе славянской Руси въ Приднѣпровьи и по сѣверному побережью Чернаго (Русскаго) моря

Поборники норманизма легче всего порѣшили съ вопросомъ о происхожденіи русскаго государства они на вѣру приняли сказанія начальной лѣтописи и съ ея страницъ получили готовый шаблонь интересующаго насъ вопроса, только перефразируя и комментируя въ свою пользу свидѣтельства лѣтописца Все облеклось у нихъ въ наивно-примитивную форму лѣтописнаго шаблона, сильно смахивающую на излюбленные мотивы нашего сказочнаго эпоса Призваніе изъ за моря трехъ непомнящихъ родства братьевъ-варяговъ „съ роды своими“ подѣленіе ими волостей призвавшихъ ихъ племень, совершенно безцѣльное тріумфальное передвиженіе, черезъ двадцать лѣтъ, Олега внизъ по Днѣпру („куда глаза глядятъ“, изъ „прихоти“, изъ присущей норманамъ склонности къ авантюрамъ—поясняетъ М. П Погодинъ и другіе крайніе норманисты), причемъ онъ, попутно, опять таки неизвѣстно для чего,—вѣроятно тоже изъ „прихоти“,—овладѣваетъ приднѣпровскими городами и, наконецъ, дойдя до кіевскихъ горъ, хитростью умерщвляетъ здѣсь Аскольда и Дира— все это сильно напоминаетъ сказочный театръ маріонетокъ, искусственно подобранный для объясненія начала русской государственности Государство въ этомъ сказочномъ шаблонѣ—какой то deus ex machina, народъ—безсловесная масса, идіотически-тупо подчиняющаяся кучкѣ сѣверныхъ искателей

приключении, почти на цѣлыхъ два вѣка налагающихъ на нее ярмо своего антинациональнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и фатально-непостижимаго вліянія во всѣхъ сферахъ физической и духовной жизни.

Наиболѣе ярый и фанатически-убѣжденный поборникъ норманской теоріи, покойный М П Погодинъ, усиленно отыскивалъ зародышную точку,—„punctum saliens“, какъ онъ выражался —русскаго государства Онъ сопутствовалъ ей изъ варяжскаго заморья, пребывалъ съ нею въ Новгородѣ, спускался съ нею по Днѣпру, слѣдилъ за нею въ Кіевѣ, не упускалъ ее изъ вида въ всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ кіевскихъ князей и видитъ рѣшительное упроченіе ея на мѣстѣ лишь съ окончаніемъ княженія в к Ярослава I го, поставивъ возведѣніе этого punctum saliens'а въ всецѣлую заслугу норманновъ „удалые норманы,—писалъ Погодинъ,—въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ раскинули планъ будущаго государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линейки, безъ астролябіи, съ плеча—куда хватила размашистая рука“

Говорятъ, что толчокъ къ созданію русскаго государства данъ былъ на сѣверѣ—и видятъ этотъ толчокъ въ призваніи варяго русскихъ князей, преданіе о которомъ сохранила намъ начальная лѣтопись Прежде всего два слова объ этомъ преданіи Мы вовсе не склонны стоять за историческую несообразность его и не видимъ въ немъ ничего невозможнаго съ точки зрѣнія исторической логики Что раздираемыя усобицами сѣверныя племена могли въ началѣ второй половины IX-го вѣка призвать къ себѣ для „наряда“ какихъ то „варяжскихъ“ предводителей—это дѣло вполнѣ возможное, какъ вполнѣ вѣроятно и то, что не разъ доводилось новгородцамъ и до того прибѣгать къ подобной же мѣрѣ созданія у себя внутренняго „наряда“, прибѣгли они къ аналогичной мѣрѣ и въ 970 г, призвавъ къ в к Святославу просить себѣ князя и при этомъ угрожая, что они сами „налѣзутъ“ (найдутъ) себѣ князя, если никто изъ Святославичей не захочетъ идти на ихъ зовъ,—фактъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ бурной исторіи новгородскаго народоправства Лѣтописное преданіе о сѣверномъ призваніи нисколько не является, поэтому, абсурднымъ съ точки зрѣнія исторической логики, какъ полагаетъ это г Иловайскій,—но отсю-

да еще далеко до возможности ставить это призвание въ связь съ самымъ зарожденіемъ русскаго государства видѣть въ немъ punctum saliens нашей исторической жизни, если мы и признаемъ даже достовѣрность свидѣтельства лѣтописца о генеалогической связи призванныхъ на сѣверъ варяжскихъ князей съ первыми историческими кіевскими великими князьями если мы примемъ далѣе и свидѣтельство о переселеніи Олега въ 882 г съ сѣвера на югъ, изъ Новгорода въ Кіевъ Самъ Погодинъ, трактуя о водвореніи варяжскихъ князей на сѣверѣ, сознается въ томъ, что „далеко совершенно отдѣльное происшествіе нельзя назвать безусловно началомъ русскаго государства", самъ признаетъ это „совершенно отдѣльное" происшествіе—„атомомъ, зародышемъ который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній" т е средствомъ крайне субъективнымъ, растяжимымъ и условнымъ что и сказалось вполнѣ на начальномъ періодѣ русской исторіи, по отношенію къ которому наша историографія далеко не сказала еще своего послѣдняго слова

Несомнѣннымъ является, что въ ту пору къ которой относятся наши первыя историческія свидѣтельства восточно-славянскій міръ представлялъ два центра сѣверный (Новгородъ) и южный (Кіевъ) Сказанія начальной лѣтописи о новгородскомъ краѣ являются до эпохи вокняженія здѣсь Владиміра Святославича крайне скудными, что бы не сказать только что это начальное столѣтіе (862—970 гг)—настоящая tabula rasa новгородской исторіи Преданіе о призваніи варяговъ, разсказъ объ уходѣ Олега на югъ, съ полнымъ умолчаніемъ лѣтописи (мы не принимаемъ въ разсчетъ домысловъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ) о новгородскихъ дѣлахъ за двадцатилѣтіе 862—882 гг, т. е до оставленія Новгорода Олегомъ, туманное свидѣтельство о трехъ стахъ гривнахъ, которыя Олегъ установитъ давать варягамъ отъ Новгорода „мира дѣля", да краткое извѣстіе объ установленіи Ольгою по Мстѣ и по Лугѣ погостовъ и даней— вотъ все, чѣмъ за цѣлое столѣтіе исчерпываетъ начальная лѣтопись свои свѣдѣнія о новгородскомъ краѣ Этотъ край мало и интересовалъ собою, повидимому, лѣтописца-южанина Совсѣмъ иное приходится сказать относительно юга, который имѣлъ свою исторію и до предполагаемаго прихода сюда съ сѣвера Олега который уже въ ту

пору интересовалъ собою и византійскій и мусульманскій міры, гдѣ жили воспоминанія и преданія о прошломъ, гдѣ имѣлся свой эпосъ, слѣды котораго ясно сохранились въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ Кіевъ по преимуществу интересуетъ собою идеализирующаго жизнь его лѣтописца, въ Кіевѣ,—„матери городовъ русскихъ“,—видитъ онъ зачало русской земли, Новгородъ—какой то искусственно прицѣпленный придатокъ какой то временный и случайный „этапъ“ нашей начальной лѣтописи „Се повѣсти временныхъ лѣтъ,—такъ начинаетъ она свое повѣствованіе,—откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть“ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ ясно связываетъ, такимъ образомъ, начало русской земли съ начальною исторіею Кіева преданіе о сѣверномъ призваніи князей уже выходитъ изъ круга повѣствованія этой первой составной части нашей начальной лѣтописи

Наша начальная лѣтопись, предваряя изложеніе ею этого сѣвернаго преданія, ставитъ историческое начало русской земли въ связь съ событіемъ, занесеннымъ и въ византійскія хроники это—воинственный набѣгъ въ 866 году (по хронологіи нашей начальной лѣтописи [1]) руссовъ на столицу Византіи, приписываемый лѣтописцемъ кіевскимъ князьямъ Аскольду и Диру „Въ лѣто 6360, индикта 15, начепшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля“,—читаемъ въ начальной лѣтописи, пріурочивающей, такимъ образомъ, первое „прозваніе“, т е первое историческое упоминаніе о русской землѣ, къ началу царствованія византійскаго императора Михаила, относимому нашею лѣтописью къ 852-му году Данныя объ этомъ вывелъ лѣтописецъ изъ бывшихъ у него подъ руками византійскихъ хроникъ, разсказывающихъ объ упомянутомъ выше набѣгѣ „О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется въ лѣтописаніи гречьстѣмъ“ Воцареніе Михаила лѣтописецъ и кладетъ („отселѣ почнемъ и числа положимъ“) въ основу своихъ компилятивныхъ историческихъ по-

[1]) Вѣроятнѣе—въ 864-омъ году, какъ выясняютъ это нѣкоторыя данныя (см у И Е Забѣлина «Исторія русской жизни» I (М 1876), стр 425

вѣствованій и своей, довольно таки сомнительной, хронологіи Ясный выводъ отсюда тотъ, что лѣтописецъ считаетъ цѣлесообразнымъ приурочить первое историческое извѣстіе („начася прозывати Руска земля“) о русской землѣ къ 852-му году, т. е. на десять лѣтъ ранѣе предполагаемаго года призванія на сѣверѣ варяго-руссовъ [1])

Натяжкою, вызванною желаніемъ установить опредѣленную математическую точку для начала русской хронологіи, является и искусственно выставленная лѣтописцемъ связь „прозванія“ русской земли съ набѣгомъ 864—866 года Это „прозваніе“ отодвигается,—для византійцевъ по крайней мѣрѣ,—къ временамъ болѣе раннимъ Подробное и горячо составленное описаніе набѣга 861—866 г оставлено намъ въ своихъ „Бесѣдахъ“ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ,—извѣстнымъ ревнителемъ дѣла христіанскаго просвѣщенія славянъ „Вспомните,—говорилъ Фотій народу, возстановляя подробности постигшей передъ тѣмъ Царьградъ русской грозы,—тотъ часъ несносный и горькій, когда передъ нашими глазами плыли варварскіе корабли, навѣвавшіе что то свирѣпое, дикое и убійственное, когда они проходили передъ городомъ и угрожали ему, простерши свои мечи, когда вся человѣческая надежда отлетѣла отъ человѣковъ и единственное убѣжище оставалось только у Бога“ Ворвавшись съ своимъ флотомъ, неожиданно для грековъ, въ Босфоръ, руссы огнемъ и мечемъ опустошили окрестности византійской столицы и стали уже приступать къ городской цитадели, когда крестный ходъ вокругъ стѣнъ съ поднятою изъ Влахернскаго собора ризою Пресвятой Богородицы спасъ Константинополь, по преданію, отъ совершеннаго разгрома Вскорѣ послѣ этихъ событій значительная часть руссовъ приняла христіанство, что и дало патріарху Фотію поводъ занести въ одно изъ своихъ посланій слѣдующія строки „Не только Болгарскій народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа, но и этотъ народъ, о которомъ многіе мно-

[1]) Въ сущности еще ранѣе, такъ какъ годъ начала царствованія Михаила указанъ лѣтописцемъ ошибочно Михаилъ принялъ престолъ въ 842 году

гое разсказываютъ и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ,—оный глаголемый Росъ,—который, поработивъ живущихъ окрестъ него и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Римскую имперію—и сей, однако, нынѣ перемѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую христіанскую вѣру". И. Е. Забѣлинъ приводитъ, на основаніи „Бесѣдъ" того же патріарха Фотія, неотразимыя данныя въ пользу того, что самый набѣгъ 864—866 г. явился лишь актомъ мести за обиды, передъ тѣмъ причиненныя въ Византіи со стороны грековъ руссамъ, постоянно, въ качествѣ торговцевъ и рабочихъ людей, проживавшихъ въ Царьградѣ: „Ихъ (руссовъ) привелъ къ намъ гнѣвъ (т. е. месть),—пишетъ патр. Фотій... Часто внушалъ я вамъ,—учитъ онъ паству свою:—берегитесь, исправьтесь, не попускайте отточиться Божію мечу и натянуться Его луку,—не лукавьте съ честными людьми"...

Врядъ ли можно вывести отсюда заключеніе, что только „наченшю Михаилу царствовати" и русская земля „начася прозывати",—какъ увѣряетъ насъ въ томъ лѣтописецъ. Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ съ совершенною ясностью вытекаетъ, что „глаголемый Росъ"—уже раньше того извѣстенъ былъ грекамъ, еще до того находился съ ними въ сношеніяхъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ выяснится для насъ и изъ разбора внутренняго содержанія договоровъ русскихъ князей съ греками, заключающаго въ себѣ прямыя указанія на издавнія торговыя и дипломатическія сношенія между Византіею и Русью. Все заставляетъ прійти къ убѣжденію въ томъ, что, помимо преданія о сѣверномъ призваніи князей и о передвиженіи въ 80-хъ годахъ IX-го вѣка вновь зародившагося, будто бы, въ новгородскомъ краѣ пульса русской исторической жизни съ сѣвера на югъ—славянское Приднѣпровье издавна жило своею самобытною жизнью, что здѣсь глубоко пустилъ свои корни „глаголемый Росъ", успѣвшій заставить „говорить о себѣ", успѣвшій „поработить окрестныя страны" и даже „возгордиться своими побѣдами" (слова патріарха Фотія) въ то самое время, когда сѣверно-новгородскій край вызывалъ къ себѣ какихъ то князей изъ за-моря и тѣмъ, будто бы, слагалъ основаніе русской народности и русской государственности...

Но гдѣ же и въ чемъ искать намъ начало русской государственности? Гдѣ и въ чемъ должны мы видѣть toit principium salientis, ту математическую точку, которая, двинувшись впередъ, образовала линію—„и какую линію половину экватора, треть меридіана“, какъ патетически восклицалъ покойный Погодинъ? Жизнь народа, а вслѣдъ за нею и его исторія, очень плохо подчиняются „математическимъ точкамъ“ и древняя историческая жизнь русскаго народа, съ ея почти незамѣтною для глазъ историка смѣною формъ и внутреннихъ условій жизни, служитъ тому наглядно-яснымъ доказательствомъ, въ чемъ мы впослѣдствіе не разъ и будемъ имѣть случай убѣждаться. И такъ, оставивъ въ сторонѣ узко схоластическій вопросъ объ исходной „математической точкѣ“ русской исторіи—что для насъ, историковъ-юристовъ и не представитъ особеннаго ущерба въ виду поставленнаго въ наши дни на вполнѣ безспорную почву вопроса о національномъ, чуждомъ рѣшительнаго вліянія всякаго рода варяговъ и другихъ чужеземцевъ, развитіи нашей древнѣйшей правовой жизни,—вглядимся попристальнѣе въ жизнь русскаго Приднѣпровья во второй половинѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣковъ.

Несомнѣнно, что въ эту пору происходитъ здѣсь какое то движеніе, совершается историческій процессъ, на почвѣ котораго уже готово создаться русское государство. Очень можетъ быть, что цареградскій набѣгъ 864—866 г. былъ лишь однимъ изъ отраженій этого движенія. Это движеніе—объединяющее, это процессъ—централизаціонный, направленный къ сплоченію отдѣльныхъ территоріальныхъ волостей подъ гегемоніею „матери городовъ русскихъ“—Кіева. Не праздными же должны представляться намъ слова патріарха Фотія о томъ, что, „поработивъ окрестныя страны“, Русь въ 60-хъ годахъ IX-го вѣка „возгордился своими побѣдами“ до того, что воздвигъ свои руки на византійскую имперію. Не кажется намъ ничего парадоксальнаго въ предположеніи, что это объединительное движеніе явилось реакціею противъ притязаній казаровъ („казары,—читаемъ въ лѣтописи подъ 859-мъ годомъ,—имаху дань на поляняхъ, и на сѣверѣхъ и на вятичѣхъ“), подобно тому, какъ и одновременное единеніе сѣверныхъ племенъ въ основѣ своей имѣло, согласно лѣтописному преданію, стремленіе оградить себя отъ варяжскихъ насилій. Исторія сохранила намъ имя вождя и руково-

дителя этого объединяющаго движенія—перваго историческаго русскаго великаго князя Олега, дѣятельность котораго въ данномъ направленіи была особенно интенсивна, повидимому, въ восьмидесятыхъ годахъ IX-го вѣка, т е вскорѣ послѣ описаннаго патріархомъ Фотіемъ цареградскаго набѣга Начальная лѣтопись, влагающая въ уста Олега признаніе имъ Кіева „матерью городовъ русскихъ"—пріурочиваетъ главные моменты этой дѣятельности къ 882—885 годамъ въ 882-мъ году Олегъ простираетъ свою власть надъ Смоленскомъ и Любечемъ (кривичи и сѣверяне), въ 883 мъ году „примучиваетъ" древлянъ, въ 884-мъ году освобождаетъ сѣверянъ отъ казарской дани, въ 885-мъ году дѣлаетъ тоже самое по отношенію къ радимичамъ, одновременно воюя съ уличами и тиверцами „И бѣ Олегъ,—заключаетъ лѣтописецъ,—обладая поляны, и деревляны, сѣверяны и радимичи"

Вотъ первый историческій моментъ зарождающагося русскаго государства, вотъ его генезисъ, примѣнительно къ которому лѣтописецъ съ большимъ основаніемъ, нежели по отношенію къ началу царствованія византійскаго императора Михаила, могъ бы сказать свое „Отсель почнемъ и лѣта положимъ"

Послѣ 885-го года наша начальная лѣтопись въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ хранитъ упорное молчаніе о судьбахъ Олега и зародившагося русскаго государства, заполнивъ этотъ пробѣлъ извѣстіемъ о прохожденіи черезъ Приднѣпровье „угровъ", повѣствованіемъ о просвѣтительной дѣятельности св св Кирилла и Меѳодія и о столкновеніи угровъ съ болгарами Не касается лѣтописецъ и вопроса объ отношеніяхъ Олега къ уграмъ, около 898-го года проходившимъ мимо Кіева и только подъ 903-мъ годомъ вскользь упоминаетъ объ Олегѣ по поводу возмужанія и женитьбы Игоря Но за то черезъ четыре года, подъ 907-мъ годомъ, встаетъ передъ нами мощная и предпріимчивая фигура „Ольга, великаго князя Рускаго" (такъ впервые именуется онъ въ договорѣ съ греками 912-го года), новою и побѣдоносною грозою идущаго на Византію сухопутною и морскою ратью, приводящаго въ трепетъ византійскую столицу и, по преданію, прибивающаго свой щитъ на вратахъ Цареграда Пять лѣтъ спустя (912 г) первый великій князь русскій Олегъ заключаетъ съ византійскими императорами письменный трактатъ, въ ко-

торомъ, отъ себя лично и отъ лица всей „сущей подъ рукою его“ Руси, на правахъ равной стороны договаривается съ гордою Византійскою имперіею, предписывая ей условія мирнаго соглашенія.

Память объ Олегѣ,—кто бы онъ ни былъ: варяжскій ли выходецъ изъ сѣвернаго края, одинъ ли изъ туземно-славянскихъ князей, или воспользовавшійся благопріятно сложившимися обстоятельствами энергичный авантюристъ,—во всякомъ случаѣ не прошла безслѣдною въ народѣ. Народная память окружила ореоломъ чудесности перваго собирателя русской земли, прозвавъ его вѣщимъ и удѣливъ ему мѣсто въ своемъ эпосѣ (эпическія сказанія объ овладѣніи Кіевомъ, о греческомъ походѣ Олега, о его необычайной смерти, „Вольга“ нашихъ былинъ...).

Такъ зачалась достовѣрная, даже документальная (договоры съ греками), русская исторія—и врядъ ли приходится скорбѣть о невозможности пріурочить начало ея къ строго опредѣленному году, къ строго и математически ясно обозначенной точкѣ, о чемъ такъ старался составитель нашего древнѣйшаго лѣтописнаго свода, къ чему такъ стремились и первые нѣмецкіе піонеры русской исторической науки. Мы не въ состояніи указать строго математической начальной точки для зародившагося нѣсколько вѣковъ спустя Московскаго государства, процессъ формаціи котораго совершался исподоволь, шагъ за шагомъ, почти непримѣтно для глазъ историка, безъ рѣзкихъ революціонныхъ процессовъ и переворотовъ,—тѣмъ болѣе странною представляется безплодная погоня за строго пріуроченнымъ къ данному мѣсту и къ данному моменту актомъ зарожденія русскаго народа и русскаго государства.

Великій князь Олегъ Кіевскій и Русскій—является историческимъ родоначальникомъ княжеской династіи (употребивъ это иностранное слово) или общерусской княжеской „задруги“ (слѣдуя терминологіи Ѳ. И. Леонтовича), въ лицѣ которой русскій государственный строй получилъ элементъ для организаціи власти, въ лицѣ которой получила свое жизненное осуществленіе идея единства народа и государства, побѣдоносно прошедшая черезъ проявленія партикуляризма князей и волостей, черезъ всю пестроту и кажущуюся хаотичность явленій и отношеній удѣльнаго періода русской исторической жизни.

Княженіе Олега представляетъ особенно существенный интересъ для исторіи права русскаго народа въ предпослѣдній годъ этого княженія заключается первый письменный трактатъ между руссами и греками, извѣстный подъ названіемъ „Договора великаго князя Олега съ греками 912-го года“ Въ этомъ договорѣ русская историко-юридическая наука становится лицомъ къ лицу съ письменнымъ памятникомъ, въ которомъ впервые ясно отражаются основы политическаго, общественнаго и правового строя древнѣйшей русской земли, въ которомъ впервые письменно формулируются отдѣльныя положенія ея обычнаго права, въ которомъ впервые заявляютъ міру о своемъ существованіи—„законъ русскій“, „законъ и поконъ языка нашего“

Если необходимо нужна „математическая точка“ и для науки исторіи русскаго права—въ такомъ случаѣ „Договоръ Олега съ греками 912-го года“ могъ бы съ наибольшимъ правомъ заступить ея мѣсто

I.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

РУСЬ ЗЕМСКО-ВѢЧЕВАЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Обзоръ источниковъ права.

Подъ общимъ понятіемъ источниковъ права мы разумѣемъ проявленія во внѣшности той стороны духовной жизни даннаго народа, которая уже извѣстна намъ подъ наименованіемъ права —проявленія, предоставляющія въ наше распоряженіе фактическій матеріалъ для возстановленія эволюціи правовой жизни этого народа, иначе говоря — для построенія исторіи его права Конечно, все то, что способно дать намъ свѣдѣнія о правовомъ прошломъ народа,— будетъ ли это памятникъ законодательства, лѣтописное повѣствованіе, произведеніе народнаго творчества, сказаніе современника,—можетъ быть подведено подъ понятіе источника науки исторіи права, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ источникахъ уже не науки права, а самого права, какъ строго опредѣленнаго продукта духовной жизни

Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о такъ называемомъ „правѣ юристовъ“ или „научномъ правѣ“, какъ одномъ изъ источниковъ положительнаго права, мы, въ качествѣ непосредственныхъ источниковъ этого послѣдняго, остановимся лишь на правѣ обычномъ и на законѣ

Обычное право съ юридическимъ обычаемъ, какъ творческимъ элементомъ, въ его основѣ—является непосредственнымъ и первымъ по времени продуктомъ правовой жизни народа, „бытовою формою права, образующеюся и дѣйствующею въ народной жизни независимо отъ закона, какъ внѣшнее выраженіе съ незапамятныхъ временъ живущихъ въ народной памяти правовыхъ воззрѣ-

ній и правилъ *однообразно соблюдаемыхъ и примѣняемыхъ въ жизни въ силу общаго убѣжденія въ ихъ необходимости и обязательности*“ [1]) Какъ продуктъ непосредственнаго творчества самого народа въ области устройства своихъ правовыхъ отношеній, обычное право стоитъ, съ точки зрѣнія генезиса, совершенно въ сторонѣ отъ закона, хотя и имѣетъ къ нему весьма близкое соотношеніе въ томъ смыслѣ, что, въ начальной правовой жизни всѣхъ народовъ, зарождающаяся въ ней законодательная дѣятельность въ первыя поры своего существованія всецѣло почти базируетъ на обычномъ правѣ, черпая въ немъ свое содержаніе и имѣя главною функціею своею санкціонированіе и облеченіе въ форму писанныхъ законовъ уже существующихъ нормъ права обычнаго

Законъ какъ продуктъ творчества государственной власти въ той сферѣ дѣятельности ея, которую принято называть властью „законодательною“, выступаетъ второю по времени формою внѣшняго проявленія правовой жизни народа, хотя, на первыхъ порахъ исторической жизни народовъ, законодательная дѣятельность, какъ это только что было замѣчено нами, имѣетъ своею ближайшею задачею рецепцію, письменную формулировку, санкцію, и только отчасти дальнѣйшее восполненіе и развитіе уже существующихъ нормъ обычнаго права

Только что высказанное нами положеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ исторіи древняго русскаго права Для перваго періода развитія этого послѣдняго противопоставленіе обычая закону должно быть признано особенно условнымъ, такъ какъ древнѣйшіе памятники русскаго свѣтскаго права (мы исключаемъ отсюда концепгированные памятники права церковнаго) въ значительнѣйшей части своего содержанія являются лишь отраженіемъ и письменною формулировкою современнаго имъ обычнаго права русскаго народа Мы будемъ имѣть, въ своемъ мысли, возможность убѣдиться въ томъ, что даже важнѣйшій памятникъ права земско вѣчевого періода русской исторической жизни,—Русская Правда, — не былъ, въ подробной редакціи своей, плодомъ ни единовременной ни, тѣмъ менѣе, оффиціальной кодификаціи

---

[1]) О И Леонтовичъ «Старый земскій обычай» (Од 1889), стр 1

Только съ этою необходимою оговоркою выдѣлимъ мы обычное право въ болѣе или менѣе обособленную рубрику источниковъ права интересующаго насъ періода, обзоръ которыхъ распадется въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи на слѣдующія пять главъ 1) Обычное право, 2) Договоры русскихъ князей съ греками, 3) Памятники церковнаго законодательства, 4) Русская Правда и 5) Договоры русскихъ князей и городовъ съ Готландомъ и нѣмецкими городами

Глава I.

Обычное право

Первыя свѣдѣнія о нормахъ права, дѣйствовавшихъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ до образованія русской народности и русской государственности и перешедшихъ въ наслѣдіе первымъ вѣкамъ русской исторической жизни—находимъ мы въ нашей начальной лѣтописи Разсказывая объ условіяхъ внутренняго быта восточно-славянскихъ племенъ передъ эпохою формаціи государства, лѣтописецъ свидѣтельствуетъ намъ, что эти племена „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья—кождо свой нравъ“

Этими нормами являются, такимъ образомъ, основанія того же обычнаго права, тѣ же „законы дѣдовъ и отцовъ“, которые лежали въ основѣ правовой жизни и другихъ славянскихъ народовъ и главныя основанія которыхъ уходятъ своими корнями къ той эпохѣ, когда славяне обитали еще на своей первоначальной родинѣ, когда не успѣлъ еще „разойтись славянскій языкъ“,—какъ выражается нашъ древній лѣтописецъ

Само собою разумѣется, что славянскія племена не могли въ полной неприкосновенности сохранить древнее обычное право, вынесенное ими еще изъ первоначальной родины, оно должно было модифицироваться на новыхъ мѣстахъ поселенія, вслѣдствіе неодинаковыхъ условій физической и духовной жизни, въ которыя отдѣльныя племена поставлены были здѣсь, внося въ это развитіе начало партикуляризма Все это должно было оправдаться и на обычномъ правѣ восточно славян-

скихъ племенъ, разселившихся въ предѣлахъ нашего нынѣшняго отечества О партикуляризмѣ права ихъ говоритъ, какъ мы видѣли, уже наша начальная лѣтопись, заявляя, что эти племена имѣли „кождо свой нравъ“ и набрасывая характеристику господствовавшихъ среди нихъ обычаевъ Эта характеристика—далеко не безпристрастна какъ кіевлянинъ, потомокъ племени полянъ, составитель начальной лѣтописи силится выказать превосходство культурной жизни этого племени передъ низкимъ уровнемъ быта другихъ восточно-славянскихъ племенъ, какъ монахъ-аскетъ, вышедшій изъ племени, уже рано усвоившаго себѣ свѣтъ Христовой вѣры, лѣтописецъ видитъ въ остальныхъ племенахъ—язычниковъ, „поганыхъ,“ и это предубѣжденіе его противъ всего склада жизни ихъ Поляне, разсказываетъ онъ—„отецъ своихъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверямъ велико стыдѣнье имѣху, брачные обычаи имяху не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечерь, и заутра приношаху по ней, что вдадуче“ Совершенно противоположными чертами обрисовываетъ лѣтописецъ условія жизни ближайшихъ полянскихъ сосѣдей—древлянъ Древляне, — негодуетъ онъ,— „живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицы“ [1]) Про радимичей, вятичей и сѣверянъ лѣтописецъ повѣствуетъ, что и они „одинъ обычай имяху“ жили въ лѣсахъ „яко же всякый звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отци и снохами браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селъ,—схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся (т е уговорился), имяху же по двѣ и по три жены (полигамія, общая всѣмъ славянамъ въ языческую пору жизни ихъ)“ Возмущаютъ аскета-лѣтописца и языческіе погребальные обычаи этихъ племенъ

[1]) Здѣсь лѣтописецъ имѣетъ, конечно, въ виду языческія проявленія права древлянъ — кровавую месть и языческую форму брака (умыканіе) Описываемый имъ звѣрообразный бытъ древлянъ плохо вяжется съ сообщеніемъ той же начальной лѣтописи, что у древлянъ были города, князья, которые «распасли» землю ихъ, что древляне «дѣлали нивы свои» (Разсказъ о мести Ольги)

„Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику и возложахуть на кладу мертвеца и сожжаху, а по семъ, собравше кости, вложаху въ судину (сосудъ) малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ Си же творяху обычая кривичи и прочіи погании (язычники), не вѣдуще закона Божья, но творяще сами себѣ законъ“

Признавая несомнѣнную тенденціозность только что цитированнаго повѣствованія лѣтописца, мы находимъ, тѣмъ не менѣе, заслуживающею полнаго вниманія лежащую въ основѣ его мысль о партикуляризмѣ обычнаго права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, — мысль, находящую себѣ подтвержденіе въ исторіи права славянства, вообще Можетъ показаться съ перваго взгляда, что этотъ партикуляризмъ долженъ былъ повлечь за собою совершенное затемненіе общности происхожденія обычнаго права отдѣльныхъ племенъ славянскихъ Но этотъ партикуляризмъ, — какъ справедливо замѣчаетъ проф Ѳ И. Леонтовичъ [1])—не могъ довести до такой крайности, какъ наглядно и подтверждаетъ это не только вся исторія славянскаго права, но даже и современное намъ состояніе его Этотъ частичный партикуляризмъ, распространяясь на детали правоотношеній, *не в силахъ былъ заглушить самыхъ основъ общеславянскаго правового сознанія*, оставлялъ неприкосновеннымъ тотъ общій источникъ, изъ котораго черпало свои формы и свое содержаніе обычное право отдѣльныхъ славянскихъ племенъ Видоизмѣняясь въ подробностяхъ—славянское обычное право въ основныхъ началахъ своихъ всегда сохраняло и продолжаетъ сохранять *черты близкаго, тѣснаго, родства*. Это положеніе вполнѣ подтверждается изученіемъ права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ—и на этомъ основаніи зиждется тотъ, пока еще въ

---

[1]) О И Леонтовичъ «Исторія русскаго права», I (Од 1869), стр 76 и слѣд Болѣе подробное и глубокое изслѣдованіе началъ древне-славянскаго обычнаго права и выраженія этихъ началъ во внѣшней формѣ дано проф Леонтовичемъ въ трудѣ «Старый земскій обычай» (Труды VI-го Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т IV, и отдѣльно Од 1889) Мы усиленно рекомендуемъ этотъ прекрасный и интересный трудъ желающимъ ближе познакомиться съ основами древне-славянскаго обычнаго права

значительной степени только идеальный, методъ разработки исторіи древняго русскаго права, который мы назвали „сравнительно-славянскимъ“ и о которомъ, въ своемъ мѣстѣ, уже шла у насъ рѣчь Возникаетъ, такимъ образомъ, вполнѣ законный вопросъ о существованіи нѣкогда **пра-славянскаго права** въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ сравнительная филологія признаетъ и пра-славянскій языкъ, и отъ котораго, какъ отъ общаго, начальнаго, корня повели свое начало права отдѣльныхъ славянскихъ народностей

Но обладаетъ ли современная историко-юридическая наука средствами къ возстановленію хотя бы только основъ этого архаическаго, этого пра-славянскаго, права? Мы не располагаемъ непосредственными историческими свѣдѣніями объ обычномъ правѣ, дѣйствовавшемъ у славянъ въ ту до-историческую эпоху, пока они не распались еще на нѣсколько отдѣльныхъ народностей,—какъ и, вообще, не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ славянской жизни, исторія застаетъ славянъ уже разселившимися изъ первоначальной родины своей и образовавшими цѣлую группу болѣе или менѣе обособившихся народцевъ Нѣкоторыя свѣдѣнія объ обычномъ правѣ, дѣйствовавшемъ среди отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, дошли до насъ, тѣмъ не менѣе, отъ вѣковъ весьма отдаленныхъ—отъ первыхъ вѣковъ историческаго періода жизни ихъ Но въ эту эпоху обычное право ихъ не можетъ уже быть названо общеславянскимъ въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ этого выраженія въ эту эпоху уже отразило оно въ себѣ тѣ партикулярныя черты жизни, которыя вкрались въ самую разъединившуюся жизнь славянства Этотъ партикуляризмъ подтверждается многими какъ славянскими, такъ и иноземными, свидѣтельствами Партикуляризмъ права не только отдѣльныхъ племенъ славянскихъ но даже областной партикуляризмъ обычнаго права, дѣйствовавшаго въ средѣ каждаго изъ нихъ, весьма наглядным образомъ проявляется и въ цѣлой массѣ пословицъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ „Jake prase, taky kvik, jaký narod, taký zvyk“, „Co kraj, to obyczaj“, „Každý kraj swe právo má“, „Каждый край мае свій обычай“, „Kolik měst, tolik obvcejův jest“, „Kolik vsi, tolik zviklosti“, „Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай“, „Что земля, то проказы“, „У Сидора обычай, а у Карпа—свой“ и т. п

При поверхностномъ взглядѣ на характеръ развитія древнѣйшаго обычнаго права славянъ легко можно было бы прійти къ заключенію, что партикуляризмъ славянскаго права—долженъ былъ порвать всякую связь между правами отдѣльныхъ племенъ, заставивъ ихъ идти по совершенно обособленнымъ путямъ развитія, но къ подобному заключенію можетъ привести именно только поверхностный взглядъ на дѣло Замѣтимъ, что и наша начальная лѣтопись, указывая на то, что восточные славяне имѣли „кождо обычай свой“ и „свой нравъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что они имѣли „законъ отецъ своихъ и преданья“, выраженіемъ „законъ отецъ своихъ“, болѣе сильнымъ, нежели выраженіе „обычай“, здѣсь какъ-бы указывается на нѣкоторыя нормы обычнаго права, обличенныя особенною силою, носящія на себѣ слѣды маститой древности, о времени происхожденія которыхъ никто не можетъ ничего сказать за исключеніемъ того только, что обычаи эти составляютъ священное преданіе, доставшееся отъ предковъ, что начало ихъ затеряно во мракѣ минувшихъ вѣковъ. Сама начальная лѣтопись ставитъ эти законы отецъ въ параллель съ преданіями Права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ уже потому не могли отрѣшиться отъ основныхъ началъ породившаго ихъ обще-славянскаго правосознанія, что этому постѣднему является въ высокой степени присущею особая черта удачно названная Ѳ И Леонтовичемъ началомъ консерватизма права Ярый, почти фанатическій, консерватизмъ славянскаго права удерживалъ славянъ отъ всякаго стремленія къ ломкѣ и преобразованіямъ въ сферѣ правового быта Противясь всякому проявленію вліянія на нихъ сосѣднихъ народовъ, въ особенности со стороны ненавистныхъ имъ нѣмцевъ, мадьяръ и турокъ, славяне трепетали за неприкосновенность священныхъ законовъ и преданій своихъ, употребляли всѣ усилія къ сохраненію своего извѣчнаго, стариною освященнаго, обычнаго права Консерватизмъ права рѣзко заявляетъ себя и во множествѣ пословицъ славянскихъ, напримѣръ „Jac by poznal cizi mav, na to neni práv“, „Novoty—krivoty“, „Stare ustawy, świeże potiawy—są najlepsze“, „Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы“ и т п Древніе чехи долго, болѣе пяти вѣковъ, не рѣшались составлять кодекса изъ громадной массы законодательнаго матеріала, накопившагося у нихъ въ видѣ такъ назы-

вавшихся „досокъ", въ которыхъ получали письменную санкцію нормы изстариннаго обычнаго права,—не рѣшались изъ опасенія того, чтобы письмо, по выраженію Мацѣевскаго, „не изгладило изъ ихъ сердецъ того, что начертала въ нихъ перстомъ своимъ святая справедливость" Устойчивость славянскаго права постоянно возбуждала справедливое удивленіе въ современникахъ, наблюдавшихъ эту черту славянской духовной жизни Еще Прокопій Кесарійскій замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи „De bello Gothico", что у славянъ, „iatio servatui eadem fuit quae olim constituta" „Что не отъ Бога то скоро исчезаетъ, а право земли чешской безъ перемѣны, какъ сначала установлено, такъ и досель сохраняется"—замѣчаетъ Викторинъ Вшегородскій, пораженный устойчивостью чешскаго права и готовый согласиться съ божественнымъ происхожденіемъ его Консерватизмъ права составлялъ типичную черту славянской жизни и въ сравнительно позднѣйшія эпохи По замѣчанію хорватскаго юриста-историка Богишича, консерватизмъ славянскаго права былъ главною причиною того явленія, что въ средніе вѣка оно сумѣло противостать господству римскаго права, въ ту пору крѣпко державшаго въ суровыхъ тискахъ своихъ національныя права западно-европейскихъ народовъ, спѣшась облечь ихъ въ чуждыя, несвойственныя имъ, формы и покровы

Консерватизмъ, какъ въ высокой степени характерная черта обычнаго права, вообще съ полною силою проявляется и въ древнемъ юридическомъ быту восточно-русскихъ славянъ Этотъ консерватизмъ находитъ себѣ выраженіе въ глубокой привязанности русскаго народа къ своей старинѣ, къ своимъ „пошлинамъ",—въ смыслѣ всего того, что „изстари пошло",—къ „закону отецъ своихъ и преданіямъ" Кромѣ терминовъ „обычай", законъ отецъ", „преданія", „норовъ" и „пошлина", понятіе нормъ обычнаго права выражалось у нашихъ предковъ также словами „поконъ" (что „съ искони" пошло), „уставъ" и „урокъ" Подробный бытовой, сравнительно-историческій и даже этимологическій разборъ всѣхъ этихъ терминовъ, съ которыми намъ не разъ приведется сталкиваться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, дается въ уже цитированномъ нами выше трудѣ Ѳ И Леонтовича „Старый земскій обычай", къ которому мы и направляемъ интересующихся этимъ вопросомъ

Имѣлся у нашихъ предковъ и общаго характера терминъ, которымъ они выражали идею права какъ во всей всеобъемлемости ея, такъ и въ ея отдѣльныхъ проявленіяхъ въ сферѣ правовой жизни и правовыхъ отношеній Это слово—правда, какъ понятіе, противоположное понятію неправды, кривды Терминъ правда имѣлъ у нашихъ предковъ самыя разнообразныя значенія, интересную и широко поставленную попытку разобраться въ которыхъ представилъ проф Θ И Леонтовичъ въ только что цитированномъ трудѣ своемъ [1])

Прежде всего употреблялось это слово для обозначенія понятія правды, правомѣрности, справедливости—вообще „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, „Правда у Бога, кривда на землѣ“, говорятъ пословицы, „У княжихъ намѣстниковъ правда взлетѣла на небо и кривда въ нихъ нача ходити“, пишетъ псковскій лѣтописецъ, характеризуя неправый судъ московскихъ намѣстниковъ Затѣмъ слово правда выражаетъ собою специфическое понятіе права, понимаемаго въ смыслѣ объективномъ, т. е въ значеніи правовыхъ нормъ какъ въ отдѣльности, такъ и въ видѣ сборниковъ, кодексовъ Въ этомъ смыслѣ терминъ „правда“ былъ общераспространенъ у всѣхъ славянскихъ народовъ „stara pravda“ (старая правда), судить „взирая въ правду (Псковская судная грамота), „псковская правда“, „московская правда“ („а псковичи бѣдные не вѣдаша правды московскія“—пишетъ псковскій лѣтописецъ, описывая послѣдніе дни вольности родного города), „Русская Правда“ или „Правда уставленная русской землей“, „Правда Ярослава“, „даде имъ Яро-

---

[1]) Интересны филологическія соображенія, высказываемыя Θ И Леонтовичемъ по поводу самаго происхожденія слова «правда» Онъ ставитъ его въ генетическую связь съ санскритскимъ словомъ pari vâda (тяжба, споръ)—отъ корня vad (говорить, вѣщать), откуда санскритскія vâda (обвиненіе), vâdin (обвинитель), а съ прибавкою pari—pari vâda (судъ, тяжба, споръ) Отсюда происходятъ славянскія «водити», «вада», «поводити», «поводъ», «пра» (споръ)

Добавимъ отъ себя «свадy» Русской Правды — въ значеніи спора, ссоры, столкновенія (убійство «въ свадѣ» и «безъ свады»), а также слово—«свадьба», какъ переживаніе названія той древнѣйшей формы брака, когда онъ совершался посредствомъ похищенія невѣстъ, сопровождавшагося распрями, погонею, враждебными столкновеніями

славъ правду и уставъ" (новгородскій лѣтописецъ), „правдою" называютъ себя и договоры русскихъ князей съ нѣмцами и пр. и пр. Словомъ „правда" выражалось и понятіе права въ смыслѣ субъективномъ „погубить правду свою" (т. е. потерять свое право—договоръ Олега съ греками), „Олегъ надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ въ семъ" (Лаврентьевская лѣтопись). „Правдою" называлось самое судоговореніе „правду дати" (дать судъ), „обыскать правду" (разобрать тяжбу), „къ правдѣ вести" (вызывать къ суду), „княжая правда" (княжескій судъ), „оправдати", „оправданіе" (признаніе правымъ по суду) и т. п. Потъ понятіе „правды" подводились и судебныя доказательства, въ частности присяга и суды Божіи „на правду холопу не вылазити" (т. е. рабъ не можетъ быть свидѣтелемъ—Русская Правда), „правду дать, что чисто на торгу купилъ" (доказать добросовѣстное пріобрѣтеніе—Псковская судная грамота), „даги имъ правду желѣзо" (назначить, въ качествѣ судебнаго доказательства, испытаніе желѣзомъ—Русская Правда), „напѣзти правды своея" (доказать правоту свою—тамъ же) и т. д.

Возвращаясь къ началу консерватизма древне-славянскаго права, отмѣтимъ, что ревнивая привязанность нашихъ предковъ къ своей „старинѣ" къ своимъ „пошлинамъ", въ смыслѣ нормъ обычнаго права, иллюстрируется весьма многими историческими свидѣтельствами. Лѣтописная легенда о началѣ русской государственности утверждаетъ, что, призвавъ къ себѣ варяжскихъ князей, наши предки обязали ихъ судить „по праву", мы знаемъ, что новгородцы и въ послѣдующіе вѣка требовали отъ князей своихъ клятвеннаго обѣщанія держать ихъ „по старинѣ", „по старой пошлинѣ". „Ряды" или „поряды" князей съ земщинами—имѣли въ удѣльно-вѣчевой періодъ примѣненіе и по другимъ русскимъ волостямъ, до насъ не дошли тексты этихъ рядныхъ записей, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что однимъ изъ существеннѣйшихъ условій ихъ было сохраненіе старинныхъ правъ волостей, ихъ „старины" и „пошлинъ". Извѣстно, далѣе, что Псковская судная грамота, важнѣйшій послѣ Русской Правды памятникъ древнѣйшаго русскаго права, составленъ изъ „приписокъ псковскихъ пошлинъ", т. е. записанныхъ нормъ обычнаго права, письменную формулировку старыхъ обычаевъ,—„пошлинъ",—представляютъ и другіе памятники древняго за-

конодательства нашего „желанiемъ сохранять старыя обычныя права, стремленiемъ гарантировать силу ихъ отъ произвола правительственныхъ судей, объясняется и древнiй институтъ „судныхъ мужей“ или „цѣловальниковъ“, т е выборныхъ отъ земщины лицъ, присутствующихъ на судѣ княжескихъ управителей и провозглашающихъ здѣсь хранящiяся въ народныхъ массахъ нормы обычнаго права

Казалось бы, что партикуляризмъ обычнаго права долженъ былъ повести къ затемненiю общности его основныхъ началъ не только среди народностей, но даже и среди отдѣльныхъ (напримѣръ восточно-русскихъ) племенъ славянскаго корня Сравнительно историческое изученiе славянскаго права не оправдываетъ, однако же, такого предположенiя Тотъ фактъ, что отдѣльныя славянскiя племена составляли нѣкогда одно, объединенное общностью духа и единствомъ жизни, цѣлое, затѣмъ тотъ фактъ, что исторiя застаетъ славянскiя племена обладающими старинными, извѣчными обычными правами, наконецъ, указанный фактъ строгаго консерватизма славянскаго права—всѣ эти обстоятельства, не говоря уже о явно обнаруживающемся сходствѣ нормъ древнѣйшихъ славянскихъ законодательныхъ памятниковъ, даютъ намъ ясно понять, что партикуляризмъ славянскаго права, придавая особые оттѣнки, мѣстный колоритъ отдѣльнымъ отраслямъ послѣдняго, не въ силахъ былъ заглушить въ нихъ голосъ обще-славянскаго правового сознанiя, отливавшагося у отдѣльныхъ племенъ славянскихъ въ различные по внѣшней формѣ, но въ родственные, по духу и кореннымъ началамъ, юридическiе обычаи Мѣстные оттѣнки, партикулярныя черты—легли лишь верхними слоями въ права отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, дѣло науки осторожно раскрыть эти позднѣйшiя, часто быть можетъ случайныя наслоенiя и дойти до центральнаго ядра—представляющаго правовые принципы, общiе для всѣхъ народовъ славянскаго племени

И такъ, обще-славянскiя начала права, какъ непосредственный продуктъ обще-славянскаго юридическаго сознанiя—вотъ тотъ общiй и первоначальный источникъ, изъ котораго почерпали свое содержанiе права отдѣль-

ныхъ славянскихъ народовъ, а слѣдовательно— и право восточныхъ, русскихъ, славянъ.

Наука не можетъ довольствоваться однимъ знаніемъ источника, изъ котораго почерпали свой духъ и свое содержаніе права народовъ славянскихъ. Она должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, знать —что именно давалъ этотъ источникъ, другими словами въ чемъ именно заключались коренныя начала обще-славянскаго права. Такимъ образомъ, возникаетъ слѣдующій вопросъ **существуютъ ли средства познанія коренныхъ началъ обще-славянскаго обычнаго права?** Подобныя средства, несомнѣнно, существуютъ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что право каждаго народа есть непосредственное отраженіе духовной жизни и міросозерцанія его—мы можемъ постигнуть принципы права этого народа, разсматривая внѣшнія проявленія правового сознанія его въ связи со всѣми остальными духовными проявленіями народной жизни. Относящіеся сюда источники познанія правовыхъ началъ весьма разнообразны — вообще же они могутъ быть раздѣлены на источники непосредственные и на источники посредственные. Источники перваго рода называемъ мы непосредственными въ томъ смыслѣ, что въ нихъ непосредственнымъ, прямымъ образомъ находитъ себѣ выраженіе народное сознаніе о правѣ, другими словами—эти источники представляютъ собою средство примѣненія къ практической жизни народнаго сознанія о правдѣ и неправдѣ. Здѣсь это сознаніе находитъ себѣ внѣшнюю форму выраженія, подобно тому, какъ и мысль человѣческая находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ словѣ. Что касается посредственныхъ источниковъ познанія правовыхъ началъ—то отличіе ихъ отъ источниковъ непосредственныхъ заключается въ томъ что они возникли не во имя права, не для цѣлей практическаго примѣненія правовыхъ понятій народа и не имѣютъ непосредственнымъ назначеніемъ своимъ служить внѣшнимъ выраженіемъ юридическаго сознанія народа, но, тѣмъ не менѣе, служа выраженіемъ различныхъ другихъ сторонъ духовной жизни народа,— слѣдовательно черпая свое содержаніе изъ того же духовнаго источника, изъ котораго черпаютъ свое содержаніе и непосредственныя проявленія правового сознанія его,—они мимоходомъ, какъ бы случайно и, обыкновенно, совершенно безсознательно отражаютъ въ себѣ и чисто правовыя воззрѣнія

народа [1]).

Обратимъ наше вниманіе, прежде всего, на обзоръ **непосредственныхъ источниковъ** познанія началъ древняго обще-славянскаго обычнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древняго обычнаго права русскихъ славянъ. Къ числу источниковъ этого рода должны быть отнесены: a) Юридическіе символы, b) Юридическія формулы, c) Юридическая терминологія, d) Историческое обычное право отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и e) Славянскіе законодательные сборники.

Символизмъ права—есть первый по времени непосредственный источникъ познанія правовыхъ принциповъ. Юридическое сознаніе всякаго народа до тѣхъ поръ не получаетъ значенія права, пока оно не выразится во внѣшности, не облечется въ ту или другую матеріальную оболочку. Юридическій бытъ первобытнаго народа не представляетъ твердой и правильной системы; самое право, весьма мало отличающееся еще отъ абстрактнаго сознанія, представляется на первыхъ порахъ шаткимъ, неустойчивымъ; вслѣдствіе этого народъ стремится придать извѣстнаго рода твердость, извѣстнаго рода устойчивость проявляющемуся во внѣшности юридическому сознанію своему, для чего считаетъ цѣлесообразнымъ облечь его въ тѣ или другія внѣшнія формы, въ тѣ или другіе обряды. Этимъ объясняется формализмъ первобытнаго права всякаго народа. Формальный, обрядовый характеръ древняго права прежде всего выражается въ его символизмѣ, въ извѣстныхъ внѣшнихъ формальныхъ дѣйствіяхъ, „символахъ“, въ которые облекаетъ онъ юридическія понятія свои. Младенческій народъ не въ состояніи еще отвлекать юридическое понятіе отъ порождающаго его видимаго предмета или отношенія. Для него немыслимо, напримѣръ, совершеніе договора купле-продажи или даренія безъ видимаго, безъ осязательнаго перехода объекта изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого; немыслимъ судъ объ извѣстномъ предметѣ безъ присутствія на судѣ спорной вещи и безъ симво-

---

[1]) Подробности см. въ нашихъ трудахъ: «Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права славянъ, вообще, и русскихъ, въ особенности» (Ученыя Записки Казанскаго университета 1877 г. и отдѣльно—Каз. 1877) и «Исторія права русскаго народа» (I, стр. 439 и слѣд.).

лическаго изображенія борьбы изъ за-нея, немыслимо отвлеченное понятіе о власти мужа надъ женою безъ символическаго дѣйствія разуванія женою мужа, немыслимо отвлеченное понятіе объ общеніи жизни супруговъ безъ символическаго обрученія кольцами и вкушенія питія и кушанья изъ одного сосуда (confarreatio), для заключенія искусственнаго братскаго союза, такъ называемаго „побратимства“ (весьма распространеннаго среди народовъ славянскаго племени), необходимымъ считается искусственное, видимое, смѣшеніе крови и т п Юридическіе символы, имѣя тѣсную и непосредственную связь съ народнымъ сознаніемъ о правѣ, вводятъ насъ въ таинственную область древнѣйшаго народнаго права, знакомятъ насъ съ процессомъ первобытной формаціи его, съ первыми попытками народа облечь въ видимую форму правовыя понятія свои, даютъ намъ возможность перенести правовыя научныя изысканія въ ту отдаленную, сокровенную, сѣдую старину, которая долго считалась непроницаемою для самаго пытливаго изслѣдованія Служа источникомъ познанія началъ древнѣйшаго права, юридическіе символы, вмѣстѣ съ тѣмъ, раскрываютъ намъ характеръ древнѣйшаго народнаго быта и многія любопытныя, и инымъ путемъ непознаемыя, черты жизни народа Настоятельность изученія символизма русскаго права въ связи съ символизмомъ правъ остальныхъ славянскихъ народовъ, была еще въ 1839 г сознана и указана проф Калмыковымъ, придававшимъ этому вопросу значеніе первостепенной важности „Мнѣ утѣшительно думать,— заявлялъ этотъ ученый,—что сдѣланные мною намеки и указанія не останутся безплодными для науки, что они обратятъ вниманіе нашихъ ученыхъ на символизмъ права русскаго Эта важная сторона юридической жизни нашихъ предковъ можетъ быть съ успѣхомъ прояснена только чрезъ изученіе всѣхъ письменныхъ преданій старины русской и чрезъ сравнительное разсмотрѣніе всѣхъ правъ славянскихъ“

Слѣдующій по времени непосредственный источникъ познанія обычнаго права представляютъ собою юридическія формулы

Юридическія формулы—это краткія изрѣченія, въ которыхъ народъ, находящійся на низкой еще степени правового развитія, стремится выразить юридическія понятія свои Юридическія формулы представляютъ, такимъ образомъ, пер-

вую попытку народа формулировать въ словѣ представляющія для него наибольшую степень интереса нормы и отношенія обычнаго права, въ видѣ легко запоминаемыхъ въ памяти и выраженныхъ въ звучной, мѣрной и сжатой рѣчи юридическихъ изрѣченій. Представляясь по внѣшней формѣ аналогичными пословицамъ, формулы различаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что онѣ, являясь выраженіемъ въ словѣ народнаго сознанія о правѣ, создаются во имя самаго права, въ видахъ его охраненія или примѣненія, тогда какъ пословицы не преслѣдуютъ такихъ исключительныхъ цѣлей, хотя весьма многія изъ нихъ и носятъ характеръ вполнѣ юридическій. Въ примѣненіи своемъ къ жизни, формулы соединяются нерѣдко съ символами, вмѣстѣ съ которыми и обусловливаютъ формализмъ древняго права: совершеніе символическаго дѣйствія соединяется, въ подобныхъ случаяхъ, съ произнесеніемъ извѣстныхъ торжественныхъ словъ, выраженныхъ въ видѣ формулъ. При составленіи древнихъ законодательныхъ сборниковъ, въ которые заносились нормы обычнаго права, цѣликомъ и въ большомъ количествѣ входили въ нихъ обыкновенно, въ качествѣ готоваго матеріала, юридическія формулы, присутствіемъ которыхъ и объясняется та сжатость, энергія, плавность и звучность выраженія, которыми характеризуется слогъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ.

Несомнѣнные слѣды юридическихъ формулъ усматриваются и въ древнихъ памятникахъ славянскихъ законодательствъ. Здѣсь, между прочимъ, остатками древнихъ формулъ должны быть признаваемы тѣ или другія обрядовыя слова, произнесеніе которыхъ предписывается, напримѣръ, лицамъ участвующимъ въ извѣстномъ процессуальномъ актѣ и которыя точнѣйшимъ образомъ передаются въ законодательномъ памятникѣ. Пока не было составляемо законодательныхъ сборниковъ, эти обрядовыя слова хранились въ народной памяти; составители сборниковъ, занося въ послѣдніе существеннѣйшія нормы обычнаго права, записали въ нихъ и такимъ образомъ сохранили для потомства и эти обрядовыя, формальныя, слова. Торжественныя обрядовыя формулы, примѣнявшіяся въ древнѣйшемъ русскомъ правовомъ быту, встрѣчаются и въ Русской Правдѣ. Такъ, этотъ памятникъ права, запрещая лицу, узнавшему у другаго

лица свою украденную вещь, говорить послѣднему „се мое“, предписываетъ обращаться къ нему съ слѣдующими формальными словами „Поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ Истецъ, желавшій начать тяжбу на основаніи свидѣтельства даннаго холопомъ, — которое по древне русскому обычному праву не могло имѣть силы — долженъ былъ обратиться къ противнику съ обрядовою фразою „По сего рѣчи (т е на основаніи словъ раба) азъ емлю тя, а не холопъ“ Или, напримѣръ, въ процессѣ по поводу процентнаго займа тяжущійся, выигрывавшій дѣло вслѣдствіе того, что противникъ его не выставилъ свидѣтеля, долженъ былъ сказать ему „Провинова́лся еси (т е проигралъ дѣло), оже еси послуха не ставилъ“ Вѣроятными остатками древнихъ юридическихъ формулъ представляются и слѣдующія выраженія Русской Правды „А въ матѣ тяжѣ, по ноугѣ, сложити на закупа“, или „Како ся боудетъ рядить, на томъ-же стоитъ“, или „Убѣжетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, или сыновци отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сыновци“, или „А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣту“, или „А сондымъ кунамъ росту нѣтъ“, или „Вдачь не холопъ, и ни по хлѣбъ робитъ, ни по придагцѣ“ и т п Значительное количество обрядовыхъ выраженій, посящихъ слѣды тѣснѣйшаго родства съ древними юридическими формулами и, по всей вѣроятности, составляющихъ остатки послѣднихъ, встрѣчается въ древне-русскихъ юридическихъ актахъ и, преимущественно, въ древнѣйшихъ (новгородскихъ и двинскихъ) Этими обрядовыми, формальными выраженіями,—являющимися, обыкновенно, буквально тожественными въ актахъ одного и того же рода,—контрагенты опредѣляли сущность и предметъ заключаемаго ими договора Тожественность этихъ выраженій ясно указываетъ намъ на то, что они, въ качествѣ нормъ неписаннаго обычнаго права, хранились въ памяти знатоковъ обычнаго гражданскаго права и, когда доводилось совершать письменный договоръ, буквально заносились въ текстъ послѣдняго Въ купчихъ грамотахъ слѣдующимъ одинаковымъ образомъ выражается, напримѣръ, мысль объ окончательномъ, безповоротномъ, переходѣ при договорѣ купле-продажи отчуждаемаго права собственности „Купилъ себѣ и своимъ дѣтямъ (или и своей братьѣ) одерень“, „купилъ себѣ и своимъ дѣтямъ одерень и вѣки“ или, напримѣръ, слѣдующимъ

фигуральнымъ образомъ выражается мысль объ отчужденіи права собственности въ томъ же объемѣ, въ какомъ находилось оно у продающаго: „А межи тое земли по старымъ межамъ“, или „Продалъ со всѣмъ, что изстари потягло куда плугъ, соха, топоръ и коса ходили“ или, напримѣръ, въ одной купчей грамотѣ продавецъ слѣдующимъ образомъ выговариваетъ себѣ право первой покупки продаваемой имъ земли въ томъ случаѣ, если покупщикъ вздумаетъ отчуждать ее „А буде Тируну (имя покупщика) не до земли, ино мимо земца не продати“ Въ раздѣльныхъ грамотахъ актъ раздѣла закрѣплялся слѣдующимъ обрядовымъ выраженіемъ: „А сей намъ дѣлъ крѣпокъ и въ вѣкъ“, поручныя записи закрѣплялись всегда слѣдующимъ формальнымъ обязательствомъ, неизмѣнно и буквально повторяющимся во всѣхъ актахъ этого рода и выражающимъ собою солидарную отвѣтственность поручителей „Кои поручиковъ въ лицѣхъ, на томъ и порука“, а также и слѣдующими формальными словами, выражающими собою то юридическое послѣдствіе поручительства, по которому съ извѣстнаго момента личность поручителя, по отношенію къ отвѣтственности, замѣняетъ собою личность того субъекта, за котораго онъ поручился „А не учнегъ онъ (или а учнетъ онъ, или а не заплатитъ онъ и т п) и наши поручиковы головы въ его (лица, за которое дано поручительство) голову мѣсто“ При договорѣ заклада, желая выразить фактъ пріобрѣтенія залогопринимателемъ послѣ просрочки заложеннаго имущества полнаго права собственности на послѣднее, контрагенты допускали фиктивное превращеніе кабальной записи въ купчую крѣпость, чему соотвѣтствовало слѣдующее формальное выраженіе, включавшееся въ кабальныя записи „А поляжетъ серебро (т е ссуда) по срокѣ, ино ся кабала и купчая“, или „А не выкуплю на срокъ—ино ся кабала и купчая“ Существовали, наконецъ, особаго рода торжественныя формулы, которыми придавалась на будущее время сила неизмѣнность и ненарушимость совершаемому договору, такъ свадебныя, сговорныя, раздѣльныя, отпускныя и др записи, всегда закрѣплялись слѣдующими словами „Ся запись и впредь запись, договоръ въ договоръ, дѣлъ въ дѣлъ, безповоротно“, или „Ся запись и впредь запись, сговоръ въ сговоръ, отпускная въ отпускную“

Стѣны юридическихъ формулъ встрѣчаются въ древнѣйшихъ законодательныхъ сборникахъ югославянскихъ племенъ, въ чемъ легко убѣдиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ними Отрывочность, сжатость, лаконичность и энергія опредѣленій ихъ—ясно указываютъ на то что они составлены изъ отдѣльныхъ юридическихъ сентенцій или отдѣльныхъ формулъ, въ которыхъ впервые получили постоянную форму нормы обычнаго права до тѣхъ поръ хранившіяся въ памяти народа Подобно тому, какъ и въ Русской Правдѣ, въ законодательныхъ памятникахъ югославянскихъ славянъ указывается не только самыя нормы тѣхъ или другихъ процессуальныхъ дѣйствій, но указываются даже самыя фразы,—отличающіяся всегда краткостью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и силою выраженія, — которыми сопровождается ихъ совершеніе

Въ связи съ юридическими формулами можетъ быть поставлена, въ качествѣ непосредственнаго источника познанія этихъ древняго обычнаго права, и **юридическая терминологія** — съ той именно точки зрѣнія, что термины подобно формуламъ, являются попыткою народа выразить въ одномъ словѣ сущность цѣлаго юридическаго дѣйствія или отношенія Извѣстный чешскій ученый Я Э Воцель и русскій ученый А С Будиловичъ, сопоставляя слова, существующія у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ для выраженія различнаго рода понятій и предметовъ—приходятъ къ выводу, что названія понятій и предметовъ, одинаковыя у всѣхъ славянскихъ народовъ по звукамъ и значенію, сформировались у славянъ еще до разселенія ихъ, въ ту эпоху, когда они составляли цѣлую, нераздѣленную, единицу Простѣдивъ эти общія для всѣхъ славянъ названія различнаго рода предметовъ какъ духовнаго, такъ и вещественнаго міра,—заявляетъ Воцель,—можно возстановить до извѣстной степени картину древнѣйшаго быта и цивилизаціи славянъ въ эпоху, предшествовавшую ихъ разселенію Съ той же точки зрѣнія можетъ быть выведена и крайняя важность юридической терминологіи для объясненія древнѣйшаго юридическаго быта славянъ Юридическая терминологія можетъ указать намъ, что извѣстныя формы и отношенія правового быта извѣстны были древнимъ славянамъ еще до разселенія ихъ изъ первоначальной родины—коль скоро названія, имъ соотвѣтствующія, являются общими у всѣхъ на-

родовъ славянскаго племени; что другія формы и отношенія его выработались у извѣстнаго славянскаго народа уже послѣ выселенія его изъ старой родины; что третьи формы и отношенія его являются заимствованными отъ сосѣднихъ народовъ, не коренясь въ почвѣ древняго общеславянскаго права и т. п.

Отсюда открывается важное значеніе юридической терминологіи, какъ подспорья при изученіи исторіи права. Можно безъ всякой натяжки сказать, что она, при правильномъ и научномъ пониманіи ея, введетъ насъ въ таинственную область древняго общественнаго и правового быта; такъ, обширный кругъ терминовъ, употребляемыхъ въ извѣстномъ народѣ для обозначенія различныхъ сторонъ отношеній мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родственниковъ къ младшимъ, степеней родства; далѣе термины, употребляющіеся для обозначенія семейственной или родовой собственности, для обозначенія различныхъ предметовъ наслѣдственнаго права— раскрываютъ передъ нами пространное поле для изученія различныхъ сторонъ древняго семейнаго и наслѣдственнаго правъ. Примѣненіе изученія юридической терминологіи къ познанію началъ древняго обычнаго права представляется дѣломъ весьма сложнымъ и далеко не легкимъ, требуя отъ изслѣдователя, кромѣ знакомства съ исторіею, вообще, и исторіею права, въ частности, также и глубокаго знанія исторіи языка; на этой почвѣ филологія должна, очевидно, прійти на помощь наукѣ исторіи права.

Четвертый непосредственный источникъ познанія началъ древнѣйшаго славянскаго права представляетъ **новѣйшее, сравнительно, обычное право** отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, которое во многихъ отношеніяхъ своихъ и до нашихъ дней носитъ слѣды глубокой древности. Мы уже ознакомились съ тою типичною чертою, присущею обычному праву славянскихъ народовъ, которая можетъ быть названа началомъ консерватизма его и которая заключается въ ярой приверженности славянъ къ своимъ обычаямъ, въ стремленіи сохранять неизмѣнною національную чистоту ихъ. Новѣйшія изслѣдованія по обычному праву славянскихъ народовъ, труды по славянской этнографіи, наконецъ многочисленныя свидѣтельства путешественниковъ и бытописателей — ясно доказываютъ, что нормы и отношенія обычнаго права отдѣль-

ныхъ народовъ славянскихъ и до нашихъ дней сохраняютъ слѣды весьма близкаго родства, что особенно рѣзко проявляется по отношенію къ правамъ имущественному, семейственному и наслѣдственному. Древность обычныхъ правъ, дѣйствующихъ среди народовъ славянскаго племени—съ одной стороны, и родственная связь обнаруживающаяся между ними—съ другой стороны открываютъ возможность сравнительнаго изученія обычаевъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ въ видахъ познанія коренныхъ принциповъ древнѣйшаго обще-славянскаго обычнаго права [1])

Пятымъ и послѣднимъ непосредственнымъ источникомъ познанія основъ древне славянскаго обычнаго права являются **древніе письменные памятники законодательства** отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и русскаго, представляющіеся какъ въ видѣ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, такъ и въ видѣ цѣлыхъ законодательныхъ сборниковъ. Значеніе древнихъ законодательныхъ памятниковъ для познанія началъ обще-славянскаго права основывается на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что въ нихъ находили себѣ отраженіе примѣнявшіяся въ средѣ народа нормы неписаннаго обычнаго права, изъ которыхъ многія, утратившись въ современной системѣ обычнаго права, только и могутъ еще быть возстановлены на основаніи этихъ памятниковъ, обычное же право отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, какъ мы это уже замѣтили, не только въ древнія эпохи развитія своего, но даже въ значительной степени и до нашихъ дней—является отголоскомъ древнѣйшаго, до-историческаго, обще славянскаго обычнаго права. Уже самый поверхностный обзоръ происхожденія древнѣйшихъ памятниковъ законодательства отдѣльныхъ славянскихъ народовъ [2]) въ состояніи выяснить намъ то положеніе, что законодательства ихъ основывались на нормахъ строго-національнаго обычнаго права и что, слѣдовательно, сравнительное изученіе памятниковъ этихъ должно

---

[1]) Библіографію русскаго обычнаго права см у Е И Якушкина «Обычное право», выпуски I и II (Яросл 1875 и 1896)

[2]) См этотъ обзоръ въ уже цитированномъ выше трудѣ нашемъ «Методъ и средства и пр (стр 35—45), а также въ «Исторіи права русскаго народа» (I, стр 458—468)

открыть намъ широкій путь къ познанію основныхъ началъ древнѣйшаго обще-славянскаго обычнаго права

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ прямыхъ, непосредственныхъ, указаній на то, что древнѣйшій законодательный сборникъ нашъ, Русская Правда, составленъ на основаніи дѣйствовавшаго среди восточныхъ славянъ обычнаго права — указаній подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаемъ мы, напримѣръ, въ Винодольскомъ Законѣ Отсутствіе подобнаго рода указаній долго давало изслѣдователямъ этого памятника поводъ считать его законодательствомъ заимствованнымъ, привитымъ къ русской жизни съ чужой почвы Въ наше время подобнаго рода воззрѣнія должны быть отнесены уже къ области исторіи науки, потерявъ право на свое существованіе, ближайшее изслѣдованіе Русской Правды уяснило значеніе ея, какъ памятника вполнѣ славянскаго Особенную услугу принесло въ этомъ отношеніи ближайшее знакомство русской историко-юридической науки съ исторіею славянскихъ законодательствъ, которое спасло нашу древнюю юридическую самобытность отъ начавшагося было слѣпого, новаторскаго, отрицанія ея, которое выяснило истинный путь къ познанію древнѣйшаго юридическаго быта русской земли, указавъ, что намъ незачѣмъ объяснять свое древнее право заимствованіями у чуждыхъ намъ и по духу, и по происхожденію, народностей Запада, такъ какъ оно является такимъ же живымъ отраженіемъ началъ обще славянскаго обычнаго права, какимъ являются и права юго-западныхъ единоплеменниковъ нашихъ

Окончивъ обзоръ непосредственныхъ источниковъ познанія началъ древнѣйшаго обще славянскаго обычнаго права, переходимъ къ обзору **посредственныхъ источниковъ** его, къ числу которыхъ отнесемъ мы а) Характеръ и условія быта, b) Произведенія народной поэзіи и с) Пословицы отдѣльныхъ славянскихъ народовъ

Характеръ и условія быта всякаго народа всегда находятъ себѣ большее или меньшее отраженіе и въ юридическомъ развитіи его, въ юридической жизни его, въ той или другой формѣ правовыхъ отношеній и институтовъ Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что географическія и климатическія условія быта народа вліяютъ на родъ занятій и на складъ характера и темперамента

его — а этими моментами, въ свою очередь, опредѣляется тотъ или другой складъ юридической жизни. Далеко не безъ вліянія остаются въ этомъ отношеніи и религіозныя понятія и воззрѣнія народа, а также и характеръ отношеній его къ сосѣднимъ народамъ. Само собою разумѣется, что форма и характеръ того или другого юридическаго отношенія или института являются съ различными оттѣнками у народа осѣдлаго и у народа кочевого, у народа земледѣльческаго и народа промышленно-торговаго, у народа занимающагося земледѣліемъ и у народа занимающагося скотоводствомъ и звѣроловствомъ, это же различіе занятій непосредственно обусловливается географическимъ, климатическимъ и геогностическимъ положеніемъ и свойствами страны. Большинство историковъ не только славянскихъ, но даже западно-европейскихъ, съ полнымъ основаніемъ соглашаются съ тѣмъ, что осѣдлый, мирный и земледѣльческій образъ жизни славянъ, въ связи съ истекающими изъ него религіозными вѣрованіями ихъ, способствовалъ развитію у нихъ того типичнаго, характернаго семейно-общиннаго быта, который, будучи глубоко проникнутъ патріархальнымъ началомъ, рѣзко отличался, однако, отъ извѣстнаго Западной Европѣ замкнутаго строго-родового быта и невольно обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя. Древніе памятники законодательствъ славянскихъ народовъ видимо носятъ на себѣ слѣды вліянія сходныхъ чертъ быта этихъ народовъ. Изслѣдователю, близко знакомому съ Русскою Правдою, лѣтописями и другими памятниками древнѣйшаго юридическаго быта русскихъ славянъ, при чтеніи древнихъ законодательныхъ памятниковъ другихъ славянскихъ народовъ постановленія послѣднихъ покажутся какъ-бы знакомыми, какъ бы родственными, хотя бы они и не были совершенно тожественны съ постановленіями древняго русскаго права, это объясняется, конечно, тѣмъ, что во всѣхъ памятникахъ славянскихъ законодательствъ отразились не только слѣды обще-славянскаго обычнаго права, но что въ нихъ отразилось вліяніе и обще славянскихъ условій и чертъ народной жизни.

Переходимъ къ *народной поэзіи*, какъ второму посредственному источнику познанія древнѣйшаго обычнаго права. Значеніе народной поэзіи для исторіи права вытекаетъ изъ того, что эта поэзія не есть случайный, неорганическій

продуктъ народной жизни Будучи выраженіемъ стремленія народа къ самосознанію, къ сознанію той идеи, для осуществленія которой призванъ извѣстный народъ къ существованію—народная поэзія является отраженіемъ тѣхъ разнообразныхъ сторонъ духовной и матеріальной жизни народа, при содѣйствіи которыхъ осуществляется это призваніе Такими сторонами духовной и матеріальной жизни народа являются его религія, философія, обычаи, право, мѣстожительство, языкъ, внѣшняя исторія и т п условія Отсюда открывается связь народной поэзіи съ правомъ народа право составляетъ одно изъ важнѣйшихъ проявленій духовной жизни народа,—слѣдовательно, народная поэзія, преслѣдуя идеалы этой жизни, не можетъ не почерпать своего содержанія и изъ юридическаго сознанія народа Славяне всегда отличались и до настоящаго времени отличаются замѣчательнымъ творчествомъ въ сферѣ народной поэзіи, причемъ произведенія послѣдней служатъ вѣрнѣйшимъ отраженіемъ различныхъ сторонъ исторической и бытовой жизни ихъ (сказки и легенды, масса обрядовыхъ пѣсней, цѣлый циклъ пѣсней женскихъ пѣсней эпическихъ, юнацкихъ, — въ которыхъ, между различными другими сторонами народнаго быта, въ значительной степени отражаются и любопытнѣйшія черты правового быта народа)

Нельзя пожаловаться на недостатокъ сборниковъ народной поэзіи отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, собираніе произведеній ея уже давно и дѣятельно занимаетъ собою лучшихъ славянскихъ лингвистовъ историковъ и бытописателей, но, на сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени очень мало сдѣлано еще для изученія ихъ съ точки зрѣнія исторіи права

Въ качествѣ одного изъ видовъ устной народной поэзіи могутъ быть разсматриваемы пословицы и поговорки, являющіяся третьимъ посредственнымъ источникомъ познанія древней исторіи права Подъ названіемъ пословицъ разумѣются краткія сентенціи, изложенныя въ сжатой, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сильной и звучной рѣчи, въ которыхъ выражаетъ народъ впечатлѣнія, навѣянныя на него вліяніемъ различныхъ физическихъ, матеріальныхъ и нравственныхъ условій и сторонъ жизни его Юридическія отношенія жизни, въ ихъ многоразличныхъ проявленіяхъ, слишкомъ

глубоко затрогиваютъ существеннѣйшіе интересы его для того что-бы, въ сферѣ міросозерцанія своего, народъ могъ оставить ихъ безъ наблюденія Напротивъ, народъ внимательно приглядывается къ различнымъ фазамъ этихъ отношеній въ ихъ какъ нормальныхъ, такъ и аномальныхъ, проявленіяхъ и излагая получаемыя имъ впечатлѣнія въ видѣ краткихъ, легко запоминаемыхъ, изрѣченій создаетъ болѣе или менѣе обширный кругъ пословицъ юридическихъ непосредственно отражающихъ въ себѣ правовое сознаніе народа о правдѣ и неправдѣ, о справедливости и несправедливости, объ обычаѣ, законѣ, управленіи, отношеніяхъ и институтахъ правъ семейнаго, наслѣдственнаго, обязательственнаго и т п Напоминая, съ извѣстной точки зрѣнія юридическія формулы, съ которыми онѣ довольно близко соприкасаются, пословицы представляютъ отличіе отъ нихъ въ томъ отношеніи, что онѣ создаются не во имя самаго права, не во имя практическаго его примѣненія,—о чемъ имѣли мы уже случай говорить при обозрѣніи юридическихъ формулъ, какъ непосредственнаго источника познанія древняго права

Народы славянскаго племени, будучи одарены отъ природы богатою фантазіею, поэтическимъ складомъ міросозерцанія и неудержимымъ стремленіемъ проявлять во внѣшнемъ мірѣ всѣ впечатлѣнія, ложащіяся на духовное сознаніе ихъ—обладаютъ обширнымъ запасомъ произведеній народнаго духовнаго творчества, а въ томъ числѣ—и весьма значительнымъ кругомъ пословицъ Жизненное, бытовое значеніе пословицъ и настоятельность научнаго изученія ихъ для правильнаго разумѣнія народной жизни какъ въ ея прошедшемъ, такъ и въ ея настоящемъ—не разъ указывались уже въ нашей литературѣ Пословицы, замѣчаетъ В И. Даль, не сочиняются народомъ, но „вынуждаются силою обстоятельствъ, какъ крикъ или возгласъ, невольно сорвавшійся съ души“, пословицы, продолжаетъ онъ, представляютъ изъ себя „сводъ народной опытной премудрости цвѣтъ народнаго ума, самобытной сгати, это—житейская народная правда своего рода, судебникъ, никѣмъ не судимый“ По замѣчанію И П Снегирева, другого собирателя и изслѣдователя русскихъ пословицъ, пословицы каждаго народа представляютъ собою отраженіе народнаго „ума и фантазіи, рѣзкое выраженіе его

климата, духа его вѣры, правленія, воспитанія, нравовъ и обычаевъ"

Взаимное сравненіе юридическихъ пословицъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ—съ одной стороны, и сравненіе ихъ съ юридическими пословицами русскаго народа—съ другой стороны, открываетъ замѣчательное сходство, порою даже поразительную тождественность, ихъ Имѣя въ виду тотъ неоспоримый фактъ, что близкое сходство юридическихъ пословицъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ,—сходство, подмѣченное еще Снегиревымъ,—является результатомъ общаго всѣмъ этимъ народамъ склада юридическаго сознанія и міросозерцанія, является несомнѣннымъ отголоскомъ древнѣйшаго, до историческаго, быта ихъ—мы легко поймемъ ту высокую степень интереса, ту настоятельную цѣлесообразность и пользу, съ которыми сопряжено изученіе духа пословицъ, вообще, а главнымъ образомъ пословицъ юридическихъ, для познанія коренныхъ началъ древнѣйшаго славянскаго обычнаго права

Въ такомъ видѣ представляются намъ непосредственные и посредственные источники познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права, изученіе которыхъ не можетъ и не должно быть обходимо въ видахъ раціональнаго, самостоятельнаго и плодотворнаго изслѣдованія его, таковы средства познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права, вообще,—а въ связи съ послѣднимъ и древняго обычнаго права русскаго народа Конечно, единичной личности, какъ бы ни были сильны и могучи умственныя и духовныя силы ея, какъ бы ни была тверда ея воля, ея энергія и упорность въ трудѣ—врядъ ли подъ силу обнять полное изученіе всей указанной нами массы источниковъ Возможность обобщенія ихъ, возможность совокупнаго изученія всего громаднаго, подавляющаго матеріала, который способны представить они —требуетъ кропотливой работы многихъ умовъ, быть можетъ, даже, трудовъ многихъ поколѣній

Между тѣмъ полнаго и плодотворнаго результата вправѣ мы ожидать лишь отъ изученія разсмотрѣнныхъ источниковъ познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права въ ихъ взаимодѣйствіи, въ ихъ совокупности Но

при этомъ изученіи великая осторожность и національное самосознаніе требуются отъ изслѣдователя для того, что-бы умѣть выдѣлять изъ представляющагося ему матеріала тѣ отдѣльныя проявленія, которыя не составляютъ продукта національной духовной жизни народа, но которыя проникли въ эту жизнь извнѣ, благодаря гнетущему вліянію временныхъ, преходящихъ, толчковъ въ нормальномъ ходѣ развитія народной жизни, или же которыя были навѣяны чуждымъ вліяніемъ, стремившимся съ самаго начала исторической жизни славянъ ворваться въ самобытный кругъ развитія ея, съ тѣмъ, что бы убить въ ней эту, столь высоко цѣнимую ими, самобытность.

Что касается вопроса о вліяніи древнѣйшаго обычнаго права восточно-славянскихъ племенъ на историческое развитіе собственно уже русскаго права—то это вопросъ который долженъ быть разсмотрѣнъ лишь въ связи съ изслѣдованіемъ памятниковъ нашего древнѣйшаго правового быта и который, въ силу этого на очередь поставленъ нами, пока быть еще не можетъ.

Глава II.

Договоры русскихъ князей съ греками

Въ памятникахъ нашего древняго права, извѣстныхъ подъ наименованіемъ **договоровъ русскихъ князей съ греками**, русская историко-юридическая наука впервые встрѣчается съ болѣе или менѣе отчетливыми отраженіями политическаго, общественнаго и правового наряда нашихъ предковъ X-го столѣтія Здѣсь впервые формулированы въ письменной формѣ древнѣйшія нормы обычнаго права восточно-русскихъ славянъ, здѣсь впервые возвѣщается существованіе „закона русскаго", „закона и покона языка нашего"

Договоры эти явились лишь однимъ изъ историческихъ факторовъ тѣхъ стародавныхъ, даже и для эпохи князей Олега и Игоря, отношеній, въ которыхъ стояли наши предьи къ могущественной въ ту пору Византійской имперіи Эти стародавныя отношенія древней восточной-славянской Руси къ грекамъ,—отношенія то мирныя, торговыя, то непріязненныя, военныя—стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, обслуживаясь уже извѣстнымъ намъ (см выше стр 105) великимъ водянымъ путемъ „изъ варягъ въ греки", свѣдѣнія о которомъ оставила намъ наша начальная лѣтопись Императоръ византійскій Константинъ Багрянородный (половина X-го вѣка) даетъ намъ любопытныя свидѣтельства объ ежегодныхъ сплавахъ русскихъ торговыхъ каравановъ къ столицѣ Византіи Каждую весну, ко времени вскрытія рѣкъ, кіевскіе руссы оснащали и грузили товаромъ заготовленныя зимою лодьи, на которыхъ и спускались по Днѣпру къ городу Витичеву, гдѣ былъ сборный пунктъ для каравановъ не только другихъ приднѣпровскихъ городовъ (Смоленска, Любе-

ча, Чернигова) но даже и далекаго сѣвернаго Новгорода. Отсюда соединенный русскій караванъ спускался къ устью Днѣпра, гдѣ у острова св Ельферія русы дѣлали необходимыя приготовленія для трудная морскаго плаванія къ берегамъ царьградскаго Босфора

Издавна торговыя сношенія восточно-русскихъ славянъ съ Византіею находятъ себѣ подтвержденіе и въ данныхъ археологическихъ По свидѣтельству Д Я Самоквасова, въ языческихъ могилахъ кіевской губерніи, относящихся къ VIII и IX вѣкамъ, были находимы куски золотой парчи и узорчатыхъ шелковыхъ тканей („паволокъ") несомнѣнно византійскаго издѣлія, а въ Кіевѣ и по теченію Днѣпра происходили значительныя находки византійскихъ монетъ изъ которыхъ нѣкоторыя относятся даже къ VI вѣку На стародавность сношеній Руси съ Византіею указываютъ намъ и обстоятельства, которыми сопровождался знакомый намъ (см выше стр 150—152) набѣгъ въ 864—866 г руссовъ на Константинополь, явившійся актомъ мести нашихъ предковъ за какія то обиды, претерпѣнныя передъ тѣмъ ихъ сородичами въ византійской столицѣ На давнишнія сношенія Руси съ Византіею имѣются указанія въ самомъ текстѣ договоровъ русскихъ князей съ греками, свидѣтельствуетъ о такихъ сношеніяхъ и мирный трактатъ русскаго князя Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ, которымъ византійскій императоръ, укоряя русскаго князя за нарушеніе имъ „въ древности установленнаго договора", обязывался принимать приходящихъ въ Константинополь руссовъ съ миромъ—какъ то „искони повелось" и „не нарушать договора, дошедшаго отъ предковъ и которому самъ Богъ былъ свидѣтелемъ" Все это даетъ намъ право предположить, что договоры между руссами и греками—вовсе не были явленіемъ исключительнаго характера, что такими договорами и раньше сопровождались взаимныя, то мирныя, то враждебныя, отношенія между обоими народами и что предстоящія нашему изслѣдованію договоры X-го вѣка сохранились для нашихъ дней или случайно, или благодаря тѣмъ крупнымъ историческимъ событіямъ, которыхъ они явились послѣдствіемъ Этими событіями выступаютъ передъ нами походы кіевскихъ князей Олега и Игоря на столицу греческой имперіи

Войны съ Византіею преемственно вели всѣ первые историческіе кіевскіе великіе князья, начиная съ Олега

и кончая Ярославомъ I, начальная лѣтопись сохранила преданіе и о дерзкомъ набѣгѣ на Царьградъ, заставившемъ трепетать всю греческую столицу, полулегендарнаго кіевскаго князя Аскольда,—набѣгѣ, который отожествляется съ нашествіемъ руссовъ начала второй половины IX-го вѣка и память о которомъ сохранилась въ извѣстномъ намъ свидѣтельствѣ патріарха Фотія Для насъ особое значеніе представляютъ цареградскіе походы Олега и Игоря, такъ какъ они имѣли своимъ результатомъ заключеніе этими князьями письменныхъ мирныхъ трактатовъ съ византійскими императорами

Походъ Олега на Царьградъ пріурочивается лѣтописнымъ сказаніемъ къ 907 году—слѣдовательно, если придерживаться хронологіи начальной лѣтописи, былъ предпринятъ 25 лѣтъ спустя послѣ предполагаемаго передвиженія этого перваго „собирателя русской земли“ изъ сѣверно-русскаго центра—Новгорода, въ южно-русскій центръ—Кіевъ, и по окончаніи процесса объединенія южно славянскихъ племенъ, когда—по свидѣтельству лѣтописи,—князь Олегъ уже „бѣ обладая поляны и деревляны, сѣверяны и радимичи“ Походъ, по свидѣтельству начальной лѣтописи, былъ предпринятъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, съ участіемъ въ немъ всѣхъ объединенныхъ Олегомъ славянскихъ и финскихъ племенъ Морская сила двинулась на византійскую столицу въ двухъ тысячахъ людей (каждая вмѣщала въ себѣ сорокъ воиновъ, всего, слѣдовательно—80 тысячъ ихъ), конная рать шла берегомъ, огибая западное побережье Чернаго моря Какъ грозная сила рати, такъ и жестокости и опустошенія, которыми ознаменовалось приближеніе Олега къ византійской столицѣ, побудили греческихъ императоровъ Леона и Александра сдѣлать попытку откупиться,—что, несомнѣнно, практиковалось греками и раньше,—отъ руссовъ, вступивъ съ ними въ мирное соглашеніе „Не погубляй городъ, имемися по дань“,—предложили явившіеся въ русскій станъ греческіе парламентеры, по словамъ лѣтописи, Олегъ, „отступивъ мало отъ города“, въ свою очередь послалъ въ Константинополь пять мужей для предъявленія грекамъ своихъ требованій

На этой почвѣ воспослѣдовалъ **договоръ руссовъ съ греками 907-го года** Мирное соглашеніе послѣдовало на слѣдующихъ условіяхъ греки обязались уплатить руссамъ денежный

выкупъ въ размѣрѣ 12-ти гривенъ „на ключь“ [1]) и, сверхъ того, еще особые денежные „уклады“ [2]) на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полтескъ (Полоцкъ), Ростовъ, Любечь и на другіе города, мотивируя требованіе это тѣмъ, что по этимъ городамъ „сѣдяху князья, подъ Олегомъ суще“,—текстъ, въ которомъ мы имѣемъ цѣнное указаніе на князей племенныхъ волостей, ставшихъ въ сюзеренное отношеніе къ кіевскому великому князю. Руссамъ, прибывающимъ въ Константинополь съ морскими торговыми караванами, выговаривается право полученія отъ греческаго правительства на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ „мѣсячины“, т. е. натуральнаго содержанія, заключающагося въ хлѣбѣ, винѣ, мясѣ, рыбѣ и овощахъ, а также полученія на обратный путь съѣстныхъ припасовъ, якорей, канатовъ, парусовъ и т. п. предметовъ, необходимыхъ для труднаго перевала черезъ Черное море; выговаривается для русскихъ купцовъ право безпошлиннаго, „не платяче мыта

---

[1]) Это загадочное выраженіе различно объяснялось комментаторами. Одни отожествляли «ключь»—съ понятіемъ лодьи, другіе видѣли здѣсь «уключины», въ которыя вставляются весла; третьи предполагали здѣсь указаніе на отдѣльныхъ воиновъ (обычай носить ключь привязанымъ къ поясу).

Интересно, что въ польскомъ языкѣ «ключемъ» *называли нѣсколько поселеній, составляющихъ одно владѣніе*: «Eine Herrschaft, eine Reihe von Landgütern»—какъ поясняется въ лексиконѣ Линда (см. Карамзина «Исторія госуд. росс.», т. I, прим. 310).

Нельзя ли приложить это значеніе «ключа» (въ смыслѣ, напримѣръ, земско-общиннаго расчлененія племенныхъ волостей) и къ интересующему насъ лѣтописному свидѣтельству? 12 гривенъ на каждаго воина—составило бы колоссальную, около милліона гривенъ на одну только морскую рать, сумму потребованной руссами дани. Если мы будемъ имѣть въ виду, что древняя русская серебряная гривна представляла собою цѣнность въ полфунта этого металла, то должны будемъ приравнять только эту часть греческой дани полмилліону фунтовъ серебра! Выводъ прямо абсурдный.

[2]) Въ польскомъ правѣ слова «uklad»—имѣетъ значеніе «возмездія», «удовлетворенія». Въ чешскомъ правѣ трактуется о томъ—«какъ daniе uklad ati». (Гедеоновъ: «Варяги и Русь», I, стр. 310). Мы не можемъ согласиться съ Гедеоновымъ въ томъ, что «слово *укладъ*—изчезаетъ въ русской исторіи вмѣстѣ съ Олегомъ»; мы видимъ прямое переживаніе его въ современномъ финансовомъ терминѣ—*окладъ*.

ни въ чемъ лѣ", торга въ греческой столицѣ и даже столь любезное русскому сердцу право мыться въ знаменитыхъ своимъ роскошнымъ устройствомъ цареградскихъ баняхъ. Греки предложили, съ своей стороны, нѣкоторыя ограничительныя по отношенію къ прибывающимъ въ Константинополь русскимъ условія мѣсячину получать могутъ отъ греческаго правительства только руссы, пріѣзжающіе съ цѣлями торговыми („аще придутъ Русь безъ купли, да не взимаютъ мѣсячины") кіевскій князь обязуется „запретить словомъ своимъ" приходящимъ въ предѣлы Византіи руссамъ „творить пакости въ селахъ и въ странѣ нашей", прибывающіе въ Царьградъ руссы обязуются жить въ предмѣстьи святого Мамы, подвергаться поименной перепискѣ со стороны греческихъ властей и входить въ самый городъ лишь точно опредѣленными воротами, въ сопровожденіи императорскаго чиновника („со царевымъ мужемъ"), безъ оружія и партіями не свыше пятидесяти человѣкъ.

Большая часть историковъ относитъ договору съ греками 907-го года въ значеніи самостоятельнаго дипломатическаго трактата между Русью и Византіею, признавая его лишь преліминарнымъ договоромъ по отношенію къ позднѣйшему, и уже полностью возстановляемому лѣтописцемъ, договору съ греками 912-го года. Мнѣніе это основывается, на нашъ взглядъ, лишь на простомъ недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что начальная лѣтопись, возстановляющая на своихъ страницахъ подлинный и полный текстъ договоровъ съ греками 912-го и 945 го годовъ—даетъ намъ лишь краткій перифразъ договора 907-го года, не возстановляя полнаго, и несомнѣнно облеченнаго въ письменную же форму, первоначальнаго текста его. А что мирное соглашеніе 907 го года носило всѣ черты самостоятельнаго трактата, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что этому соглашенію дается лѣтописцемъ характерное наименованіе „съвѣщанія" (т. е. договора) и что соглашеніе это было закрѣплено обоюдною, соединенною съ клятвою торжественною санкціею. „Царь же Леонъ со Александромъ — читаемъ въ начальной лѣтописи,—миръ сотвориста съ Олегомъ, имѣвся по дань и ротѣ (т. е. клятвѣ) заходивше межь собою, цѣловавше крестъ, а Олега водивше на рогу и мужи его по русскому закону, кляшеся оружьемъ своимъ, и Перуномъ и Волосомъ, и утвердиша миръ".

Мирное соглашение 907 го года оказалось, повидимому, не въ состояніи гарантировать правильныя международныя отношенія между руссами и греками и уже пятью годами позже, въ 912-мъ году, сказалась потребность въ заключеніи между обѣими странами новаго, и уже болѣе обстоятельнаго договора Инициатива шла, на этотъ разъ, со стороны Руси „Въ лѣто 6420 (912 г) посла мужи свои Олегъ построити мира и положити ряды (т е договоръ) межю Русью и Греки“—свидѣтельствуетъ начальная лѣтопись Письменный и въ полномъ смыслѣ своемъ тожественный до нашихъ дней договоръ заключенный этимъ посольствомъ съ греческими императорами Львомъ, Александромъ и Константиномъ—и имѣетъ содержаніе древнѣйшему памятнику общественнаго и правового быта нашихъ предковъ, извѣстному подъ названіемъ **договора великаго князя Олега съ греками 912-го года**

Не болѣе 30-ти лѣтъ продолжались мирныя отношенія между Русью и Византіею Неизвѣстно что было тому причиною, но въ 941-мъ году преемникъ Олега, кіевскій великій князь Игорь, въ свою очередь поднимается войною противъ греческой имперіи Ознаменовавшійся и на этотъ разъ жестокими неистовствами со стороны руссовъ, походъ оказался неудачнымъ разбитые на сушѣ и морально устрашенные дѣйствіемъ губительнаго „греческаго огня“ на морѣ, русскія полчища были обращены въ безпорядочное бѣгство Неудача не смутила кіевскаго великаго князя Призвавъ изъ за моря большое количество наемниковъ-варяговъ, собравъ рать отъ подданныхъ ему племенъ и заручившись вспомогательною дружиною печенѣговъ, Игорь въ 944 мъ году снова двинулся на Византію двумя путями—морскимъ и сухопутнымъ Устрашенные не смѣтными полчищами руссовъ и вѣрные своимъ прежнимъ традиціямъ, греки и на этотъ разъ предпочли покончить дѣло полюбовно, отправивъ къ кіевскому князю пословъ съ предложеніемъ мира Игорь принялъ это предложеніе и возвратился со всѣми силами своими, въ Русь „Чего лучше безъ боя получить и золото, и серебро, и паволоки (драгоцѣнныя ткани),—такъ высказались, по сказанію лѣтописца, сподвижники кіевскаго князя—Кто знаетъ, кто еще одолѣетъ, мы или они? Кто силенъ бороться съ моремъ? Не по землѣ ходимъ мы, а по пучинѣ морской—а здѣсь всѣмъ намъ угрожаетъ смерть“ Это свидѣтельство начальной лѣтописи, если

только мы примемъ его на вѣру, должно свидѣтельствовать намъ о глубокой дезорганизаціи, проникшей въ рать Игоря, не сумѣвшаго поддержать объединительной политики, предпринятой его предшественникомъ и тѣмъ самымъ подготовившаго себѣ печальную участь, постигшую его въ слѣдующемъ же году, во время полюдья къ области племени древлянъ

Въ 945-мъ году прибыло въ Кіевъ, для выработки условій мирнаго соглашенія, посольство отъ греческихъ императоровъ Романа, Константина и Стефана Условившись съ нимъ относительно основаній переговоровъ, Игорь отправилъ въ Царьградъ своихъ собственныхъ пословъ для выработки проекта новаго трактата На этой почвѣ создался **договоръ руссовъ съ греками 945-го года**

Извѣстно, что и великій князь Святославъ Игоревичъ велъ упорную войну съ Византіею Эта война также окончилась **мирнымъ договоромъ 971-го года**, весьма небольшой текстъ (очевидно лишь фрагментъ) котораго, заключающій въ себѣ клятвенное обѣщаніе оказавшагося въ критическомъ положеніи русскаго князя не поднимать впредь оружія противъ грековъ, занесенъ на страницы нашей начальной лѣтописи. Какъ не представляющій собою никакого историко-юридическаго значенія, этотъ памятникъ интересовать насъ не будетъ, въ виду чего вниманію нашему будутъ подлежать только договоры съ греками великихъ князей Олега и Игоря

Скажемъ, прежде всего, нѣсколько словъ относительно **взаимнаго соотношенія**, въ которомъ стоятъ между собою договоры съ греками 907-го, 912-го и 945-го годовъ Мы уже высказали выше положеніе, что договоръ 907-го года долженъ почитаться дипломатическимъ актомъ совершенно самостоятельнымъ, а не прелиминарнымъ, какъ смотритъ на дѣло большая часть нашихъ историковъ Это выясняется уже изъ того, что отдѣльныя опредѣленія его, не вошедшія въ договоръ 912-го года, повторяются въ договорѣ 945-го года, а это несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ пользу того, что опредѣленія эти продолжали сохранять свою силу, наряду съ условіями договора 912-го года, вплоть до половины X-го вѣка Договоръ Игоря съ греками 945-го года въ основѣ своей имѣетъ оба предшествовавшіе ему договоры, что непосред-

ственно усматривается изъ самаго его содержанія кромѣ нѣкоторыхъ дополнительныхъ статей, созданныхъ измѣнившимися международными соотношеніями между руссами и греками, всѣ остальныя статьи договора Игоря представляютъ собою лишь дальнѣйшее развитіе, а нѣкоторыя даже полное повтореніе, статей договоровъ Олега Подобное соотношеніе договоровъ Олега и Игоря дало Эверсу основаніе совершенно отказать послѣднему въ самостоятельномъ значеніи, признавъ его лишь дополненіемъ договоровъ Олега, но какъ справедливо замѣтилъ Сокольскій, этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ договоръ Игоря вошли, цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій, нѣкоторыя статьи договоровъ Олега,—а это доказываетъ, что договоръ 945-го года является международнымъ актомъ совершенно самостоятельнаго характера и что, слѣдовательно, тѣ статьи договоровъ Олега, которыя не вошли въ договоръ Игоря—должны считаться послѣ 945-го года уже потерявшими силу

Распространяться по **вопросу о значеніи договоровъ русскихъ князей съ греками** въ общемъ циклѣ памятниковъ исторіи древняго русскаго права—является совершенно излишнимъ Достаточно сказать, что они представляются единственными (за исключеніемъ немногихъ указаній начальной лѣтописи) памятниками для сужденія о политическомъ, общественномъ и правовомъ бытѣ нашихъ предковъ эпохи формаціи русскаго государства Говоря о договорахъ съ греками, мы должны съ благодарностью помянуть составителя нашего древнѣйшаго лѣтописнаго свода, который цѣликомъ занесъ въ свою хронику текстъ договоровъ 912-го и 945-го годовъ вошедшая въ этотъ сводъ такъ называемая „начальная“ лѣтопись—является единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ этихъ выдающихся памятникахъ права

Первымъ ученымъ, обратившимъ серьезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критическое вниманіе на договоры русскихъ князей съ Византіею былъ извѣстный изслѣдователь нашей древнѣйшей лѣтописи академикъ А Шлецеръ Шлецеръ [1]) сразу оцѣнилъ историческое значеніе этихъ памятниковъ и далъ слѣдующій

---

[1]) «Nestor, russische Annalen» (1805—1809), русскій переводъ—«Несторъ, русскія лѣтописи» (1809—1816)

отзывъ о договорѣ Олега: „Сей трактатъ, если мы признаемъ его подлинность, есть одна изъ величайшихъ достопримѣчательностей средняго вѣка, есть нѣчто единственное во всемъ историческомъ мірѣ“. Но въ томъ то и заключалось разочарованіе ученаго академика, что онъ тогда же призналъ наличность доказательствъ, побудившихъ его отказаться отъ признанія подлинности договоровъ. Слѣдомъ за Шлецеромъ стали раздаваться и другіе голоса противъ подлинности интересующихъ насъ памятниковъ, признававшіе ихъ вымысломъ, а самое нахожденіе ихъ въ нашей древней лѣтописи объяснявшіе вставкою позднѣйшихъ (XIII или XIV) вѣковъ. Наиболѣе энергичными защитниками подлинности договоровъ выступали академикъ Ф. Кругъ и профессоры Г. Эверсъ и М. П. Погодинъ.

Хотя **вопросъ о подлинности договоровъ русскихъ князей съ греками** отошелъ уже для нашихъ дней въ область исторіи науки, тѣмъ не менѣе мы не считаемъ себя въ правѣ обойти молчаніемъ какъ доводовъ Шлецера противъ подлинности этихъ памятниковъ, такъ и доводовъ, приводившихся въ защиту ихъ подлинности. Всѣ сомнѣнія Шлецера могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ возраженіямъ: а) молчаніе о договорахъ византійскихъ хроникъ и историковъ, б) хронологическія несообразности по отношенію ко времени составленія ихъ и в) несоотвѣтствіе содержанія договоровъ условіямъ внутренней жизни Руси X-го столѣтія.

По отношенію къ первому сомнѣнію своему, Шлецеръ ставитъ на видъ то обстоятельство, что договоры руссовъ съ греками *не занесены въ византійскія хроники*. Но противъ этого довода справедливо возражали, что на основаніи отсутствія договоровъ въ греческихъ лѣтописаніяхъ странно опровергать самую подлинность ихъ. Въ византійскія хроники не занесены очень многіе трактаты, заключавшіеся греками съ другими народами,—да и, вообще, во всѣ европейскія хроники той эпохи международные договоры включались очень рѣдко Такъ, во французскихъ хроникахъ тщетно стали бы мы искать договоровъ, заключавшихся франкскими королями съ норманами, въ нашихъ новгородскихъ лѣтописяхъ не оказывается договоровъ, заключавшихся Новгородомъ съ ганзейскими городами и т. п. Эверсъ отмѣчаетъ, сверхъ того, что именно въ ту пору, къ которой пріурочиваются наши

договоры съ греками, византійскія хроники представляются весьма неполными и съ значительными пробѣлами въ описаніи событій. Погодинъ еще болѣе разсѣеваетъ скептицизмъ Шлецера, доказывая, что если византійскія лѣтописи и замалчиваютъ договоры съ руссами, то за то въ тѣхъ же лѣтописяхъ имѣются несомнѣнныя свидѣтельства въ пользу факта, что такіе договоры, дѣйствительно, заключались. Византійскій историкъ Левъ Діаконъ свидѣтельствуетъ, что императоръ Іоаннъ Цимисхій увѣщевалъ Святослава не разрывать съ нимъ мира, непоколебимо дошедшаго отъ предковъ и въ „которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ", а другой греческій хроникеръ, Кедринъ, пишетъ подъ 1049 годомъ, что „по силѣ заключеннаго договора дозволено было россіянамъ отправлять свободно торги съ Греціею, чего ради безпрерывно бывали въ Константинополѣ купцы отъ онаго народа". Погодинъ указываетъ, далѣе, что между русскими князьями и византійскими императорами не только заключались трактаты, но поддерживалась и дипломатическая переписка. Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „О церемоніяхъ византійскаго двора", приводя формы, по которымъ писались грамоты къ различнымъ государямъ, даетъ и форму подписанія грамотъ, посылавшихся къ русскимъ князьямъ. Указанія на письменныя сношенія между греческими императорами и русскими князьями имѣются и въ самыхъ договорахъ; русскіе послы и гости, прибывающіе въ Царьградъ, предъявляютъ здѣсь удостовѣрительныя отъ князя своего грамоты, безъ которыхъ имъ нѣтъ доступа въ византійскую столицу. Если, такимъ образомъ, между греками и руссами несомнѣнно заключались трактаты и поддерживались дипломатическія сношенія, то умолчаніе византійскихъ хроникъ о договорахъ съ греками Олега и Игоря—не можетъ никоимъ образомъ являться рѣшающимъ доводомъ въ сторону неподлинности этихъ памятниковъ.

Въ основу второго сомнѣнія Шлецера легли хронологическія недоразумѣнія, представившіяся ему при разборѣ договора 912 года. Договоръ этотъ былъ заключенъ, какъ намъ это уже извѣстно, съ императорами Львомъ, Александромъ и Константиномъ—и вотъ въ этомъ то указаніи Шлецеръ и думалъ найти неотразимое доказательство подложности этого памятника: императоръ Левъ,—говоритъ нашъ акаде-

микъ —не имѣлъ соправителя и царствовалъ одинъ, а Константинъ вступилъ на престолъ позже даты заключенія договора, слѣдовательно—указаніе въ послѣднемъ трехъ императоровъ должно быть признано несообразностью, неумѣлою фальсификаціею Далѣе,—продолжаетъ Шлецеръ,—договоръ подписанъ тремя императорами въ сентябрѣ 912-го года здѣсь уже явная несообразность хронологическая, такъ какъ императоръ Левъ умеръ въ маѣ 912-го года (15 ый индиктъ), а Александръ—въ іюнѣ 913 го года, слѣдовательно три императора не могли участвовать въ заключеніи договора въ сентябрѣ 912-го года Академикъ Кругъ, компетентный византинистъ-хронологъ, блестяще опровергъ эти хронологическія недоразумѣнія По отношенію къ возможности заключенія Олегомъ договора именно съ тремя императорами онъ ссылается на византійскаго хроникера Кедрина, свидѣтельствующаго, что императоръ Левъ еще за долго до смерти короновалъ сына своего Константина, слѣдовательно этотъ послѣдній въ пору заключенія договора могъ быть названъ „царемъ“ Вопросъ о соправительствѣ Александра разрѣшается тѣмъ фактомъ, что брату императора Александру, еще при жизни Льва, былъ присвоенъ императорскій титулъ Левъ Грамматикъ свидѣтельствуетъ, что въ 905 году воспріемникомъ Константина, сына Льва, былъ императоръ Александръ,—слѣдовательно, въ моментъ заключенія договора 912-го года въ Византіи на самомъ дѣлѣ имѣлись три лица кесарскаго дома, пользовавшихся императорскимъ титуломъ Не менѣе блестяще разрѣшаетъ Кругъ и хронологическое недоразумѣніе вызываемое временемъ кончинъ императоровъ Льва и Александра Обращаясь къ датѣ договора „мѣсяца сентября 2 недѣли 15 (индикта) въ лѣто созданія міра 6420“ и переведя ее, по правиламъ пасхаліи, на современное намъ лѣтоисчисленіе—Кругъ приходитъ къ выводу, что дѣйствительнымъ временемъ ратификаціи договора является сентябрь не 912-го, но 911-го года,—слѣдовательно этотъ договоръ подписанъ за 8 мѣсяцевъ до смерти Льва и почти за 2 года до смерти Александра Такимъ образомъ, ратификація договора 912-го г тремя императорами, Львомъ, Александромъ и Константиномъ,—не только не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, но обращается въ неопровержимое доказательство подлинности этого памятника, такъ какъ такая запутанная хронологія, едва поддавшаяся усиліямъ ученой критики, врядъ ли могла быть

умышленно принята въ соображеніе позднѣйшимъ фальсификаторомъ договора Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что временемъ ратификаціи интересующаго насъ памятника является по старому (индиктному) лѣтоисчисленію—сентябрь 912-го, по современному намъ лѣтоисчисленію—сентябрь 911-го года [1])

Третья серія возраженій Шлецера противъ подлинности договоровъ русскихъ князей съ греками строится имъ на почвѣ внутренняго содержанія этихъ памятниковъ Анализируя ихъ содержаніе, онъ приходитъ къ убѣжденію, что договоры не могли быть составлены нами, въ нихъ поименованными, и что содержаніе ихъ совершенно не соотвѣтствуетъ той степени культуры, на которой находились руссы X-го столѣтія

Опровергая скептическіе доводы Шлецера, Погодинъ утверждаетъ, что, вопреки его воззрѣнію, это то именно внутреннее содержаніе договоровъ и выступаетъ самымъ сильнымъ доказательствомъ ихъ подлинности Во первыхъ—заявляетъ Погодинъ,—содержаніе этихъ памятниковъ вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находились князья Олегъ и Игорь при ихъ заключеніи Олегъ заключалъ договоръ 912-го года послѣ счастливаго похода послѣ того, какъ онъ побѣдоносно подступилъ подъ самыя стѣны Царьграда Игорь заключалъ свой договоръ черезъ два года послѣ несчастнаго для него похода не достигнувъ, при вторичномъ движеніи на Царьградъ, никакихъ осязательныхъ результатовъ и вынужденный приступить къ мирнымъ переговорамъ по настоянію своихъ дружинниковъ Соотвѣтственно этому различію обстоятельствъ—различнымъ колоритъ принимаютъ и оба договора Въ договорѣ 912-го года великій князь Олегъ выступаетъ въ ореолѣ торжествующаго побѣдителя прибившаго, по преданію, свой щитъ къ вратамъ Цареграда, въ виду чего всѣ статьи этого мирнаго трактата клонятся, преимущественно, къ выгодамъ Руси, въ договорѣ 945-го года руссы являются стороною побѣжденною, а затѣмъ безъ боя усту-

---

[1]) Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности хронологическихъ доводовъ академика Круга Интересующіеся русскою историческою хронологіею и вопросомъ о переводѣ историческихъ датъ съ старыхъ системъ лѣтоисчисленія на современное намъ лѣтоисчисленіе—найдутъ общія свѣдѣнія и указанія въ нашей «Исторіи права русскаго народа» (I, стр 263—266)

пившею противнику — и въ этомъ мирномъ трактатѣ греки выступаютъ уже въ роли стороны, предписывающей противнику условія мира

Но что представляется особенно существеннымъ для подтвержденія подлинности нашихъ договоровъ съ греками, такъ это то, что многія заключающіяся въ нихъ опредѣленія и черты вполнѣ подтверждаются иностранными свидѣтельствами Такъ, напримѣръ, въ договорѣ 912-го года мы встрѣчаемъ опредѣленіе, въ силу котораго руссамъ дозволялось входить въ Константинополь только одними воротами, ограниченными партіями, безъ оружія и въ сопровожденіи императорскаго чиновника, мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что совершенно такія же ограниченія существовали и по отношенію къ прибывавшимъ въ византійскую столицу франкамъ Въ договоръ Игоря включена статья, въ силу которой руссу воспрещалось пріобрѣтеніе въ Царьградѣ драгоцѣнныхъ шелковыхъ тканей („паволокъ“), которыми славилась византійская индустрія, на сумму свыше 50-ти золотыхъ, кремонскій епископъ Лиутпрандъ пишетъ, что въ бытность свою (въ половинѣ X-го вѣка) въ Константинополѣ, онъ накупилъ тамъ много дорогихъ парчей, но при выѣздѣ изъ столицы вынужденъ былъ предъявить купленныя ткани, причемъ часть ихъ была греческими должностными лицами задержана, другая же часть допущена, по заклейменіи, къ свободному вывозу Договоры требуютъ, что бы прибывающіе въ Царьградъ руссы имѣли при себѣ удостовѣрительныя грамоты или значки, аналогичное требованіе имѣется въ договорѣ грековъ съ болгарами, заключенномъ въ 715-мъ году Мѣстожительство русовъ въ Константинополѣ ограничивается райономъ, носившимъ названіе святого Мамы („приходяще Русь да витаютъ у святого Мамы“), изъ современныхъ источниковъ узнаемъ, что такъ именовалось прибрежное предмѣстье греческой столицы, составлявшее его гавань Можно было бы привести цѣлый рядъ подобнаго же рода сопоставленій, свидѣтельствующихъ въ пользу достовѣрности интересующихъ насъ памятниковъ

Не въ силахъ подорвать достовѣрности договоровъ русскихъ князей съ греками и сомнѣніе Шлецера въ возможности для X-го вѣка тѣхъ регулярныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіею, какія усматриваются изъ договоровъ Олега

и Игоря Это сомнѣніе падаетъ, при современномъ намъ состояніи русскаго историческаго знанія, само собою, такъ какъ обширныя торговыя связи древнѣйшей Руси въ наши дни представляются фактомъ вполнѣ обоснованнымъ На эти торговыя связи указываютъ и наша начальная лѣтопись, описывающая прорѣзывающіе Русь во всѣхъ направленіяхъ водные торговые пути, и свидѣтельства арабскихъ писателей, и византійскіе историки, и данныя нумизматики и археологіи За подлинность договоровъ говоритъ и самый языкъ ихъ это тотъ именно древній языкъ, которымъ говорили наши предки X-го вѣка и который дошелъ до насъ единственно только въ этихъ памятникахъ,—языкъ, рѣзко отличающійся отъ языка лѣтописи, въ которую памятники эти вставлены, и являющійся почти на два столѣтія болѣе старымъ сравнительно съ этимъ послѣднимъ Подлинность договоровъ съ греками подтверждается, наконецъ, и несомнѣннымъ родствомъ отдѣльныхъ статей ихъ съ опредѣленіями болѣе поздняго памятника древняго русскаго права—Русской Правды

Продолжая обзоръ внѣшней исторіи договоровъ русскихъ князей съ греками, переходимъ къ **порядку составленія и способу ратификаціи ихъ**

Всѣ комментаторы интересующихъ насъ памятниковъ сходятся въ мнѣніи, что внѣшняя форма договоровъ—вполнѣ греческая и что въ этомъ отношеніи они совершенно схожи съ договорами, заключавшимися византійцами и съ другими, варварскими въ ихъ глазахъ, народами Изготовлены были договоры на „харатьяхъ“, т е на пергаментныхъ листахъ, и въ двухъ экземплярахъ: одинъ экземпляръ предназначался для византійскихъ императоровъ, второй—для русскихъ великихъ князей Преобладаетъ мнѣніе, что договоры были первоначально изложены на греческомъ языкѣ и, затѣмъ, уже съ этого греческаго текста переводились на языкъ русскій Къ такому предположенію приводятъ нѣкоторыя особенности языка договоровъ, которыя, по словамъ Н А Лавровскаго („О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“), какъ нельзя проще объясняются неопытностью толмача, переводившаго текстъ договоровъ съ греческаго языка на русскій Извѣстный знатокъ славянскихъ древностей и филологіи Шафарикъ свидѣтельствуетъ, съ своей стороны, что въ текстѣ договоровъ встрѣчается много болга-

ризмовъ, откуда большая часть изслѣдователей пришли къ заключенію, что русскій переводъ дѣлался толмачами-болгарами византійской службы, — предположеніе весьма вѣроятное, хотя и не всѣ ученые (напримѣръ И Е Забѣлинъ) принимаютъ его Какъ бы то ни было, но едва ли допустимо сомнѣніе въ томъ, что первоначальная редакція договоровъ являлась—греческою, откуда объясняется и византійская форма ихъ, и многія, фигурирующія въ нихъ, христіанскія выраженія и понятія, которыя также приводились Шлецеромъ, въ ряду другихъ доводовъ, какъ доказательство подлинности этихъ памятниковъ Въ договорѣ Олега встрѣчается, между прочимъ, загадочное указаніе на то, что обѣ хартіи этого акта сдѣланы „ивановымъ написаніемъ“, въ чемъ нѣкоторые комментаторы склонны были усматривать имя греческаго секретаря, редактировавшаго текстъ договора, или толмача, его переводившаго Но болѣе правдоподобнымъ является толкованіе Круга, а за нимъ Карамзина и Погодина, что это пресловутое „иваново написаніе“ представляетъ собою плодъ недоумѣнія позднѣйшаго списателя текста договора, не разобравшаго стоявшихъ въ подлинникѣ словъ „киноварнымъ написаніемъ“, т е писаніемъ киноварью (красною краскою), а эти послѣднія слова, означающія, что актъ былъ написанъ, для большей торжественности, киноварью, составляютъ лишь переводъ выраженія „*διὰ κινοβαρέως γραμμάτα*“, весьма обыкновеннаго въ греческихъ государственныхъ актахъ

Переходимъ къ **лицамъ, принимавшимъ участіе въ ратификаціи и въ составленіи договоровъ 912-го и 945-го годовъ** Договоръ Олега (912 года) былъ заключенъ съ одной стороны—русскими послами, съ другой стороны—византійскими императорами Львомъ, Александромъ и Константиномъ Договоръ Игоря (945 года) заключенъ съ одной стороны — „слами“ (послами) и „гостями“ (купцами) русскими, съ другой стороны—императорами Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ. Послы Олега (въ числѣ двѣнадцати человѣкъ), заключавшіе договоръ 912-го года, заявляютъ въ самомъ началѣ договора, что они посланы „отъ Олега, великаго князя русскаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ“ Послы Игоря заявляютъ въ договорѣ 945-го года, что они посланы „отъ великаго князя русскаго Игоря, и отъ всѣхъ князей русскихъ, и отъ

всѣхъ людій земли русскія", а нѣсколько ниже говорятъ что ихъ послали „великій князь Игорь, и князи и бояре его, и люди вси русскіе" Эти свидѣтельства договоровъ представляютъ собою весьма крупный историко-политическій интересъ Мы усматриваемъ изъ нихъ, что договоры заключались, кромѣ великихъ князей кіевскихъ, также и отъ имени какихъ то другихъ „князей русскихъ" и нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что въ этихъ „князьяхъ русскихъ", подручникахъ кіевскаго великаго князя, мы имѣемъ совершенно опредѣленное указаніе на туземныхъ князей племенъ подпавшихъ въ подданство Кіеву эти подданные племенные князья принимали участіе въ походахъ на Византію получали свои „уклады" изъ греческой дани, они принимаютъ участіе и въ выработкѣ условій мирнаго соглашенія съ Византіею Участіе въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ принимаютъ также и „бояре", пользующіеся въ договорѣ 912-го года предикатомъ— „великихъ", здѣсь мы должны видѣть старшихъ дружинниковъ княжескихъ, ближайшихъ совѣтниковъ князей, членовъ княжеской думы Послы Игоря заявляютъ, наконецъ, что, помимо великаго князя, другихъ русскихъ князей и бояръ—они выступаютъ представителями и всѣхъ людій земли русскія" Это свидѣтельство—неоцѣненной важности Здѣсь впервые, на документальной почвѣ, встрѣчаемся мы съ историческимъ свидѣтельствомъ о томъ свободно-договорномъ отношеніи, въ какомъ стояла княжеская власть древней Руси къ земщинѣ и при которомъ, наряду съ авторитетомъ князя, на равныхъ правахъ стояли мысль и воля земли, выражавшіяся въ голосѣ вѣча Земля и совѣтомъ, и дѣломъ и своими земскими ополченіями принимала активное участіе въ византійскихъ походахъ — она принимаетъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, такое же активное участіе и въ выработкѣ условій мирнаго соглашенія, несомнѣнно, что вопросы этого послѣдняго обсуждались князьями въ Кіевѣ какъ въ кругу княжеской думы, такъ и на созывавшихся съ тою же цѣлью народныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ Это предположеніе, какъ мы впослѣдствіе въ томъ и убѣдимся, оправдывается всѣми дальнѣйшими проявленіями земско-вѣчевого періода исторической жизни русскаго народа

Договоръ 945-го года былъ заключенъ, какъ мы видѣли, „слами" и „гостьми", причемъ „слы" именуютъ себя въ

текстѣ договора, одинъ—„Игоревъ, великаго князя русскаго“, остальные всѣ—„обычими“ (обочими, т е сторонними, чужими) [1]) „Мы, отъ рода русьскаго,—такъ открывается договоръ 945-го года,—сли и гостье, Иваръ, сонъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обычие сли“ и т д Слѣдуетъ, затѣмъ, списокъ словъ и гостей Во главѣ списка поставлены послы отъ ближайшихъ членовъ великокняжескаго рода „Вуефастъ Святославль, сына Игорева“ (т е Вуефастъ—отъ Игорева сына Святослава), „Искусеви Ольги княгини“ (т е отъ супруги великаго князя Ольги) Далѣе идетъ длинное перечисленіе именъ собственныхъ, изъ которыхъ большая часть рядомъ находящихся поставлены въ формахъ, первое—именительной, второе—притяжательной, напримѣръ „Улебъ Володиславль“, „Каницаръ Предславинъ“, „Сфандръ жены Улѣблѣ“, „Гримъ Сфирковъ“, „Истръ Амидоновъ“, „Прастѣнъ Берновъ“ [2]) и т д.

Здѣсь можно съ большою вѣроятностью предполагать „обочихъ“, сторонних, пословъ, явившихся представителями различныхъ лицъ, имѣвшихъ то или другое выдающееся положеніе въ политическомъ и общественномъ строѣ Руси половины X-го вѣка, какъ то—отъ второстепенныхъ членовъ великокняжескаго рода (упоминаются двое „нетіевъ“, т е племянниковъ, Игоря), отъ туземныхъ князей подданныхъ Кіеву племенныхъ волостей, отъ значительнѣйшихъ дружинниковъ княжескихъ Любопытно, что въ спискѣ имѣются послы и отъ женщинъ (отъ Ольги великой княгини и отъ какихъ то „Предславы“ и „жены Улѣбовой“), что даетъ намъ подтвержденіе вполнѣ самостоятельнаго не только общественнаго, но даже политическаго положенія женщины въ до-монгольской Руси Списокъ заканчивается рядомъ именъ собственныхъ, поставленныхъ уже только въ падежѣ именительномъ (напримѣръ—Адулбъ, Игривладъ, Олѣбъ, Турдбидъ, Руалдъ, Фрастѣнъ, Вузлѣвъ, Синко,

---

[1]) Для возстановленія именно такого значенія этого слова см брошюру Демченко «Притомные люди и конная сторона» (Варш 1899), стр 15

[2]) Послѣдователи норманской теоріи происхожденія варяго-руссовъ придавали большую доказательную силу встрѣчающимся въ договорахъ именамъ собственнымъ, настаивая на ихъ скандинавскомъ происхожденіи Любопытны доводы по этому поводу С А Гедеонова («Варяги и Русь», 1876, ч I, стр 260 и слѣд), доказывающаго вполнѣ славянское происхожденіе этихъ собственныхъ именъ

Боричь и т п), это, очевидно исчисление „гостей", принимавшихъ участіе въ заключеніи договора передъ первымъ изъ этихъ именъ стоитъ далѣе эпитетъ „купецъ („купецъ Адунь") Участіе въ дѣлѣ составленія договоровъ съ греками гостей, т е представителей торговли промышленности, представляется вполнѣ естественнымъ главная задача договоровъ— обезпеченіе русской торговли съ Византіею, т е задача, въ достиженіи которой участіе представителей торговаго класса являлось весьма существеннымъ Да и самая заморская торговля того времени почти сливалась съ дипломатіею и кіевскіе великіе князья выступали, конечно при посредствѣ тѣхъ же гостей, дѣятельными участниками въ ней „А великій князь русскій,—читаемъ въ договорѣ Игоря,—и бояре его да посылаютъ въ греки корабли, елико хотятъ, со сны и съ гостьми, яко же уставлено есть" Мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что служилое значеніе принадлежало за высшими разрядами торговаго класса даже и въ Руси московской. И И Срезневскій („О договорахъ князя Олега съ греками", въ Извѣстіяхъ императ академіи наукъ по отд рус яз и слав, 1852 и 1854, т т I и III) высказалъ въ свое время предположеніе, что фигурирующіе въ договорахъ „гости" или купцы были выборными представителями отъ городскихъ волостей, отъ городскихъ вѣчъ,—предположеніе, имѣющее за собою большую степень вѣроятности и совершенно согласное съ общественно-политическимъ строемъ той эпохи

За указаніемъ лицъ, принимавшихъ участіе въ заключеніи договоровъ, слѣдуетъ **указаніе цѣли, съ которою они заключаются** Цѣль эта, по скольку она выражается въ самомъ текстѣ этихъ памятниковъ, выражается въ платоническомъ желаніи утвердить между обѣими договаривающимися сторонами миръ и любовь Договоръ 912-го года возвѣщаетъ, что его задача—„удержаніе и извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ [1]) межю христіаны (т е греками) и Русью бывшей любви". Договоръ 945 го года свидѣтельствуетъ, что его цѣль—„обновленіе ветхаго (т е стариннаго) мира", разореніе ковъ „ненавидящаго добра и враждолюбца діавола", „утвержденіе

[1]) Интересное указаніе на старожавность сношеній Руси съ Византіею

любови межю Греки и Русью' Но за этими риторическими фразами скрывается истинная цѣль заключенія договоровъ, выясняемая всѣмъ содержаніемъ ихъ и отодвигающая уже на задній планъ идеальныя стремленія къ миру и любви Эта дѣйствительная задача договоровъ сводится, для руссовъ—къ обезпеченію свободнаго и обставленнаго наибольшими льготами права торга въ столицѣ Византіи для грековъ—къ установленію для себя возможно большихъ гарантій противъ варварскихъ, съ греческой точки зрѣнія, русскихъ гостей

Извѣстно, что подозрительные и надменные византійцы недовѣрчиво и сурово принимали въ своей столицѣ иностранцевъ, не дѣлая отсюда исключенія даже для пословъ западноевропейскихъ властителей Такъ, посолъ германскаго императора Оттона Великаго епископъ Лиутпрандъ, бывшій въ Константинополѣ въ половинѣ X-го вѣка, слѣдовательно какъ разъ въ пору заключенія договора Игоря, описываетъ самыми мрачными красками пріемъ, встрѣченный въ греческой столицѣ германскимъ посольствомъ Прежде, нежели впустить въ городъ, посольство продержали въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, подъ дождемъ, передъ воротами столицы, въ самомъ городѣ обращались съ чинами посольства, какъ съ плѣнными, не позволяя имѣть сношеній съ посторонними лицами, отвели помѣщеніе, не защищавшее ихъ отъ вліяній погоды и въ которомъ спать приходилось на голомъ мраморномъ полу и т п Если такой пріемъ встрѣтило въ византійской столицѣ посольство могущественнаго германскаго императора, то легко представить себѣ, на какой пріемъ могли разсчитывать здѣсь русскіе послы и торговцы И, вотъ, въ договорахъ своихъ съ греками русскіе „варвары“ стремятся выговорить возможно болѣе льготныя условія, способныя облегчить положеніе руссовъ въ Царьградѣ русскіе гости пользуются во все время пребыванія своего здѣсь полнымъ содержаніемъ отъ греческаго правительства („мѣсячина“), выговариваютъ себѣ право не только свободной, но и безпошлинной торговли, право мыться въ цареградскихъ баняхъ, выдачу всего необходимаго для обратнаго морского пути на родину и пр Греки, съ своей стороны, стараются обезпечить себя противъ возможности злоумышленій и насилій руссовъ обязываютъ ихъ представлять удостовѣренія отъ своихъ князей въ томъ, что прибыли на

византійскую территорію съ мирными цѣлями, имѣть жительство въ приморскомъ предмѣстьи св Мамы, входя въ самый городъ только одними воротами, въ маломъ числѣ людей, безъ оружія и въ сопровожденіи греческаго должностного лица, требуютъ отъ руссовъ торжественнаго обѣщанія „не творить пакости“ (т е вреда) на греческой территоріи, соглашаются довольствоваться мѣсячиною однихъ только купцовъ русскихъ и т п

Ратификація договоровъ совершалась, прежде всего, посредствомъ подписанія ихъ договаривавшимися сторонами Одинъ экземпляръ хартіи скрѣплялся изображеніемъ на немъ знака св креста и подписями византійскихъ императоровъ, второй—подписями русскихъ пословъ и гостей „Мы же —читаемъ въ договорѣ Игоря, — съвѣщаніемъ все написахомъ на двою харатью и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши“ Сомнительнымъ можетъ представиться здѣсь свидѣтельство о подписаніи договора русскими послами и гостями, если мы будемъ придерживаться ходячаго мнѣнія, что изобрѣтенная св св Кирилломъ и Меѳодіемъ славянская азбука перенесена была въ древнее отечество наше лишь со времени принятія великимъ княземъ Владиміромъ христіанства, въ качествѣ государственной религіи, но мы уже имѣли возможность (см выше стр 141—142) привести доводы въ пользу того обстоятельства, что письменность должна была быть извѣстною руссамъ много раньше эпохи св Владиміра Кромѣ подписанія ихъ договаривавшимися сторонами, сила договоровъ утверждалась взаимнымъ обѣщаніемъ строго соблюдать всѣ заключающіяся въ нихъ опредѣленія Въ договорѣ 912-го года обѣ стороны увѣщеваютъ одна другую не допускать никакого „соблазна или вины“, могущихъ нарушить „несоблазнену и непреложну всегда и во вся лѣта“ любовь между руссами и греками Въ договорѣ 945-го года обѣщается таковая же взаимная любовь „на вся лѣта, дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ“, причемъ это обѣщаніе сопровождается торжественнымъ заклятіемъ противъ нарушителей договорныхъ соглашеній, христіанамъ угрожается карою Бога и осужденіемъ на вѣчную гибель и въ этомъ мірѣ и въ будущемъ, язычникамъ—гнѣвомъ Перуна, гибелью отъ собствен-

наго оружія и вѣчнымъ рабствомъ· „да не имуть помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего и да будутъ рабы въ сесь вѣкъ и въ будущій“

Ратификація договоровъ путемъ рукоприкладствъ дополнялась обоюдною клятвою присягою, договаривающихся сторонъ При заключеніи договора 912-го года греки клялись „предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею“, руссы клялись „по закону и по покону языка (народа) своего“ Договоръ 945-го года проводитъ различіе порядка клятвы руссовъ-христіанъ и руссовъ-язычниковъ первые присягали въ соборномъ храмѣ (знаменитомъ константинопольскомъ соборѣ святой Софіи) „предлежащимъ честнымъ крестомъ“ и своею кіевскою церковью во имя св пророка Иліи („мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви и предлежащемь честнымъ крестомъ“, вторые клялись отъ лица великаго князя Игоря, „бояръ его и всѣхъ людій страны русыя“ надъ сложеннымъ и обнаженнымъ оружіемъ своимъ Договоръ 945 года, заключенный при неблагопріятныхъ для русскаго великаго князя обстоятельствахъ, усложняетъ форму присяги съ русской стороны Вмѣстѣ съ возвращавшимися домой русскими уполномоченными въ Кіевъ, къ великому князю и „къ людемъ его“, были отправлены послы византійскихъ императоровъ для врученія Игорю ратификованнаго экземпляра договора и для приведенія къ присягѣ великаго князя и „людей его“ Такимъ образомъ, договоръ 945-го года установляетъ для руссовъ двойную клятву клятву въ самой столицѣ Византіи заключавшихъ его пословъ и гостей, и клятву въ Кіевѣ Игоря и „людей“ его. Начальная лѣтопись передаетъ намъ и самый ритуалъ кіевской присяги „Насъ послалъ царь,—заявили Игорю греческіе послы, вручивъ ему ратификованную хартію договора,—желая имѣть миръ и любовь съ княземъ русскимъ и радуясь этому миру, твои послы привели къ присягѣ нашихъ царей, а мы присланы привести къ ротѣ (клятвѣ) тебя и мужей твоихъ“ Далѣе возстановляется самая обстановка присяги собравшись на холмъ, увѣнчанный кумиромъ Перуна, великій князь и мужи его клялись надъ сложеннымъ на землѣ оружіемъ и золотомъ, крещеная же часть руссовъ

приводилась къ присягѣ въ мѣстной церкви св. Иліи, послѣ чего Игорь отпустилъ греческихъ пословъ, одаривъ ихъ „скорою“ (мѣхами), „челядью“ (невольниками) и воскомъ.

Въ такомъ свѣтѣ рисуется передъ нами внѣшняя исторія договоровъ русскихъ великихъ князей съ Византіею.

Что касается **внутренняго содержанія этихъ памятниковъ**, то оно можетъ, и притомъ съ совершенною послѣдовательностью, быть расчленено на четыре составныя части: а) опредѣленія, касающіяся международныхъ отношеній между греками и руссами, б) опредѣленія, касающіяся права уголовнаго, в) опредѣленія процессуальныя и г) опредѣленія, относящіяся къ праву наслѣдственному. Послѣднія три группы опредѣленій найдутъ себѣ какъ мѣсто, такъ и наллежащую характеристику, въ соотвѣтствующихъ рубрикахъ нашего изложенія, почему въ настоящее время вниманіе наше остановится лишь на опредѣленіяхъ интересующихъ насъ памятниковъ, разсчитанныхъ на урегулированіе международныхъ отношеній между руссами и греками.

Относящіяся сюда постановленія договоровъ зиждутся, какъ это уже было отмѣчено нами выше, для руссовъ—на стремленіи создать выгоднѣйшія условія для торговыхъ сношеній своихъ съ Византіею, для грековъ—на недовѣріи къ пріѣзжающимъ въ Константинополь руссамъ. Принимая въ предѣлы своей территоріи руссовъ, греки настойчиво требовали отъ нихъ удостовѣреній въ томъ, что они прибыли, дѣйствительно, за дѣломъ и не представляютъ въ средѣ своей элементовъ, могущихъ причинить имъ какихъ либо непріятностей. До 945-го года цѣль эта достигалась особыми значками („печатями“—золотыми для пословъ, серебряными для гостей), которые должны были имѣть на себѣ прибывающіе въ Царьградъ руссы, но эта мѣра контроля оказалась недостаточною и договоръ 945-го года требуетъ уже письменныхъ удостовѣреній отъ великаго князя русскаго, изъ которыхъ греческія власти могли бы удостовѣряться въ томъ, что обладатели этихъ удостовѣреній „съ миромъ приходятъ“, т. е. прибыли съ цѣлями мирными. Руссъ, оказывающійся въ византійской столицѣ безъ такой удостовѣрительной грамоты отъ своего князя—немедленно за-

держивается, о чемъ и дается знать русскому князю, если задерживаемый окажетъ сопротивленіе силою, онъ можетъ быть умерщвленъ—и „да не взыщется смерть отъ князя вашего“, опредѣляетъ договоръ Игоря, если онъ убѣжитъ на родину—объ этомъ отписывается русскому князю, для соотвѣтствующаго съ бѣглеца взысканія

Руссы, прибывшіе въ Царьградъ съ надлежащими доказательствами своей легальности,—„печатями“ до 945 г, удостовѣрительными грамотами послѣ этого года,—пользуются не только свободою торга здѣсь, но и правомъ на полученіе отъ греческаго правительства натуральнаго содержанія, „мѣсячины“, заключавшагося въ хлѣбѣ, винѣ, мясѣ, рыбѣ и овощахъ, правомъ этимъ пользуются, однако, только руссы, прибывшіе для цѣлей торговыхъ „аще придутъ Русь безъ купли, да не взимаютъ мѣсячины“, читаемъ въ договорахъ Первый (907 г) договоръ Олега съ греками выговариваетъ для руссовъ даже право безпошлиннаго (безъ платежа „мыта“) торга ихъ въ Константинополѣ, но въ договорѣ 945-го года, заключенномъ при неблагопріятныхъ для русскихъ условіяхъ, мы этой весьма существенной льготы уже не встрѣчаемъ Интересны ограниченія времени пребыванія руссовъ въ византійской столицѣ Договоръ 907-го года лишь косвенно намекаетъ на такое ограниченіе, нормируя право полученія мѣсячины шестимѣсячнымъ срокомъ, что и давало нѣкоторымъ комментаторамъ основаніе утверждать, что руссамъ дозволялось оставаться въ Царьградѣ не долѣе этого промежутка времени Болѣе опредѣленныя данныя представляетъ намъ въ этомъ отношеніи договоръ Игоря, которымъ руссамъ воспрещается зимовать какъ въ самой греческой столицѣ, такъ и во всѣхъ, вообще, пунктахъ византійскихъ владѣній Такимъ образомъ, къ концу лѣтняго, навигаціоннаго, періода они обязаны были покончить всѣ свои дѣла и повсемѣстно оставить греческую территорію Принимаются греками мѣры обезпеченія безопасности и тѣхъ пунктовъ византійскихъ владѣній, черезъ которые пролегалъ караванный путь руссовъ договоры вмѣняютъ русскимъ князьямъ въ обязанность строжайше воспрещать отправляющимся въ Царьградъ творить здѣсь какія бы то ни было „пакости“ и „безчинія“.

Только что приведенными опредѣленіями договоровъ все еще не исчерпываются мѣры мнительной предосторожности грековъ по отношенію къ руссамъ недовѣріе преслѣдуетъ нашихъ предковъ и въ самой столицѣ Византіи Здѣсь мы наталкиваемся на рядъ опредѣленій, отчасти и въ общихъ чертахъ уже упоминавшихся нами выше Руссамъ запрещается, прежде всего, селиться въ самомъ городѣ и мѣсто осѣдлости ихъ здѣсь ограничивается прибрежнымъ предмѣстьемъ святого Мамы Тотчасъ же по прибытіи къ Константинополю русскаго каравана является греческій чиновникъ, удостовѣряющійся въ легальности его экипажа и пассажировъ и переписывающій имена всѣхъ прибывшихъ, только по выполненію этихъ формальностей руссы получаютъ право на входъ въ городъ, а явившіеся съ „куплею“, съ цѣлями торговыми—и на полученіе мѣсячины Условіями ограничительнаго характера обставляется, впрочемъ, и самый доступъ русскихъ гостей въ городъ входить могутъ они въ него только одними воротами, безоружными, партіями не свыше 50-ти человѣкъ и въ сопровожденіи „царева мужа“ — императорскаго чиновника Справивъ въ городѣ всѣ свои дѣла, руссы съ наступленіемъ вечера „паки исходятъ“ изъ него и возвращаются въ предназначенное для нихъ предмѣстье Приставленный къ партіи руссовъ „царевъ мужъ“ остается при ней во все время пребыванія ея въ Константинополѣ, по свидѣтельству договора 945 го года, этотъ греческій чиновникъ, кромѣ охраны личной безопасности порученныхъ ему руссовъ, имѣлъ своею задачею и судебное разбирательство всѣхъ споровъ и тяжбъ, возникавшихъ у нихъ съ греками Кромѣ указанныхъ нами ограниченій, въ договорѣ Игоря встрѣчается еще одно, касавшееся права покупки руссами „паволокъ“, т е драгоцѣнныхъ шелковыхъ парчей, производствомъ которыхъ славилась византійская имперія каждый руссъ могъ купить такихъ тканей на сумму не свыше 50 ти золотниковъ для контроля надъ выполненіемъ этого условія каждая покупавшаяся паволока предъявлялась цареву мужу, который и налагалъ на нее разрѣшительное, въ предѣлахъ указанной нормы, клеймо Это своеобразное ограниченіе распространялось на всѣхъ иноземныхъ покупщиковъ, намъ уже извѣстно свидѣтельство епископа кремонскаго Лиутпранда, также под-

павшаго подъ его дѣйствіе при выѣздѣ своемъ изъ Константинополя

Продолжая разсмотрѣніе опредѣленій договоровъ, посвященныхъ урегулированію международныхъ отношеній между греками и руссами, мы остановимся теперь на ъъ высокой степени интересныхъ постановленіяхъ ихъ, касающихся отрицанія берегового права Подъ „береговымъ правомъ“ (Strandesrecht) разумѣлся средневѣковой обычай, въ силу котораго потерпѣвшее крушеніе судно составляло, вмѣстѣ со всѣмъ грузомъ своимъ, призъ владѣльца того берега, возлѣ котораго произошла авария Въ эпоху нашихъ договоровъ съ греками береговое право пользовалось широкимъ примѣненіемъ по побережьямъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей и эта форма мирнаго и узаконеннаго пиратства практиковалась здѣсь еще въ XIII и даже, XV вѣкахъ

Договоры руссовъ съ греками не только отрицаютъ береговое право, но идутъ еще далѣе того, вмѣняя обѣимъ сторонамъ въ нравственную обязанность оказывать всяческую помощь потерпѣвшему аварію судну, принимая мѣры къ охранѣ груза и къ содѣйствію его экипажу въ дѣлѣ проводки пострадавшаго судна до безопаснаго мѣста Договоръ 912-го года опредѣляетъ, что если греческая „лодья“ (морское судно) будетъ выброшена бурею къ чужому берегу и въ мѣстѣ катастрофы приключатся руссы — эти послѣдніе принимаютъ на себя охрану судна, направивъ его къ берегамъ Византіи и провожая до безопаснаго мѣста Если греческое судно окажется не въ состояніи собственными средствами продолжать курсъ или вслѣдствіе бури или по причинѣ посадки его на мель („отъ бури или бороненія земнаго“), то случившіеся въ томъ мѣстѣ руссы обязуются „спотрудиться“, т е помочь экипажу его, проводивъ судно на родину, если катастрофа произошла не по далеку отъ Греціи, или въ Русь, если она произошла ближе къ русскимъ берегамъ Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцамъ судна предоставляется распродать здѣсь грузъ судна („рухло тоя лодьи“) и съ честью возвратиться на родину, цѣну же, вырученную за самое судно и за ту часть груза, которая греками не могла быть продана лично, принявшіе на себя попеченіе о суднѣ руссы обязуются отправить въ Грецію съ купеческимъ или посольскимъ караваномъ При этомъ устанавливается уго-

ловная отвѣтственность руссовъ за всякое убійство, оскорбленіе дѣйствіемъ и даже кражу, случившіяся на принятомъ ими въ свою охрану суднѣ

Только что приведенныя опредѣленія договора 912 го года представляютъ крупный историческій интересъ, какъ свидѣтельствующія намъ, во первыхъ—о широкомъ господствѣ нашихъ предковъ начала X-го столѣтія на водахъ Чернаго—въ ту пору называвшагося даже „Русскимъ“,—моря, на просторѣ котораго они выступаютъ съ характеромъ отважныхъ мореходцевъ, оказывающихъ охрану и покровительство морской торговлѣ могущественной византійской имперіи во вторыхъ — о гуманныхъ чертахъ обычнаго морского права древнихъ руссовъ Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что указанныя опредѣленія представляютъ собою продуктъ славянскаго правосознанія. Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ Адама Бременскаго, заявляющаго, что у балтійскихъ славянъ почиталась нравственно обязательною помощь потерпѣвшимъ аварію мореплавателямъ и защита морской торговли, вообще, а также и тѣмъ соображеніемъ, что руссы заключали договоръ 912 го года въ качествѣ могущественныхъ побѣдителей и едва ли потерпѣли бы внесенія въ него условій, не только несогласныхъ съ ихъ правовымъ міровоззрѣніемъ, но даже возлагающихъ на нихъ обязанность покровительства морской торговли упиленной ими державы Сторонники скандинавской теоріи происхожденія Руси едва ли почувствовали бы себя въ правѣ искать здѣсь подтвержденія своего ученія извѣстно, что, помимо вопроса о примѣненіи ими берегового права, всѣ мореходныя авантюры преславутыхъ „пѣнигелей моря“ были, въ сущности своей, лишь организованнымъ пиратствомъ Все это заставляетъ насъ видѣть въ разобранныхъ опредѣленіяхъ договора 912-го года—отраженіе началъ древне-славянскаго обычнаго морского права

Въ договорѣ 945 го года относящіяся къ тому же предмету постановленія являются уже несравненно болѣе краткими и общими Если, говорится здѣсь, руссы встрѣтятъ потерпѣвшую аварію греческую „кубару“ (морское судно), то они не должны причинять ей вреда, если же руссъ убьетъ или захватитъ въ неволю („поработитъ“) кого-либо изъ эки-

пажа пострадавшаго судна или украдетъ что нибудь изъ его груза—тотъ „будетъ повиненъ закону руску и греческу“ Въ договорѣ Игоря съ греками нѣтъ уже болѣе рѣчи о томъ могуществѣ руссовъ на Черномъ („Русскомъ“) морѣ, которое выдвигало ихъ охранителями греческаго торговаго мореплаванія,—ясно, что къ половинѣ X-го вѣка значеніе ихъ здѣсь пало Намъ извѣстны и историческія причины этого послѣдняго явленія русское вліяніе пало здѣсь вслѣдствіе появленія въ сѣверномъ Черноморьѣ враждебныхъ тюркскихъ и монгольскихъ кочевниковъ, смѣняющіеся ряды которыхъ на протяженіи многихъ вѣковъ,—вплоть до XVIII вѣка,—оттирали Русь отъ Чернаго, когда то „русскаго“, моря

Взамѣнъ изчезнувшихъ изъ него пунктовъ соглашенія изъ области морского права, мы находимъ въ договорѣ 945 го года нѣсколько новыхъ постановленій, касающихся международныхъ соотношеній между руссами и греками Такъ, помимо уже извѣстнаго намъ уговора относительно взаимнаго сохраненія мира, греки въ этомъ договорѣ берутъ съ руссовъ обязательство не воевать Корсунской страны, т е западной части Таврическаго полуострова, съ прилегающими мѣстностями, и не причинять вреда корсунскимъ рыболовамъ, промышляющимъ въ устьѣ Днѣпра Запрещается руссамъ (вѣроятно на пути изъ Царьграда) и зимовка въ мѣстностяхъ, расположенныхъ въ днѣпровскомъ устьи „да не имѣютъ власти Русь зимовати во устьи Днѣпра, Бѣлобережьи, ни у святого Еѳерія, но егда придетъ осень да идутъ въ домы своя въ Русь“ Эти постановленія снова свидѣтельствуютъ о томъ паденіи вліянія Руси въ сѣверномъ Черноморьѣ, которое наступаетъ къ половинѣ X-го столѣтія Отвращая всякое посягательство руссовъ на неприкосновенность Корсунской области, греки стараются, съ другой стороны, сдѣлать Русь оплотомъ безопасности этой области, отдѣленной отъ своей метрополіи, Константинополя, обширнымъ пространствомъ Чернаго моря По договору Игоря, руссы принимаютъ на себя обязательство не допускать нападеній черныхъ (дунайскихъ) болгаръ на Корсунскую страну „оже приходятъ черніи болгаре воюютъ въ страны Корсун-

стѣй, и велимъ (sic) князю русскому, да ихъ не пущаетъ плаковстити странѣ той“

Къ области отношеній международнаго права относятся еще слѣдующія три опредѣленія договоровъ Первое изъ нихъ включенное въ договоръ 912-го года, выговариваетъ для руссовъ право безпрепятственнаго несенія службы въ византійскихъ военныхъ легіонахъ если, опредѣляется здѣсь, грекамъ придется вести войну и руссы-добровольцы изъявятъ желаніе „почестити царя“ ихъ—„да аще елико ихъ придетъ и хотятъ остатися у царя вашего своею волею, да будутъ“ Второе опредѣленіе вошедшее въ тотъ же договоръ 912 го года, устанавливаетъ между обѣими сторонами взаимную выдачу преступниковъ если въ числѣ пребывающихъ въ греческихъ предѣлахъ руссовъ окажется „злодѣй“ (нарицательное наименованіе преступника, вообще, до нашихъ дней сохранившееся на югѣ Россіи), не возвращающійся на родину изъ опасенія изысканія, то, по требованію изъ Руси—„ять будетъ (т е будетъ задержанъ) таковой и возвращенъ будетъ, не хотяй (противъ воли, хотѣнія), въ Русь“ такое же обязательство возлагается и на руссовъ по отношенію къ укрывающемуся у нихъ провинившемуся греку Третье опредѣленіе дѣлающее попытку установить нѣчто въ родѣ военно-вспомогательнаго союза между русскими и греками, дается договоромъ 945-го года и стоитъ, повидимому, въ связи съ указаннымъ выше обязательствомъ руссовъ охранять безопасность византійскихъ владѣній на сѣверномъ черноморскомъ побережьи греки обязуются выставлять русскому князю, по требованію его, вспомогательное войско („аще проситъ вой у насъ князь русскій, да воюетъ, да дамы ему, елико будетъ требъ“), русскій великій князь принимаетъ на себя совершенно такое же обязательство по отношенію къ греческимъ царямъ, „и оттоле увѣлять ины страны, каку любовь имѣють греци съ Русью“,—добавляетъ договоръ

Изъ опредѣленій договоровъ, которыя должны быть также отнесены къ непосредственной области отношеній международныхъ, выдѣляется довольно обширный кругъ постановленій, касающихся военнопленныхъ и невольниковъ обѣихъ странъ

Постановленія договоровъ относительно военноплѣнныхъ преслѣдуютъ своею задачею смягченіе современныхъ понятій о войнѣ и о правахъ надъ плѣнными Средневѣковыя войны носили въ высшей степени грубый, жестокій, характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишены были гуманности и отношенія къ плѣннымъ Даже культурные греки, и тѣ не давали пощады захваченнымъ врагамъ по свидѣтельству современника, епископа Лиутпранда, послѣ неудачнаго похода великаго князя Игоря на Царьградъ императоръ Романъ приказалъ отрубить головы всѣмъ русскимъ плѣннымъ По свидѣтельству нашей собственной начальной лѣтописи, руссы, воюя съ греками, превосходили жестокостью предѣлы всякаго вѣроятія распинали греческихъ плѣнниковъ, разстрѣливали ихъ, вбивали въ ихъ головы гвозди и совершали т п. неистовства Если военноплѣнному удавалось избѣгнуть лютой казни, его ожидала—неволя онъ порабощался или самимъ лицомъ, захватившимъ его въ плѣнъ, или продавался въ рабство на сторону Извѣстно, что войны и продажа военноплѣнныхъ въ неволю всегда служили однимъ изъ основныхъ источниковъ рабства Не всегда принимались въ данномъ случаѣ въ уваженіе и соображенія національнаго характера по свидѣтельству лѣтописи великая княгиня Ольга, завершивъ дѣло подавленія независимости славянскаго же племени древлянъ, часть сдавшихся ей защитниковъ древлянской вольности велѣла умертвить, другую часть ихъ предала „работѣ (т е въ рабство) мужамъ своимъ“, остальныхъ обложила данью въ пользу Кіева

Начало, лежащее въ основѣ опредѣленій договоровъ руссовъ съ греками относительно военноплѣнныхъ, можетъ быть сведено къ обоюдному выкупу плѣнныхъ Въ силу договора 912-го года лицо, захватившее плѣнника противной стороны—по окончаніи войны обязано возвратить его на родину, взявъ за него выкупъ въ размѣрѣ рыночной цѣны невольника („челядина“) Если въ Русь будутъ приведены, откуда бы то ни было, на продажу греческіе военноплѣнные, или въ Византію—русскіе, въ такомъ случаѣ эти плѣнные должны быть немедленно выкупаемы (конечно правительствами обѣихъ сторонъ) и препровождаемы на родину, причемъ установляется опредѣленная цѣна выкупа—20 золотыхъ Взаимный выкупъ военноплѣнныхъ распространяется даже и

на чужія территоріи какъ руссы, такъ и греки принимаютъ на себя обязательство выкупать плѣнныхъ обѣихъ странъ гдѣ бы они не встрѣтились, хотя бы и за предѣлами собственныхъ территоріальныхъ владѣній и выкупивъ, возвратить плѣннаго на родину, получивъ отъ него вознагражденіе въ размѣрѣ рыночной „челядинной“ цѣны

Договоръ 945 го года вводитъ болѣе точное опредѣленіе суммы выкупа за военнопленныхъ Цѣна выкупа греческихъ плѣнныхъ, продаваемыхъ въ Руси, назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ за юношу и „добрую“ дѣвицу [1])—10 золотниковъ, за „средовича“, т е человѣка среднихъ лѣтъ—8 золотниковъ, за старца или ребенка—5 золотниковъ Примѣнительно къ продаваемымъ въ Греціи русскимъ плѣнникамъ такой расцѣнки не устанавливается руссы выкупаютъ своихъ плѣнныхъ по 10 золотниковъ на кругъ Это различіе въ оцѣнкѣ можетъ быть объяснено, во первыхъ—тѣмъ, что руссы были болѣе склонны смотрѣть на рыночныхъ плѣнныхъ, какъ на простой товаръ, какъ на рабочую силу, откуда и уменьшеніе выкупной платы съ уменьшеніемъ работоспособности выкупаемаго, во вторыхъ—тѣмъ, что греки, находившіеся при заключеніи договора 945-го года въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, желали установить для себя и болѣе выгодныя условія выкупа руссы платятъ за каждаго выкупаемаго плѣннаго своего цѣну, какую греки вносятъ лишь за высшій разрядъ своихъ плѣнныхъ—юношу и „добрую“ дѣвицу (въ послѣднемъ случаѣ мы должны считаться съ распространеннымъ у нашихъ языческихъ предковъ обычаемъ наложничества) Но и за 10 золотниковъ руссы выкупаютъ плѣнныхъ своихъ только при томъ условіи, если выкупъ совершается отъ лица, лично захватившаго выкупаемаго въ плѣнъ, въ противномъ случаѣ, т е если плѣнникъ былъ уже перепроданъ, выкупная сумма приравнивается покупной цѣнѣ, удостовѣряемой присягою самого владѣльца его

Переходя къ постановленіямъ договоровъ съ греками относительно невольниковъ—„челядиновъ“, „челяди“, мы должны отмѣтить основной принципъ,

---

[1]) Мы должны имѣть въ виду, что въ ту пору захватывались въ плѣнъ не только комбатанты, но и представители мирнаго населенія

полагаемый въ ихъ основу это—начало взаимной выдачи бѣглыхъ и краденыхъ рабовъ Невольники составляли одинъ изъ главнѣйшихъ объектовъ вывозной торговли древнихъ руссовъ, а потому должны были являться очень частыми случаи какъ бѣгства рабовъ, такъ и кражи и укрывательства ихъ отъ пріѣзжавшихъ въ Царьградъ русскихъ торговцевъ, вызывавшія недоразумѣнія и формальные сыски

Договоръ 912-го года опредѣляетъ если русскій челядинъ будетъ украденъ, или насильно проданъ, или самъ убѣжитъ отъ своего господина, а затѣмъ окажется въ Греціи и явится со стороны собственника претензія, въ такомъ случаѣ основательность этой послѣдней подтверждается показаніемъ самого невольника и, если справедливость претензіи будетъ доказана—челядинъ возвращается прежнему владѣльцу Русскій гость, утратившій челядина, привезеннаго имъ въ Царьградъ на продажу, пользуется всѣми способами къ его розысканію—до права обыска въ домахъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ его кражѣ или укрывательствѣ, включительно, при этомъ обыватель („мѣстникъ“ договора—буквальный переводъ греческаго термина *ὁ κεκτημένος*, т е хозяинъ дома, мѣста), не допускающій у себя такого обыска—„погубитъ правду свою“, т е признается виновнымъ и, конечно, возмѣщаетъ убытки истца Договоръ 945-го года, предусматривая возможность бѣгства русскаго челядина, привезеннаго въ Константинополь на продажу, опредѣляетъ если русскій челядинъ „ускочитъ“ (убѣжитъ) изъ предмѣстья святого Мамы, то такой бѣглецъ долженъ быть розысканъ и возвращенъ своему господину, въ противномъ случаѣ этотъ послѣдній, давъ клятву въ справедливости своей претензіи, получаетъ отъ византійскаго правительства натуральное вознагражденіе въ видѣ двухъ „паволокъ“ (кусковъ цѣнной ткани), —„яко же уставлено есть преже“ поясняетъ договоръ Предусматривается здѣсь же и обратный случай—бѣгство невольника изъ Греціи въ Русь если невольникъ убѣжитъ изъ Греціи въ Русь и унесетъ съ собою господское имущество, то бѣглецъ долженъ быть немедленно выданъ господину, а если, при этомъ, снесенное имъ окажется въ наличности—перехвативший бѣглеца получаетъ изъ этого имущества вознагражденіе въ размѣрѣ двухъ золотниковъ

Приведенными нами выше постановленіями далеко не исчерпывается внутреннее содержаніе договоровъ русскихъ князей съ греками. Въ нихъ, какъ мы знаемъ, заключается еще цѣлый рядъ опредѣленій, касающихся правъ уголовнаго, процессуальнаго и, отчасти, гражданскаго—но эти опредѣленія будутъ нами разсмотрѣны въ связи съ общимъ историческимъ изслѣдованіемъ этихъ сферъ правового строя нашихъ предковъ въ предѣлахъ интересующаго насъ земско-вѣчевого періода русской исторической жизни.

Ограничимся здѣсь лишь замѣчаніемъ, что устойчивость и консервативная сила обычнаго права древнихъ руссовъ въ полной мѣрѣ сказались въ ихъ международныхъ отношеніяхъ къ Византіи, что на почвѣ этихъ отношеній они сумѣли, какъ мы въ своемъ мѣстѣ убѣдимся въ томъ, отстоять основныя начала своего правовоззрѣнія и дать отпоръ вторженію въ эту область воздѣйствія права римско-византійскаго.

Въ виду только что высказаннаго нами, развѣ только въ весьма относительномъ смыслѣ можетъ быть выдвигаемъ вопросъ о концепціи римско-византійскаго законодательства разсмотрѣнными нами памятниками древнѣйшаго русскаго права,—концепціи, которая во всякомъ случаѣ, не оставила слѣдовъ въ правовой жизни нашихъ предковъ.

Несравненно болѣе глубокій и рѣшительный слѣдъ оставило византійское вліяніе въ памятникахъ древне-русскаго церковнаго права, къ изслѣдованію которыхъ мы въ настоящую минуту и должны будемъ перейти.

Глава III.

Памятники церковнаго законодательства

Въ концѣ X-го вѣка,—по хронологіи начальной лѣтописи въ 988-мъ году,—совершилось на Руси событіе, которому было суждено положить начало коренному перевороту въ строѣ русской жизни, оставивъ по себѣ глубокій слѣдъ въ дальнѣйшемъ историческомъ теченіи послѣдней

Этимъ событіемъ явилось признаніе великимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ христіанства—государственною религіею и послѣдовавшія, слѣдомъ затѣмъ, мѣропріятія по утвержденію по всей русской землѣ новой вѣры

Считая общеизвѣстнымъ лѣтописное, въ значительной своей части легендарное, повѣствованіе о крещеніи в. к. Владиміра и кіевлянъ, мы не будемъ возстановлять подробностей разсказовъ начальной лѣтописи о томъ, какъ представители различныхъ народностей восхваляли передъ русскимъ княземъ свои религіи, какъ совѣщался Владиміръ относительно выбора новой вѣры съ своими боярами и городскими старѣйшинами, какъ отправлялъ онъ своихъ пословъ для изученія, на мѣстахъ, предлагавшіяся ему религіи и какъ, наконецъ, окончательно остановившись на христіанствѣ, онъ „отвоевалъ“ себѣ у Византіи новую вѣру, вмѣстѣ съ рукою греческой царевны Анны

Мы не безъ цѣли охарактеризовали переворотъ, пріурочиваемый лѣтописью къ 988 му году, въ качествѣ признанія Владиміромъ христіанства государственною религіею, оставивъ въ сторонѣ ходячее мнѣніе относительно крещенія имъ въ этомъ году русскаго народа О повальномъ и насильственномъ крещеніи Владиміромъ хотя бы только однихъ кіевлянъ—не можетъ идти рѣчи во первыхъ уже потому, что подобнаго рода актъ насилія надъ совѣстью шелъ бы совершенно въ разрѣзъ современнымъ условіямъ политическаго и общественнаго строя кіевскихъ полянъ, а во вторыхъ, и главнымъ образомъ, въ виду того безспорнаго факта, что въ исходѣ X-го вѣка христіанство вовсе не было для кіевскаго Приднѣпровья чѣмъ либо новымъ, имѣя здѣсь много адептовъ Весьма вѣроятно, что къ этой порѣ христіанство въ кіевской области уже фактически стѣлалось преобладающею религіею и что к Владиміру оставалось лишь перенести фактъ—въ область права, т е поступить именно такъ, какъ, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, поступилъ когда то византійскій императоръ Константинъ Великій

Цѣлый рядъ данныхъ свидѣтельствуетъ намъ о весьма значительной распространенности въ кіевскомъ Приднѣпровьи христіанства въ туэпоху, къ которой пріурочивается лѣтописное сказаніе о крещеніи Руси Не лишена въ этомъ отношеніи перетаваемая начальною лѣтописью легенда о проповѣди въ Приднѣпровьи св апостола Андрея Первозваннаго, въ которой, по всей вѣроятности, лишь отразилось преданіе о весьма раннемъ появленіи здѣсь христіанства По лѣтописнымъ сказаніямъ, христіаниномъ былъ князь племени полянъ—Аскольдъ, начальная лѣтопись разсказываетъ, что, по смерти Аскольда, надъ его могилою поставлена была церковь во имя св Николая Константинопольскій патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ въ своихъ „Бесѣдахъ“ о крещеніи россовъ еще въ началѣ второй половины IX-го вѣка,—за сто лѣтъ слишкомъ до предполагаемаго крещенія Руси в ъ Владиміромъ,—какъ о фактѣ совершившемся „Не только болгарскій народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа,—писалъ патріархъ,—но и народъ, о которомъ многіе многое разсказываютъ и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ, глаголемый Россъ, и сей нынѣ перемѣнилъ языческое и

безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую христіанскую вѣру, они уже приняли отъ насъ епископа, имѣя живое усердіе къ богослуженію христіанскому“ Слова патріарха Фотія даютъ намъ основаніе полагать, что если это обращеніе руссовъ въ христіанство и не было въ 60-хъ годахъ IX-го вѣка, быть можетъ, всеобщимъ, то оно было, во всякомъ случаѣ, массовымъ, давшимъ христіанству, конечно и до того извѣстному въ Приднѣпровьи, возможность пустить здѣсь уже глубокіе корни О совершившемся во второй половинѣ IX-го вѣка крещеніи руссовъ и о посылкѣ въ Русь епископа свидѣтельствуютъ также императоръ Константинъ Багрянородный и другіе византійскіе источники Императоръ Левъ Философъ (886—911 гг), современникъ Олега, въ числѣ церквей (епархій), подчиненныхъ константинопольскому патріархату, называетъ и „церковь Русскую (*Ρωσία*)“—счетомъ 61-ю въ общемъ спискѣ византійскихъ епархій не лишенъ значенія и тотъ фактъ, что славянскій первоапостолъ Константинъ (Кириллъ) Философъ во второй половинѣ IX-го вѣка нашелъ въ Корсуни евангеліе, написанное „русскими письменами“ Въ дружинѣ Игоря, во время похода его на Царьградъ, находились и руссы-христіане, о чемъ съ полною опредѣленностью свидѣтельствуетъ договоръ съ греками 945-го года Въ княженіе Игоря въ Кіевѣ имѣлся храмъ во имя св пророка Иліи, которымъ руссы-христіане и клялись въ удостовѣреніе незыблемости этого договора („мы же, елико насъ крестилися есмы, клянхамься церковью святаго Ильѣ и пр“) Наконецъ, историческій фактъ принятія св крещенія великою княгинею Ольгою (957 г), склонявшею къ тому же своего сына в к Святослава, даетъ намъ полное основаніе утверждать, что уже къ половинѣ X-го вѣка христіанство далеко не было новымъ явленіемъ для обитателей русскаго Приднѣпровья Такимъ образомъ, къ концу X-го вѣка въ Приднѣпровьи уже изстари подготовлена была почва для крещенія великаго князя Владиміра и для объявленія христіанства государственною религіею и этимъ только объясняется, конечно, та легкость съ которою распространилась здѣсь новая религія Не такъ было на русскомъ сѣверѣ и въ областяхъ, соотвѣтствующихъ водораздѣлу рѣкъ Днѣпра, Западной Двины и Волги, гдѣ введеніе христіанства встрѣчало открытое противодѣйствіе со сто-

роны мѣстнаго населенія, гдѣ новую вѣру приходилось водворять съ крестомъ въ одной и съ мечемъ въ другой рукѣ, гдѣ первымъ русскимъ миссіонерамъ приходилось или бѣжать отъ фанатизма языческаго населенія, или кровью запечатлѣвать просвѣтительную дѣятельность свою. Живымъ свидѣтельствомъ той борьбы, которую приходилось выдерживать здѣсь христіанскому ученію, являются и извѣстные лѣтописные разсказы о волхвахъ и кудесникахъ, то и дѣло появлявшихся въ только что указанномъ нами территоріальномъ районѣ.

Вліяніе, оказанное христіанскою религіею на весь строй русской жизни, въ особенности же слѣдомъ за возведеніемъ ея въ значеніе государственной, когда она уже открыто встала подъ охрану и покровительство государства, выразилось вторженіемъ въ эту жизнь новыхъ началъ, или вовсе неизвѣстныхъ языческому жизненному строю или принимавшихся этимъ послѣднимъ съ совершенно иныхъ точекъ міровоззрѣнія. Самая религія христіанская, открывавшая новые принципы правды и морали—должна была повести къ перевороту въ духовномъ міросозерцаніи русскаго народа, должна была раскрыть передъ русскимъ человѣкомъ жизненные начала и идеалы, нерѣдко діаметрально противоположные старымъ, языческимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ и императивы новой нравственности, новой правды—нравственности и правды христіанской. Прививаясь къ русской жизни, новая религія становилась въ конфликтъ съ находившимися съ нею въ разладѣ чертами стараго склада жизни, съ которыми ей и довелось считаться. Но консерватизмъ народной жизни не легко поддается ломкѣ. Христіанству предстояла перспектива продолжительной и упорной борьбы съ переживаніями началъ языческой эпохи жизни—и эта борьба надолго оставляетъ глубокій слѣдъ въ историческомъ прошломъ русскаго народа, порождаетъ дуализмъ христіанскаго и языческаго міровоззрѣній, при которомъ христіанскія начала лишь медленно, шагъ за шагомъ, вытѣсняютъ изъ жизни несогласныя съ ними понятія и черты быта, унаслѣдованныя отъ временъ язычества. Совершенно опредѣленныя проявленія этой борьбы, этого дуализма, мы наблюдаемъ даже въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ, отдѣльные пережитки этой двойственности духовной жизни могутъ быть наблюдаемы, какъ извѣстно, и въ современномъ быту русскаго народа.

Само собою разумѣется, что борьбу съ языческими міровоззрѣніемъ и складомъ жизни нашихъ предковъ должно было принять на себя, въ союзѣ съ государственностью, наше духовенство—духовенство, всецѣло проникнутое идеалами византизма, византійскими традиціями, византійскими воззрѣніями на всѣ стороны народной жизни—и политической, и общественной, и нравственно-правовой Это становится тѣмъ болѣе естественнымъ, что духовенство древнѣйшей русской церкви было—греческимъ, правда, уже довольно рано стало появляться у насъ духовенство мѣстное, туземное, но представители и этого туземнаго духовенства, по традиціи уходившіе своими идеалами къ источнику русскаго православія—Византіи, являлись всецѣло подчиненными началамъ византійскаго міровоззрѣнія Византійскія традиціи, византійскій складъ церковной и даже свѣтской жизни, византійская книжность, византійское право—становятся источникомъ идеаловъ, которые мечтало духовенство привить ко всѣмъ сторонамъ государственной, общественной и бытовой жизни русскаго народа

Каковы же были эти византійскіе идеалы, принесенные къ намъ греческимъ духовенствомъ, а затѣмъ лелѣянные и воспитаннымъ въ его традиціяхъ духовенствомъ русскимъ? Постараемся отвѣтить на этотъ, весьма существенный для насъ, вопросъ Эта задача будетъ проще всего достигнута краткимъ обзоромъ тѣхъ сторонъ византійскаго политическаго и правового строя, которыя стояли въ особенно рѣзкомъ противорѣчіи аналогичнымъ сферамъ жизни русской

Въ сферѣ государственнаго строя византійская имперія даетъ намъ картину строгаго и суроваго кесаризма, созданнаго абсолютною властью римскихъ цезарей Власть греческихъ императоровъ была совершенно неограниченною, безотвѣтственною, неподлежащею дѣйствію какихъ бы то ни было земныхъ законовъ, этотъ характеръ власти ихъ было возведенъ въ принципъ классическими римско-византійскими юристами, провозгласившими извѣстный афоризмъ „Princeps legibus solutus est“ („государь свободенъ отъ дѣйствія законовъ“) Самый вопросъ о происхожденіи кесарской власти былъ обоснованъ на почвѣ теологической, опираясь на извѣстное ученіе апостола Павла о божественномъ происхожденіи

царской власти („нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть, тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противляется“) и находя себѣ внѣшнее выраженіе въ соединенномъ съ миропомазаніемъ обрядѣ торжественнаго вѣнчанія на царство Помимо присвоивавшихся держателю верховной власти символическихъ атрибутовъ ея (царскія регаліи—вѣнецъ, скипетръ, держава, мечъ) достоинство кесарей было обставлено необыкновенною пышностью, блескомъ, недоступностью, этикетомъ и сложною іерархическою лѣствицею придворныхъ чиновниковъ Самое управленіе византійскою имперіею являлось типичнымъ бюрократизмомъ верхомъ развитія чиновничества, распредѣлявшагося по обширной системѣ центральныхъ главныхъ управленій или же посылавшагося императоромъ для такого же бюрократическаго управленія провинціями

Въ сферѣ права видимъ мы въ Византіи сложную и обширную системы законодательства, — законодательства въ высокой степени развитаго, гибкаго, способнаго къ утонченному процесса синтеза и анализа, къ формулированію самыхъ отвлеченныхъ правовыхъ началъ и унаслѣдованное отъ эпохи лучшаго расцвѣта классическаго римскаго права

Въ сферѣ религіозной жизни находимъ мы въ византійской имперіи высоко и твердо поставленную церковь, образованное и многочисленное духовенство, сильное своимъ авторитетомъ и вліяніемъ на общество и государство Византійская церковь, представлявшая собою въ политическомъ строѣ имперіи почти „status in statu“, имѣла свое собственное законодательство и свою самостоятельную сферу юрисдикціи, которая простиралась на дѣла не только духовныя, но захватывала собою обширный кругъ правоотношеній мірскихъ, конкуррируя на этой почвѣ съ юрисдикціею свѣтскихъ судовъ Не говоря уже о томъ, что среди мірянъ была широко распространена практика обращенія въ своихъ тяжбахъ къ авторитету представителей церковной іерархіи въ качествѣ арбитровъ, третейскихъ судей, церковному суду были подсудны, отчасти самостоятельно, а отчасти наряду съ свѣтскими судами, дѣла брачныя и всѣ отношенія и правонарушенія, вытекавшія изъ брачнаго союза, преступленія противъ неприкосновенности и чистоты вѣры, цѣлый рядъ преступленій противъ цѣломудрія женщинъ и чистоты нравовъ, участіе

въ вопросахъ опеки и попечительства и въ дѣлахъ объ отпускѣ рабовъ на волю Греческіе епископы выступали, вмѣстѣ съ тѣмъ, ближайшими покровителями и защитниками всѣхъ беззащитныхъ, слабыхъ и угнетенныхъ Въ силу послѣдняго, епископы имѣли наблюденіе, что бы провинціальныя власти не угнетали населеніе, не обременяли его излишними поборами, не отказывали въ правосудіи и о всякаго рода злоупотребленіяхъ подобнаго рода обязаны были доносить императору, наблюдали за тѣмъ, что бы никто противозаконно не лишался свободы, не порабощался лицами сильными, имѣли надзоръ за тюрьмами и за содержаніемъ въ нихъ узниковъ, давали право убѣжища въ церквахъ лицамъ, подвергающимся насилію Епископы вѣдали въ предѣлахъ своихъ епархій дѣла благотворенія и общественнаго призрѣнія, а также школьное дѣло подъ ихъ ближайшимъ надзоромъ состояли больницы, богадѣльни, пріюты, странноприимные дома, школы Наблюденію епископовъ ввѣрялась правильность мѣръ и вѣсовъ и правомѣрность торговыхъ отношеній и т п Если мы добавимъ ко всему этому авторитетное вліяніе высшихъ іерарховъ греческой церкви на общія дѣла государственнаго правленія—то придемъ къ убѣжденію, что церковь представляла собою въ Византіи могущественную силу, властно соприкасавшуюся со всѣми частями сложнаго государственнаго и общественнаго механизма

Принявъ, наконецъ, въ соображеніе высокую степень культуры и образованности Византіи, переданную ей древнимъ эллино-римскимъ классическимъ міромъ—мы поймемъ тѣ идеалы, во всеоружіи которыхъ выступили на Руси греческіе піонеры молодой русской церкви, тѣ традиціи, въ которыхъ приступили они къ воспитанію туземнаго духовенства, то направленіе, въ какомъ раздалось среди нашихъ предковъ первое слово проповѣди ихъ

Духовенство, уже съ самаго основанія русской церкви, столкнулось на Руси съ такимъ складомъ міровоззрѣнія и съ такими формами и условіями политической, общественной и правовой жизни, которыя шли въ разрѣзъ съ традиціями византизма и должны были неминуемо вовлечь его въ долгую и непримиримую борьбу съ русскою дѣйствительностью И, дѣйствительно, представители юной русской церкви принялись упорно и систематически проводить въ жизнь свои идеалы,

всецѣло построенные на традиціяхъ византизма—а эта задача была тѣмъ болѣе облегчена для нихъ, что постъ признанія на Руси христіанской религіи государственною, духовенство, по примѣру Византіи, сразу занимаетъ у насъ выдающееся политическое положеніе Высшіе церковные іерархи становятся ближайшими совѣтниками князей и участниками княжеской думы, принимаютъ на себя посредничество въ усобицахъ князей между собою, нерѣдко обращаясь къ нимъ съ суровымъ словомъ укоризны, духовенство считаетъ своимъ духовнымъ долгомъ „печалованіе“ (предстательство) за всѣхъ слабыхъ, беззащитныхъ и угнетенныхъ и въ этомъ отношеніи, какъ и въ Византіи, дѣлается посредникомъ между князьями и его органами—съ одной стороны, населеніемъ—съ другой стороны Проникнутые духомъ благочестія, переносимымъ ими и на представителей церкви, князья не только не тяготились такимъ отношеніемъ къ нимъ церковныхъ іерарховъ, но, напротивъ охотно поддерживали эти отношенія, искали у нихъ совѣтовъ, вводили ихъ въ курсъ своей политики, принимали отъ нихъ благословеніе на всѣ сколько нибудь серьезныя начинанія, надѣляли духовенство обширными правами, льготами и привиллегіями

Пользуясь отвоеваннымъ выдающимся государственнымъ положеніемъ и авторитетомъ, русское духовенство уже очень рано стало задаваться цѣлью проведенія въ жизнь своихъ идеаловъ, стремленіемъ реформировать по византійскимъ традиціямъ, по греческому шаблону, и государственную, и общественную, и правовую жизнь нашихъ предковъ На этой то почвѣ и создается вопросъ о воздѣйствіи византизма на историческое развитіе древне-русской жизни, вообще и на историко-юридическое развитіе ея, въ частности Церковно-византійское вліяніе отразилось на весьма многихъ сторонахъ жизни русскаго народа, но мы коснемся лишь вопроса о воздѣйствіи его въ области отношеній государственнаго и правового характера

Въ сферѣ государственныхъ отношеній недружелюбно отнеслось духовенство къ самымъ основамъ политическаго строя нашихъ древнихъ предковъ, съ характеромъ и пространствомъ княжеской власти въ его главѣ. Въ области государственности оно встрѣтило здѣсь едва зарождающуюся народность, представляющую собою конгломератъ отдѣль-

ныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ, разсѣянныхъ по громаднымъ пространствамъ территоріи, отмѣченныхъ партикуляризмомъ нравовъ, обычаевъ, рѣзко различающихся степенью культуры и развитія, изъ которыхъ нѣкоторыя продолжали въ значительной степени сохранять не только самостоятельныя черты своего внутренняго политическаго устройства, но даже и собственныхъ племенныхъ князей, связанныхъ съ Кіевомъ лишь уплатою дани и обязанностью помогать ему, въ случаѣ надобности, своимъ земскимъ ополченіемъ Самая княжеская власть зиждилась на свободныхъ началахъ, не представлявшихъ ничего подобнаго византійскому кесаризму, не было представленія ни о единодержавіи, ни о самодержавіи, ни, тѣмъ менѣе, о божественномъ происхожденіи власти русскихъ князей Наряду съ княжескою властью возвышался авторитетъ земщины, олицетворявшійся въ могущественномъ органѣ выраженія мысли и воли земли—вѣчѣ, съ которымъ князья совѣщались о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ государственнаго и земскаго наряда и строенія, безъ единенія съ которымъ они должны были сознавать себя фактически безсильными Взамѣнъ строго бюрократической византійской системы чиновничества, на Руси духовенство встрѣтило служилый дружинный элементъ, безъ малѣйшаго представленія о государственномъ началѣ службы въ его организаціи, элементъ, связанный съ княземъ свободно договорными отношеніями, которыя, безъ всякихъ ограниченій и въ каждый данный моментъ могли быть порваны Самое управленіе представлялось въ высшей степени простымъ и несложнымъ, тѣмъ болѣе, что многія функціи его, а затѣмъ почти всѣ задачи внутренней попечительной дѣятельной,—все то, что принято обнимать понятіемъ „полиціи безопасности и благосостоянія“,—составляли предметъ самостоятельнаго вѣданія самихъ земщинъ, въ лицѣ земско-общественныхъ организацій ихъ

Свободныя земско-вѣчевыя начала, лежавшія въ основѣ политическаго строя, договорныя отношенія княжеской власти къ вѣчу—съ одной стороны, къ дружинѣ—съ другой стороны, своеобразная несложность функцій княжескаго управленія—все это было настолько далеко отъ идеаловъ и традицій византійскаго государственнаго режима, что представлялось непонятнымъ для греческаго міровоззрѣнія, рисуясь въ глазахъ представителей этого послѣдняго состояніемъ анархіи, хаоса,

безгосударственности Пришедшее къ намъ изъ Византіи греческое духовенство, а слѣдомъ за нимъ и воспитанное въ его традиціяхъ русское духовенство, уже очень рано начало стараться проводить въ сознаніе самихъ князей, а затѣмъ и общества, идею самодержавія и божественнаго происхожденія верховной государственной власти,—идею, которая не могла зародиться при земско-вѣчевой организаціи политическаго строя нашихъ древнихъ предковъ и усвоенію которой не способствовало самое міровоззрѣніе ихъ, что подтверждается, какъ мы видѣли, и свидѣтельствами иноземныхъ бытописателей (см выше стр 130) Такъ епископы, убѣждая в к Владиміра ввести на Руси смертную казнь, внушали ему мысль, что онъ „поставленъ отъ Бога на казнь злымъ“, такимъ же образомъ позже монахъ-лѣтописецъ, повѣствуя о судьбѣ в к Андрея Боголюбскаго, прихотяхъ къ сентенціи, что „князь не туне носитъ мечь (какъ символъ власти)—Боій бо слуга есть“ Идея самодержавія, единодержавія и божественной санкціи княжеской власти проповѣдовалась духовенствомъ съ церковныхъ каѳедръ, возвѣщалась въ посланіяхъ и поученіяхъ русскихъ іерарховъ, пропогандировалась въ произведеніяхъ книжности Направленная въ этомъ духѣ проповѣдь духовенства не могла увѣнчаться сколько нибудь существеннымъ успѣхомъ въ первомъ періодѣ русской исторической жизни, становясь въ слишкомъ явныя разрѣзъ основнымъ ея формамъ, началамъ и условіямъ Она начинаетъ проникать въ дѣйствительную жизнь прививается къ ней и получаетъ, въ концѣ концовъ, торжество уже во второмъ періодѣ, при взаимодѣйствіи историческихъ факторовъ и условій, съ которыми мы въ свое время подробно познакомимся.

Болѣе успѣшнымъ оказалось византійско церковное вліяніе въ сферѣ правовой жизни древней Руси, выдвинувъ на этой почвѣ вопросъ о концепціи древнерусскимъ правомъ нормъ римско-византійскаго законодательства Христіанство должно было, уже само по себѣ, внести много новаго въ правовой строй нашихъ предковъ весьма многія начала языческаго права совершенно не отвѣчали требованіямъ христіанской морали, идеямъ новой истины и правды, возвѣщеннымъ ученіемъ Христа Это ученіе проповѣдовало завѣтъ любви, милости и

всепрощенія—а русское языческое право, отвергая смертную казнь, какъ таковую, выдвигаетъ, тѣмъ не менѣе, впередъ начало возмездія, требуетъ кровавой мести, крови за кровь Христіанство заповѣдовало хранить жизнь ближняго, любить его какъ самого себя—а однимъ изъ распространенныхъ судебныхъ доказательствъ являлся въ древне-русскомъ процессѣ судебный поединокъ („поле"), часто кончавшійся смертью одного изъ тяжущихся, а также „муки", судебныя испытанія, сопряженныя съ страданіями подвергнутой имъ стороны Христіанство возвѣщало принципъ чистоты и неразрывности брачнаго союза, а языческое правовоззрѣніе признавало многоженство, игнорированіе родственныхъ узъ при бракѣ, конкубинатъ, свободный „отпускъ" женъ. Не могъ, въ особенности же по сравненію его съ вѣками выработанною стройною системою римско-византійскаго законодательства, удовлетворять наше духовенство и общій духъ древняго русскаго обычнаго права, представлявшагося ему дикимъ, грубымъ, варварскимъ [1])

Въ виду только что приведенныхъ нами соображеній, лишь вполнѣ логическимъ историческимъ выводомъ выступаетъ передъ нами тотъ фактъ, что древнее русское духовенство уже очень рано приняло на себя задачу проводить въ русскую жизнь начала византійскаго законодательства, стараясь ассимилировать имъ нормы стараго языческаго права русскихъ славянъ Духовенство наше и не могло не принять на себя этой задачи уже въ виду того положенія, какое создалось на Руси послѣ признанія въ немъ новой государ-

[1]) Справедливость заставляетъ насъ отмѣтить, что все только что сказанное должно быть понято лишь относительно, такъ какъ и само византійское право, развивающее суровую систему уголовныхъ каръ, во многомъ расходилось съ духомъ христіанской религіи и съ этой точки зрѣнія проводимыя въ немъ идеи христіанскія—становятся въ рѣзкій конфликтъ съ устрашительною системою, проникающею собою все византійское уголовное право Эта двойственность представляетъ собою характерную черту римско-византійскаго права, нашедшую себѣ отраженіе въ греческомъ Номоканонѣ (Кормчей книгѣ) и, черезъ посредство этого послѣдняго, отразившуюся въ русскомъ уголовномъ правѣ XV—XVII вѣковъ (особенно въ Уложеніи 1649 г) Въ виду этого рѣчь должна идти лишь объ общемъ духѣ христіанской идеи, подъ эгидою которой совершалась рецепція византійскаго права правомъ русскимъ

ственной религіи Христіанство породило обширную систему правовыхъ отношеній, которыя или вовсе не были извѣстны языческой эпохѣ русской жизни, или обсуждались въ эту эпоху съ точекъ зрѣнія, уже немыслимыхъ при господствѣ новаго, христіанскаго, жизненнаго режима Сюда должны быть причислены широкій кругъ отношеній правъ брачнаго и семейственнаго, со всѣми видами правонарушеній противъ нихъ и соприкасающимися съ ними отношеніями права наслѣдственнаго, новый циклъ преступленій противъ вѣры, противъ чистоты нравственности и цѣломудрія женщины нѣкоторыя квалифицированныя, съ христіанской точки зрѣнія правонарушенія общаго характера и т п Всѣ эти правоотношенія и правонарушенія должны были регулироваться тѣми или другими творцомъ поставленными нормами—русское же обычное право или вовсе не знало такихъ нормъ, или имѣло нормы, не удовлетворявшія на ряду съ новыми требованіями христіанской морали

Только что отмѣченное нами затрудненіе было разрѣшено весьма просто,—по крайней мѣрѣ на первый взглядъ — образомъ Дѣло въ томъ, что многія изъ указанныхъ сейчасъ отношеній правового характера были предоставлены въ Византіи вѣдѣнію церкви—и въ этомъ то обстоятельствѣ найденъ былъ выходъ изъ затрудненія наше духовенство приняло на себя попеченія какъ о регулированіи всѣхъ новыхъ правоотношеній, вытекавшихъ теперь наружу, такъ и о согласованіи съ духомъ христіанской религіи тѣхъ правоотношеній, которыя оставались наслѣдіемъ стараго языческаго строя жизни Этимъ то путемъ, по образцу Византіи, *создается у насъ обширная сфера юрисдикціи церкви и*, какъ прямой выводъ отсюда, воздѣйствіе церковно-византійскаго права на юридическій бытъ древней Руси Но обычное право русскаго народа не легко и не безъ борьбы поддавалось воздѣйствію на него византизма Въ этой многовѣковой борьбѣ византизму не разъ удавалось, тѣмъ не менѣе, проводить въ русскую жизнь свои правовыя начала эти начала, въ большинствѣ случаевъ конечно видоизмѣненныя сравнительно съ своимъ первообразомъ, такъ или иначе проводились въ правовую жизнь и, наконецъ, получали санкцію въ памятникахъ свѣтскаго законодательства, мы впослѣдствіе увидимъ, что даже Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, законодательный

памятникъ половина XVII-го вѣка, широкою рукою черпалъ свое содержаніе изъ церковно-византійскаго законодательства

Принявъ на себя миссію регулированія широкаго круга правоотношеній или вновь вызванныхъ къ жизни подъ воздѣйствіемъ новой религіи, или подлежавшихъ отнынѣ трактованію ихъ съ новой этико-правовой точки зрѣнія, создавъ себѣ и самостоятельную сферу юрисдикціи по правоотношеніямъ этого рода, наше древнее духовенство воспользовалось готовымъ сборникомъ церковно-гражданскихъ законовъ, создавшимся для той же цѣли въ Византіи и извѣстнымъ подъ наименованіемъ греческаго Номоканона Въ виду выдающагося значенія, выпавшаго на долю этого сборника,—получившаго на Руси характерное названіе Кормчей книги,—въ историко-юридическомъ прошломъ русскаго народа, мы считаемъ необходимымъ посвятить здѣсь нѣсколько страницъ вопросамъ о греческомъ Номоканонѣ и о Кормчей книгѣ, болѣе подробное обслѣдованіе которыхъ относится уже къ исторіи права церковнаго

I.

Номоканонъ—Кормчая Книга.

Уже въ VI-мъ вѣкѣ по Р Хр, въ эпоху изданія императоромъ Юстиніаномъ его знаменитаго законодательнаго свода „Corpus juris civilis“, византійская церковь пользовалась автономіею на столько значительною, что, въ сущности говоря, въ Византіи параллельно стояли двѣ законодательныя власти законодательная власть императоровъ—съ одной стороны, законодательная власть церкви—съ другой стороны

Законодательная власть императоровъ прежде всего преслѣдовала, конечно, задачи свѣтскаго законодательства, законодательная власть церкви—цѣли церковнаго законодательства Тѣмъ не менѣе, между сферами вліянія обѣихъ законодательныхъ властей не лежало сколько нибудь твердо установленной границы, какъ не лежало такой границы и между самыми предметами свѣтскаго и церковнаго вѣдомства и управленія Благодаря этому случалось нерѣдко, что одинъ и тотъ же законодательный вопросъ получалъ двоякое разрѣшеніе—и со стороны свѣтскаго законодательства, и со сто-

роны законодательства церковнаго. Такое положение вещей уже довольно рано вызвало практическую потребность въ сборникахъ законодательныхъ нормъ, которые заключали бы въ себѣ параллельно изложенныя какъ постановленія императорскія (νόμοι'ы), такъ и постановленія церковныя (κανόνы), относящіяся къ аналогичнымъ правовымъ отношеніямъ и вопросамъ.

Эта потребность была удовлетворена еще въ VI-мъ вѣкѣ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ составившимъ сборникъ церковно-гражданскихъ постановленій въ 50-ти титулахъ (раздѣлахъ), получившій названіе „Номоканона", причемъ самое сочиненіе въ этомъ наименованіи двухъ греческихъ словъ νόμος—законъ гражданскій и κανον—законъ церковный, ясно свидѣтельствуетъ о двойственности содержанія этого памятника. Кромѣ номоканона І. Схоластика, вскорѣ послѣ него (въ концѣ VI-го или въ началѣ VII-го вѣка) появился и второй памятникъ того же типа это—номоканонъ въ 14 ти титулахъ неизвѣстнаго составителя, получившій это названіе отъ дѣленія его на четырнадцать раздѣловъ. Этотъ послѣдній сборникъ послужилъ основаніемъ для номоканона въ 14-ти титулахъ 883-го года, приписываемаго извѣстному патріарху Фотію и представляющаго собою восполнительную, основанную на позднѣйшихъ постановленіяхъ, переработку только что указаннаго номоканона неизвѣстнаго составителя, съ сохраненіемъ распредѣленія всего содержанія по четырнадцати раздѣламъ (титуламъ). Впослѣдствіе появлялись и другія редакціи номоканона, которыхъ, какъ не представляющихъ для насъ интереса, мы касаться не станемъ. Номоканонъ 883-го года или номоканонъ въ 14-ти титулахъ патріарха Фотія (такъ будемъ мы называть его) пользовался въ Византіи большою распространенностью и популярностью, подвергаясь неоднократной научной обработкѣ, въ видѣ его комментированія, изъ комментаторовъ этого памятника особенно извѣстны юристы Зонарь, Вальсамонъ и, въ особенности, Аристинъ, причемъ послѣдній комментировалъ не полный текстъ номоканона Фотія, но его синопсисъ (сокращенное изложеніе), составленный неизвѣстнымъ лицомъ въ интересахъ практическаго пользованія.

Извѣстно, что распространеніе въ древней Руси христіан-

ства повлекло за собою появленіе у нашихъ предковъ церковной письменности въ славянскихъ переводахъ, сдѣланныхъ для болгаръ славянскими первоучителями св св Кирилломъ и Меѳодіемъ Въ наукѣ исторіи русской церкви и русскаго церковнаго права долго оставался, тѣмъ не менѣе, спорнымъ вопросъ о времени появленія на Руси славянскаго перевода номоканона, греческій текстъ котораго могъ быть извѣстенъ здѣсь очень рано,—еще задолго до эпохи в. к Владиміра Святославича, въ пору начальнаго зарожденья въ приднѣпровской Руси христіанства Одни писатели, съ митрополитомъ Евгеніемъ во главѣ, утверждали, что славянскій переводъ номоканона появился у насъ одновременно съ христіанствомъ, во всякомъ случаѣ не позже конца X-го вѣка, этого же взгляда держался и К А Неволинъ Другіе изслѣдователи (баронъ Розенкампфъ, Н В Калачевъ и преосв Макарій) настаивали на томъ, что греческій номоканонъ сдѣлался извѣстенъ на Руси въ славянскомъ переводѣ не ранѣе конца третьей четверти XIII-го столѣтія, когда списокъ такого перевода былъ присланъ къ намъ изъ Болгаріи вслѣдствіе просьбы о томъ митрополита Кирилла III-го Это послѣднее мнѣніе строилось на словахъ митрополита Кирилла, высказанныхъ имъ на владимірскомъ помѣстномъ соборѣ 1274-го года—вскорѣ послѣ полученія изъ Болгаріи, отъ деспота Іакова Святислава, славянскаго перевода номоканона На этомъ соборѣ митрополитъ высказалъ мысль что до сего времени въ церкви происходили нестроенія одною изъ причинъ которыхъ являлось то обстоятельство, что церковныя правила „помрачени бѣху прежь сего облакомъ мудрости елиньскаго языка, нынѣ же,—говорилъ митромолитъ, ссылаясь на полученный имъ славянскій переводъ номоканона,—облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью ясно сіяютъ, невѣдѣнія тьму отгоняюще“ Этотъ текстъ и толковали въ томъ смыслѣ, что до митрополита Кирилла номоканонъ въ славянскомъ переводѣ не былъ у насъ извѣстенъ, обращаясь лишь въ греческомъ подлинникѣ

Въ такомъ запутанномъ видѣ представлялся вопросъ о времени появленія на Руси славянскаго перевода номоканона до 1869-го года, когда въ Казани появился въ свѣтъ выдающійся трудъ мѣстнаго профессора церковнаго права А С.

Павлова[1]) „Первоначальный славяно-русскій номоканонъ", которымъ этотъ вопросъ безповорогно разрѣшенъ въ смыслѣ воззрѣнія митроп. Евгенія и Неволина Павловъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ доводовъ доказалъ, что русская церковь еще задолго до владимірскаго собора, т. е. до конца третьей четверти XIII-го вѣка, была уже знакома съ славянскими переводами греческаго номоканона, причемъ въ славянскомъ переводѣ обращались у насъ тѣ два вида его, которые обращались въ самой Византіи до патріарха Фотія, т. е. Номоканонъ Іоанна Схоластика и Номоканонъ въ XIV-ти титулахъ до-фотіевской обработки. Что же касается митрополита Кирилла, то онъ вовсе не впервые добылъ славянскій переводъ номоканона, но получилъ изъ Болгаріи впервые, въ славянскомъ переводѣ Номоканонъ патріарха Фотія (883 г.), въ обработкѣ его комментаріями Аристина. Но что же означаютъ, въ такомъ случаѣ, загадочныя слова, произнесенныя Кирилломъ на соборѣ 1274-го года? Павловъ выяснилъ, что слова эти лично и не принадлежали митрополиту: онъ цѣликомъ взялъ ихъ изъ постѣновленія полученнаго имъ номоканона, гдѣ они относятся къ предшествовавшему состоянію сербской церкви, для нуждъ которой переводъ былъ сдѣланъ, приведя же эти слова на соборѣ въ качествѣ довода преимущества вновь полученнаго имъ номоканона надъ номоканонами, обращавшимися у насъ до того. Такимъ образомъ, общее рѣшеніе вопроса о времени появленія на Руси славянскаго перевода номоканона сводится къ тому, что уже съ самаго возникновенія русской церкви въ распоряженіи ея имѣлись славянскіе переводы двухъ старѣйшихъ греческихъ типовъ этого памятника, а съ эпохи владимірскаго собора 1274-го года появляется славянскій переводъ и третьяго типа ихъ—Номоканона патріарха Фотія, съ комментаріями Аристина.

Появившись на Руси съ началомъ за возникновеніемъ русской церкви, греческій номоканонъ или „законоправило", — какъ именовали его славянскіе переводчики — получаетъ здѣсь значеніе сборника нормъ, на основаніи ко-

[1]) Впослѣдствіе профессоръ новороссійскаго и московскаго университетовъ.

торыхъ начинаютъ опредѣляться какъ церковныя отношенія, такъ и тѣ отношенія свѣтскаго права, которыя или вошли въ сферу церковнаго вѣданія и суда, или должны были обсуждаться отнынѣ въ новомъ направленіи Этотъ іо номоканонъ и становится почвою, на которой совершается основной и многовѣковой процессъ рецепціи русскимъ правомъ права римско-византійскаго,—рецепціи, въ крупной степени коснувшейся даже Уложенія царя Алексѣя Михаиловича

Перенесенный въ наше отечество, греческій номоканонъ, кромѣ наименованія „Законоправила", присвоеннаго ему переводчиками, принялъ здѣсь специфическое и весьма мѣткое названіе **Кормчей книги**, т е книги, сборника руководительныхъ началъ которому выпадало на долю служить какъ бы кормчимъ въ дѣлѣ руководительства жизнью молодой русской церкви и еще не вполнѣ утвердившагося въ христіанскихъ началахъ русскаго народа Перенесенный въ наше отечество, греческій номоканонъ не во всѣхъ случаяхъ сохранилъ, однако же, свою первоначальную редакцію Дѣло въ томъ, что къ спискамъ обращавшихся у нашихъ предковъ номоканоновъ очень часто добавлялись отдѣльныя статьи и даже цѣлые памятники, не входившіе въ составъ греческихъ редакцій интересующаго насъ памятника Они изъ этихъ добавленій заимствовались компиляторами изъ постановленій дѣйствительно принадлежавшихъ или только приписывавшихся византійскимъ императорамъ, другія добавленія являлись уже чисто русскаго происхожденія, изъ этихъ послѣднихъ особенно охотно включались въ русскіе изводы кормчихъ книгъ Русская Правда, уставъ в к Ярослава Владиміровича „о мостѣхъ", церковные уставы, приписывавшіеся первымъ русскимъ князьямъ, постановленія русскихъ помѣстныхъ соборовъ, каноническіе отвѣты митрополита Іоанна II, такъ называемые „вопросы Кирика и отвѣты Нифонта" и т п Такимъ образомъ, составъ значительной части русскихъ кормчихъ носитъ характеръ компилятивный, что въ болѣе или менѣе значительной степени и отклоняетъ ихъ отъ прототипа—первоначальнаго греческаго номоканона

Если мы обратимся къ вопросу о томъ, въ какихъ именно спискахъ кормчихъ встрѣчаются статьи русскаго добавленія, то должны будемъ прійти къ заключенію, что такія добавленія встрѣчаются не во всѣхъ, хотя и въ большей части

обращавшихся въ древней Руси и дошедшихъ до нашихъ дней спискахъ кормчихъ книгъ. Эти статьи русскаго добавленія образуютъ характерную черту тѣхъ именно списковъ старинныхъ кормчихъ, которые принадлежатъ къ такъ называемой софійской фамиліи или редакціи ихъ. Дѣло въ томъ, что всѣ сохранившіеся до насъ списки этого памятника сводятся къ двумъ основнымъ редакціямъ или фамиліямъ— софійской и рязанской. Списки первой фамиліи получили названіе отъ своего прототипа – Софійской кормчей, которая въ 1282-мъ году, по повелѣнію епископа Климента, положена была на храненіе въ новгородскій соборъ св. Софіи. Эта кормчая, какъ выяснено проф. Павловымъ, представляетъ собою соединеніе кормчей, полученной митрополитомъ Кирилломъ изъ Болгаріи съ кормчей въ 14-ти главахъ іоанновской обработки. Списки второй фамиліи ведутъ свое начало отъ Рязанской кормчей, положенной въ 1284-мъ году на храненіе въ рязанскій каѳедральный соборъ, эта кормчая есть буквальный списокъ съ кормчей, полученной митрополитомъ Кирилломъ изъ Болгаріи. Но не къ этому происхожденію ихъ сводится для насъ интересъ обѣихъ фамилій кормчихъ. Различіе этихъ редакцій представляетъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что только въ спискахъ софійской фамиліи встрѣчаемъ мы статьи русскаго добавленія, тогда какъ списки рязанской фамиліи представляютъ собою дословные переводъ греческихъ подлинниковъ. Невольно бросается въ глаза и тотъ фактъ, что, судя по дошедшимъ до насъ спискамъ, кормчія софійской фамиліи имѣли въ древней Руси несравненно большее распространеніе сравнительно съ кормчими фамиліи рязанской. Получается, такимъ образомъ, выводъ, что преимущественною распространенностью пользовались въ древней Руси тѣ именно списки кормчихъ, которые заключали въ себѣ статьи русскаго происхожденія или добавленія, а это въ свою очередь, наталкиваетъ насъ на мысль о томъ, что списки софійской фамиліи должны были представлять для нашихъ предковъ серіезное практическое значеніе.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ и для какой цѣли заносились въ кормчія книги эти статьи русскаго добавленія и даже такой обширный памятникъ свѣтскаго права, какимъ представляется Русская Правда? Этотъ вопросъ еще

въ концѣ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія былъ затронутъ Н В Калачовымъ („О значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго русскаго права“) и разрѣшенъ имъ въ томъ смыслѣ, что добавленія русскаго происхожденія заносились въ кормчія книги духовенствомъ, и заносились имъ сюда для цѣлей практическаго пользованія, Русская же Правда, въ частности—въ видахъ необходимости для духовенства знакомства съ нормами свѣтскаго права А это знакомство съ нормами свѣтскаго права представлялось для древняго духовенства нашего потребностью весьма существенною Владѣя значительными пространствами земель, духовенство пользовалось по отношенію къ нимъ правомъ вотчиннаго суда, руководствуясь въ сферѣ этого послѣдняго общими нормами права, которыя, такимъ образомъ, и должны были быть ему извѣстными Знакомы должны были быть духовенству нормы свѣтскаго права и для участія его въ такомъ называвшемся „смѣсномъ“, т е смѣшанномъ, судѣ, когда смѣшивались подсудность свѣтскому и церковному суду и самый судъ назначался, въ виду этого, изъ представителей свѣтской и духовной властей Знаніе нормъ свѣтскаго права необходимо было ему и для отправленія третейскаго суда по отношенію къ тяжущимся хотя и не подсуднымъ церковному суду, но которые, изъ уваженія къ ихъ авторитету, добровольно передавали свои споры, что въ широкихъ предѣлахъ практиковалось и въ Византіи, на разрѣшеніе представителей духовной власти Нужно было духовенству это знакомство съ свѣтскимъ правомъ и для возможности правильнаго ограниченія предоставленной ему юрисдикціи отъ компетенціи судовъ гражданскихъ, а мы знаемъ, что церковнымъ судамъ, кромѣ дѣлъ чисто духовныхъ, былъ подчиненъ и значительный кругъ отношеній и правонарушеній и общаго, съ современной намъ точки зрѣнія, характера Возможность ориентироваться въ дѣйствующихъ нормахъ свѣтскаго права необходимою являлась для представителей русской церковной іерархіи и въ виду того значенія, какимъ пользовались они въ государственной жизни древней Руси, будучи привлекаемы къ участію въ княжеской думѣ, выступая ближайшими совѣтниками князей, часто даже являясь посредниками какъ между самими князьями, такъ и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ князей къ земщинѣ

Становится, такимъ образомъ, яснымъ, что древнему духовенству нашему требовалось весьма основательное знакомство съ дѣйствующимъ правомъ, безъ чего затруднительною явилась бы и воспитательная по отношенію къ современной жизни миссія, предпринятая имъ уже съ самаго возникновенія русской церкви И вотъ, удовлетворяя этой потребности, духовенство, наряду съ каноническими опредѣленіями и узаконеніями византійскихъ императоровъ, вводитъ какъ въ кормчія книги, такъ и въ нѣкоторые другіе сборники духовно-религіознаго характера статьи русскаго происхожденія, въ частности же — постановленія дѣйствующаго русскаго права Мы многимъ обязаны въ этомъ отношеніи нашему духовенству именно этимъ путемъ сохранились для современной науки нѣкоторые важнѣйшіе памятники древне-русскаго свѣтскаго и церковнаго права Съ другой стороны, эта дѣятельность духовенства высоко поставила значеніе Кормчей книги въ юридическомъ обиходѣ нашихъ предковъ при отсутствіи книгопечатанія, при раздробленности русской земли на удѣлы въ особенности же при отсутствіи оффиціальной кодификаціи права—эти дополненныя кормчія (софійской, какъ мы это уже знаемъ, редакціи) являлись практическими сборниками права, настольными книгами, въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ удовлетворявшими требованіямъ современной практики Здѣсь заключались руководительныя правила для жизни русской церкви, здѣсь имѣлись опредѣленія римско-византійскаго права, на основаніи которыхъ стали регулироваться всѣ правоотношенія и судиться всѣ правонарушенія, подпавшія вѣданію и юрисдикціи церкви, здѣсь же включены были и нормы свѣтскаго права (Русская Правда въ полномъ ея составѣ) Давая, такимъ образомъ, отвѣты на всѣ важнѣйшіе запросы текущей практической жизни, кормчія софійской редакціи являлись для своего времени истинными энциклопедіями государственнаго, общественнаго и правового характера, — и вотъ въ чемъ заключаются какъ причина громадной распространенности въ древней Руси списковъ кормчихъ именно этого типа, такъ и необходимость включенія Кормчей книги въ общій кругъ источниковъ науки исторіи русскаго права

Возникновеніе на Руси церковной юрисдикціи должно было неминуемо вызвать за собою потребность, во первыхъ—въ разграниченіи сферъ суда свѣтскаго и церковнаго, и, во вторыхъ—въ установленіи компетенціи и нормъ этой послѣдней сферы суда Все это подлежало опредѣленію примѣнительно къ Номоканону, — но этотъ памятникъ представлялся слишкомъ громоздкимъ, слишкомъ разбросаннымъ и даже отвлеченнымъ для первоначальныхъ задачъ русской церкви Возникла необходимость примѣнить греческій номоканонъ къ русской жизни, сдѣлавъ изъ него выборку необходимѣйшихъ для русскаго церковнаго суда нормъ, по возможности приспособивъ эти нормы къ условіямъ и къ уровню русской дѣйствительности, изложивъ ихъ въ сконцентрированной, сжатой и, по возможности, общедоступной формѣ

Отвѣтомъ на эту потребность и явились церковные уставы, или дѣйствительно принадлежавшіе или только приписывавшіеся уставной дѣятельности древнихъ русскихъ князей Къ разсмотрѣнію ихъ мы теперь и перейдемъ

II

Церковные уставы, приписываемые древнимъ русскимъ князьямъ.

Къ земско вѣчевому періоду русской исторической жизни относятся шесть памятниковъ, дошедшихъ до насъ подъ наименованіемъ церковныхъ уставовъ или церковныхъ уставныхъ грамотъ 1) Уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый великому князю Владиміру Святославичу, 2) Уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый великому князю Ярославу Владиміровичу, 3) Уставъ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила „о церковныхъ судѣхъ, и о людехъ, и о мѣрилѣхъ торговыхъ“ (1125—1196 гг), 4) Уставная грамота новгородскаго князя Всеволода, данная церкви св Іоанна Предтечи на Опокахъ (ок 1135 г.), 5) Церковный уставъ новгородскаго князя Святослава (1137 г) и 6) Уставныя (три, соединенныя вмѣстѣ) грамоты смо-

ленскаго князя Ростислава, данныя епископіи смоленской (1150 г.)

Уже простой просмотръ названій этихъ уставовъ обнаруживаетъ, что изъ нихъ только два, приписываемые первымъ двумъ христіанскимъ великимъ князьямъ Владиміру и Ярославу, могутъ быть признаны общерусскими послѣдніе же четыре являются уставами мѣстными, изъ которыхъ три даны новгородской церкви и одинъ—смоленской Въ виду только что указанной особенности ихъ, мы ограничимся разсмотрѣніемъ только двухъ первыхъ, общерусскихъ церковныхъ уставовъ тѣмъ болѣе, что позднѣйшіе уставы всецѣло строятся на нихъ и съ точки зрѣнія права, ничего существенно новаго намъ не даютъ, тѣ же особенности ихъ, которыя могутъ представить для насъ значеніе, будутъ нами использоваться въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего послѣдующаго изложенія

Слѣдуя хронологическому порядку начнемъ съ церковнаго устава, связываемаго съ памятнымъ въ исторіи русской церкви именемъ великаго князя Владиміра Святого

А УСТАВЪ О ЦЕРКОВНЫХЪ СУДАХЪ, ПРИПИСЫВАЕМЫЙ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМІРУ СВЯТОСЛАВИЧУ

Древнѣйшій русскій церковный уставъ, связываемый съ именемъ в. к. Владиміра Святославича и, тѣмъ самымъ, возводимый къ первымъ годамъ оффиціальнаго признанія русской церкви, какъ элемента государственнаго—сохранился до нашихъ дней въ весьма большомъ количествѣ списковъ, различающихся между собою большею или меньшею полнотою содержанія Въ спискахъ самостоятельнаго характера памятникъ этотъ до насъ не дошелъ мы находимъ тексъ его въ различнаго рода позднѣйшихъ сборникахъ духовно религіознаго и правового содержанія, какъ то—въ Кормчихъ книгахъ, въ книгахъ Степенныхъ, въ сборникѣ Стоглавѣ Будучи постоянно включаемъ въ эти, весьма распространенные среди нашихъ предковъ, памятники письменности, разсматриваемый нами церковный уставъ переписывался, вмѣстѣ съ ними, то въ болѣе подробной, то въ болѣе краткой редакціяхъ и, этимъ путемъ, сдѣлался намъ извѣстнымъ не только въ значительномъ, но и въ разнообразномъ, количествѣ списковъ.

Всѣ извѣстные донынѣ списки устава распредѣляются на двѣ группы на списки пространной редакціи и на списки краткой редакціи, въ предѣлахъ каждой изъ этихъ группъ можетъ быть допущено еще дальнѣйшее подраздѣленіе списковъ по бо́льшей или меньшей пространности или краткости текста ихъ, но мы считаемъ возможнымъ удовольствоваться этимъ основнымъ дѣленіемъ Древнѣйшимъ изъ сохранившихся списковъ устава является синодальный списокъ, открытый Карамзинымъ въ харатейной (т е писанной на пергаментѣ) Кормчей книгѣ [1]) московской синодальной библіотеки (по каталогу № 132), по времени написанія своего относящейся къ послѣдней четверти XIII-го вѣка, именно къ 1282-му году,—слѣдовательно древнѣйшій списокъ устава все же почти на триста лѣтъ моложе своего предполагаемаго первообраза Онъ принадлежитъ къ группѣ списковъ пространной редакціи, древнѣйшій же списокъ краткой редакціи относится къ эпохѣ не ранѣе конца XV-го или даже начала XVI-го вѣка Полное заглавіе древнѣйшаго, т. е синодальнаго или софійскаго, списка слѣдующее „Уставъ святого князя Владиміра, крестившаго Русскую землю, о церковныхъ судѣхъ“

Приписываемый в к Владиміру Святому, церковный уставъ этотъ подвергался и подвергается серьезнымъ **сомнѣніямъ въ своей подлинности** и, въ частности, въ принадлежности его лицу, съ именемъ котораго его связываютъ Такъ, даже Карамзинъ рѣзко высказался въ первомъ томѣ своей „Исторіи государства россійскаго“ противъ подлинности этого памятника, признавая его продуктомъ фантазіи какого нибудь досужаго монаха XIII-го вѣка Подлинность его оспаривалъ Рейцъ, а въ позднѣйшее время такого же скептическаго отношенія къ обоимъ древнѣйшимъ церковнымъ уставамъ придерживался и покойный проф Е Е Голубинскій („Исторія русской церкви“, I, 1880), категорически заявившій, что „съ совершенною рѣшительностью должно возвратиться къ мнѣнію Карамзина, что они суть не подлинные уставы или грамоты, а позднѣйшія поддѣльныя произведенія“ Подлинность устава

---

[1]) Эта Кормчая носитъ также названіе «софійской», такъ какъ нѣкогда принадлежала новгородскому софійскому собору

защищали митрополитъ Евгеній, Погодинъ, митрополитъ Макарій, Неволинъ („О пространствѣ дѣйствія церковнаго суда въ Россіи“) Существуетъ еще средній и весьма распространенный, къ которому и мы примыкаемъ, взглядъ на дѣло нѣкоторые авторы (напримѣръ проф М Ф Владимірскій-Будановъ, В П Сергѣевичъ, В О Ключевскій, А Н Филипповъ, М Н. Ясинскій), не отвергая совершенно подлинности устава, утверждаютъ лишь, что подробныя редакціи его никоимъ образомъ не могутъ быть пріурочены къ эпохѣ в к Владиміра Святого, признавая, тѣмъ не менѣе, полную вѣроятность составленія имъ церковнаго устава, отраженіе котораго мы и вправѣ искать въ краткой редакціи этого памятника

Разнообразіе мнѣній, высказывавшихся и высказываемыхъ въ литературѣ по отношенію къ происхожденію такъ называемаго церковнаго устава в. к. Владиміра, побуждаетъ насъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на тѣхъ поводахъ, которыми какъ оспаривалась, такъ и защищалась подлинность интересующаго насъ памятника Всѣ доводы противъ подлинности его сводятся къ слѣдующимъ пяти возраженіямъ а) хронологическія несообразности, б) противорѣчіе устава Русской Правдѣ, в) несоотвѣтствіе устава современному состоянію русской жизни, г) невѣрное указаніе уставомъ своего источника и д) несообразности филологическія Остановимся на обзорѣ всѣхъ, только что перечисленныхъ нами, возраженій

а) Первое возраженіе противъ подлинности такъ называемаго устава в к Владиміра основывается на хронологической несообразности, которая послужила еще Карамзину основнымъ поводомъ скептическаго взгляда его на этотъ памятникъ Это возраженіе имѣетъ настолько серьезный характеръ, что, разъ мы сочтемъ его устраненнымъ—всѣ остальныя сомнѣнія сразу потеряютъ свой острый характеръ

Дѣло въ томъ, что приписываемый Владиміру уставъ открывается слѣдующимъ вступленіемъ

„Во имя Отца и Сына и святого Духа се азъ, князь Василій, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ и блаженныя княгини Ольги, вспріялъ есмь святое крещеніе отъ грецьскаго царя и отъ Фотія патріарха царегородьскаго, взялъ перьваго митрополита Леона

Киеву (т е въ Кіевъ), иже крьсти всю землю русьскую святымъ крещеньемъ"

Изъ буквальнаго смысла этого текста вытекаетъ, что Владиміръ принялъ крещеніе отъ константинопольскаго патріарха Фотія—извѣстнаго создателя раздѣленія восточной и западной церквей Между тѣмъ хронологія свидѣтельствуетъ, что Фотій умеръ почти за сто лѣтъ до предполагаемаго года крещенія св Владиміра Противорѣчіе, повидимому—непримиримое Но уже многіе авторы, а въ числѣ ихъ и К А Неволинъ, справедливо отмѣтили, что эта хронологическая несообразность уже потому не можетъ считаться рѣшающимъ доводомъ въ пользу подложности устава, что эта ссылка на патріарха Фотія встрѣчается не во всѣхъ спискахъ ея не имѣется, именно, въ спискахъ краткой редакціи, которые должны почитаться наиболѣе близкими къ первоначальному подлиннику этого памятника Но все это хронологическое недоумѣніе разрѣшается и болѣе простымъ способомъ Если мы обратимся къ нѣкоторымъ другимъ источникамъ, повѣствующимъ объ эпохѣ крещенія Владиміра, то во многихъ изъ нихъ встрѣтимъ имя патріарха Фотія, упоминаемое при совершенно аналогичной обстановкѣ Такъ, въ Воскресенской лѣтописи мы прочтемъ, что „крестився Володимеръ и взя у Фотія, патріарха цареградскаго, перваго митрополита Кіеву Леона", хотя самое крещеніе Владиміра описывается здѣсь же безъ всякаго упоминанія имени патріарха Въ Степенной книгѣ разсказывается, что для сокрушенія языческихъ идоловъ въ Новгородъ и Ростовъ ходилъ кіевскій митрополитъ съ шестью епископами „Фотія патріарха", а въ слѣдующемъ году ходилъ крестить суздальскую землю самъ великій князь опять таки съ двумя „Фотіевыми епископами" и т п Какъ отнестись къ указаніямъ этого рода? Изъ непоколебимаго желанія настоять на подложности разбираемаго нами церковнаго устава, пришлось бы или допустить испорченность, даже умышленное искаженіе, только что приведенныхъ ссылокъ, или же предположить, что составители только что цитированныхъ памятниковъ, лѣтописцы XVI-го вѣка,—вѣка, всецѣло подчиненнаго вѣяніямъ византійской книжности, — не знали, что крещеніе в к Владиміра совершилось не при умершемъ за сто лѣтъ до того Фотіи, но при патріархѣ Николаѣ Хрисовергѣ, не

знали эпохи дѣятельности такой крупной въ исторіи восточной церкви величины, какою является патріархъ Фотій!

Яснымъ становится, что эти преслову тыя выраженія „у Фотія", „отъ Фотія", „Фотіевъ"—должны заключать въ себѣ какой нибудь специфическій смыслъ Если мы обратимся къ греческимъ источникамъ, то увидимъ, что въ IX-мъ—XI-мъ вѣкахъ имя патріарха Фотія пользовалось въ Византіи значеніемъ нарицательнымъ для обозначенія понятія представителей церкви, которые, слѣдуя авторитету этого высшаго іерарха, признавали независимость греческой церкви отъ власти римскихъ папъ Въ этомъ смыслѣ выраженія „епископъ Фотіевъ", „взять епископа у Фотія", „принять крещеніе отъ Фотія"—означали собою единеніе съ восточно-каѳолическою, греческою, церковью, самостоятельно поставленною именно этимъ патріархомъ Въ такомъ именно смыслѣ предстанетъ предъ нами и приведенное выше сомнительное мѣсто изъ вступленія въ разбираемый нами церковный уставъ, если мы переставимъ въ немъ всего только одну запятую, т. е взамѣнъ словъ „ воспріялъ есмь святое крещеніе отъ грецьскаго царя и отъ Фотія митрополита взялъ перваго митрополіта" и пр, мы прочтемъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ „ воспріялъ есмь святое крещеніе отъ грецьскаго царя, и отъ Фотія митрополита взялъ перваго митрополита" и т. д

Если мы примемъ это толкованіе, въ такомъ случаѣ инкриминируемое указаніе устава не только не будетъ уже служить доказательствомъ его подложности, но, наоборотъ, явится серьезнымъ доводомъ въ пользу его подлинности

в) Второй доводъ противъ приписываемаго в к Владиміру церковнаго устава сводится къ противорѣчію между этимъ памятникомъ и Русскою Правдою

Въ церковномъ уставѣ имени в к Владиміра, въ числѣ подсудныхъ церкви правоотношеній, упоминаются споры дѣтей или братьевъ о наслѣдствѣ — „братья или дѣти тяжють о заднѣицю (наслѣдствѣ)" Между тѣмъ по Русской Правдѣ тяжбы этого рода подсудны князю „Аже братья ростяжются передъ княземъ о заднѣицю,—читаемъ здѣсь,—который дѣтскій идѣть ихъ дѣлить, то тому взяти гривна кунъ" Карамзинъ и другіе изслѣдователи усматривали и здѣсь доводъ въ пользу мнѣнія о подложности устава Съ этимъ едва ли можно

согласиться. Въ Русской Правдѣ предусматривается случай, когда братья тягаются изъ за наслѣдства передъ княземъ,—а это послѣднее добавленіе какъ бы намекаетъ на то, что они могли тягаться и не передъ княземъ, а именно передъ представителями суда церковнаго, здѣсь можно предполагать свободное избраніе себѣ подсудности самими тяжущимися, которые могли обратиться за разрѣшеніемъ своего спора или къ князю, или къ церкви—и вотъ, въ виду возможности такой альтернативы, Русская Правда и опредѣляетъ судебную пошлину въ пользу „дѣтскаго“ въ томъ случаѣ, если спорящіе обратятся къ суду княжескому, свѣтскому Сверхъ того, сопоставленіе относящихся сюда опредѣленій церковнаго устава и Русской Правды скорѣе могло бы привести насъ къ заподозрѣнію этого послѣдняго памятника, такъ какъ уставъ остается въ данномъ случаѣ на строго исторической почвѣ извѣстно, что семейныя распри о наслѣдствѣ подлежали и впослѣдствіе юрисдикціи церкви и только Петръ Великій передалъ ихъ вѣдѣнію судовъ гражданскихъ Отпадаетъ, такимъ образомъ, и это второе возраженіе противъ подлинности занимающаго насъ памятника

в) Третье доказательство неподлинности приписываемаго св Владиміру церковнаго устава основывается на несоотвѣтствіи его содержанія современному состоянію русской церкви и русскаго общества Такъ, въ уставѣ упоминаются монастыри и черное духовенство, игумны, чернецы, черницы—монастырей же въ эпоху Владиміра на Руси еще не имѣлось, далѣе фигурируютъ здѣсь больницы, гостиппицы и странноприимные дома—а подобнаго рода филантропическія учрежденія, предполагающія уже извѣстную развитость христіанскаго духа благотворительности, едва ли могли существовать у насъ въ ту пору Но, выставляя подобнаго рода возраженія, противники подлинности разбираемаго памятника упускали изъ вида то соображеніе, что этотъ древнѣйшій церковный уставъ долженъ былъ быть разсчитанъ не на современное ему, еще только зачаточное, состояніе русской государственной церкви, но и на будущее ея развитіе, почему здѣсь и упоминаются такія учрежденія, которыя еще не существовали, но неминуемо должны были возникнуть уже въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

За то, съ другой стороны, этотъ памятникъ, какъ мы его скоро увидимъ, живо отражаетъ состояніе современнаго русскаго общества, въ смыслѣ борьбы въ немъ началъ языческихъ съ началами христіанскими — а таковъ и долженъ былъ быть, по своему характеру, церковный уставъ (данный церкви только создающейся еще на разрушающихся основахъ стараго, языческаго, строя жизни. Съ этой точки зрѣнія гипотетическое содержаніе устава, приписываемаго св. Владиміру, нисколько не противорѣчитъ условіямъ жизни той эпохи, къ которой онъ самъ себя относитъ — т. е. къ первымъ порамъ официальнаго признанія на Руси новой религіи.

Намъ извѣстно по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, что, присоединившись къ христіанству, св. Владиміръ питалъ большое усердіе къ христіанскому просвѣщенію народа и къ дѣламъ благотворенія: сталъ заводить школы, заставляя родителей посылать въ нихъ дѣтей на „ученье книжное“, принималъ мѣры къ обезпеченію милостынь нуждъ бѣдныхъ и убогихъ и т. п. Представляется ли удивительнымъ, что, при такомъ подъемѣ въ немъ христіанскаго духа, — подъемѣ духа свойственномъ прозелитамъ всѣхъ религій, — св. Владиміръ мечталъ о скоромъ возникновеніи на Руси монастырей и благотворительныхъ учрежденій, упоминаемыхъ въ приписываемомъ ему церковномъ уставѣ и которыя онъ предусмотрительно и заблаговременно вручалъ вѣдѣнію и попеченіямъ церкви?

Къ числу возраженій, основывавшихся на внутреннемъ содержаніи интересующаго насъ церковнаго устава, слѣдуетъ отнести и указаніе проф. Голубинскаго на тотъ фактъ, что въ этомъ уставѣ въ пользу сооруженнаго имъ въ Кіевѣ храма во имя пресв. Богородицы, св. Владиміръ установляетъ десятинный сборъ „по всей землѣ русской“, что Голубинскимъ признавалось „невозможнымъ и нелѣпымъ“. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ весьма удачно парализуетъ это возраженіе тѣми соображеніями, что, во первыхъ — „нелѣпость“ эта отпадаетъ сама собою въ виду отсутствія въ ту пору епархій мѣстныхъ, которыя могли бы получить свои самостоятельные десятинные сборы, и что, во вторыхъ — специфическое названіе „русской земли“ присвоивалось, въ ту пору, Руси преимущественно именно среднеднѣпровской, кіевской

г) Четвертое возраженіе противъ подлинности такъ называемаго церковнаго устава св Владиміра — это будто бы невѣрное указаніе въ немъ источника, изъ котораго почерпнуто его содержаніе Отграничивая сферу церковной юрисдикціи, уставъ влагаетъ въ уста в к. Владиміра поясненіе, что онъ, Владиміръ — „развързше грецьскый номоканонъ“, нашелъ въ немъ „оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити, ни бояромъ его, ни судьямъ“ и т д Затѣмъ, перечисливъ предметы церковнаго суда, уставъ именемъ великаго князя снова возвѣщаетъ, что эта судебная компетентность церкви опредѣлена „по первыхъ царей уряженью и по вселенскихъ святыхъ семи зборовь (соборовъ) великихъ святителъ“ Такимъ образомъ, разсматриваемый нами памятникъ категорически указываетъ, въ качествѣ непосредственнаго источника своего — Номоканонъ, Кормчую книгу Между тѣмъ ближайшее сопоставленіе устава съ номоканономъ обнаруживаетъ въ обоихъ памятникахъ значительное разнорѣчіе въ опредѣленіи пространства церковнаго суда, притомъ въ направленіи распространительномъ по отношенію къ первому изъ нихъ уставъ распространяетъ компетенцію церковнаго вѣданія и суда на такія отношенія и лица, на которыя по номоканону она не распространялась, — что также выдвигали въ качествѣ одного изъ доводовъ подложности устава Но приведенное обстоятельство едва ли способно получить сколько нибудь рѣшающее значеніе и такое распространеніе уставомъ компетенціи церковнаго суда представляется дѣломъ вполнѣ естественнымъ юной и еще неокрѣпшей русской церкви нужно было создать силу, авторитетъ, возможность вести дѣятельную борьбу съ языческими началами жизни, тѣмъ болѣе, что теперь обрисовывается обширный кругъ отношеній правового характера или вновь возникшихъ, или имѣющихъ обсуждаться съ новой, христіанской, точки зрѣнія, компетентною же въ регулированіи всѣхъ этихъ отношеній могла явиться только церковь

Доказательная сила разсматриваемаго довода парализуется и недопустимостью предположенія, что духовное лицо, поддѣлывавшее уставъ въ эпоху усиленнаго господства въ русской церковной жизни византизма, было настолько несвѣдуще въ номоканонѣ или кормчей книгѣ, что бы допустить такую грубую ошибку; предполагаемому фальсификатору было бы есте-

ственнѣе вовсе умолчать объ источникѣ устава или выразиться объ немъ въ болѣе общей формѣ.

Слѣдуетъ, наконецъ, имѣть въ виду, что ссылкѣ устава на номоканонъ едва ли и возможно придавать буквальный, узкій, смыслъ: „разверзше греческій номоканонъ", „то все далъ по первыхъ царей уряженью"—всѣ эти выраженія указываютъ лишь источники, изъ которыхъ заимствованы общія начала устава, общій духъ его, но не детали, не казуистика. Что не только отвлеченныя общія начала приписываемаго в. к. Владиміру устава, но и весьма многія отдѣльныя, чисто конкрентныя, опредѣленія его дѣйствительно имѣютъ своимъ источникомъ номоканонъ—въ этомъ не встрѣчается никакихъ сомнѣній. Тѣ опредѣленія, которыя могли быть цѣликомъ перенесены изъ него въ уставъ—остались, въ существѣ своемъ, неприкосновенными; другія, которыя не могли быть заимствованы въ болѣе или менѣе непосредственномъ видѣ—подверглись измѣненіямъ, но всегда въ распространительномъ, съ точки зрѣнія круга компетенціи церкви, смыслѣ, т. е. въ смыслѣ предоставленія церкви бо́льшихъ правъ, бо́льшаго круга вѣдомства и суда, бо́льшей степени опеки надъ гражданскимъ обществомъ. Все это лишь строго соотвѣтствовало и задачамъ и самому характеру, которые должны были быть присущими первому уставу юной церкви, только что получившей признаніе со стороны государства.

д) Пятую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднюю и самую слабую группу доказательствъ неподлинности перваго русскаго церковнаго устава образуютъ собою доводы филологическіе, коренящіеся въ самомъ языкѣ текста этого памятника. Не смотря на несомнѣнную древность языка его, въ текстѣ устава были усмотрѣны неологизмы, т. е. отдѣльныя выраженія, которыя не могли принадлежать эпохѣ в. к. Владиміра Святославича и относятся уже къ болѣе позднимъ стадіямъ русской жизни,—напримѣръ: „свобода" (въ значеніи „слободы", т. е. пользующагося финансовыми льготами пункта населенія), „княжескій намѣстникъ" или „владычень намѣстникъ" (терминъ „намѣстникъ" начинаетъ входить въ употребленіе не ранѣе XIII-го вѣка, а у епископовъ эпохи Владиміра едва ли и были еще намѣстники). Но всѣ возраженія этого рода не могутъ имѣть никакой доказа-

тельной силы, такъ какъ эти, къ тому же совершенно единичные, неологизмы—могутъ быть вполнѣ естественно объяснены позднѣйшими лексикологическими замѣнами или вставками поясните льнаго характера,—явленіе самое заурядное въ внѣшней исторіи законодательствъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Постараемся теперь подвести итоги всѣмъ сомнѣніямъ въ подлинности устава о церковныхъ судахъ, приписываемаго в к Владиміру Святославичу, которыя только что были нами изложены Взвѣшивая всѣ доводы, приводившіеся какъ противъ, такъ и въ защиту подлинности этого памятника, мы приходимъ къ выводу, что не представляется никакихъ серьезно обоснованныхъ данныхъ не только для признанія его подложнымъ, но даже и для признанія невозможности пріуроченія его къ эпохѣ Владиміра Святого Едва ли долженъ смущать насъ и тотъ фактъ, что объ этомъ уставѣ молчатъ другіе источники современной ему и ближайшихъ къ нему эпохъ русской жизни Надо имѣть въ виду, что отъ XI-го вѣка дошло до насъ весьма незначительное количество памятниковъ письменности, вообще, а древнѣйшій источникъ, въ которомъ мы могли бы искать указаніе на древнѣйшіе русскіе церковные уставы — это наша начальная лѣтопись, составленіе которой относится къ первой четверти XII-го вѣка Но начальная лѣтопись не упоминаетъ о церковномъ уставѣ св Владиміра, что, въ глазахъ скептиковъ, являлось подтвержденіемъ мнѣнія о подложности этого памятника, который не былъ извѣстенъ составителю этого лѣтописнаго свода по той простой причинѣ, что онъ въ ту пору еще не былъ сфальсифицированъ Если мы вчитаемся, однако, въ повѣствованіе начальной лѣтописи объ эпохѣ княженія св Владиміра, то увидимъ, что составителю ея не были безизвѣстны черты законодательной дѣятельности просвѣтителя русской земли „Бѣ (Владиміръ),—свидѣтельствуетъ онъ, — любя дружину и съ ними думая о строѣ земленѣмъ, и о ратѣхъ, и уставѣ земленѣмъ“ Мало того подъ 6504-мъ (996-мъ) годомъ излагаются здѣсь же факты не только вполнѣ согласные съ показаніями древнѣйшаго нашего церковнаго устава, но едва ли не намекающіе, даже, на самое изданіе этого устава Въ этомъ году закончилось сооруженіе въ Кіевѣ храма во имя пресв Богородицы (такъ называемаго „десятиннаго“) и, по свидѣтельству лѣтописца, Вла-

димиръ, совершивъ въ немъ молепіе далъ обѣтъ „Даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть (десятину)“, затѣмъ Владимиръ по словамъ того же лѣтописца — „положи, написавъ, книгу въ церкви сей рекъ аще кто посудитъ, да будетъ проклятъ“ Если мы раскроемъ, теперь церковный уставъ имени св Владимира, то найдемъ здѣсь именно это постановленіе великаго князя относительно десятины („созда церковь св Богородици десятинную и даль ей десятину по всей земли русьстей“), а въ концѣ устава и угрозу проклятіемъ тому, кто „имѣть преступати правила си и пообидитъ судъ церковный“ Мы склонны приурочить именно къ описываемому въ начальной лѣтописи торжеству освященія вновь созданнаго храма и изданіе въ к Владимиромъ сво его церковнаго устава, склонны даже, предполагать въ том клятвѣ, которую великій князь положилъ, „написавъ“, въ новомъ храмѣ — указаніе именно на интересующій насъ памятникъ

Со второй половины XIII-го вѣка мы имѣемъ уже непрерывный рядъ указаній на церковный уставъ св Владиміра, который признается и цитируется отцами русской церкви, не возбуждая никакихъ сомнѣній въ подлинности, который въ концѣ XIV-го или въ началѣ XV-го в былъ подтвержденъ московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, авторитетъ котораго былъ признанъ и соборами 1551-го („стоглавымъ“) и 1667-го годовъ Насколько же искусстною должна была явиться совершенная въ XIII-мъ вѣкѣ работа предполагаемаго фальсификатора устава, если она оказалась въ состояніи въ теченіи ряда вѣковъ поддерживать въ заблужденіи всю русскую церковь! Самая невозможность такой умѣлой, можно сказать—геніальной, фальсификаціи въ ту раннюю пору, къ которой ея относятъ, едва ли не должна быть признана самымъ сильнымъ поводомъ въ пользу подлинности интересующаго насъ памятника

Вопросъ относительно возможности признанія древнѣйшаго русскаго церковнаго устава плодомъ законодательной дѣятельности великаго князя Владиміра Святославича представляетъ собою еще и другую сторону можетъ ли быть приписана в к. Владиміру пространная редакція этого памятника или же къ эпохѣ этого

князя должна быть отнесена только краткая редакція его? Мы уже знаемъ, что значительное большинство авторовъ, не отвергая самой подлинности устава, считаютъ, тѣмъ не менѣе, возможнымъ пріурочить къ законодательной дѣятельности самого Владиміра только краткую его редакцію, признавая подробныя редакціи устава продуктомъ дѣятельности позднѣйшихъ списателей и компиляторовъ, результатомъ приписокъ къ первоначальному ядру этого памятника позднѣйшихъ статей, сформулированныхъ различными лицами и въ различныя эпохи Трудно сказать, удастся ли, при современномъ положеніи источниковъ, разрѣшить въ строго-опредѣленную сторону вопросъ о первоначальномъ составѣ перваго русскаго церковнаго устава Впрочемъ, для цѣлей нашего изложенія, этотъ вопросъ и не представляетъ особенно существеннаго значенія мы считаемъ возможнымъ удовлетвориться тѣмъ фактомъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣется подробный списокъ редакціи этого памятника, относящійся къ концу XIII-го вѣка (списокъ синодальный или софійскій),—слѣдовательно списокъ отражающій въ себѣ основы русскаго церковнаго права земско-вѣчевого періода русской исторической жизни.

Имѣя въ виду древность синодальнаго списка устава о церковныхъ судахъ, приписываемаго великому князю Владиміру Святому, мы именно этотъ списокъ и положимъ въ основу изложенія внутренняго содержанія изслѣдуемаго нами памятника

Приступая къ вопросу о **внутреннемъ содержаніи церковнаго устава имени великаго князя Владиміра Святославича**, мы должны теперь же отмѣтить ту особенность его, что этотъ памятникъ носитъ исключительно формальный, уставный, учредительный характеръ, всецѣло направленный къ возможно точному опредѣленію сферы церковнаго суда—и только Это не сборникъ руководительныхъ указаній для лицъ, отправляющихъ правосудіе, не „судебникъ“, по которому должны производиться судъ и расправа, но собраніе опредѣленій, гарантирующихъ самостоятельность и неприкосновенность предметовъ вѣданія и суда, вручаемыхъ отнынѣ церкви Въ этомъ памятникѣ мы не встрѣтимъ, поэтому, ни

попытокъ конструированія тѣхъ или другихъ правоотношеній, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, ни опредѣленія кары за правонарушенія, здѣсь фигурирующія, ни указанія формъ порядка и условій процесса по дѣламъ отданнымъ юрисдикціи церкви Установить кругъ отношеній, лицъ и учрежденій, составляющихъ предметъ вѣдѣнія и суда церкви и дать имъ гарантію неприкосновенности—такова единственная задача занимающаго насъ памятника, вполнѣ гармонирующая и самому историческому смыслу этого перваго, такъ сказать учредительнаго, русскаго церковнаго устава

Все внутреннее содержаніе церковнаго устава, приписываемаго в к Владиміру Святому, можетъ быть распредѣлено на слѣдующія пять составныхъ частей а) введеніе къ уставу, б) опредѣленіе церковной десятины, в) опредѣленіе пространства церковнаго суда, г) опредѣленіе круга отношеній, лицъ и учрежденій подвѣдомственныхъ церкви, и д) часть заключительная

А Введеніе въ уставъ открывается формулою „Во имя Отца и Сына и святого Духа“, за которою слѣдуетъ уже выписанное нами выше указаніе на фактъ принятія Владиміромъ св крещенія и перваго митрополита Леона Это та именно часть устава, въ которой включена ссылка на патріарха Фотія, возбудившая въ литературѣ столько споровъ и недоумѣній

Б Вторая составная часть устава заключаетъ въ себѣ установленіе церковной десятины Указавъ на завершеніе имъ дѣла созданія въ Кіевѣ храма во имя пресвятой Богородицы, великій князь возвѣщаетъ здѣсь объ опредѣленіи имъ въ пользу этой церкви десятины, т е десятой части отъ разныхъ сборовъ и доходовъ „И дахъ ей,—читаемъ здѣсь,—десятину по всей земли русьстѣй, отъ всего княжа суда десятую вѣкшю (наименованіе денежной единицы), а изъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита чюдному Спасу и чюдньй его Матери“. Установленіе такого десятиннаго сбора не представляетъ собою чего либо исключительнаго Такіе десятинные сборы предоставлялись въ пользу церкви и позднѣйшими русскими князьями, практиковались они, въ свое время, и въ государствахъ западной Европы Представляется несомнѣннымъ, что установленный Владиміромъ десятинный сборъ, пріуроченный имъ къ

вновь созданному храму, имѣлъ своею цѣлью удовлетвореніе нуждъ не исключительно этого послѣдняго, но нуждъ принятой подъ попеченіе государства русской церкви, вообще

В За установленіемъ церковной десятины непосредственно слѣдуетъ опредѣленіе пространства церковнаго суда, поставленнаго въ уставѣ, какъ мы знаемъ, весьма широко „Разверзше грецьскый номоканонъ,—говоритъ уставъ именемъ в к Владиміра,—обрѣтохомъ въ немь, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити, ни бояромъ его, ни судьямъ", въ виду чего великій князь—„сгадавъ (т е по совѣту) съ своею княгинею Анною (греческою царевною—значитъ лицомъ компетентнымъ въ вопросахъ церковнаго устройства) и съ своими дѣтьми, далъ есмь ты суды церквамъ, митрополиту и всѣмъ пискупіямъ (епископамъ) по руськой земли, а посемь не подобѣ вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковные, ни во всѣ суды ихъ и своимъ тіуномъ приказываю церковнаго суда не обидѣти" „А се церковніи суды", — заявляетъ уставъ,—и, слѣдомъ за тѣмъ, приступаетъ къ перечисленію предметовъ этого суда, которые мы, съ своей стороны, расположимъ въ нижеслѣдующихъ рубрикахъ, причемъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, мы будемъ стараться указывать, въ предѣлахъ возможности, соотвѣтствіе опредѣленій устава соотвѣтствующимъ постановленіямъ Кормчей книги (Номоканона)

а) Преступленія противъ истины и чистоты христіанской вѣры Преступленія и проступки этой категоріи, какъ и слѣдующихъ за нею, должны были имѣть особенно серьезное значеніе въ эпоху в. к Владиміра Святого,— эпоху еще полную языческихъ началъ, съ которыми церкви приходилось вести упорную и непримирую борьбу Изъ преступленій этой категоріи уставу извѣстны „вѣтьство"—волшебства [1]), „чародѣянія" [2]) и „волхованія"—колдовство, а так-

[1]) Кормчая книга (Номоканонъ) 1) «Заколеніемъ волшбы творити возбранено есть творяй же таковая—мечемъ мучится» (Закона градскаго гламъ 39, глава 48, ст 20), 2) «Иже на вредъ человѣкомъ бѣсы призываютъ—мечемъ мучатся» (тамъ же, ст 21), 3) «Казнь мужемъ повелѣна есть, пишущимъ волшебныя книги и почитающимъ я и сицу ихъ глаголющимъ» (Новыя заповѣди царя Іустиніана, глава 44, 36)

[2]) Кормчая книга «Губители, чаротворцы, на вредъ человѣчь призывающе бѣсы, мечемъ да усѣчени будутъ» (Царей Леона и Константина главизны, гл 49, ст 20)

же совершеніе моленіи по языческому обряду [1]) — „или кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи (въ рощахъ, тѣсахъ или у воды“, извѣстно, что у древнихъ славянъ рощи и водные источники (рѣки, ручьи) служили излюбленными мѣстами ихъ языческихъ моленій и жертвоприношеній

б) Святотатство, изъ отдѣльныхъ видовъ котораго уставъ приводитъ „церковную татьбу“—кражу изъ церкви [2]) „свлоченіе мертвецовъ“—ограбленіе покойниковъ [3]), „кресты посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжутъ“—уничтоженіе изображеній креста и, наконецъ, введеніе „безъ великои нужи“, т. е. безъ крайней надобности, въ церковь „скотъ, псы или поткы (птицы)“, въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи едва ли не слѣдуетъ видѣть отголосокъ языческихъ жертвоприношеній, примѣнить которыя пытались новообращенные язычники и къ новой религіи—явленіе и въ наши дни наблюдаемое среди вновь обращаемыхъ въ христіанство языческихъ инородцевъ

в) Отношенія правъ брачнаго, семейственнаго и наслѣдственнаго съ проистекающими изъ нихъ правонарушеніями Сюда уставомъ отнесены „роспусть“, т. е. разводъ (отъ глагола роспустити, отпустити), [4]) „въ племени (родствѣ) или въ сватьствѣ (свойствѣ

---

[1]) Кормчая книга 1) «Творяи еллинскыя жертвы или почитаи идолы, или кадя имъ, или ливанъ солизая имъ—конечнѣи повиненъ есть мунѣ» (Законъ градскаго гранъ 39, гл 48 ст 30, 2) «Всяко село въ немъ же требы бываютъ или присяги поганскія (языческія)—да отдаются въ Божій храмъ со всѣмъ имѣніемъ» (Законъ судныи людемъ, гл 46, 1)

[2]) Кормчая книга «Входяй во алтарь въ день или въ ношь и что отъ священныхъ взимая—да осѣпленъ будетъ, внѣ же алтаря взимаи что—бленъ да будетъ, яко нечестивъ, и остригаемъ, и заточенъ» (Царей Леона и Константина главизны, гл 49, 28, сравни Закона градскаго гл 18 гр 39, ст 28)

[3]) Кормчая книга «Иже мертвыя во гробѣхъ совлачитъ—да отсѣкутся руки имъ» (Закона градскаго гл 18, гр 39, ст 27) Грабители этого рода извѣстны Кормчей книгѣ также подъ названіемъ «гробныхъ татей» (см Царей Леона и Константина главизны гл 49, 30)

[4]) Кормчая книга Общее установленіе неразрывности брачнаго союза—«Не разлучно есть брачное сочитіе сотворяти да сошедшеся два лица во едину плоть сочетаніемъ взаконитъ съ верстаніемъ неразлучнымъ» (Законъ судныи людемъ, гл 46, 22) Казуистика причинъ развода—см Закона градскаго гр 11, гл 48, ст 11, Новыхъ законовъ царя Іустиніана

поимутся“—кровосмѣшеніе [1]), „сынъ отца бьетъ или матерь, или дчи (дочь), или сноха‘—оскорбленіе дѣйствіемъ родителей дѣтьми или снохами [2]), „пошибанье промежи мужемъ и женою о животѣ“—драка между мужемъ и женою изъ за имущества, „сноха, свекровь, братья или дѣти тяжють о задницю“ — споры о наслѣдствѣ снохи, свекрови, братьевъ или дѣтей

г) Преступленія противъ чистоты правовъ и цѣломудрія женщинъ Въ этой группѣ правонарушеній находимъ „смильное“—т е плотскія преступленія, вообще, [3]) „заставанье“—обнаруженіе прелюбодѣянія на мѣстѣ преступленія [4]), „потвори“—сводничество [5]), „умычка“—похи-

---

гл 44, 32, Отвѣты митроп Никиты, вопросъ 1 Эта казуистика поводовъ къ разводу подробно возстановляется въ церковномъ уставѣ, приписываемомъ в к Ярославу I, уставъ же в к Владимира ихъ не касается, опредѣляя лишь общую подсудность дѣлъ этого рода

[1]) Кормчая книга Казуистика кровосмѣшенія—Закона градскаго гр 7, гл 48, ст 2—21, Закона Богомъ даннаго Моисею гл 45, Лев, ст 18 и 20, и др Казуистика эта, отсутствующая въ уставѣ Владимира, также возстановляется въ уставѣ имени Ярослава

[2]) Кормчая книга «Иже біеть отца своего или матерь смертью да умретъ (Законъ Богомъ данный Моисею, гл 45, Исх, ст 21)

[3]) Большая часть комментаторовъ видятъ въ «смильномъ»—развратъ, распутство, вообще, проф Голубинскій—споры о приданомъ Значеніе этого слова прекрасно возстановляется изъ памятниковъ чешскихъ «smilná žena»—meretrix, т е распутница развратная женщина, «zazzenj smilne—похоть, сладострастіе (Гедеоновъ» Варяги и Русь», I, стр 312)

Кормчая книга 1) «Имѣяй жену и блудяй—да біенъ будетъ на наказаніи измѣнъ двандесять, не имѣяй жены и блудяй—да біенъ будетъ измѣнъ шесть» (Леона царя и Константина главизны, гл 49, ст 16), 2) «Иже къ женѣ мужатницѣ прелюбы творя—да окорненъ (т е оскопленъ) будетъ самъ и прелюбодѣица прелюбодѣйникъ же отъ своея жены не отлучится, аще и окорненъ есть» (тамъ же, ст 9)

[4]) Т е заставанье «прелюбодѣя со своею женою сплешася»—поясняетъ Никоновская кормчая (см у Голубинскаго «Исторія рус церкви», I, стр 531, сноска 16)

Кормчая книга въ числѣ поводовъ къ разводу указываетъ «Аще о прелюбодѣяніи возглаголетъ на ню (жену) мѣкто и явится истина» (Новыя заповѣди царя Іустиніана, гл 44, 4)

[5]) Проф Голубинскій толкуетъ «устроеніе посредствомъ волшебства дѣйствій въ мечтѣ—обморочиваніе» Позднѣйшимъ памятникамъ (воеводскіе

щеніе дѣвицы или женщины для вступленія съ нею въ бракъ (древняя языческая форма брака — „умыканіе“ невѣсть) [1]) „два друга имѣтися биги (т е подерутся), единаго жена иметь за лоно (за мошонку) другого и раздавитъ ю“ — въ высшей степени своеобразная казуистика неблагопристойной защиты женою, во время драки, мужа своего [2]) „кого застанутъ съ четвероножиною (съ четвероногимъ животнымъ)— скотоложство [3])

д) Преступленія противъ жизни (квалифицированныя), противъ неприкосновенности тѣла и чести Изъ квалифицированныхъ преступленій противъ жизни церковному уставу имени св Владиміра извѣстны слѣдующія „зелейничество“ — отравленіе [4]) и „дѣвка дѣтя поврь-

---

наказы XVII-го вѣка) извѣстенъ терминъ—«потворенная баба», комментируемый ими въ значеніи сводни «что молодыя жены съ чужими мужи сваливаетъ»

[1]) Кормчая книга «Аще кто восхититъ дѣвицу или вдовицу—не можетъ пояти ея въ жену, аще и отецъ ея совѣщаетъ и отпуститъ ему вину» (Закона градскаго гр 7, гл 48, ст 27)

Несомнѣнно, что подъ «умычкою» разумѣется здѣсь именно языческая, теперь преслѣдуемая церковью, форма брака «Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицы»—повѣствуетъ начальная лѣтопись, описывая брачные обычаи языческихъ славянъ, «браци не бываху у нихъ, но играща межю селы, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся»

[2]) Кормчая книга «Аще бiется человѣка два вкупѣ, мужъ съ братомъ своимъ и, пришедше жена единаго отняти мужа своего отъ руки бiющаго и, простерши руку, свою иметь его за тайные уды—да отсѣчени руку ей, да не пощадитъ ее око твое» (Законъ Богомъ данный Моисею, гл 45, Второзак 24)

[3]) Кормчая книга 1) «Иже аще дастъ ложе свое четвероногому—смертію да умретъ, четвероножное же да побiется» (Законъ Богомъ данный Моисею, гл 15, Лев, 20), 2) «Иже съ безсловесными студное дѣло сотворятъ, рекше съ четвероногими скоты—да урѣжется имъ срамный удъ» (Законъ градскій, гр 39, гл 48, ст 75)

Характерно что, предусматривая преступленіе скотоложства, церковный уставъ св Владиміра совершенно игнорируетъ мужеложство, по Кормчей книгѣ (см тамже, ст 74) караемое усѣкновеніемъ мечемъ

[4]) Кормчая книга 1) «Иже зелiе испiетъ и прилучится ему отъ того умрети—сотворивый се мечемъ да усѣчется» (Законъ градскій гр 39,

жеть“ — дѣтоубійство („поврьжегъ“ = „повредитъ“ = повредитъ) [1]) Изъ преступленій противъ неприкосновенности тѣла въ уставѣ фигурируетъ „зубояжа“—укушеніе въ смыслѣ способа самозащиты, какъ объясняютъ это выраженіе всѣ комментаторы устава [2]) Преступленія противъ чести выдвигаются уставомъ въ формѣ грѣхъ оскорбленій словомъ—„уреканія грн блядпею, зелп и еретичествомъ“ (т е въ развратѣ, отравленіи и колдовствѣ)

Г Къ четвертой составной части церковнаго устава св Владиміра мы отнесемъ статьи, заключающія въ себѣ перечисленіе предметовъ, лицъ и учрежденій, подвѣдомственныхъ и подсудныхъ церкви.

Вѣданію церкви ввѣряется наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣсовъ „Сеже искони уставлено есть и поручено святымъ пискупьямъ (епископствамъ)—городские и торговые всякая мѣрила, и спуды, и свѣсы, и ставила (гири), отъ Бога тако искони уставлено“, читаемъ въ уставѣ Наблюденіе это возлагается на епархіальныхъ епископовъ „Пискупу блюсти безъ пакости, ни умаляти, ни умножити за все то дати ему слово въ день суда великаго, яко же и въ душахъ человѣческихъ“— добавляетъ уставъ Это опредѣленіе всецѣло заимствовано изъ практики византійской церкви, вѣданію которой поручалось наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣ-

---

гл 48, ст 78), 2) «Виною давъ кому пити и тоя ради вины въ немощь впадетъ и приключится ему умерети—мечемъ да усѣченъ будетъ» (Царя Леона и Константина главизны, гл 49, 20)

[1]) Кормчая книга 1) «Аже жена во чревѣ имущи, зло помыслитъ на свою утробу, яко да извержетъ младенца—бѣма отъ предѣлъ да изженется» (Законъ градскій, гр 39, гл 48, ст 72), 2) «Аже жена блудъ сотвори и будетъ непраздна, и расказитъ чрево свое, яко изврещи (выкинуть плодъ)—бѣна и заточена да будетъ» (Царя Леона и Константина главизны, гл 49, 14)

[2]) Въ самое послѣднее время появилась совершенно новая попытка объясненія выраженія «зубояжа» со стороны В М Грибовскаго, отождествляющаго его съ терминомъ «звѣроядина»—въ смыслѣ употребленія въ пищу мяса животныхъ, растерзанныхъ дикими звѣрями или псами (Грибовскаго «Что такое зубояжа?», Спб 1905, рѣчь читанная въ 1905 г на актѣ Императ Археолог института)

совъ [1]), въ видахъ чего нормальные образцы ихъ хранились при церквахъ Возложеніе на церковь попеченія о правильности мѣръ и вѣсовъ практиковалось въ средніе вѣка и въ государствахъ западной Европы, а у насъ аналогичныя постановленія повторялись въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе лицъ и учрежденій, предоставленныхъ вѣданію, попеченію и юрисдикціи церкви Всѣ относящіяся сюда лица окрещиваются общимъ наименованіемъ людей церковныхъ или богадѣльныхъ (т е о которыхъ церковь печется для Бога—„Бога дѣля“) „А се церковные люди—поясняетъ уставъ игуменъ, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ, попадья и кто въ клиросѣ, игуменья, чернецъ, черница, проскурница (просвирня)“. И такъ, прежде всего, церковными или богадѣльными людьми являются всѣ представители бѣлаго духовенства, вмѣстѣ съ семьями ихъ, и весь, вообще, клиръ, а затѣмъ и черное духовенство обоихъ половъ Изъ лицъ, не прикосновенныхъ къ церковному клиру, людьми богадѣльными признаются и нѣкоторыя лица свѣтскаго состоянія, міряне—а именно „паломникъ“, „лечецъ“ (лекарь), „прощеникъ“ (лицо, получившее чудесное исцѣленіе), „задушный человѣкъ“ (рабъ, отпущенный на волю для помина души его господина), „сторонникъ“ (странникъ), „слѣпецъ“, „хромецъ“ Изъ учрежденій вѣданію церкви поручаются „монастыри“, „больницы“, „гостинницы“ и „странноприимницы“ [2]).

---

[1]) Кормчая книга «Не сотворите неправды въ мѣрилѣхъ, и въ стояліхъ, и въ превѣсѣхъ, но правдивы мѣры и мѣрила праведна, и судъ праведенъ да будетъ въ васъ» (Законъ Богомъ данный Моисею, гл 45, Исх , 22)

[2]) Нѣкоторые комментаторы недоумѣвали по поводу сопоставленія «гостинницъ» и «странноприимницъ», считая эти понятія однозначущими Едва ли это, однако же, такъ Значеніе «странноприимныхъ» домовъ,—домовъ для пріюта странниковъ,—ясно само по себѣ Значеніе «гостинницъ» выясняется изъ древняго русскаго выраженія «гостинецъ», «гостинецъ великій», встрѣчающагося въ Русской Правдѣ и означающаго собою понятіе большой дороги, большого (по которому ходятъ «гости», торговцы) тракта Съ этой точки зрѣнія терминъ «гостинница»—можетъ быть принятъ въ смыслѣ пріютовъ, устроенныхъ по большимъ торговымъ путямъ—нѣчто напоминающее позднѣйшіе постоялые дворы или почтовыя станціи

Вѣданіе церковью всѣхъ перечисленныхъ выше лицъ и учрежденій влекло за собою и распространеніе на нихъ церковнаго суда: „Митрополитъ или пискупъ,—читаемъ въ уставѣ,—вѣдаетъ межъ ими судъ, или обиды, или которы (распри), или вражда, или задница (наслѣдство)“ Если же, въ тяжбѣ между двумя лицами, одно изъ нихъ явится церковнымъ, богадѣльнымъ, слѣдовательно подсуднымъ церкви, а второе подсуднымъ суду свѣтскому—въ такомъ случаѣ назначается с у д ъ о б ч і й, смѣшанный, составленный изъ представителей властей церковной и гражданской „Аже будетъ иному человѣку съ тѣмъ человѣкомъ (церковнымъ) рѣчь (т е судъ, судоговореніе)—то обчій судъ“

Д Пятая и послѣдняя составная часть церковнаго устава имени в к Владиміра представляется ч а с т ь ю з а к л ю ч и т е л ь н о ю, содержащею въ себѣ заклятіе ненарушимости устава [1]) „Кто переступитъ си правила, якоже есмы управили по святыхъ отецъ правиломъ и по первыхъ царей управленью, кто иметь преступати правила си или дѣти мои или правнучата, или въ которомъ городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судья, а пообидятъ судъ церковный, или кто иный [2])—да будутъ прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій семью зборовъ святыхъ отецъ вселенскихъ“

Въ такомъ видѣ представляются намъ историческое значеніе, внѣшняя исторія и внутреннее содержаніе древнѣйшаго русскаго церковнаго устава, приписываемаго законодательной дѣятельности великаго князя Владиміра Святославича.

Б. УСТАВЪ О ЦЕРКОВНЫХЪ СУДАХЪ, ПРИПИСЫВАЕМЫЙ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМІРОВИЧУ.

Подобно первому русскому церковному уставу, церковный уставъ, приписываемый великому князю Ярославу Вла-

[1]) Припомнимъ свидѣтельство (подъ 996 мъ годомъ) начальной лѣтописи «И положи, написавъ, клятву въ церкви сей, рекъ аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ»

[2]) Кормчая книга «Аще же о церковныхъ вещехъ будетъ вина (судъ)—ни единаго же общенія имѣти градскимъ властелемъ (гражданскимъ властямъ), но епископъ по священнымъ правиломъ да судитъ» (Отъ свитка новыхъ заповѣдей Іустиніана царя, гл 42, ст 56)

димировичу, также дошель до насъ въ спискахъ болѣе или менѣе краткихъ или распространенныхъ редакціи среди разнообразія которыхъ нѣтъ никакой возможности выдѣлить такую, которая, хотя съ приблизительною степенью вѣроятности, могла бы быть приписана законодательной дѣятельности самого Ярослава Памятникъ, извѣстный подъ названіемъ „церковнаго устава в к Ярослава“, выдержалъ на себѣ, и даже въ несравненно болѣе значительной мѣрѣ, тотъ же процессъ какому подвергся и церковный уставъ Владимира, т е исходя изъ первоначальной и основной редакціи, которая могла принадлежать и Ярославу, онъ впослѣдствіе времени видоизмѣнялся, распространялся и получалъ ту или иную редакцію по усмотрѣнію его списателей и компиляторовъ Съ этой точки зрѣнія интересующій насъ памятникъ раздѣлилъ судьбу не только уже разсмотрѣннаго нами церковнаго устава, но и судьбу Русской Правды—памятника свѣтскаго права, связаннаго съ именемъ того же великаго князя Ярослава Этотъ памятникъ представляетъ аналогію съ первымъ церковнымъ уставомъ и въ томъ отношеніи, что онъ также не дошелъ до насъ въ самостоятельныхъ спискахъ, оказываясь занесеннымъ въ различные сборники духовно-религіознаго содержанія

Такъ называемый церковный уставъ в к Ярослава дошелъ до нашего времени въ двухъ основныхъ редакціяхъ— восточно-русской и западно-русской Западно-русская редакція его, извѣстная подъ названіемъ „Свитка правъ великаго князя Ярослава Владимировича“—не будетъ подлежать нашему изслѣдованію, такъ какъ подложность этого памятника, измышленнаго духовенствомъ для укрѣпленія авторитета и правъ церкви въ подпавшей послѣ татарскаго погрома подъ власть польско-литовскаго государства Руси западной или Литовской, является въ наукѣ общепризнанною и стоящею внѣ всякихъ сомнѣній [1]) Такимъ образомъ, наше дальнѣйшее вниманіе будетъ остановлено на разсмотрѣніи только восточно русской редакціи устава

До настоящаго времени издано въ свѣтъ не менѣе восьми различныхъ списковъ церковнаго устава имени великаго князя

[1]) Интересующіеся найдутъ эту западно-русскую редакцію устава въ первомъ томѣ «Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи», изданныхъ археографическою коммиссіею

Ярослава Владимировича Самою подробною изъ извѣстныхъ до сихъ поръ редакцій этого памятника является редакція списка, оказавшагося въ Кормчей книгѣ начала XVI-го вѣка, хранящейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ (№ 232 каталога). Самою краткою редакціею его признается редакція списка XVI-го же вѣка, открытаго Н М Карамзинымъ и изданнаго во второмъ томѣ (примѣчаніе 108-ое) его „Исторіи государства россійскаго“, впослѣдствіе проф И Д Бѣляеву посчастливилось найти болѣе ранній списокъ совершенно такой же редакціи, оказавшійся въ Кормчей книгѣ 1499-го года, принадлежащей библіотекѣ московскаго Чудовскаго монастыря Самыми ранними списками устава является списокъ, находящійся въ лѣтописи Переяславля-Суздальскаго и напечатанный, вмѣстѣ съ этою послѣднею, въ „Временникѣ“ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, несомнѣнно относящійся къ XV-му столѣтію и, по свидѣтельству Бѣляева, болѣе всѣхъ другихъ носящій на себѣ черты древности, а также, по свидѣтельству Е Е. Голубинскаго, списокъ Соловецкой кормчей 1493-го года (изданъ въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1861 г, часть III).

Церковный уставъ имени в. к Ярослава, какъ и уставъ, приписываемый его отцу, подвергся сильнымъ сомнѣніямъ въ его подлинности, причемъ и на этотъ разъ вопросъ о томъ впервые возбужденъ былъ Карамзинымъ Сущность преставленныхъ исторіографомъ **возраженій противъ подлинности этого памятника** сводится къ нижеслѣдующему

Во первыхъ—неологизмы, встрѣчающіеся въ текстѣ устава. Такъ, счетъ пеней, назначаемыхъ въ немъ за различныя правонарушенія, во многихъ случаяхъ ведется рублями, т. е денежною системою въ эпоху Ярослава, когда существовала у насъ „гривенная“ денежная система, еще не извѣстною, равнымъ образомъ, проводится здѣсь же различіе бояръ „большихъ“ и „меньшихъ“, людей „нарочитыхъ“ и „простой чади“, а въ эпоху Ярослава, какъ утверждаетъ Карамзинъ, этихъ классовыхъ терминовъ будто бы еще не существовало Защитники подлинности устава возражали, что если бы и была даже несомнѣннымъ образомъ доказана невозможность существованія въ эпоху Ярослава нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ приписываемомъ ему уставѣ выраженій, то это свидѣтельствовало бы лишь о томъ, что, въ интересахъ практики, слогъ

первоначальной редакции устава съ теченіемъ времени пополнялся согласно постепенному измѣненію какъ жизненныхъ условій, такъ и формъ языка, причемъ устарѣвшія и вышедшія изъ употребленія выраженія замѣнялись позднѣйшими писателями новыми и болѣе понятными — явленіе, самое обыкновенное въ исторіи памятниковъ права не только древнихъ эпохъ, но и эпохъ новыхъ. Болѣе неженъ естественнымъ представляется и тотъ фактъ, что, съ появленіемъ на Руси рублевой денежной системы и съ вытѣсненіемъ ею старой системы денежнаго счета на „гривны“ и „куны — эта перемѣна не могла не отразиться и на уставѣ, въ смыслѣ переложенія въ немъ, въ подходящихъ случаяхъ, стараго денежнаго счета на новый

Второе возраженіе Карамзина сводится къ противорѣчіямъ между церковнымъ уставомъ и Русскою Правдою, не взирая на то, что оба памятника связываются съ именемъ одного и того же великаго князя, и иллюстрируются имъ слѣдующимъ примѣромъ По церковному уставу поджогъ („зажигательство“), кража и нанесеніе побоевъ—облагаются денежною пенею въ пользу епископа, а по Русской Правдѣ эти правонарушенія караются судомъ свѣтскимъ Возражая Карамзину, К А Невольнн, одинъ изъ сторонниковъ подлинности устава (въ его только краткой впрочемъ, редакціи) замѣчаетъ, что, хотя кража и причиненіе побоевъ, и на самомъ дѣлѣ, являются подсудными, по Русской Правдѣ—суду свѣтскому, по церковному уставу—суду церковному, но дѣло, въ данномъ случаѣ, заключается въ томъ, что уставъ предусматриваетъ случаи этихъ правонарушеній или имѣющіе мѣсто между супругами и членами одной семьи, или при свадьбахъ и сговорахъ, отношенія же этого рода вѣдались церковью, напротивъ, Русская Правда трактуетъ объ этихъ правонарушеніяхъ—вообще, безъ квалифицированія ихъ примѣнительно къ отдѣльнымъ лицамъ и отношеніямъ, почему и подчиняетъ ихъ суду свѣтскому, княжескому.

Болѣе труднымъ является примиреніе противорѣчія, возникающаго на почвѣ подсудности преступленія „зажигательства“ (поджога) Здѣсь противорѣчіе, дѣйствительно, рѣзко бьетъ въ глаза уставъ опредѣляетъ за поджогъ „двора, гумна‘ и т п пеню въ пользу епископа въ размѣрѣ 100

гривенъ, прибавляя слова—„а князь казнитъ“, Русская Правда назначаетъ за то же преступленіе высшую мѣру извѣстныхъ ей каръ—„потокъ и разграбленіе“, т е изгнаніе („поточеніе“) преступника, соединенное съ конфискаціею всего его имущества Признавая въ данномъ случаѣ дѣйствительное противорѣчіе, Неволинъ не совсѣмъ удачно объясняетъ его позднѣйшею вставкою въ текстъ устава, ссылаясь на то, что соотвѣтствующая статья устава носитъ характеръ именно вставочный, совершенно не кстати оказавшись среди ряда статей, предусматривающихъ преступленія плотскія На нашъ личный взглядъ, это кажущееся противорѣчіе разъясняется гораздо проще при наложеніи на преступника кары „потокомъ и разграбленіемъ“, часть конфискуемаго у него имущества могла опредѣляться въ видѣ льготы, привиллегіи, въ пользу церкви (въ лицѣ епископа), независимо отъ суда и наказанія гражданскаго, а на наличность этого послѣдняго совершенно опредѣленнымъ образомъ указываетъ прибавка—„а князь казнитъ“, т е князь налагаетъ наказаніе

Въ третьихъ,—продолжаетъ нашъ историографъ,—церковный уставъ имени в к Ярослава не согласенъ съ позднѣйшимъ церковнымъ законодательствомъ, именно съ церковнымъ „Правиломъ“ митрополита Іоанна II (1080—1088 гг), въ силу котораго прелюбодѣяніе наказывается эпитеміею, безъ всякой денежной пени, тогда какъ уставъ облагаетъ это преступленіе именно денежною пенею въ пользу епископа Неволинъ объясняетъ это разнорѣчіе тѣмъ, что правило митрополита Іоанна говоритъ о наказаніи прелюбодѣевъ, добровольно кающихся духовнымъ отцамъ своимъ, тогда какъ церковный уставъ—о прелюбодѣяхъ, уличенныхъ путемъ формальнаго суда, въ виду чего въ первомъ случаѣ наказаніе носитъ чисто нравственный характеръ, во второмъ случаѣ оно носитъ уже характеръ взысканія уголовнаго

Четвертое возраженіе Карамзина сводится къ очевиднымъ нелѣпостямъ, усмотрѣннымъ имъ въ церковномъ уставѣ имени в к Ярослава Такъ, за оскорбленіе словомъ боярской жены опредѣляется здѣсь пеня въ размѣрѣ 10 гривенъ (т е 5 фунтовъ) золота, тогда какъ за убійство самого боярина Руская Правда взимаетъ только виру

въ 80 гривенъ кунъ, т. е почти въ шесть разъ менѣе [1]) Еп. митрополитъ Евгеній („Описаніе кіево-софійскаго собора и пр.," 1825), опровергая этотъ доводъ Карамзина, зая тлъ, что трудно прилагать къ древнимъ законамъ понятія нынѣшней современности что кажется нелѣпымъ намъ, современникамъ, то могло казаться нашимъ отдаленнымъ предкамъ, съ точки зрѣнія ихъ міровоззрѣнія вполнѣ логичнымъ и естественнымъ возможно и то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простою путаницею или опискою, допущенною списателемъ устава Неволинъ добавляетъ къ этому, что смутившая историографа несоразмѣрность пеней можетъ корениться и въ самомъ счетѣ денежной системы обоихъ памятниковъ

Представивъ свои возраженія противъ скептическихъ доводовъ Карамзина, Неволинъ замѣчаетъ, что доводами историографа не исчерпываются всѣ сомнѣнія по вопросу о подлинности интересующаго насъ памятника Онъ уже самъ выдвигаетъ нѣкоторыя недоумѣнія, возникающія въ области этого вопроса, и старается тутъ же дать имъ разрѣшеніе

Здѣсь вниманіе Неволина прежде всего останавливается на слѣдующемъ вопросѣ какимъ образомъ могла возникнуть въ нѣдрахъ православной церкви мысль объ обложеніи денежными пенями преступленій, подлежащихъ духовному суду? Дѣло въ томъ, что разбираемый уставъ, какъ и уставъ имени в ъ Владиміра, въ качествѣ источника своего ссылается на номоканонъ но этому послѣднему памятнику денежныя пени, въ качествѣ наказанія за уголовныя правонарушенія—совершенно неизвѣстны, отсюда становится яснымъ, что система денежныхъ пеней заимствована уставомъ не отсюда Откуда же могла она появиться въ русскомъ церковномъ уставѣ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Неволинъ предполагаетъ, что происхожденіе ея слѣдуетъ искать въ началахъ выраженныхъ въ Русской Правдѣ, въ которой подлежащія суду свѣтской власти правонарушенія караются денежными пенями какъ въ пользу князя (уголовный элементъ наказанія—виры, продажи), такъ и въ пользу потерпѣвшихъ (гражданскій элементъ—головщина, урокъ) Такимъ образомъ, церковный уставъ имени в к Ярослава только перенесъ въ сферу церковнаго суда ту

[1]) 1 гривана золота=50 гривнамъ кунныхъ

карательную систему, которая практиковалась въ свѣтскихъ судахъ, съ тѣмъ только видоизмѣненіемъ, что первая пеня (заключающая въ себѣ уголовный элементъ кары) опредѣляется уже не въ пользу князя, а въ пользу церкви (епископа) Этимъ простымъ заимствованіемъ уставъ, однако, не ограничился, но въ случаяхъ болѣе серьезныхъ, послѣ опредѣленія размѣра денежной пени, добавляетъ—„а князь казнитъ“, тѣмъ самымъ оставляя за княземъ наложеніе уже чисто уголовныхъ наказаній, готовая, обширная и въ высшей степени суровая система которыхъ раскрывалась Номоканономъ или Кормчею книгою

Можно признать, этимъ путемъ, что въ разсматриваемомъ нами церковномъ уставѣ выразилась тенденція примирить въ области карательной системы два начала—русское (денежныя пени) и греко-византійское (казнь, личныя наказанія) На этой почвѣ создалась сложная двойственная система наказаній, которая можетъ почитаться отраженіемъ стремленія духовенства пробить брешь для проведенія въ сферу суда началъ права византійскаго А что наше древнее духовенство далеко не было чуждо такого стремленія, это прекрасно иллюстрируется извѣстнымъ простодушнымъ лѣтописнымъ разсказомъ о попыткѣ духовенства примѣнить начало византійскаго законодательства къ преступленію разбоя „Усилились разбои, — говорили епископы великому князю Владиміру,—почему ты не казнишь разбойниковъ?“ „Боюсь грѣха!“—отвѣчалъ имъ князь —„Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ,—увѣщевали его епископы,—слѣдуетъ казнить разбойниковъ, но съ испытомъ“ Великій князь поддался внушенію, отмѣнилъ полагавшіяся за разбой виры (денежныя пени) и началъ разбойниковъ наказывать смертью [1]) Но не долго продолжалась эта побѣда ви-

---

[1]) Кормчая книга караетъ разбой—повѣшеніемъ «Разбиваяй, и присѣданія творяй, и убиваяй, на немъ же мѣстѣ ятъ будетъ—да востокнутъ его на древо» (Царя Леона и Константина главизны, гл 49, ст 24) По Русской Правдѣ простой разбой (не квалифицированный) влекъ за собою денежную пеню въ 80 и даже 40 гривенъ, и только разбой квалифицированный (съ убійствомъ безъ свады) карался высшимъ личнымъ наказаніемъ этого памятника—изгнаніемъ и конфискаціею имущества (потокъ и разграбленіе)

запѣтизма вскорѣ Владимиръ снова возвратился къ вирамъ „и живяше Володимеръ,—поясняетъ „Іописецъ“,—по устроенью отню (отцовскому) и дѣдню“

Второе недоумѣніе, выставленное Неволинымъ, строится на значительной детальности опредѣленія устава имени Ярослава въ сравненіи съ Русскою Правдою (краткой редакціи), принадлежащею тому же великому князю Могъ ли быть настолько подробнымъ памятникъ церковнаго законодательства,—самъ себя вопрошаетъ Неволинъ,—если былъ такъ поразительно кратокъ современный ему памятникъ права свѣтскаго? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить то соображеніе, что нормы права свѣтскаго, кромѣ Русской Правды, выражались, и въ несравненно болѣе широкой мѣрѣ, еще и въ обычномъ правѣ русскаго народа, церковное же законодательство явилось на Руси дѣломъ совершенно новымъ, требовавшимъ болѣе или менѣе обстоятельной регламентаціи, предусматривающимъ возможно широкій кругъ правоотношеній, соприкасающійся, даже, съ казуистикой — что мы всецѣло и находимъ въ разсматриваемомъ памятникѣ Слѣдуетъ имѣть въ виду и то обстоятельство, что первоначальный текстъ устава намъ—неизвѣстенъ, а то, что дошло до нашихъ дней подъ наименованіемъ „устава в к Ярослава о церковныхъ судахъ“—представляетъ собою конгломератъ разнообразныхъ и разновременныхъ наслоеній, накоплявшійся на протяженіи не одного столѣтія

Третье недоумѣніе Неволина сводится къ отсутствію слѣдовъ не только практическаго примѣненія но и самого существованія разбираемаго нами церковнаго устава въ древнѣйшія поры русской жизни И въ самомъ дѣлѣ древнѣйшія свидѣтельства объ этомъ памятникѣ восходятъ къ эпохѣ не ранѣе конца XIV или начала XV вѣка, древнѣйшій же списокъ его не старѣе конца XIV столѣтія, причемъ уставъ этотъ оказывается занесеннымъ лишь въ весьма ограниченное количество списковъ кормчихъ книгъ — и въ этомъ отношеніи уставъ имени в к. Владиміра имѣетъ передъ нимъ огромное преимущество, встрѣчаясь въ кормчихъ весьма часто Правда, что на практическое примѣненіе устава, приписываемаго в к Ярославу, указываетъ подтвержденіе его жалованною грамотою вел. князя

Василія Дмитріевича, данною въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка митрополиту Кипріану, правда, что и московскій духовный соборъ 1500 года, ограждая права духовенства, ссылался на этотъ памятникъ, — но, съ другой стороны, ни стоглавый соборъ 1551 года, ни весьма важный соборъ 1667 года, подтвердивъ уставъ св Владиміра, ни словомъ не обмолвливаются относительно церковнаго устава Ярослава Неволинъ ищетъ причину малой распространенности этого послѣдняго памятника—въ немъ самомъ, именно въ его замысловатой системѣ денежныхъ пеней, размѣры которыхъ самымъ скрупулезнымъ образомъ предусмотрѣны для каждаго конкретнаго случая, а также въ смѣшеніи въ немъ двухъ денежныхъ системъ, старой—гривенной (кунной), и новой—рублевой Все это должно было вносить путаницу и въ систему пеней устава, и въ самую практику Пени стали назначаться по собственному усмотрѣнію духовныхъ судей—и всѣ казуистичныя опредѣленія устава уже очень рано должны были потерять всякое практическое значеніе, сдѣлавшись къ XV вѣку совершеннымъ анахронизмомъ Понятно, что послѣ этого утратилась уже всякая практическая необходимость заносить такъ называемый церковный уставъ в к Ярослава въ кормчія книги, практика же довольствовалась уставомъ св Владиміра, въ которомъ концентрировались всѣ общія начала, имѣвшіяся на лицо въ разбросанныхъ и казуистическихъ опредѣленіяхъ второго русскаго церковнаго устава. Такимъ образомъ, связавъ себя казуистикою и конкретно-точною регламентаціею денежныхъ пеней, церковный уставъ имени в к Ярослава тѣмъ самымъ самъ обрекъ себя на утрату практическаго значенія и, какъ прямое слѣдствіе этого—на преждевременное забвеніе

Таково положеніе вопроса о подлинности церковнаго устава, приписываемаго в к. Ярославу Владиміровичу. Добавимъ, что, изъ церковныхъ историковъ послѣдняго времени, рѣшительнымъ и безусловнымъ противникомъ подлинности этого памятника выступилъ проф Е Е Голубинскій, признавшій его, съ точки зрѣнія внутренняго содержанія, ни съ чѣмъ не „сообразнымъ“, „совершенно абсурднымъ“ и, даже, „противнымъ разуму человѣческому“

Переходя къ обзору внутренняго содержанія церковнаго устава, приписываемаго великому князю Ярославу Владиміровичу, мы считаемъ необходимымъ прежде всего отмѣтить характерную черту, отличающую его, съ точки зрѣнія внутренняго содержанія, отъ церковнаго устава имени в. к. Владиміра. Если этотъ послѣдній памятникъ носитъ, какъ мы видѣли, характеръ преимущественно уставный, учредительный, если онъ является сборникомъ общихъ началъ и избѣгаетъ детальной регламентаціи—то совершенную противоположность представляетъ ему въ этомъ отношеніи уставъ имени вел. к. Ярослава, преслѣдующій уже задачи практическаго примѣненія этихъ общихъ началъ, а потому впадающій въ подробную регламентацію отдѣльныхъ правоотношеній, въ казуистику, въ мелочную расцѣнку правонарушеній съ точки зрѣнія налагаемыхъ за нихъ каръ,—что, какъ мы это уже знаемъ, не преминуло отразиться и на самой исторической судьбѣ этого памятника.

Въ основу изложенія внутренняго содержанія интересующаго насъ церковнаго устава мы положимъ краткую редакцію,—какъ наиболѣе, конечно, близкую къ неизвѣстному первообразу его, который могъ появиться въ свѣтъ и при томъ великомъ князѣ, имя котораго преданіе связало съ этимъ памятникомъ. Это та именно редакція (списокъ „карамзинскій“—см. выше стр. 260), которая напечатана Карамзинымъ въ его „Исторіи государства россійскаго“, а въ послѣднее время воспроизведена проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его „Христоматіи по исторіи русскаго права“ [1]).

Изложеніе внутренняго содержанія церковнаго устава имени в. к. Ярослава I будетъ предложено нами въ слѣдующихъ четырехъ, рѣзко различающихся между собою объемомъ, рубрикахъ: а) часть вступительная, б) исчисленіе подсудныхъ церкви правоотношеній и правонарушеній, съ опредѣленіемъ взысканій по этимъ послѣднимъ, в) разграниченіе судебной компетентности церковной и свѣтской властей и г) часть заключительная. Какъ и при обзорѣ содержанія перваго цер-

[1]) Мы будемъ пользоваться именно этимъ изданіемъ устава, принявъ и раздѣленіе содержанія его на статьи, сдѣланное самимъ составителемъ христоматіи.

ковнаго устава, мы и здѣсь будемъ стараться, въ предѣлахъ возможности, давать въ подстрочныхъ сноскахъ ссылки на соотвѣтствующія опредѣленія Номоканона или Кормчей книги какъ источника на который указываетъ этотъ уставъ

А Вступительная часть разбираемаго нами памятника близко напоминаетъ намъ введеніе къ предшествовавшему уставу Въ уста вел кн Ярослава влагается здѣсь торжественное заявленіе, что, „по данью (завѣту, примѣру) отца своего“, онъ „сгадалъ съ митрополитомъ съ Ларіономъ (Иларіономъ)“ и, справившись съ греческимъ номоканономъ, нашелъ въ немъ—„аже не подобаетъ сихъ тяжь судити князю и бояромъ“, почему и „далъ есмь митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ номоканонѣ, по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ крестьянство есть“ [1])

Б Непосредственно за вступленіемъ излагается самая обширная и существенная составная часть разбираемаго памятника, заключающая въ себѣ исчисленіе отношеній и правонарушеній, подвѣдомственныхъ и подсудныхъ церкви, съ назначеніемъ за послѣднія опредѣленныхъ взысканій Всѣ относящіяся сюда статьи могутъ быть распредѣлены по нѣсколькимъ группамъ, въ которыхъ, въ интересахъ большей выпуклости изложенія, мы ихъ и разсмотримъ

I Преступленія противъ брачнаго союза. Во главѣ относящихся сюда статей мы поставимъ крайне интересныя опредѣленія устава, касающіяся „роспуста“, т е развода Если уставъ имени в к Владиміра только мимоходомъ упоминаетъ о роспустѣ, какъ предметѣ церковнаго суда, то въ занимающемъ насъ уставѣ даются въ этомъ направленіи уже весьма подробныя постановленія Уставъ имени в к Ярослава различаетъ два вида роспуста, развода а) разводъ двухсторонній, наступающій по обоюдному и добровольному согласію супруговъ, и б) разводъ односторонній—„отпущеніе“, наступающій по волѣ одного изъ супруговъ, когда или мужъ „пуститъ“ отъ себя жену, или, обратно, жена такимъ же точно образомъ „пуститъ“ отъ себя

[1]) Т е гдѣ имѣются христіане въ эпоху Ярослава I далеко не всѣ русскія области были уже просвѣщены новою вѣрою

мужа, это послѣднее указаніе представляетъ собою крупную цѣнность, въ смыслѣ свидѣтельства о совершенно самостоятельномъ семейномъ положеніи женщины въ допетровскую эпоху русской исторической жизни

Въ первомъ случаѣ — „аже мужъ съ женою по своей волѣ распустится“ (ст. 14 по христоматіи Владимірскаго-Буданова), т. е. разводъ явится двухсторонним, всѣ послѣдствія ограничиваются уплатою пени въ пользу епископа въ размѣрѣ 12 гривенъ, если разводящіеся супруги были вѣнчаны, если же они не были обвѣнчаны („а буде не вѣнчался“)—пеня въ пользу епископа понижается вдвое, до 6 гривенъ. Это опредѣленіе весьма важно съ точки зрѣнія исторіи русскаго брачнаго права, являясь свидѣтельствомъ господства въ основѣ древне-русскаго брака гражданско-договорнаго начала, при которомъ для заключенія брачнаго союза существенно необходимымъ являлось договорное соглашеніе („сговоръ“, „рядъ“), церковное же вѣнчаніе обязательнымъ не считалось, что и дало поводъ митрополиту Іоанну (XII вѣкъ) сѣтовать на то, что церковное вѣнчаніе практикуется, преимущественно, въ высшихъ классахъ—среди князей и бояръ, между тѣмъ какъ низшіе классы населенія („простая чадь“) считаютъ возможнымъ обходиться и безъ него II, въ самомъ дѣлѣ, по смыслу разобранной статьи оказывается, что уставъ не только признаетъ дѣйствительнымъ (на что указываютъ термины „мужъ“, „жена“, „роспуститься“) бракъ невѣнчанный, но считаетъ даже это обстоятельство, въ случаѣ развода, смягчающимъ взысканіе, уменьшая это послѣднее на половину.

Во второмъ случаѣ (ст 3), когда роспустъ является односторонним и мужъ „пустилъ“ отъ себя жену безъ всякой съ ея стороны вины („аже пуститъ жену безъ вины“), взысканіе въ пользу епископа является уже несравненно болѣе высокимъ, причемъ къ нему присоединяется еще особое взысканіе въ пользу отпущенной „за соромъ“, т. е. за срамъ, за позоръ, и уголовное наказаніе, налагаемое княземъ („а князь казнитъ“) Въ данномъ случаѣ оба денежныя взысканія модифицируются, прогрессивно понижаясь, сообразно съ пониженіемъ общественнаго положенія оскорбленной такъ, за „отпускъ“ жены „великаго боярина“ — присуждается по 5 гривенъ золота (ок. $2^1/_2$ фунтовъ этого металла) какъ въ

пользу епископа, такъ и за соромъ, оба взысканія понижаются до 3 рублей (наглядный примѣръ уже извѣстнаго намъ смѣшенія уставомъ двухъ денежныхъ системъ) за отпущеніе жены „нарочитаго человѣка“ (лица средняго состоянія), и до 15 гривенъ кунами, т е почти въ 17 разъ менѣе [1]) сравнительно съ первою пенею, за отпущеніе жены простолюдина („простой чади“), во всѣхъ этихъ случаяхъ присоединяется еще уголовное взысканіе—„а князь казнитъ“

Допуская такимъ образомъ, возможность роспуста или развода брачныхъ союзовъ какъ вѣнчанныхъ, такъ и невѣнчанныхъ, уставъ указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторые поводы, которые не могутъ служить для него основаніемъ Такими поводами не должны служить „лихой недугъ“ (падучая болѣзнь, порча?), слѣпота и „долгая (хроническая) болѣзнь“, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мужу „про то ее (жену) не пустити, такъ же и женѣ неизѣ пустити мужа“ (ст 8)

Послѣдствіемъ роспуста является возможность вступленія въ новый бракъ, если же мужъ женится на другой женѣ не „роспустившись“ (предполагается — формально) съ первою женою, въ такомъ случаѣ онъ оказывается „въ винѣ“ (размѣръ взысканія не указывается) передъ епископомъ, причемъ присуждается къ сожительству съ первою женою, а вторая жена берется въ „домъ церковный“ (монастырь?) „Аже мужъ оженится иною женою, со старою не роспустився, мужъ епископу въ винѣ, а молоду въ домъ церковный, а съ старою жити“ (ст 7) [2]) Предусматривается, загѣмъ, и двоеженство уже въ собственномъ смыслѣ этого понятія, т е въ смыслѣ одновременнаго сожительства съ двумя женами—„аже двѣ жены кто водитъ“, самый глаголъ „водити“ ясно показываетъ, что рѣчь идетъ здѣсь не о простомъ конкубинатѣ, наложничествѣ, но о бракѣ,—именно о переживаніи стараго язы-

---

[1]) 1 гривна золота=50 гривнамъ кунъ, слѣдовательно 5 гривенъ золота=250 гривнамъ кунъ

[2]) Кормчая книга «Имѣяй двѣ жены, да изженитъ (изгонитъ) меньшую и съ дѣтьми ея, и бѣлъ да будетъ, и посту на 7 лѣтъ да подлежитъ» (Законъ судный людямъ, гл. 46, 14)

ческаго многоженства [1]) Съ того, кто водитъ двухъ женъ уставъ опредѣляетъ въ пользу епископа пеню въ 10 гривенъ кунъ, причемъ присуждается кунъ съ первой женою а та, которая „поялегла“—берется въ „домъ церковныи“ если же мужъ станетъ причинять присужденной ему женѣ какое нибо зло—онъ подвергается соотвѣтствующему наказанію „Аже —читаемъ въ уставѣ (ст 13) —двѣ жены кто водитъ епископу 40 гривенъ а которая поялегла—ту поняти въ домъ церковныи, а первую держати по закону а имѣть ихо водити ко—казнью казнить сіо“ [2])

Послѣдняя изъ статей разсматриваемой нами группы опредѣленій устава направлена противъ заключенія насильственныхъ браковъ „Аже дѣвка не восхощеть замужь, а отець и мати силою дадуть, а что створить надъ собою—отецъ и мати епископу въ винѣ, а исторъ имъ платить, такоже и отрокъ“ (ст 21) Смыслъ этого опредѣленія достаточно ясенъ если принужденная къ браку дочь что нибудь „сотворитъ надъ собою“ подъ вліяніемъ насилія ея воли родителями—послѣдніе отвѣчаютъ передъ церковнымъ судомъ и, сверхъ того обязаны уплатить „исторъ и отрокъ“ (т е убытки, неустойку, которыми у нашихъ предковъ обезпечивалось выполненіе словора, ряда, брачнаго соглашенія), эта статья служитъ доказательствомъ не безправнаго положенія дочери въ древнѣйшей русской до-монгольской семьѣ

II Преступленія плотскія Во главѣ предусматриваемыхъ уставомъ плотскихъ преступленій мы поставимъ опредѣленіе этого памятника, касающееся прелюбодѣянія, вообще Здѣсь установляется кругъ лицъ, которыя всецѣло и уже безъ всякаго соотношенія къ свѣтскимъ властямъ подлежатъ по дѣламъ этого рода церковному суду, причемъ этому послѣднему и предоставляется въ каждомъ отдѣль-

---

[1]) Выраженія «водити» жену, «привести» жену, «водимая жена»—все это слишкомъ извѣстные брачные термины нашихъ древнихъ памятниковъ Начальная лѣтопись, разсказывая про женитьбу в к Владимира, говоритъ что у него было 5 женъ «водимыхъ» и 800 «наложницъ»

[2]) Кормчая книга «Иже двѣ женѣ имѣти покусится не закономъ, нрава изволеніемъ—добрѣ подиметъ прелюбодѣянія казнь (смертную), послѣди же сочетавшаяся ему жена, аще не вѣдаше, яко имать законную жену, помиловама будетъ» (Законъ градскій, гр 39, гл 48, ст 70)

номъ случаѣ назначать размѣръ взысканія Это — лица чернаго и бѣлаго духовенства, къ которымъ присоединена и просвирня „Аже чернецъ, или черница, или попъ, или попадья, или проскурница впадутъ въ блудъ—тѣхъ судити епископу оприсно мірянъ, и во что ихъ осудить воленъ“ (ст 30) [1]) Затѣмъ приводятся два специфическихъ вида блуда блудъ мірянина съ монахинею („аже кто блудитъ съ черницею“, ст 15), влекущій за собою пеню въ 100 гривенъ въ пользу епископа [2]), и блудъ мужа отъ жены своей („аже мужъ отъ жены блядень“, ст 6), за который, кромѣ пени въ пользу епископа, размѣръ которой не указывается, налагается еще и свѣтское наказаніе—„а князь казнитъ“

Весьма подробными представляются опредѣленія устава относительно кровосмѣшенія, что является отраженіемъ вліянія номоканона или кормчей книги, въ различныхъ отдѣлахъ которыхъ казуистикѣ предступленій этого рода отводится чрезвычайно видное мѣсто На первомъ планѣ поставлено здѣсь общаго характера опредѣленіе, касающееся кровосмѣшенія посредствомъ брака „Аже ближній родъ (родственники) поимется—епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитемью да примутъ“ (ст 12), а затѣмъ частный случай такого кровосмѣшенія „Аже два брата будутъ съ единою женою—епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный (ст 20) Далѣе слѣдуетъ казуистика кровосмѣшенія посредствомъ блуда [3]), отдѣльные виды кото-

---

[1]) Кормчая книга съ крайнею суровостью относится къ преступленіямъ этого рода Такъ—«блудящему чернецу по закону людскому (свѣтскому) носъ урѣзати, а по церковному закону—постъ ему же на 15 лѣтъ налагается» (Законъ судный людямъ, гл 46, 6) За прелюбодѣяніе (блудъ), вообще, кормчая книга опредѣляетъ слѣдующее (свѣтское) наказаніе «Прелюбодѣй бѣенъ и стриженъ, и носа урѣзаніе да пріемлетъ» (Законъ градскій, гр 39, гл 48, ст 45)

[2]) Кормчая книга «Блудяй съ монастырницею да обрѣзанъ будетъ» (Царей Леона и Константина главизны, гл 49, ст 21)

[3]) Казуистика, заимствованная изъ Кормчей книги, гдѣ виды кровосмѣшенія, вмѣстѣ съ налагаемыми за нихъ наказаніями, изложены въ слѣдующей послѣдовательности

«Кровомѣшцы, аще родители съ чады, аще же чада съ родители

раго мы и перечислимъ, начиная съ важнѣйшихъ, съ точки зрѣнія устава, изъ нихъ Во главѣ идетъ кровосмѣшеніе блудомъ братьевъ съ сестрами и свекра со снохою (снохачество), изъ которыхъ каждое влечетъ за собою пеню епископу въ размѣрѣ 100 гривенъ и наложеніе „епитемьи (въ смыслѣ наказанія, вообще,—значеніе, съ которымъ слово это фигурируетъ въ договорѣ съ греками 912 года) по закону", затѣмъ слѣдуетъ блудъ кума съ кумою—пеня въ пользу епископа въ размѣрѣ 1 гривны золота и епитемья блудъ съ мачихою—40 гривенъ кунами епископу и епитемья, и одновременный блудъ съ двумя сестрами—пеня епископу въ 30 гривенъ кунами (ст ст 11, 17, 9, 19 и 18)

Третій и послѣдній видъ плотскихъ преступленій представляетъ собою сьотоложство (блудъ „съ животиною"), облагаемое 12-ю гривнами въ пользу епископа и, кромѣ того, епитемьею[1]) Любопытно, что мужеложство, весьма строго обсуждаемое номоканономъ (усѣьновеніе мечемъ обоихъ виновныхъ), уставомъ имени в. к Ярослава, какъ и первымъ церковнымъ уставомъ, совершенно игнорируется

III Преступленія противь цѣломудрія и чести женщинъ Отличительная черта разбираемаго нами памятника, несомнѣнно представляющая собою отраженіе соотвѣтствующихъ опредѣленій номоканона, но, съ другой стороны, вполнѣ гармонирующая и общему духу древне-русскаго правового сознанія—это весьма строгое отношеніе его къ преступленіямъ противъ цѣломудрія и чести женщинъ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда въ преступленія этого рода предвходитъ элементъ насилія Первая, относя-

---

сирѣчь отецъ съ дщерію или сынъ съ матерію смѣшится, или братія съ сестрами—мечемъ да усѣчени будутъ

Но иному же сродству другъ другу смѣшающеся, еже есть аще отецъ съ женою сына своего, или сынъ съ женою отца своего, рекше съ мачихою, или отчимъ съ падчерицею, или братъ съ женою брата своего, или стрый съ сестричною (*дядя съ племянницею*), или сестричъ (племянникъ) съ теткою, или со двѣма сестреницами (сестрами), или съ матерію чужою и со дщерію ея — таковые бiемы и носа урѣзаніе да пріимутъ» (Законъ градскій, гр 39, гл 48, ст 69)

[1]) Кормчая книга «Аже съ безсловесными студное дѣло сотворятъ, рекше съ четвероногими скоты, да урѣжется имъ срамный удъ» (Законъ градскій, гр 39, гл 48, ст 75)

щаяся сюда статья, стоящая во главѣ всѣхъ остальныхъ опредѣленій разбираемаго нами памятника, говоритъ о похищеніи или насиліи дѣвицы „Аже кто умчитъ дѣвку или насилить, аже боярская дчи—за срамъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ—1 гривна золота, а епископу—гривна золота, добрыхъ людей за соромъ—5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ по гривнѣ серебра епископу, а князь казнитъ“ (ст 1) Толкованіе этой статьи, аналогичной уже разобранной нами выше статьѣ объ „отпусканіи жены безъ вины“ въ томъ отношеніи, что и здѣсь взысканіе соразмѣряется съ общественнымъ положеніемъ потерпѣвшей, не представляетъ никакихъ затрудненій Подъ „умычниками“, раздѣляющими взысканіе съ главнымъ виновникомъ, здѣсь разумѣются лица, помогавшіе въ „умыканіи“, похищеніи, дѣвицы, наличность этого термина—„умыканіе“ едва ли не даетъ намъ основанія видѣть здѣсь намекъ на ритуальное „умыканіе невѣсты“, совершавшееся при участіи въ томъ близкихъ и друзей жениха и бывшее одною изъ распространенныхъ формъ древне-языческаго брака Довольно загадочна другая статья устава, также трактующая о насиліи дѣвицы, но на этотъ разъ уже на непосредственной почвѣ блудодѣянія „Аже дѣвку умолвитъ (завлечетъ) кто къ себѣ и дастъ въ толоку, на умольницѣ епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочныхъ по рублю, а князь казнитъ“ (ст. 5) Едва ли не самое удачное объясненіе этой статьи дано было еще Н М Карамзинымъ („Ист госуд росс“ II, прим 108), а именно „Кто пригласитъ къ себѣ дѣвицу и позволитъ (другимъ лицамъ) нагло оскорбить ея цѣломудріе (дастъ въ толоку), съ того, кто зазвалъ ее къ себѣ—епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за причиненный позоръ 3 гривны серебра, а съ обидчиковъ (толочныхъ, совершавшихъ толокъ) по рублю, а князь казнитъ“ Если мы примемъ это толкованіе, то едва ли не придется видѣть здѣсь любо-

---

[1]) Кормчая книга 1) «Пуѣду (т е насиліе) сотворивъ отроковицѣ и растливъ ю, носа урѣзаніе да подиметъ давъ ей третью часть имѣнія своего» (Законъ градскій, гр 39, гл 48, ст 60), 2) «Иже сотворитъ мужду дѣвицѣ, растливъ ю, да окорненъ (оскопленъ) будетъ» (царя Леона и Константина главизны, гл. 49, ст 10)

пытное указаніе на тайную организацію публичнаго разврата Тщетно искали мы въ помокапонѣ (кормчей книгѣ) слѣдовъ этой статьи, которые были бы въ состояніи пролить хотя слабый свѣтъ на ея истинный смыслъ

Далѣе отмѣтимъ два опредѣленія, предусматривающія оскорбленіе женщинъ дѣйствіемъ Первое изъ нихъ говоритъ объ оскорбленіи дѣйствіемъ („пошибаніе“) чужой дочери или жены И въ данномъ случаѣ взысканіе налагается сообразно съ общественнымъ положеніемъ потерпѣвшей если „пошибѣена“ дочь или жена большого боярина—какъ пеня въ пользу епископа, такъ и ей лично „за соромъ“, назначаются въ размѣрѣ по 5 гривенъ золота, обѣ пени понижаются до 1 гривны золота если потерпѣвшая дочь или жена меньшаго боярина, до 3 рублей, если оскорблена дочь или жена „нарочитаго“ человѣка и до 15 гривенъ куны, если она изъ „простой чади“ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ князь, сверхъ того—„казнитъ“ (ст 2) Второе относящееся сюда же опредѣленіе устанавливаетъ взысканіе за нанесеніе побоевъ чужой женѣ „Аже мужъ бьетъ чюжю жену—за соромъ ей по закону (?), а епископу 6 гривенъ“ (ст 28). Трудно сказать, какое значеніе представляетъ это опредѣленіе наряду съ только что разсмотрѣннымъ нами, возможно, что параллельное нахожденіе въ уставѣ обѣихъ статей коренится въ какомъ нибудь оттѣнкѣ терминовъ „пошибанье“ и „битье“, возможно, что оно объясняется и разновременнымъ происхожденіемъ этихъ опредѣленій, случайно попавшихъ въ одну и ту же редакцію устава

Послѣднее опредѣленіе разсмотрѣнной нами рубрики предусматриваетъ оскорбленіе женщины словомъ, именно укоромъ ее въ развратъ „Аже кто зоветъ чюжю жену блядью, великихъ бояръ—за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а князь казнитъ, а будетъ меньшихъ бояръ—за соромъ ей 3 гривны золота, а епископу 3 гривны золота, а будетъ городскихъ людей (такъ замѣненъ здѣсь терминъ „нарочитыхъ“ людей)—за соромъ 3 гривны серебра, а епископу 3 гривны серебра, а сельскихъ людей (вмѣсто „простой чади“)—за соромъ гривна серебра, а епископу гривна серебра“ (ст 22)

Что бы покончить съ статьями, касающимися оскорбле-

нія чести женщинъ, отмѣтимъ здѣсь тотъ любопытный и крайне важный фактъ, что, какъ мы въ этомъ наглядно въ своемъ мѣстѣ убѣдимся, относящіяся сюда статьи разбираемаго нами церковнаго устава (именно статьи 1-я и 2-я) нашли себѣ въ XII-мъ и XIII-мъ вѣкахъ живой отголосокъ въ договорахъ Новгорода и Смоленска съ городами нѣмецкаго ганзейскаго союза. Отсюда логическій выводъ, что въ ту пору раннія редакціи церковнаго устава имени в. к. Ярослава I не только существовали, но и пользовались практическимъ примѣненіемъ.

IV. Преступленія противъ нравственности, вообще. Во главѣ опредѣленій этой группы уставъ выдвигаетъ рожденіе младенца дочерью-дѣвицею, живущею при родителяхъ: „Аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудетъ—обличивъ ю, поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ (т. е. родители) окупитъ“ (ст. 4); такимъ образомъ, провинившаяся дочь отбирается въ церковный домъ, т. е. въ вѣданіе церкви, причемъ родители могутъ откупить ее обратно, давъ епископу окупъ, размѣръ котораго не установляется. Далѣе предусматривается оскорбленіе дѣйствіемъ сыномъ родителей: „Аже сынъ бьетъ отца или матерь“—виновный подлежитъ „волостельской казни“ (т. е. свѣтскому наказанію) [1])—и, сверхъ того, „въ винѣ“ епископу, опять таки безъ обозначенія размѣра пени (ст. 29). Къ проступкамъ разсматриваемой категоріи можетъ быть отнесенъ и предосудительный, недостойный мужчины, способъ самозащиты: „Аже мужа два бьется, одинъ другого укусить или одереть“ (ст. 27), т. е. тотъ случай, если въ пылу единоборства одинъ изъ противниковъ укуситъ или расцарапаетъ другого; въ пользу епископа полагается за это пеня въ 3 гривны [2]); весьма возможно,

---

[1]) Кормчая книга: «Иже біетъ отца своего или матерь—смертью да умретъ» (Законъ Богомъ данный Моисею, гл. 45, Исх., ст. 21).

[2]) См. выше (стр. 256), въ церковномъ уставѣ имени в. к. Владиміра, упоминаніе о «зубоѣжѣ». Въ паралель этой статьѣ можетъ быть поставлено находящееся въ томъ же уставѣ имени Владиміра опредѣленіе о неблагопристойной защитѣ, во время драки, женою мужа своего (см. выше стр. 255).

что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду не простая драка, но бой „на полѣ", т е судебный поединокъ, въ качествѣ формальнаго процессуальнаго акта, находившагося подъ контролемъ общественной власти Весьма загадочнымъ, и несомнѣнно представляющимъ собою вставку позднѣйшихъ эпохъ, представляется воспрещеніе остриженія головы или бороды,—если только относящаяся сюда статья, что болѣе нежели вѣроятно, не разсчитана на лицъ духовнаго званія „Аже пострижетъ голову или бороду—епископу 12 гривенъ, а князь казнитъ" (ст 23) Остальныя двѣ статьи той же группы опредѣленій предусматриваютъ предосудительные поступки лицъ духовнаго званія Первая изъ нихъ говоритъ о пьянствѣ духовенства „Аже попъ или чернецъ упьются безъ времени (т е безъ уважительнаго основанія или въ воспрещенное отъ разрѣшенія вина время)—епископу въ винѣ" (ст 31) Вторая статья караетъ растриженіе изъ монашескаго чина „Аже чернецъ или черница растрижется—епископу въ винѣ, во что же ихъ обрядить" (т. е что присудитъ, ст 32)

V Наконецъ, имѣются въ разбираемомъ нами церковномъ уставѣ и нѣсколько опредѣленій, касающихся преступленій общаго характера, подлежавшихъ, собственно говоря, компетенціи свѣтскаго суда, но которыя только потому получаютъ извѣстное соприкосновеніе къ сферѣ суда церковнаго, что епископамъ предоставляется участіе въ налагаемыхъ по этимъ дѣламъ денежныхъ пенях

Во главѣ преступленій этого рода стоитъ зажигательство, т е поджогъ „Аже кто зажжетъ дворъ или гумно, или что иное—епископу 100 гривенъ, а князь казнитъ" (ст 10). Статья эта ставитъ въ невольное недоумѣніе, которое, какъ мы уже знаемъ (см выше стр 261—262), и послужило въ рукахъ Карамзина однимъ изъ серьезныхъ доводовъ противъ подлинности церковнаго устава имени в. к. Ярослава, такъ какъ подробная Русская Правда опредѣляетъ за поджогъ высшее извѣстное ей уголовное наказаніе, налагаемое, притомъ, судомъ свѣтскимъ—„потокъ и разграбленіе", т е изгнаніе преступника съ конфискаціею его имущества [1]) Трактуя объ этомъ недоумѣніи нашего историографа,

[1]) Кормчая книга 1) «Иже нѣкія ради вражды или разграбленія дѣля, разженія творяще во градѣ—огню да предани будутъ, аще ли внѣ

мы въ своемъ мѣстѣ уже старались выяснить, что разбираемый нами памятникъ нѣсколько не исключаетъ ни подсудности зажигательства свѣтскому суду, ни кары его („а князь казнитъ") потокомъ и разграбленіемъ; что рѣчь идетъ здѣсь лишь о льготномъ предоставленіи на нужды церкви части конфискуемаго у преступника имущества,—подобно тому, какъ десятиною, установленною в. к. Владиміромъ, опредѣлялась въ пользу церкви „десятая векша отъ княжого суда". Подобнаго же рода льгота установлена была для церкви и при опредѣленіи взысканія за драку и убійство, совершенныя при сговорахъ и на свадьбахъ: „Свадебное и сговорное (:) бой, убійство и душегубство, аже что чинится — платятъ виру князю на-полы со владыкою" (ст. 26), т. е. въ случаѣ совершенія одного изъ этихъ правонарушеній во время сговора или свадьбы, — при отношеніяхъ, вѣданіе которыхъ лежало на попеченіи церкви, — епископъ пользуется правомъ на полученіе половинной части того денежнаго взысканія, которое слѣдуетъ, по суду, въ пользу князя; это постановленіе весьма характерно для выясненія истиннаго значенія всѣхъ, вообще, денежныхъ пеней, опредѣляемыхъ уставомъ, въ лицѣ епископа, на нужды русской церкви. Такое же точно половинное участіе епископа въ денежныхъ пеняхъ опредѣляется и въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленій противъ собственности—именно при кражѣ предметовъ домашняго обихода: „Аже мужъ имѣть красти коноплю, или ленъ и всякое жито—епископу въ винѣ съ княземъ на-полы, такъ же и женка, иже иметь красти; аже мужъ крадетъ бѣлые порты (одежду), или полотна, портищи и поневы, такоже и женка—епископу въ винѣ со княземъ на-полы" (ст. ст. 24 и 25). Проф. Владимірскій-Будановъ видитъ въ этихъ опредѣленіяхъ указаніе на случаи кражи однимъ супругомъ предметовъ, пріобрѣтенныхъ тру-

---

града селища, или села, или домы, или ино что зажгутъ—мечомъ да посѣчени будутъ «(Царя Леона и Константина главизны, гл. 49, ст. 59); 2) «Аще нѣкто вѣдый, рекше хотѣніемъ, домъ зажжетъ или ворохъ жита близь дома лежащь, и обличенъ бывъ—огневи преданъ будетъ, аще же внѣ града таковое сотворитъ—да отсѣкутъ ему руцѣ» (Законъ градскій, гр. 39, гл. 48, ст. 18).

домъ другого супруга, мы болѣе склонны, не прибѣгая къ такой натяжкѣ текста, предположить, что въ данномъ случаѣ духовенство выговариваетъ себѣ половинное участіе въ княжеской пени пользуясь тѣмъ, что рѣчь идетъ здѣсь о вдовѣ непосредственныхъ предметовъ домашняго хозяйства добытыхъ личнымъ семеннымъ трудомъ—а духовенство считало семью и семейный режимъ подлежащими своему ближайшему вѣданію Только что разсмотрѣнныя опредѣленія выступаютъ передъ нами, такимъ образомъ, одною изъ иллюстрацій той почвы, на которой соприкасались сферы компетенцій суда свѣтскаго и церковнаго и тѣхъ путей, которыми церковное законодательство старалось внять на регламентацію правоотношеній даже чисто гражданскаго, свѣтскаго, характера

В. Третьею составною частью церковнаго устава, приписываемаго великому князю Ярославу Владимировичу, слѣдуетъ признать постановленіе (ст 33), опредѣляющее неподсудность свѣтскимъ судамъ различныхъ категорій лицъ, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ и попеченіемъ церкви Опредѣляя, что во все то, что совершается въ средѣ этихъ лицъ, княжескіе волостели не должны вступаться, уставъ не возстановляетъ контингента ихъ,—этотъ контингентъ „церковныхъ“ или „богадѣльныхъ“ людей въ достаточной степени очерченъ въ церковномъ уставѣ имени в к Владиміра,—ограничиваясь кратькимъ заявленіемъ „А что дѣется въ домовныхъ людехъ и церковныхъ, и въ монастырехъ—и не вступаются княжи волостели въ то, а то вѣдаютъ епископли волостели, и безатщина ихъ епископу идетъ“. Конецъ только что выписанной статьи требуетъ нѣкотораго поясненія имъ опредѣляется, что „безатщина“ лицъ, подвѣдомственныхъ церкви, т. е остающееся послѣ нихъ выморочное имущество („безатщина“=„безъ задницы“, т е безъ наслѣдства) поступаетъ въ пользу епископа (церкви) [1]) Это опредѣленіе устава можетъ быть поставлено въ паралель съ постановленіемъ подробной Русской

[1]) Кормчая книга «Аще не завѣщавъ умретъ (монахъ), тогда дѣти его возьмутъ свою часть, прочее же дадятъ монастыреви» (Законъ градскій, гр 22, гл 48, ст 3)

Правды, въ силу котораго такая же „безатщина“, остающаяся послѣ смерда—поступаетъ въ пользу князя

Г Послѣдняя составная часть разбираемаго нами церковнаго устава—это часть заключительная, содержащая въ себѣ, какъ и въ уставѣ имени Владиміра, угрозу и заклятіе, гарантирующія ненарушимость его постановленій „А кто,—читаемъ здѣсь,—уставленіе мое порушитъ или сынове мои, или внуцы мои, или правнуци мои, или отъ рода моего кто, или отъ бояръ, а порушитъ рядъ мой и вступится въ суды митрополичи, что есми далъ митрополиту и епископамъ по всѣмъ городомъ, по правилямъ святыхъ отецъ—судивше, казнити по закону, а кто имется въ тѣ суды церковные вступати—крестьянско (христіанское) имя не наречется на томъ, а отъ святыхъ да будетъ проклятъ“

Мы разсмотрѣли, во всей полнотѣ его, внутреннее содержаніе церковнаго устава, приписываемаго великому князю Ярославу Владиміровичу, по редакціи такъ называемаго „карамзинскаго“ списка его, принадлежащаго, какъ мы это уже видѣли, къ краткимъ, а потому и наиболѣе близкимъ къ предполагаемому но неизвѣстному намъ первообразу, редакціямъ этого памятника Мы считаемъ совершенно излишнимъ входить въ безплодное для насъ обозрѣніе **содержанія подробныхъ редакцій устава** и отмѣтимъ только нѣсколько наиболѣе любопытныхъ статей одного изъ списковъ средней по обширности редакціи—списка напечатаннаго преосв. Макаріемъ при второмъ томѣ (примѣч 455) его „Исторіи русской церкви“.

Въ высшей степени интересною представляется здѣсь регламентація поводовъ („винъ“), при наличности которыхъ допускается „разлученіе“, т е разводъ мужа съ женою, являющаяся логическимъ восполненіемъ къ уже извѣстнымъ намъ (см выше стр 268—270) постановленіямъ устава относительно „роспуста“. Такихъ основныхъ поводовъ или „винъ“ предусматривается здѣсь пять—именно 1) Если жена, слышавъ о злоумышленіи на царя или князя, не сообщитъ о томъ мужу своему, 2) Если мужъ за-

станетъ жену въ прелюбодѣяніи или свидѣтельскими показаніями уличитъ ее въ невѣрности, или если жена задумаетъ на жизнь мужа своего, а равно провѣдавъ объ умыслѣ на жизнь мужа, не предупредитъ его о томъ, 3) Если жена, безъ вѣдома мужа, станетъ „ходити или пити или ясти“ (т е посѣщать пиршества), а также „опричь своего дома имѣть спати“ (ночевать), 4) Если жена, не внимая увѣщаніямъ мужа, станетъ днемъ или по ночамъ „ходити по игрищамъ“ и 5) Если жена подговариваетъ мужа къ совершенію кражи, или сама крадетъ въ интересахъ посторонняхъ лицъ („сама покрадетъ, да инымъ подасть“), или же, провѣдавъ объ умыслѣ обокрасть церковь, не скажетъ о томъ мужу своему Едва ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти „вины“ пользовались практическимъ примѣненіемъ въ древне-русскихъ церковныхъ судахъ, такъ какъ онѣ вовсе не были апокрифическими, но представляютъ собою почти дословное заимствованіе,—и, конечно, не безъ цѣлей практическихъ,—изъ номоканона [1])

Не безинтересною представляется также статья, служащая дополненіемъ уже разсмотрѣнной нами выше статьи церковнаго устава имени в к Ярослава (см выше стр 271), опредѣляющей отвѣтственность родителей въ томъ случаѣ,

---

[1]) Вотъ эти законные поводы для развода, по опредѣленію ихъ номоканономъ или Кормчею книгою 1) «Аще на царство совѣщающихъ нѣкихъ увѣдавши жена и своему мужу не повѣсть», 2) «Аще о прелюбодѣянии мужь мнится мощи жену свою обличити и пр», 3) «Аще жена на живота мужа своего совѣщаетъ или инѣхъ сіе творящихъ свѣдущи, мужу своему не явитъ», 4) «Аще мужеви не хотящу, со внѣшними (чужими) мужи піетъ и моется съ ними въ бани», 5) «Аще, не хотящи мужеви ея, внѣ дому своего нощь преспитъ, токмо аще прилучится ей у родителей своихъ», 6) «Аще на конное ристаніе, или на позорища (зрѣлища), или на ловы (охоту) изыдетъ» (Законъ градскій, гр 11, гл 48, ст 5—10)

Предусматриваются здѣсь и поводы, дающіе поводы женѣ къ разводу съ мужемъ своимъ 1) «Аще (мужъ) зло на царство совѣщаетъ», 2) «Аще о животѣ ея злое совѣщаетъ», 3) «Аще нѣломудріе ея на прелюбодѣяніе потщится совѣщати» (будетъ отдавать ее на прелюбодѣяніе), 4) «Аще съ иною живетъ въ своемъ дому или въ томъ градѣ», 5) «Егда (мужъ) отъ естества мужемъ дѣяное творити не возможетъ (т е импотенція)» (Тамъ же, гр 11, гл 48, ст 11—14, Новыхъ заповѣдей царя Іустиніана гл 44, 4)

если приневоленная къ замужеству дочь что нибудь „сотворитъ“ надъ собою Эта статья представляетъ обратную сторону вопроса, предусматривая случай, когда дочь сама желаетъ выйти замужъ, а родители не захотятъ выдать ее если дочь вслѣдствіе такого родительскаго насилія „что сотворитъ надъ собою“—родители отвѣчаютъ передъ церковною властью

Изъ другихъ опредѣленій подробныхъ редакцій церковнаго устава имени в к Ярослава сошлемся на нѣкоторыя статьи, представляющія собою, несомнѣнно, слѣды уже позднѣйшихъ добавленій,—таковы запрещеніе ѣсть медвѣдину или „иное что погапое“, запрещеніе „ѣсть или пить съ некрещенными, иноязычниками“ и „церковными отлучниками“, запрещеніе блуда „съ бесерменкою (мусульманкою) или жидовкою“ и т п Отмѣтимъ, наконецъ, и постановленіе, воспрещающее попамъ совершать церковныя требы за предѣлами своихъ приходовъ попъ, крестившій ребенка или совершившій „что священническое“ въ „чужомъ уѣздѣ“ (приходѣ),—развѣ только такого рода отступленіе было вызвано болѣзнью или другою крайнею нуждою—„въ винѣ“ передъ митрополитомъ

На этомъ мы и закончимъ изслѣдованіе церковныхъ уставовъ, приписываемыхъ законодательной дѣятельности первыхъ двухъ христіанскихъ великихъ князей Владиміра Святославича и Ярослава Владиміровича и представляющихъ собою два древнѣйшихъ памятника русской церковной исторіи и исторіи русскаго каноническаго права

III

Отдѣльные памятники греко-византійскаго законодательства.

Изъ всего изложеннаго нами до сихъ поръ не трудно убѣдиться въ томъ огромномъ вліяніи, какое должно было оказать новое вѣроученіе на всѣ сферы древней русской жизни, не исключая и жизни правовой. Въ этомъ послѣднемъ направленіи особенно выдающееся значеніе выпало на

долю греко-византійскаго законодательства, воздѣйствовавшаго на древне-русскій правовой строй какъ непосредственно, путемъ своихъ памятниковъ, съ номоканономъ въ ихъ главѣ, такъ и посредственно—путемъ концепціи его памятниками собственно уже русскаго права и законодательства.

Кормчая книга и древнѣйшіе русскіе церковные уставы опредѣлили какъ сферу церковныхъ отношеній и церковной юрисдикціи, такъ и тѣ руководящія нормы, съ которыми церковный судъ долженъ былъ сообразовываться. Но кормчая книга или греческій номоканонъ представлялся сборникомъ слишкомъ громоздкимъ какъ для цѣлей практики, такъ и для принятой на себя духовенствомъ задачи проведенія въ русскую правовую жизнь началъ права византійскаго—и этимъ то объясняется тотъ фактъ, что, наряду съ кормчею книгою и древнѣйшими церковными уставами, уже очень рано появляются у насъ особаго рода юридическіе памятники, представляющіе собою *извлеченія или компиляціи изъ источниковъ греко-византійскаго права*. Эти памятники стоятъ въ тѣсной связи съ древне-русскими сборниками права, въ особенности же съ Русскою Правдою, почему очень часто, на ряду съ этою послѣднею, встрѣчаются въ кормчихъ книгахъ, лѣтописныхъ сводахъ и въ различнаго рода духовно-религіозныхъ сборникахъ, въ которые заносилась и Русская Правда. Все это невольнымъ образомъ наводитъ на мысль, что подобнаго рода извлеченія и компиляціи въ большей или меньшей мѣрѣ пользовались у насъ значеніемъ дѣйствующаго права или, по крайней мѣрѣ, разсчитывались на такое значеніе, будучи выдвигаемы духовенствомъ, наряду съ памятниками собственно русскаго права, въ качествѣ противовѣса этимъ послѣднимъ и средства проведенія въ русскую юридическую жизнь началъ византизма.

Трудно въ настоящее время категорически рѣшить вопросъ о томъ, насколько широкимъ практическимъ значеніемъ пользовались у насъ всѣ подобнаго рода извлеченія и компиляціи, хотя практическое и даже совершенно самостоятельное примѣненіе у насъ свѣтскими судами одного изъ нихъ, именно такъ называемаго „*Закона градскаго*“—стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, подтверждаясь вполнѣ опредѣленными

историческими свидѣтельствами [1]) Въ болѣе опредѣленной формѣ выступаетъ передъ нами вопросъ относительно концепціи этихъ извлеченій и компиляцій памятниками русскаго права Наши историки (напримѣръ Калачовъ, Бѣляевъ, Павловъ и др) весьма отчетливо указываютъ на несомнѣнные слѣды воздѣйствія одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ того же рода, — „Закона суднаго людемъ“,—на Русскую Правду, отмѣчая даже отдѣльныя статьи этого памятника, образовавшіяся подъ вліяніемъ „Закона суднаго“. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что какъ вопросъ о самомъ появленіи, такъ и вопросъ о значеніи въ древней Руси всѣхъ этихъ памятниковъ и компиляцій, въ связи съ изученіемъ ихъ наряду съ древними памятниками отечественнаго права—представляются проблеммами въ высокой степени настоятельными, интересными, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень нелегкими и еще очень, сравнительно, мало затронутыми въ наукѣ исторіи русскаго права

Укажемъ важнѣйшія извлеченія и компиляціи изъ памятниковъ греко византійскаго права, обращавшіяся въ древней Россіи.

А **Законъ судный людемъ или Судебникъ царя Константина** Не смотря на свое громкое второе названіе—этотъ памятникъ не принадлежитъ законодательной дѣятельности Константина Великаго имя просвѣтителя греческой имперіи появилось здѣсь вслѣдствіе желанія придать памятнику бо́льшую авторитетность, связавъ его съ именемъ перваго христіанскаго императора Греческій текстъ „Закона суднаго людемъ“,—

---

[1]) Такъ, въ одномъ изъ посланій митрополита Геронтія (XV вѣкъ) читаемъ по поводу ереси жидовствующихъ « а не покаются, и ты ихъ пошли къ намѣстникамъ великаго князя, и они ихъ велятъ казнити градскою (т е гражданскою) казнью, какъ писано въ царскихъ правилахъ, и которые дойдутъ духовныя казни—и ты ихъ духовнѣ казни, а которые дойдутъ градскія казни—ино тѣхъ намѣстники казнятъ» Даже одна изъ позднѣйшихъ новоуказныхъ статей (вторая полов XVII вѣка) вполнѣ опредѣленнымъ образомъ предписываетъ «приводнымъ людемъ указъ чинити воеводамъ, и сыщикомъ, и губнымъ старостамъ по Уложенію и по градскимъ законамъ» Извѣстно и распоряженіе царя Іоанна IV о томъ, что бы священники обучали при своихъ церковныхъ школахъ дѣтей не только Божію закону, но и закону градскому

если только таковой когда нибудь существовалъ,—остается неизвѣстнымъ. Не выяснены до сихъ поръ съ точностью и всѣ источники этого памятника, хотя главнымъ изъ нихъ признается „Эклога императоровъ Льва Исавра и Константина Копронима“ (740-го года), къ которой предваходятъ также „Новеллы“ императора Юстиніана и извлеченія изъ Пятикнижія Моисея. По вопросу относительно происхожденія этого загадочнаго памятника, представляющаго собою, такимъ образомъ, компиляцію изъ памятниковъ грекo-византійскаго права, съ „Эклогою“ во главѣ, большинство изслѣдователей сходятся въ томъ предположеніи, что онъ былъ составленъ для дунайскихъ болгаръ,—быть можетъ, даже, славянскими книжниками,—въ пору принятія ими христіанской вѣры (начало второй половины IX-го вѣка), когда, слѣдовательно, Болгарія стояла въ такомъ же точно отношеніи къ Византіи, въ какое встала къ ней впослѣдствіе и Русь и, также какъ послѣдняя нуждалась въ реценціи нормъ грекo-византійскаго права. Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и памятниками славяно-болгарской письменности, этотъ компилятивный сводъ появился у насъ, какъ готовый уже сборникъ греческихъ законовъ, способный быть примѣненнымъ къ измѣняющимся условіямъ правовой жизни. „Законъ судный людемъ“ сразу пріобрѣлъ у насъ широкое практическое значеніе, въ виду чего и сталъ заноситься въ русскія кормчія книги не только софійской, но и рязанской редакцій, практическимъ примѣненіемъ въ древней Руси этого популярнаго памятника объясняется и то явленіе, что во многихъ спискахъ своихъ „Законъ судный людемъ“ стоитъ въ самой близкой связи съ Русскою Правдою, непосредственно примыкая къ тексту этой послѣдней и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, настолько даже тѣсно, что въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ сводахъ опредѣленія обоихъ памятниковъ являются между собою перемѣшанными.

„Законъ судный людемъ“ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ—краткой и подробной, причемъ въ русскія кормчія вошелъ списокъ редакціи краткой [1]) Списки подробной редакціи попадаются въ сборникахъ юридическаго характера,

[1]) Въ печатной русской Кормчей книгѣ этотъ памятникъ образуетъ собою 46-ую главу второй части

обращавшихся у нашихъ предковъ подъ названіемъ „Мѣрилъ праведныхъ“, а также въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ (подробную редакцію этого памятника интересующіеся найдутъ во второй части изданія Дубенскаго „Русскія достопамятности“, М 1843 г)

Б **Законъ градскій** Подъ названіемъ „Закона градскаго“ (т е гражданскаго),—памятника, въ высшей степени популярнаго въ древней Руси и, какъ это указано нами выше, имѣвшаго у нашихъ предковъ широкое практическое примѣненіе,—скрывается „Прохейронъ“ (т е „ручная книга законовъ“) императора Василія Македонянина и сыновей его Леона и Константина (870—878 г г) Этотъ памятникъ встрѣчается въ древне-русскихъ сборникахъ или въ полномъ переводѣ первоначальнаго текста своего (называясь въ этомъ случаѣ по преимуществу „закономъ градскимъ“ и раздѣляясь на 40 „граней“ или титуловъ), или въ видѣ отдѣльныхъ отрывковъ, носящихъ самостоятельныя заглавія, наиболѣе распространеннымъ изъ такихъ отрывковъ является грань или титулъ „о казняхъ“ (т е о наказаніяхъ—грань 39-ая), встрѣчающійся даже совмѣстно съ списками Судебника царя Іоанна IV (см изданіе „Судебника“ Башиловымъ, 1768 г) Въ русской печатной Кормчей книгѣ этотъ памятникъ составляетъ 48 ую главу второй части

В **Леона царя премудраго и Константина царя главизны** о совѣщаніи обрученія, и о брацѣхъ, и о иныхъ различныхъ винахъ—узаконенія, относящіяся къ различнымъ предметамъ и, въ частности, къ правамъ брачному и наслѣдственному, заимствованныя изъ „Эклоги“, послужившей, какъ мы знаемъ, и основнымъ источникомъ „Закона суднаго людемъ“ Въ общей системѣ расположенія русской печатной Кормчей книги эти „главизны“ соотвѣтствуютъ 49-ой главѣ второй ея части

Г **Главы о послусѣхъ** (т е о свидѣтеляхъ), представляющія собою извлеченія изъ весьма разнообразныхъ источниковъ византійскаго права Въ нѣкоторыхъ спискахъ кормчихъ книгъ софійской редакціи эти узаконенія помѣщены въ непосредственной связи съ Русскою Правдою, Н. В. Калачовъ („Предварительныя изслѣдованія для полнаго объясненія Русской Правды“) указываетъ даже нѣкоторыя опредѣленія „Главъ о послусѣхъ“ и аналогичныя постановленія Русской Правды, носящія слѣды общаго происхожденія.

Д **Земледѣльческіе законы императора Юстиніана** („Законы земледѣльніи отъ Оустьяновыхъ книгъ“) — памятникъ представляющій собою славяно-русскій переводъ извлеченій изъ законовъ императора Юстиніана, касающихся гражданскихъ и уголовныхъ отношеній земледѣльческаго класса и извѣстныхъ въ подлинникѣ подъ названіемъ „*Νόμοι γεωργικοί*“ (leges agrariae) Что эти земледѣльческіе законы дѣйствительно имѣли въ древней Руси извѣстную степень практическаго примѣненія, объ этомъ свидѣтельствуетъ соединеніе ихъ въ нѣкоторыхъ сборникахъ съ памятниками русскаго права, такъ, напримѣръ, они списывались даже вмѣстѣ съ Судебникомъ царя Іоанна IV (см изданіе этого „Судебника“ Баніловымъ, 1768 г)

Е **Избраніе отъ закона Богомъ даннаго израильтяномъ Моисеемъ о судѣ и о правдѣ**—выборка узаконеній изъ Пятикнижія Моисеева, вошедшая въ составъ русскихъ кормчихъ (глава 45-ая печатной кормчей), встрѣчающаяся также въ видѣ болѣе или менѣе пространныхъ отрывковъ, и въ различныхъ сборникахъ, обращавшихся въ древней Руси

Ж Въ заключеніе укажемъ любопытную компиляцію, обращавшуюся у нашихъ предковъ подъ названіемъ „**Книгъ законныхъ** ими же годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ“. Компиляція эта, интересная дѣлаемыми въ ней комментаріями, имѣющими своею цѣлью приспособить къ лучшему пониманію ихъ русскими людьми византійскихъ законодательныхъ нормъ, составленіемъ своимъ пріурочивается къ концу XII-го или къ началу XIII-го вѣка Текстъ „Книгъ законныхъ“ представляетъ собою репродукцію нормъ уже извѣстныхъ намъ отдѣльныхъ памятниковъ греко-византійскаго законодательства, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ среди нихъ „Эклоги“ и „Прохейрона (закона градскаго) Изданіе полнаго текста этого памятника принадлежитъ покойному проф А С Павлову („Книги Законныя“, СПБ, 1885)

Покончивъ съ памятниками церковнаго права, оставшимися наслѣдіемъ земско-вѣчевого періода русской исторической жизни, мы перейдемъ теперь къ важнѣйшему памятнику свѣтскаго права того же періода—Русской Правдѣ.

Глава IV.

Русская Правда

Подъ названіемъ „Русской Правды“ разумѣется сборникъ правовыхъ нормъ, сохранившійся отъ земско-вѣчевого періода русской исторической жизни,—нормъ, являющихся живымъ памятникомъ правового строя древней Руси

Кромѣ только что приведеннаго названія его, этотъ сборникъ, въ отдѣльныхъ спискахъ своихъ, носитъ также заглавія „Правда Роская“, „Судъ Ярославъ Володимѣричь“, „Оуставъ великого князя Ярослава Володимерича о судахъ“ и т п Мы видимъ, такимъ образомъ, что этотъ памятникъ права настойчиво связывается съ именемъ великаго князя Ярослава I Владиміровича Оставивъ, пока, въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько можетъ Русская Правда дѣйствительно быть пріурочена къ эпохѣ этого великаго князя и, если можетъ, то въ какой мѣрѣ и въ какой именно части своего содержанія—обратимся, прежде всего, къ внѣшней исторіи этого важнѣйшаго памятника права занимающаго насъ періода.

Русская Правда, подобно церковнымъ уставамъ приписываемымъ первымъ русскимъ христіанскимъ великимъ князьямъ, сохранилась до нашихъ дней въ очень большомъ количествѣ списковъ, различающихся между собою и по бо́льшей или меньшей полнотѣ своихъ редакцій, и по внутреннему содержанію, и по порядку расположенія этого послѣдняго и, наконецъ, по времени написанія Списки этого памятника встрѣчаются, по преимуществу, въ Кормчихъ книгахъ

(софійской или кирилловской редакціи, какъ заключающихъ въ себѣ добавленія русскаго происхожденія,—см. выше стр. 235), по свидѣтельству нашего извѣстнаго археографа П. М. Строева, до настоящаго времени гдѣ-то не менѣе трехсотъ кормчихъ, заключающихъ въ себѣ Русскую Правду различныхъ редакцій. Кромѣ кормчихъ книгъ списки Русской Правды встрѣчаются также въ лѣтописяхъ (именно новгородскихъ) и въ древнихъ рукописныхъ сборникахъ разнаго содержанія, среди которыхъ особенно важны сборники практико-юридическаго характера, обращавшіеся у нашихъ предковъ подъ названіемъ „Мѣрилъ праведныхъ“ и, по своему составу, близко подходящіе къ книгамъ кормчимъ.

Честь **открытія Русской Правды** принадлежитъ первому (въ смыслѣ научнаго построенія исторіи) русскому историку XVIII-го вѣка В. Н. Татищеву, въ 1738-мъ году нашедшему списокъ интересующаго насъ памятника въ отнесящейся къ концу XV-го столѣтія новгородской лѣтописи. Сдѣлавъ тщательный списокъ съ открытаго имъ памятника и снабдивъ его переводомъ и примѣчаніями, Татищевъ въ 1738-мъ году представилъ свой трудъ въ императорскую академію наукъ, которая далеко не спѣшила, однако, обнародованіемъ этой драгоцѣнной находки. Въ первой разъ Русская Правда увидѣла свѣтъ въ печати лишь въ 1767-мъ году, въ изданіи ея академикомъ А. Шлецеромъ подъ заглавіемъ „Правда Русская, данная въ XI-мъ вѣкѣ отъ великихъ князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. Изданіе Августа Шлецера и пр.“ (С-ПБ., 1767); для этого изданія Шлецеръ воспользовался если не спискомъ Татищева, то спискомъ къ нему, во всякомъ случаѣ, очень близкимъ. Только двадцатью, почти, годами позже, въ 1786-мъ году, увидѣла Русская Правда свѣтъ и въ обработкѣ ея Татищевымъ, будучи напечатана въ первой книгѣ „Продолженія древней россійской Вивліоѳики“. Около того же времени были открыты еще два новые списка Русской Правды. Первый изъ нихъ былъ найденъ въ Ростовской лѣтописи. Въ немъ оказались хотя и немногочисленные, но довольно существенные варіанты къ списку Татищева, въ виду чего академія наукъ добавила ими этотъ послѣдній и въ этомъ дополненномъ видѣ списокъ Татищева снова

появился въ печати во второй книгѣ того же „Продолженія древней россійской Вивліоѳики“ (1787) Второй изъ вновь открытыхъ списковъ оказался въ Кормчей книгѣ, принадлежавшей Благовѣщенской церкви г Сольвычегодска, копія съ него доставлена была въ академію наукъ ея корреспондентомъ Крестининымъ Этотъ списокъ былъ академіею наукъ напечатанъ въ третьей книгѣ того же изданія (1788)

Въ 1791-мъ году, въ силу высочайшаго повелѣнія и основаннаго на немъ предписанія святѣйшаго синода, въ Петербургъ были вытребованы древнія рукописи, хранившіяся въ архивахъ и библіотекахъ различныхъ монастырей—и въ этихъ рукописяхъ открыты шесть новыхъ списковъ Русской Правды, среди которыхъ особенный интересъ привлекъ къ себѣ одинъ харатейный (т е. пергаментный), выдававшійся какъ древностью, такъ и пространностью, сравнительно съ уже бывшими извѣстными списками, своей редакціи Воспользовавшись всѣми раньше изданными списками Русской Правды и положивъ въ основаніе только что указанный вновь открытый и древнѣйшій, извѣстный любитель отечественной исторіи генералъ-маіоръ И Н Болтинъ, въ сотрудничествѣ нѣкоторыхъ другихъ любителей старины, предпринялъ новое изданіе этого памятника, вышедшаго въ 1792-мъ году въ свѣтъ подъ слѣдующимъ пространнымъ заглавіемъ „Правда Русская или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ нарѣчія и слога на употребительные нынѣ и съ объясненіемъ словъ и названій, изъ употребленія вышедшихъ Изданы любителями отечественной исторіи“ (С-ПБ 1792, второе московское изданіе 1799 г) Изданіе Болтина можетъ считаться не утратившимъ значенія даже и для нашихъ дней, въ 1803-мъ году оно было перепечатано Л Максимовичемъ въ первой части его „Указателя россійскихъ законовъ“

Съ конца XVIII-го столѣтія русскіе палеографы, историки и юристы, изслѣдуя различнаго рода древнія рукописи, отъ времени до времени открывали въ нихъ новые списки Русской Правды, обработывавшіеся и издававшіеся ими болѣе или менѣе тщательнымъ и научнымъ образомъ Такъ, въ началѣ истекшаго столѣтія Н. М Карамзинымъ открытъ былъ списокъ Русской Правды въ харатейной Кормчей конца XIII-го вѣка, принадлежащей московской синодальной биб-

логекѣ—такъ называемый списокъ „синодальный“, по сихъ поръ признаваемый древнѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ разсматриваемаго нами памятника также какъ и самая Кормчая, въ которой онъ найденъ, считается древнѣйшимъ изъ сборниковъ этого типа На основаніи синодальнаго списка Русская Правда была въ 1815-мъ году напечатана московскимъ „Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ“ въ первой части изданныхъ имъ „Русскихъ достопамятностей“ (шестое, по счету, изданіе списковъ этого памятника)

Воздерживаясь отъ дальнѣйшаго перечисленія изданій Русской Правды [1]), считаемъ существеннымъ отмѣтить еще три изданія этого памятника а) изданіе сведеннаго и объясненнаго текста Русской Правды, сдѣланное на основаніи 30-ти списковъ Н В Калачовымъ въ его „Предварительныхъ юридическихъ изслѣдованіяхъ для полнаго объясненія Русской Правды“ (М 1846, послѣднее изданіе 1880 г), б) его же „Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій“ (академическаго, троицкаго, карамзинскаго и князя Оболенскаго,—М 1846, позднѣйшія изданія 1847, 1881 и 1889 г г.) и в) изданіе Русской Правды по спискамъ академическому карамзинскому и синодальному, съ дополненіями изъ другихъ списковъ, въ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ М Ф Владимірскаго-Буданова, это послѣднее изданіе, благодаря многочисленнымъ комментаріямъ, библіографическимъ указаніямъ и реэстру содержанія, представляется наиболѣе пригоднымъ для цѣлей, собственно, учебныхъ

Мы считаемъ необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на первомъ изъ указанныхъ выше изданій Н В. Калачова („Предварительныя юридическія свѣдѣнія и пр“) такъ какъ этотъ капитальный трудъ является и для нашихъ дней однимъ изъ основныхъ въ дѣлѣ изученія Русской Правды Въ этомъ трудѣ, послѣ введенія, въ которомъ

[1]) Интересующіеся найдутъ перечень ихъ въ первомъ выпускѣ «Христоматіи по исторіи русскаго права» М Ф Владимірскаго-Буданова и въ нашемъ библіографическомъ указателѣ «Наука исторіи русскаго права» (Каз 1891), стр 103—105

авторъ разсматриваетъ нѣкоторые общіе вопросы, касающіеся изслѣдуемаго имъ памятника, читатель найдетъ обстоятельную исторію и разборъ какъ изданій Русской Правды, такъ и тѣхъ сочиненій, въ которыхъ затрогивается вопросъ объ этомъ памятникѣ и, наконецъ, критическое обозрѣніе его списковъ Калачовъ распредѣляетъ всѣ списки Русской Правды по четыремъ фамиліямъ или редакціямъ къ первой онъ относитъ списки, попадающіеся въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ новгородской и ростовской, ко второй—списки, находящіеся въ Кормчихъ книгахъ и въ подходящихъ къ нимъ по типу сборникахъ („Мѣрила праведныя"), къ третьей—списки позднѣйшихъ (такъ называемыхъ „софійскихъ") новгородскихъ временниковъ и, наконецъ, къ четвертой—списки, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ сборникахъ различнаго содержанія Далѣе слѣдуетъ у Калачова комментированный текстъ Русской Правды, сведенный въ одно на основаніи тридцати списковъ, причемъ авторъ, излагая статьи этого свода, располагаетъ ихъ по опредѣленной системѣ, въ основу которой кладутся имъ слѣдующія рубрики. а) права государственное, б) гражданское, в) уголовное и г) процессуальное Въ концѣ своего труда Н В Калачовъ даетъ указанія на уже знакомые намъ памятники греко-византійскаго права, находящіеся въ связи съ Русской Правдою

Само собою разумѣется, что открытіе такого важнаго памятника права, какимъ представляется Русская Правда, и послѣдовавшія затѣмъ его многочисленныя изданія— не могли не привлечь русскихъ историковъ, а впослѣдствіе и историковъ-юристовъ, къ дѣлу выясненія и разработки его внутренняго содержанія Въ результатѣ оказывается на лицо весьма обширная литература этого памятника, заключающаяся какъ въ спеціально посвященныхъ ему монографіяхъ, журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, такъ и въ сочиненіяхъ болѣе общаго характера, такъ или иначе затрогивающихъ вопросы, соприкасающіеся съ внутреннимъ содержаніемъ его Оставляя въ сторонѣ вопросъ о литературѣ Русской Правды (желающіе познакомиться съ нею найдутъ обстоятельный обзоръ ея въ „Христоматіи по исторіи русскаго права" проф. Владимірскаго-Буданова), перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, касающихся интересующаго насъ памятника

А **Вопросъ о подлинности Русской Правды** Вопросъ этотъ стоитъ въ наши дни, въ смыслѣ положительнаго разрѣшенія его—внѣ всякихъ сомнѣній Мы не считаемъ себя, тѣмъ не менѣе, въ правѣ совершенно обойти его вниманіемъ, такъ какъ въ русской историко-критической литературѣ когда то раздавался энергическій и авторитетный голосъ противъ подлинности Русской Правды, въ качествѣ памятника національнаго древне-русскаго права этотъ голосъ принадлежалъ извѣстному корифею скептическаго направленія въ русской исторіографіи профессору московскаго университета М Т Каченовскому Подвергая сомнѣнію подлинность и достовѣрность всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей старины, Каченовскій не могъ оставить въ этомъ отношеніи безъ вниманія и Русскую Правду Исходя изъ основного положенія, что Русская Правда не могла быть памятникомъ современнымъ той эпохѣ, къ которой ее относятъ, Каченовскій старался доказать позднѣйшее происхожденіе этого памятника, не имѣющаго, по его утвержденію, никакого соотношенія къ великому князю Ярославу, сыну Владиміра Святого, увлекаясь своимъ скептическимъ направленіемъ, Каченовскій не отчаявался даже отыскать какого нибудь другого, быть можетъ даже галицко-волынскаго, князя Ярослава, которому Русская Правда могла бы быть приписана Поставивъ себѣ, такимъ образомъ, задачею доказать неосновательность господствовавшаго въ его пору воззрѣнія на Русскую Правду, Каченовскій имѣлъ въ виду рядомъ уже положительныхъ доводовъ выяснить, что, какъ бы ни было его происхожденіе, этотъ памятникъ—не есть продуктъ національно-русскаго права, но представляетъ собою сводъ законоположеній, заимствованныхъ изъ правъ германскаго и польскаго. Каченовскій не успѣлъ закончить своего обширнаго по замыслу изслѣдованія о Русской Правдѣ и до насъ дошли только отрицательные доводы его по вопросу о подлинности ея Свои критическія изслѣдованія интересующаго насъ памятника Каченовскій началъ въ 1829-мъ году, когда въ издававшемся имъ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ появилась его статья „Мои взгляды на Русскую Правду“ Впослѣдствіе онъ приступилъ къ изданію своихъ изслѣдованій надъ Русскою Правдою, совмѣстно съ вопросомъ объ употребленіи кожанныхъ денегъ въ древней Руси,

въ видѣ отдѣльной монографіи, но не успѣлъ закончить этого труда и его книга „Два разсужденія о кожанныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ“ (М, 1849)—вышла въ свѣтъ въ неоконченномъ видѣ и уже посмертнымъ изданіемъ

Скептическіе по отношенію къ Русской Правдѣ доводы Каченовскаго сводятся къ тремъ,—какъ онъ самъ назвалъ ихъ—„справкамъ“ дипломатической, исторической и археологической Возстановимъ, въ самыхъ впрочемъ краткихъ чертахъ, сущность каждой изъ этихъ справокъ

Весь центръ тяжести дипломатической справки Каченовскаго сводится къ тому положенію, что древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ Русской Правды двумя вѣками моложе своего неизвѣстнаго подлинника—если только мы будемъ пріурочивать его къ эпохѣ великаго князя Ярослава I Повѣрка подлинности всякаго древняго памятника,—аргументируетъ Каченовскій—производится средствами дипломатики [1]), Русская же Правда не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ оффиціальнаго характера Къ этому сомнѣнію предвходятъ у Каченовскаго еще и два другія авторъ отрицаетъ возможность появленія у насъ въ XI-мъ вѣкѣ законовъ, писанныхъ на гуземномъ языкѣ—примѣровъ такой ранней зрѣлости туземнаго языка мы не находимъ, замѣчаетъ нашъ скептикъ, даже въ государствахъ западной Европы, гдѣ, въ области законодательства, мѣстные языки долго замѣнялись языкомъ латинскимъ, съ другой стороны—Каченовскаго смущаетъ такое раннее появленіе у нашихъ предковъ писанныхъ законовъ, явленіе безпримѣрное, по его словамъ, во всей всемірной исторіи. Ярымъ оппонентомъ Каченовскаго выступилъ въ области даннаго вопроса М П Погодинъ („Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“, томъ I, М 1846). Опровергая доводы дипломатической справки Каченовскаго, Погодинъ разрушаетъ первое сомнѣніе его вполнѣ основательнымъ соображеніемъ о томъ, что оффиціальныхъ подлинниковъ старинныхъ законовъ не только древнихъ и среднихъ, но даже и новыхъ вѣковъ—сохранилось немного

---

[1]) Отрасль археографіи, заключающая въ себѣ совокупность свѣдѣній о древнихъ актахъ и о внѣшнихъ формахъ, въ которыя они облекались

не только у насъ, но и у другихъ европейскихъ народовъ, и требовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такой полноты — значило бы требовать невозможнаго при такомъ требованіи пришлось бы отказаться отъ всей исторіи законодательствъ. Что касается возможности ранняго появленія у насъ законовъ на туземномъ языкѣ то Погодинъ замѣчаетъ, что въ западной Европѣ въ сферѣ законодательства того не входили въ употребленіе туземные языки именно потому, что тамъ во всѣхъ оффиціальныхъ памятникахъ, актахъ и т. п., въ наукѣ — употреблялся языкъ латинскій, въ нашемъ же отечествѣ, одновременно съ христіанствомъ явилась славяноболгарская письменность, близко соприкоснувшаяся съ византійскою культурою и открывшая путь дальнѣйшему развитію древне-русскаго, туземнаго, языка. Третье сомнѣніе Каченовскаго Погодинъ признаетъ плодомъ простого невѣжества со стороны нашего скептика: писанные законы имѣлись у салическихъ франковъ, у бургундцевъ, у лонгобардовъ, у испанцевъ, у скандинавовъ и у другихъ народовъ въ поры ихъ жизни не только соотвѣтствующія эпохѣ русскаго великаго князя Ярослава I, но и въ эпохи еще болѣе, относительно, отдаленныя.

Вторая справка Каченовскаго носитъ названіе — справки исторической. Здѣсь нашъ скептикъ задается слѣдующими сомнѣніями: могли ли новгородцы (для которыхъ, какъ ниже увидимъ, дана была первоначальная Русская Правда) составлять въ XI-мъ вѣкѣ городское общество, съ опредѣленными муниципальными правами и, къ тому же, занимающееся обширною торговлею? Отъ кого могли они получить эти муниципальныя права? Съ кѣмъ и чѣмъ могли они торговать въ XI-мъ вѣкѣ? Отвѣчая на послѣдній изъ этихъ вопросовъ, самая постановка котораго можетъ быть извинена развѣ только состояніемъ русскаго историческаго знанія въ ту эпоху, когда работалъ Каченовскій, М. П. Погодинъ уже въ свое время могъ возразить, что новгородцы торговали съ балтійскимъ поморьемъ, съ греками, арабами, болгарами финнами, казарами, доказательствами чему служатъ какъ свидѣтельства иноземныхъ источниковъ, такъ и клады съ иностранными монетами, въ обилии находимые по направленіямъ древнерусскихъ торговыхъ путей предметами этой торговли служили мѣха, кожи, воскъ и др. произведенія добывающей про-

мышленности, а также невольники Что касается предположений Каченовскаго относительно какого то новгородскаго муниципальнаго строя, съ муниципальными правами въ ихъ основѣ—го Русская Правда и не даетъ никакихъ поводовъ ставить подобнаго рода вопросы, муниципальное устройство городовъ было, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, вообще чуждо древней, до-петровской, Руси. За то, наоборотъ, тотъ же памятникъ живо возстановляетъ собою земско-общинные устои, какъ нельзя болѣе отвѣчающіе условіямъ государственнаго и общественнаго строя перваго періода русской исторической жизни

Третья справка Каченовскаго,—археологическая,—ведетъ его къ разбору какъ отдѣльныхъ терминовъ, словъ и выраженій Русской Правды, такъ и къ критической оцѣнкѣ отдѣльныхъ частей ея внутренняго содержанія (указанія на процессуальныя дѣйствія, обычаи и т п) Этотъ разборъ, который также сводится къ отрицательнымъ по отношенію къ вопросу о подлинности Русской Правды результатамъ, не былъ доведенъ до конца за смертью автора, изъ разобранныхъ Каченовскимъ словъ и выраженій укажемъ термины „голова“ (въ значеніи трупа убитаго), „руссинъ“, „гридинъ“, „купецъ“, „гость“, „тіунъ“, „ябедникъ“, „мечникъ“, „изгой“ и др Погодинъ парализуетъ и эти археологическіе доводы Каченовскаго съ такою же рѣшительностью, съ какою были опровергнуты имъ и двѣ первыя справки нашего скептика

Скептическія изслѣдованія М П Каченовскаго надъ Русскою Правдою для нашего времени представляютъ интересъ развѣ только историческій, такъ какъ вопросъ о подлинности этого памятника поставленъ при современномъ положеніи русскаго историко-юридическаго знанія уже внѣ всякаго сомнѣнія и значеніе аксіомы пріобрѣло то положеніе, что въ лицѣ Русской Правды мы имѣемъ сборникъ правовыхъ нормъ, которыми наши предки въ дѣйствительности регулировали свои правоотношенія въ первомъ періодѣ исторической жизни своей

Б Бо́льшій интересъ представляетъ собою **вопросъ объ источникахъ Русской Правды** Вопросъ о тѣхъ начальныхъ источникахъ, изъ которыхъ почерпнулъ этотъ памятникъ свое содержаніе—стоитъ въ близкой генетической связи съ вопросомъ о происхожденіи Руси наши первые нѣмецкіе академики, возвѣстившіе въ свое время ученіе о скандинавскомъ происхожденіи варяго-руссовъ, желая оставаться послѣдова-

тельными и дать новыя аргументы для подкрѣпленія своей теоріи, не замедлили высказать мнѣніе о заимствованіи Русскою Правдою своего внутренняго содержанія изъ законовъ скандинавскихъ. Такого воззрѣнія особенно настойчиво держались Шлецеръ, Струбе-де Пирмонтъ, а во второй и третьей четверти XIX-го столѣтія убѣжденный фанатикъ норманизма проф. М. П. Погодинъ предпринявшій даже попытку („Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи", 1846—1859, томъ III) указать 14 опредѣленій Русской Правды, которыя, будто бы, непосредственно почерпнуты изъ скандинавскихъ законовъ. На скандинавахъ дѣло не остановилось. Еще дальше зашелъ въ области вопроса объ источникахъ занимающаго насъ памятника проф. Г. Эверсъ, высказавшій мысль („Предварительныя критическія изслѣдованія о Русской Правдѣ", 1814) о заимствованіи Русскою Правдою своего содержанія изъ законовъ салическихъ и рипуарскихъ франковъ. Мнѣніе это держали профессоръ основывалъ на сходствѣ отдѣльныхъ опредѣленій Правды съ указанными законами, а самую возможность такого заимствованія поясняль сношеніями в. к. Ярослава I съ западною Европою (извѣстно, что дочь Ярослава Анна была выдана замужъ за французскаго короля Генриха I). Мысль Эверса нашла себѣ послѣдователя въ лицѣ проф. Ѳ. І. Морошкина, высказавшаго (см. его прибавленія къ переводу уже извѣстнаго намъ Груда Ренца) мысль, что „Русская Правда есть чадо одной семьи съ варварскими кодексами, особенно близкое къ саксонскому, англо-вершескому, фризскому и салическому" и что эти чужеземные законы, быть можетъ, даже „прибыли къ намъ въ какомъ нибудь письменномъ видѣ". Объясненіе нашего древнѣйшаго права заимствованіями изъ такъ называемыхъ „варварскихъ законовъ" (leges barbarorum) было, вообще, пріемомъ весьма распространеннымъ среди нашихъ историковъ прежняго времени. Въ этомъ отношеніи древнѣйшій періодъ исторіи русскаго права, вообще, и Русская Правда въ особенности—лишь подпали антинаціональному направленію, когда то господствовавшему въ русской исторической наукѣ, вообще.

Не взирая на многочисленныя попытки объясненія происхожденія разсматриваемаго нами памятника заимствованіемъ

изъ правъ чуждыхъ народностей и, главнымъ образомъ, изъ права скандинавскаго—довольно рано возникаетъ, какъ мы уже знаемъ, ученіе о національной самобытности Русской Правды, объ ея общеславянскомъ и, въ частности, русско славянскомъ характерѣ Мы видѣли что первый шагъ сдѣланъ былъ въ этомъ направленіи еще въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія польскимъ писателемъ И Раковецкимъ въ его трудѣ „Prawda Ruska etc“, въ которомъ Раковецкій впервые возвѣстилъ славянское происхожденіе Русской Правды, придя къ убѣжденію, что Русская Правда—есть памятникъ права національнаго, стоящаго въ самой тѣсной связи съ общеславянскимъ правомъ, что Русская Правда представляетъ собою лишь одну изъ отраслей древнѣйшаго праславянскаго права, по началамъ котораго съ незапамятныхъ временъ регулировало жизненныя отношенія свои когда то нераздѣльное еще славянское племя Мысль, брошенная Раковецкимъ, нашла себѣ послѣдователя въ лицѣ польскаго же юриста В А Мацѣевскаго (въ его „Historya prawodawstw Slowiańskich“, 1832—1835), а въ русской историко-юридической литературѣ первыя попытки въ томъ же направленіи составили заслугу профессора кіевскаго университета сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія Н Д Иванишева, а въ сравнительно новѣйшее время—проф Ѳ И Леонтовича[1])

Для нашихъ дней вопросъ объ антинаціональномъ происхожденіи Русской Правды, какъ и пресловутый вопросъ объ ея неподлинности—можетъ почитаться уже сданнымъ въ архивъ исторіи нашей науки. Это нисколько не освобождаетъ, тѣмъ не менѣе, науку исторіи русскаго права отъ необходимости упорныхъ и кропотливыхъ изслѣдованій въ области вопроса о формаціи и объ источникахъ этого памятника Отвергая непосредственное, такъ сказать механическое, заимствованіе Русскою Правдою нормъ права чужеземнаго, мы не въ правѣ игнорировать тѣхъ внѣшнихъ вліяній, которыя путемъ вполнѣ жизненнымъ, органическимъ, могли оказывать воздѣйствіе на древнѣйшее русское право,

---

[1]) Подробности см выше, въ введеніи, гл III, стр 32—35

благодаря болѣе или менѣе близкимъ отношеніямъ, въ которыя становились наши предки къ тѣмъ или другимъ народностямъ и которыя не могли не найти отраженія и въ Русской Правдѣ. Если не можетъ быть оправданъ крайній космополитизмъ въ построеніи исторіи народа, то не менѣе вредною является въ этомъ отношеніи и узко-національная, пожалуй даже тенденціозно-національная точка зрѣнія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что основы древняго русскаго права, а слѣдовательно и Русской Правды — представляются вполнѣ національными, самобытными, что блестяще подтверждается сравнительною исторіею славянскаго права, но не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ вида, что древняя Русь стояла въ извѣстныхъ соотношеніяхъ къ сосѣднимъ народностямъ (скандинавамъ, прибалтійскому славянству германскому и готскому поморью) и, въ особенности — къ Византіи, откуда перенесенъ былъ къ нашимъ предкамъ свѣтъ новой вѣры, новыя идеалы, новыя начала духовной и, въ частности, правовой жизни.

Принимая въ соображеніе условія государственно-правового строя древнѣйшей Руси, всматриваясь и въ отдѣльныя опредѣленія Русской Правды, мы окажемся въ состояніи указать слѣдующіе источники, которые должны были лечь въ основу этого памятника.

а) Древнее обычное право русскихъ славянъ — источникъ основной, и по времени и по своему значенію. Что Русская Правда въ подавляющей части своего содержанія представляетъ собою лишь отраженіе древнѣйшаго обычнаго права славянства, вообще, и русскаго славянства, въ особенности, въ этомъ въ наши дни уже никто не сомнѣвается. Участіе обычнаго права въ формаціи древнихъ памятниковъ славянскаго права, а въ числѣ ихъ и нашей Русской Правды, уже было выяснено нами въ своемъ мѣстѣ и снова возвращаться къ этому вопросу мы не станемъ [1]), лицъ же интересующихся генезисомъ и проявленіемъ въ конкретныхъ формахъ древняго обычнаго права — мы еще разъ

---

[1]) См. выше первую главу текущей части — «Обычное право» (стр. 162 и слѣд.)

направимъ къ превосходной монографіи проф Ѳ И Леонтовича „Старый земскій обычай“ (Од 1889)

б) Вѣчевые приговоры и княжескія постановленія (уставная дѣятельность князей) Русская Правда не даетъ намъ опредѣленныхъ указаній на законодательную дѣятельность вѣча, какъ на одинъ изъ своихъ источниковъ но мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что вѣчевые приговоры, являвшіеся результатомъ совмѣстнаго обсужденія князьями съ народомъ тѣхъ или другихъ вопросовъ текущей законодательной жизни, должны имѣть свое мѣсто въ числѣ источниковъ нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ права Болѣе поздніе памятники русскаго права, Псковская и Новгородская судныя грамоты, а также и договоры русскихъ князей и городовъ съ нѣмцами, всецѣло проникнутые старыми, земскими, до-московскими началами правовой жизни, совершенно ясно свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, о непосредственномъ участіи вѣча въ дѣлѣ законодательства Весьма возможно что, по отношенію къ Русской Правдѣ, вѣчевые приговоры, въ качествѣ одного изъ источниковъ этого памятника, просто на просто затѣряются общимъ понятіемъ уставной дѣятельности князей Что касается этой послѣдней, то Русская Правда даетъ намъ весьма рельефныя указанія на законодательныя мѣропріятія князей, какъ на одинъ изъ своихъ источниковъ Такъ, весьма крупное законодательное начинаніе третьей четверти XI-го вѣка—отмѣна кровавой мести за убійство и введеніе вмѣсто нея денежныхъ виръ было результатомъ постановленія, состоявшагося на междукняжескомъ съѣздѣ „По Ярославѣ же совокупившеся сынове его . и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати, а ино все яко же Ярославъ судилъ, также и сынове его уставиша“—свидѣтельствуетъ намъ сама Русская Правда Въ опредѣленіи наказанія за ударъ, наносимый рабомъ свободному человѣку, тотъ же памятникъ заявляетъ, что такого провинившагося раба „великій князь Ярославъ Володимеричъ уставилъ убити, но то сынове его по немъ уставиша на куны“ Указывая размѣръ „поклона вирнаго“, т е натуральнаго содержанія должностному лицу, носившему названіе „вирника“, Русская Правда добавляетъ „То ти урокъ Ярославль“ (т е—„вотъ передъ тобою уставъ Ярослава“) Наконецъ, въ составъ Рус-

ской Правды вошли интересныя опредѣленія относительно кретита, которыя прямо названы здѣсь „уставомъ великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха“ причемъ свидѣтельствуется, что эти узаконенія составлены Мономахомъ если не на вѣчѣ, то при участіи его дружинниковъ („думы“ княжескои)

в) Судебныя рѣшенія—въ смыслѣ прецедентовъ практики Судъ „по старинѣ“, „по старымъ пошлинамъ — является идеаломъ древняго русскаго процесса, выставляющимся излюбленнымъ требованіемъ въ договорахъ князей съ земцами Немогло представляться ничего удивительнаго въ томъ что отдѣльныя судебныя рѣшенія, или подкрѣплявшія эту „старину“, эту „пошлину“, или же, наоборотъ, вносившія въ нее какія либо новшества—формулировались въ письменную форму и включались въ общій текстъ Русской Правды Одна изъ статей этого памятника, устанавливающая высшую виру въ 80 гривенъ за убійство старшаго княжескаго конюха мотивируетъ это опредѣленіе тѣмъ что когда то в к Изяславъ потребовалъ именно такую сумму за своего конюха, котораго убили дорогобужцы („яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили дорогобужцы“) Весьма вѣроятно, что на судебныхъ прецедентахъ построены и многія другія опредѣленія Русской Правды, не сохранившія въ себѣ такого яснаго указанія на свое происхожденіе, какимъ является только что приведенное нами

г) Концепція чужеземнаго права Не смотря на крайнюю важность этого вопроса въ ряду цѣлаго ряда другихъ общихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіею Русской Правды—нельзя не сознаться въ его сложности и трудности, обусловленныхъ далеко еще не прочно поставленнымъ примѣненіемъ къ изученію древнѣйшаго русскаго права сравнительно-историческаго метода, въ области нашей науки все еще представляющаго собою богатую, плодотворную, но еще очень мало затронутую почву Едва ли возможно предполагать, чтобы Русская Правда могла оставаться внѣ вліянія тѣхъ народностей, населявшихъ побережья балтійскаго поморья (прибалтійское славянство, скандинавы, готы наконецъ—германцы), торговыя сношенія съ которыми древнихъ предковъ нашихъ стоятъ внѣ всякихъ сомнѣній, началомъ своихъ восходя къ временамъ еще до-историческимъ и доку-

ментальныя данныя относительно которыхъ дошли до нашихъ дней отъ XII-го и XIII-го вѣковъ—въ видѣ договорныхъ грамотъ русскихъ князей и городовъ съ Готландомъ и городами германскаго ганзейскаго союза Въ этихъ договорныхъ грамотахъ, какъ мы впослѣдствіе самымъ несомнѣннымъ образомъ убѣдимся въ томъ, весьма отчетливо сказывается попытка модифицировать правовыя начала, выраженныя въ Русской Правдѣ, въ ихъ примѣненіи къ сферѣ отношеній международныхъ, мы не видимъ положительно никакихъ основаній отвергать вѣроятность такого же точно воздѣйствія права сѣверо-западныхъ сосѣдей нашихъ предковъ и на Русскую Правду Въ высшей степени любопытныя опредѣленія Русской Правды, касающіяся торговли и порядка конкурса при торговой несостоятельности, съ предоставленіемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи исключительныхъ льготъ гостямъ чужеземнымъ, процессуальныя льготы, предоставляемыя здѣсь же иноземцамъ —все это начала, которыя могли имѣть свой источникъ въ международныхъ и торговыхъ отношеніяхъ нашихъ предковъ къ своимъ сосѣдямъ

Если вопросъ о вліяніи на Русскую Правду западноевропейскаго права долженъ считаться, пока, открытымъ, то уже на болѣе опредѣленной почвѣ стоитъ вопросъ о концепціи этимъ памятникомъ нормъ права греко-византійскаго, хотя въ области и этого вопроса много остается невыясненнаго, гадательнаго Мы выше (см стр 283 и сл) уже привели нѣкоторыя соображенія относительно вліянія на Русскую Правду памятниковъ византійскаго права и, въ особенности, Закона суднаго людямъ и Прохейрона Въ литературѣ исторіи русскаго права встрѣчаются даже попытки указанія отдѣльныхъ статей интересующаго насъ памятника, будто бы создавшихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ византійскаго законодательства, такъ, въ числѣ такихъ статей отмѣчали постановленія Русской Правды о наслѣдствѣ и опекѣ, о потокѣ и разграбленіи, объ убійствѣ застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора, объ отвѣтственности господина по правонарушеніямъ его раба, о самовольномъ пользованіи чужимъ конемъ и нѣк другія Сколько нибудь фактическое освѣщеніе вопроса о концепціи Русскою Правдою нормъ византійскаго права требуетъ, тѣмъ не менѣе, еще многихъ и кропотливыхъ работъ со стороны историковъ отечественнаго

права и, прежде всего, самаго тщательнаго изученія ими памятниковъ греко-византійскаго законодательства не только въ славянскомъ, едва ли вполнѣ точномъ, переводѣ ихъ, но и въ самыхъ подлинникахъ.

Все сказанное выше приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что вопросъ объ источникахъ Русской Правды въ весьма многихъ отношеніяхъ представляетъ собою почву, требующую со стороны людей науки еще многихъ подготовительныхъ работъ и историко-критическихъ изслѣдованій.

В. Вопросъ о составѣ Русской Правды. Намъ уже извѣстно, что текстъ Русской Правды въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ этотъ памятникъ, представляетъ собою весьма большое разнообразіе редакцій, въ отдѣльныхъ спискахъ различающихся между собою и большею или меньшею полнотою содержанія, и порядкомъ расположенія этого послѣдняго, и временемъ своего написанія. На сколько значительнымъ представляется разнообразіе списковъ Русской Правды усматривается уже изъ того, что до нашихъ дней дошло не менѣе 50-ти редакцій этого памятника; любопытную попытку дать сведенный текстъ различныхъ редакцій его представляетъ собою трудъ Н. В. Калачова („Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды"), составившаго сведенный, въ 143-хъ статьяхъ, текстъ Русской Правды, въ основу котораго легло тридцать списковъ различныхъ редакцій.

Весьма естественно, что такое разнообразіе списковъ и редакцій изслѣдуемаго нами памятника должно было направить усилія нашихъ историковъ и юристовъ къ попыткамъ по мѣрѣ возможности разобраться въ немъ, постараться выяснить какъ причину этого разнообразія, такъ и ту редакцію, которая могла бы быть признана основною,—въ смыслѣ первоначальнаго ядра, изъ котораго послѣдовало все дальнѣйшее развитіе Русской Правды во всемъ разнообразіи ея списковъ и изводовъ. Это вводитъ насъ въ область весьма интереснаго вопроса о составѣ Русской Правды въ ея подробной редакціи.

Въ младенческую пору постановки русскаго историко-юридическаго знанія существовало ходячее мнѣніе, что Русская Правда представляетъ собою актъ единовременной законодательной дѣятельности, что этотъ памятникъ дошелъ до

насъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ когда то обращался онъ у нашихъ предковъ въ качествѣ оффиціальнаго сборника законовъ Послѣдовавшее открытіе множества списковъ и редакцій Русской Правды побудило нашихъ ученыхъ строже отнестись къ вопросу о происхожденіи и составѣ этого памятника права и въ результатѣ явилось вполнѣ доказанное и общепринятое въ наши дни положеніе, что Русская Правда не есть плодъ единовременной законодательной дѣятельности, но что сборникъ, который извѣстенъ подъ этимъ, чисто наружнаго характера, названіемъ—представляетъ собою, въ своихъ подробныхъ редакціяхъ, рядъ позднѣйшихъ наслоеній правовыхъ нормъ къ первоначальному и основному тексту этого памятника, происхожденіе котораго должно быть, уже дѣйствительно, пріурочено къ законодательной дѣятельности великаго князя Ярослава I Владиміровича

Этотъ первоначальный и основной текстъ интересующаго насъ памятника въ настоящее время предсгавляется вполнѣ выясненнымъ этимъ основнымъ текстомъ признаются первыя семьнадцать статей такъ называемаго „академическаго“ списка Русской Правды, къ которымъ слѣдуетъ присоединить узаконенія относительно порядка сбора „виръ“ (денежныхъ пеней) или „Вирный урокъ“ (уставъ), во всѣхъ спискахъ съ большою послѣдовательностью приписываемый великому князю Ярославу

Если мы обратимся къ этимъ первымъ семьнадцати статьямъ академическаго списка Русской Правды, то сразу же обнаружимъ, что онѣ рѣзко ограничиваются отъ дальнѣйшихъ статей того же списка Прежде всего бросится намъ въ глаза общій заголовокъ, поставленный передъ ними „Правда Роськая“, а затѣмъ остановитъ на себѣ наше вниманіе и самое содержаніе этихъ 17-ти статей, носящее всѣ черты древности своего происхожденія здѣсь въ полной силѣ фигурируютъ кровавая месть, слѣды самосуда и другія черты правового строя древняго общества—и съ этой стороны интересующія насъ статьи проявляютъ значительную аналогію съ западноевропейскими варварскими кодексами (leges barbarorum) и примитивнымъ германо-скандинавскимъ правомъ, обстоятельство, въ свое время дававшее, какъ мы видѣли, поводъ заводить рѣчь о заимствованіи изъ нихъ Русскою Правдою сво-

его содержанія. Первая изъ разсматриваемыхъ 17-ти статей установляетъ начало родственной кровавой мести за убійство:

„Оубьетъ моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу братъ, любо сестриноу сынови. Аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривень за головоу“ и т. п.

Но, послѣ изложенія послѣдней изъ этихъ семнадцати статей,—мы натыкиваемся на слѣдующую вставку, имѣющую характеръ новаго заглавія:

„Правда оуставлена Роуськой земли, егда ся съвокоупиль Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснечко, Перенѣгъ, Миньфорь Кыянинъ Чюдинъ, Миьуна“.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ дальнѣйшихъ статей списка, изъ которыхъ первая,—а по общему счету восемнадцатая,—опять таки открываетъ собою серію опредѣленій о карѣ убійства, но теперь уже съ совершенною отмѣною кровавой родственной мести, съ замѣною этой послѣдней денежными пенями—„вирами“. Такъ какъ упоминаемыя въ только что приведенномъ заглавіи имена собственныя Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ—это имена сыновей в. к. Ярослава I (остальныя принадлежатъ „мужамъ“, т. е. дружинникамъ, ихъ), то становится совершенно очевиднымъ, что съ восемнадцатой статьи академическаго списка начинается новая серія законодательныхъ опредѣленій, установленныхъ „егда ся совокупиша Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ“, т. е. установленныхъ на междукняжескомъ съѣздѣ сыновей Ярослава, или начинается, — какъ принято называть ее, — „Правда сыновей в. к. Ярослава Владимировича“.

Любопытно, что первая статья академическаго списка (или первая статья Правды Ярослава), опредѣляющая право кровавой мести, съ большими или меньшими редакціонными измѣненіями находится во главѣ всѣхъ, вообще, списковъ Русской Правды, хотя послѣ смерти Ярослава I кровавая месть и была уже отмѣнена—но въ большей части списковъ непосредственно за нею слѣдуетъ вставочнаго характера статья, трактующая именно объ этой реформѣ, совершенной сыновьями Ярослава, напримѣръ:

„По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ и мужи ихъ Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову (т е месть за убійство), но кунами (деньгами) ся выкупати, а ино все яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша“

Слѣдующія за тѣмъ остальныя шестнадцать статей академическаго списка (т е Правды Ярослава) являются здѣсь или вовсе выпущенными, или иначе редактированными

И такъ — намъ теперь извѣстенъ основной текстъ Русской Правды, легшій основою дальнѣйшаго развитія этого памятника и, дѣйствительно, принадлежащій законодательной дѣятельности великаго князя Ярослава I Владиміровича Этотъ основной текстъ, сводящійся, такимъ образомъ, къ первымъ семнадцати статьямъ академическаго списка — принято называть Ярославовою или Краткою Русскою Правдою, въ противоположность такъ называемой Подробной Русской Правдѣ, къ которой можетъ быть отнесено все остальное содержаніе разсматриваемаго памятника — во всемъ уже разнообразіи его списковъ, фамилій и редакцій

Подробная Русская Правда даетъ намъ, въ свою очередь, возможность прослѣдить ея постепенное наслоеніе, возможность разложенія всего ея состава на отдѣльныя части, относящіяся къ различнымъ эпохамъ и выражающія собою процессъ постепеннаго развитія первоначальныхъ редакцій этого памятника Такими составными частями подробной Русской Правды могутъ быть признаны слѣдующія

I Правда сыновей Ярослава Исходною точкою законодательной дѣятельности сыновей в к Ярослава является уничтоженіе кровавой родственной мести за убійство, съ замѣною ея денежными вирами, — реформа, предпринятая ими, какъ мы уже знаемъ, на княжескомъ съѣздѣ, состоявшемся послѣ смерти Ярослава, отмѣнено было сыновьями Ярослава и право убіенія раба за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку („великій князь Ярославъ Володимеричь былъ уставилъ убити, но то сынове его по немъ уставиша на куны“ и пр.) Сказывается, вообще, стремленіе если не совсѣмъ уничтожить пережитки древняго начала самосуда, самоуправства, то, по возможности, ограничить его,

поставить въ опредѣленныя границы, подчинить легальнымъ процессуальнымъ формамъ Въ связи съ отмѣною кровавой мести мы находимъ въ Правдѣ сыновей Ярослава рядъ статей, опредѣляющихъ размѣры и порядокъ взиманія вирь, предусматривающихъ тѣ случаи, въ которыхъ виру можетъ платить за убійцу его община („дикая" вира), а также случаи совершеннаго невмѣненія убійства Кромѣ полнаго и законченнаго цикла постановленій, касающихся преступленій противъ жизни, въ этой составной части подробной Русской Правды даются опредѣленія, предусматривающія личныя оскорбленія, преступленія и проступки противъ собственности, опредѣленія процессуальныя Эпоха развитія Правды сыновей Ярослава, включая сюда кіевскія княженія его сыновей Изяслава (1054—1077), Всеволода (1078—1093) и внука Святополка (сына Изяслава, 1093—1112), можетъ быть поставлена, такимъ образомъ, въ предѣлы, очерчиваемые кончиною Ярослава I (1054 г.) и вокняженіемъ въ Кіевѣ внука его Владиміра Всеволодовича Мономаха (1113 годъ)

II Правда великаго князя Владиміра Мономаха или „Уставъ великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха" „Уставъ" в. к. Владиміра Мономаха, непосредственно примыкающій къ Правдѣ Ярославичей, преслѣдуетъ задачи законодательства чисто специальнаго характера, будучи посвященъ опредѣленіямъ, касающимся урегулированія роста и торговаго кредита, мы относимъ сюда статьи „О рѣзѣ" (т. е. ростѣ), „Оже который купець истопится" (о несостоятельности) и „О долзѣ" (порядокъ конкурса при несостоятельности) [1]) Мы въ своемъ мѣстѣ подробнѣе познакомимся съ тѣми, возстановляемыми лѣтописью, обстоятельствами, при которыхъ послѣдовало изданіе Мономахомъ, уже вслѣдъ за вокняженіемъ его въ Кіевѣ, этого замѣчательнаго устава, цѣликомъ вошедшаго въ подробную Русскую Правду, увидимъ, что изданіе его было ближайшимъ образомъ вызвано развитіемъ въ Кіевѣ ростовщичества и вспыхнувшими, въ связи съ этимъ явленіемъ, антиеврейскимъ движеніемъ и погромами Въ общемъ текстѣ подробной Русской Правды узаконенія Мономаха открываются особыми заго-

[1]) Въ изданіи Н. В. Калачова («Текстъ Русской Правды и пр.») статьи 43—51 списка Троицкаго или статьи 66—69 списка Карамзинскаго

ловьками „Оуставъ Володимѣрь Всеволодовича“ (списокъ троицкій) или „А се оуставилъ великый князь Владимеръ Всеволодичь Мономахъ“ (списокъ карамзинскій). Выработанъ былъ этотъ уставъ путемъ совѣщанія великаго князя съ дружиною своею и при участіи представителей земщины „Володимѣрь Всеволодичь, по Святополкѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ, Ратибора, кіевскаго тысяцкаго, Прокопія, бѣлогородскаго тысяцкаго, Станислава, переяславльскаго тысяцкаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили и т д“ (слѣдуетъ самый текстъ устава)

III. Правда XII-го вѣка Эта составная часть подробной Русской Правды, представляя собою дальнѣйшее развитіе редакцій второй половины XI-го столѣтія, должна быть отграничена какъ отъ Правды сыновей Ярослава, такъ и отъ совершенно самостоятельнаго „Устава“ в к Владиміра Мономаха Въ нѣкоторое недоумѣніе способно ввести, повидимому, заглавіе „Соудъ Ярославль Володимѣричь“, стоящее въ началѣ относящихся сюда статей—но это заглавіе носитъ чисто ритуальный характеръ, относясь лишь къ первой изъ этихъ статей, заключающей въ себѣ извѣстное постановленіе краткой Правды о кровавой мести, съ немедленно слѣдующимъ за тѣмъ указаніемъ на отмѣну ея при сыновьяхъ Ярослава Въ Правдѣ XII-го вѣка мы находимъ дальнѣйшее развитіе постановленій о вирахъ и порядкѣ ихъ взиманія, опредѣленія относительно личныхъ оскорбленій, съ довольно существенными добавленіями къ Правдѣ Ярославичей, статьи, предусматривающія преступленія противъ собственности, съ особенно подробными постановленіями о „сводѣ“, какъ способѣ возстановленія нарушеннаго права собственности и т п

IV. Правда позднѣйшихъ эпохъ Сюда должны быть отнесены, раскрываемыя изслѣдованіемъ Русской Правды, позднѣйшія добавленія къ этому памятнику, время появленія которыхъ едва ли можетъ быть сколько нибудь точно установлено и которыя могли началомъ своимъ относиться къ концу XII-го или, даже, къ первой половинѣ XIII-го вѣковъ Сюда можетъ быть отнесено до 17-ти статей, изъ которыхъ нѣкоторыя хотя и повторяютъ опредѣленія болѣе раннихъ составныхъ частей Русской Правды, но, тѣмъ не менѣе, съ извѣстными измѣненіями—напримѣръ въ опредѣленіи размѣра денежныхъ пеней

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ составъ Русской Правды, во всей полнотѣ редакцій этого памятника—составъ, который краснорѣчиво свидѣтельствуетъ въ пользу того положенія, что подробная Русская Правда не была продуктомъ единовременной, хотя бы и частной, кодификаціи права: создавшись на почвѣ краткой Правды Ярослава, она развивалась, дополнялась и редактировалась, начиная съ первой половины XI-го вѣка, на протяженіи, по меньшей мѣрѣ, двухъ полныхъ столѣтій.

Что бы покончить съ вопросомъ о составѣ Русской Правды, укажемъ еще на тотъ фактъ, что нѣкоторые изслѣдователи этого памятника, отказавшись отъ болѣе дробнаго расчлененія его по редакціямъ и составнымъ частямъ, признаютъ три основныя редакціи Русской Правды: а) краткайшую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, древнѣйшую, относящуюся къ XI му вѣку (типъ ея—списокъ академическій) б) подробную (XII-го вѣка, образцы—списки карамзинскій, троицкій и синодальный) и в) сокращенную, переработанную изъ подробной редакціи не ранѣе XIII-го вѣка (образецъ—списокъ кн. Оболенскаго). По этимъ тремъ основнымъ типамъ и распредѣляется, затѣмъ, уже все дальнѣйшее разнообразіе списковъ и редакцій подробной Русской Правды.

Г. **Происхожденіе и кругъ дѣйствія Русской Правды.** Мы пришли, такимъ образомъ, къ выводу, что Русская Правда, въ ея подробномъ составѣ, не была плодомъ единовременной редакціи, единовременной попытки кодифицированія дѣйствующаго права. Но вопросъ этотъ представляетъ въ себѣ и обратную сторону: можетъ ли быть признано за отдѣльными подробными редакціями этого памятника оффиціальное происхожденіе, не были ли онѣ продуктомъ кодификаціи оффиціальной? Въ прежнее время за подробными редакціями Русской Правды, дѣйствительно, признавали оффиціальное происхожденіе и такого воззрѣнія придерживаются даже нѣкоторые современные авторы. Но этотъ взглядъ на дѣло не раздѣляется подавляющимъ большинствомъ изслѣдователей и въ наукѣ исторіи русскаго права твердо установилось въ наши дни воззрѣніе на подробные изводы Русской Правды, какъ на сборники правовыхъ нормъ, компилированныхъ, для цѣлей практическаго пользованія, въ различныя эпохи и, притомъ, частными лицами,—въ чемъ и

находитъ себѣ объясненіе поражающее различіе въ редакціяхъ отдѣльныхъ списковъ этого памятника Русская Правда пережила, въ данномъ отношеніи, тѣ же стадіи развитія, какія выпали и на долю церковныхъ уставовъ, приписываемыхъ великимъ князьямъ Владиміру и Ярославу

Неоффиціальное происхожденіе подробныхъ редакцій Русской Правды находитъ себѣ подтвержденіе во многихъ соображеніяхъ Такъ, при нѣкоторыхъ статьяхъ этого памятника мы встрѣчаемъ толкованія, комментаріи, разъясняющіе эти статьи, объясняющіе ихъ происхожденіе или указывающіе на ихъ измѣненіе или отмѣну Такъ, напримѣръ, въ статьѣ, опредѣляющей порядокъ розыска украденнаго раба, приводится параллель съ покражею скота, причемъ толкуется, что рабъ—„не скотъ (т е не существо безсловесное), нельзѣ рѣчи не вѣдѣ у кого купилъ“, т е что рабъ самъ въ состояніи дать показаніе о томъ какимъ способомъ онъ пріобрѣтенъ новымъ владѣльцемъ Статья объ отмѣнѣ кровавой мести сопровождается, какъ мы видѣли, повѣствованіемъ о самой обстановкѣ этого акта „По Ярославѣ же совокупившеся сынове его“ и т д, въ статьѣ о наказаніи раба за ударъ, нанесенный свободному человѣку, дается историческое пояснение „То Ярославъ былъ уставилъ убити и, по сынове его уставиша“ и пр, такою же справкою историческаго характера сопровождается изложеніе „устава“ в к Владиміра Мономаха.. Едва ли нужно доказывать, что всѣ эти пояснительныя историческія справки — чужды всякаго законодательнаго значенія, являясь простыми комментаріями списателей и компиляторовъ Русской Правды Въ подтвержденіе неоффиціальнаго происхожденія подробной Русской Правды можно сослаться на порядокъ распредѣленія, изложенія и редакціи отдѣльныхъ статей, представляющій собою, въ отдѣльныхъ спискахъ, поразительное разнообразіе, что представлялось бы немыслимымъ при оффиціальномъ ихъ происхожденіи, на отсутствіе извѣстныхъ статей въ тѣхъ или другихъ спискахъ и на нахожденіе ихъ, отдѣльно отъ остальнаго текста Правды, въ другихъ памятникахъ письменности, наконецъ—на наличность въ текстѣ подробной Русской Правды ряда статей, не имѣющихъ уже никакого юридическаго значенія и несомнѣнно представляющихъ собою продуктъ фантастическихъ выкладокъ какого нибудь досужаго компилятора, напримѣръ—хитрост-

ныя исчисленія прибыли отъ всякаго рода предметовъ сельскаго хозяйства (см. статьи 49 — 64 карамзинскаго списка) и т. п.

Всѣ данныя и соображенія должны, такимъ образомъ, заставить насъ въ самой рѣшительной формѣ отвергнуть мысль объ оффиціальномъ происхожденіи извѣстныхъ намъ редакцій подробной Русской Правды, признавъ ихъ частными и разновременными попытками кодификаціи существующаго права на почвѣ тѣхъ источниковъ, которые уже были нами раньше исчислены (см. выше стр. 299—303). Несомнѣннымъ выступаетъ для насъ, съ другой стороны, весьма широкое практическое значеніе, которымъ должны были пользоваться въ древней Руси всѣ эти попытки частной кодификаціи, чѣмъ и объясняется, конечно, то громадное количество, въ какомъ дошли до насъ отдѣльные списки Русской Правды.

Мы знаемъ, что списки эти дошли до нашихъ дней не въ рукописяхъ самостоятельнаго характера, но въ сборникахъ болѣе общаго содержанія. Если мы примемъ, теперь, въ соображеніе, что списки Русской Правды встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ кормчихъ книгахъ, что въ тѣхъ же кормчихъ книгахъ помѣщались памятники грековизантійскаго законодательства, многія опредѣленія котораго (въ особенности законъ градскій) пользовались у насъ значеніемъ дѣйствующаго права, что сюда же включались древніе русскіе церковные уставы и нѣкоторыя другія статьи практическаго характера — то для насъ сдѣлается вполнѣ яснымъ выдающееся практическое значеніе кормчихъ книгъ въ древне-русскомъ правовомъ быту: восполняя собою отсутствіе оффиціальной кодификаціи, онѣ являлись болѣе или менѣе полными сводами дѣйствующаго права, настольными справочными сборниками для людей юридической практики тѣхъ отдаленныхъ эпохъ русской исторической жизни.

Покончивъ съ вопросомъ о происхожденіи подробной Русской Правды, остановимся теперь на происхожденіи краткой Русской Правды, которая уже несомнѣнно относится какъ къ эпохѣ, такъ и къ законодательной дѣятельности великаго князя Ярослава I Владиміровича. Мы располагаемъ рѣшительными данными въ пользу оффиціальнаго

происхожденія этого памятника Что Ярославъ I дѣйствительно выступалъ въ роли законодателя — на это указываетъ намъ сама Русская Правда въ своихъ подробныхъ редакціяхъ Такъ, здѣсь совершенно опредѣленно говорится о „вирномъ урокѣ“ (уставѣ) в к Ярослава говорится, что сыновья Ярослава, отмѣнивъ кровавую месть, все остальное уставили такъ, какъ „судилъ“ отецъ ихъ, говорится, что они же установили денежную пеню за нанесеніе холопомъ удара свободному человѣку, тогда какъ Ярославъ „уставилъ“ убіеніе такого оскорбителя, — причемъ, справившись съ краткою Правдою, мы и на самомъ дѣлѣ находимъ здѣсь это послѣднее постановленіе Если, сверхъ того, мы примемъ въ соображеніе постоянное и систематическое приписываніе Русскою Правдою своего происхожденія в к Ярославу I, — что позже распространилось даже и на подробную Правду,—то уже на основаніи этихъ доводовъ мы должны согласиться съ невозможностью сколько нибудь серьезнымъ образомъ оспаривать непосредственное участіе этого великаго князя въ дѣлѣ составленія краткой Русской Правды

Но мы располагаемъ и другимъ положительнымъ свидѣтельствомъ о законодательной дѣятельности Ярослава Владиміровича, почерпаемымъ изъ лѣтописей Такъ, одна изъ новгородскихъ лѣтописей,—такъ называемая „академическая“,— разсказывая подъ 1016-мъ годомъ объ изгнаніи Ярославомъ изъ Кіева Святополка Окаяннаго, свидѣтельствуетъ, что Ярославъ, отпуская домой оказавшее ему въ данномъ случаѣ помощь новгородское ополченіе — „давъ имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако по сей грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, такоже держите“,—послѣ чего непосредственно слѣдуетъ заголовокъ „Правда Роская“, а за нимъ изложеніе такъ называемаго „академическаго“ списка интересующаго насъ памятника Нѣкоторыя другія лѣтописи (напримѣръ первая Софійская), также свидѣтельствуя о томъ, что Ярославъ, наградивъ новгородское ополченіе и отпуская его домой, „давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рѣче по сему ходите и держите, яко же списахъ вамъ“— относятъ это событіе уже не къ 1016-му году, какъ дѣлаетъ это лѣтопись новгородская, но къ 1019-му, давая ему мѣсто слѣдомъ за описаніемъ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ на рѣкѣ Альтѣ, причемъ непосредственно за этимъ свидѣтель-

ствомъ идутъ текстъ Русской Правды (по карамзинскому списку) Закона суднаго людемъ и церковныхъ уставовъ имени великихъ князей Владиміра и Ярослава, послѣ чего возобновляется прерванная послѣдовательность лѣтописнаго повѣствованія Представляется, такимъ образомъ вполнѣ несомнѣннымъ, что в к Ярославъ дѣйствительно далъ новгородцамъ писанную правду Возникаетъ только сомнѣніе относительно года этого событія мы, лично, склоняемся къ 1016-му году, во первыхъ—потому, что въ этомъ году, свергнувъ Святополка и мѣняя Новгородъ на Кіевъ, Ярославъ могъ возимѣть вполнѣ естественное желаніе оставить по себѣ новгородцамъ память, а во вторыхъ и потому, что этотъ именно годъ указывается лѣтописью новгородскою, притомъ лѣтописью, считающеюся одною изъ наиболѣе достовѣрныхъ На законодательную дѣятельность великаго князя Ярослава Владиміровича весьма опредѣленнымъ образомъ указываетъ и другая новгородская лѣтопись, заявляющая, по поводу смерти в к Ярослава, что этотъ князь „правду устави—судебникъ“ (П С Л, IV, 176)

Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что не всѣ комментаторы согласны въ только что приведенномъ объясненіи этихъ лѣтописныхъ текстовъ Такъ, уже баронъ Розенкампфъ („Обозрѣніе кормчей книги“ 1829), а за нимъ Морошкинъ и Калачовъ указывали, что изъ смысла лѣтописей вытекаетъ, что Ярославъ далъ новгородцамъ льготную грамоту въ награду за ихъ содѣйствіе ему въ борьбѣ съ Святополкомъ, а потому едва ли имѣется основаніе усматривать здѣсь указаніе на изданіе Русской Правды. Въ подтвержденіе этого мнѣнія указывали и на то, что Ярославъ, дѣйствительно, далъ новгородцамъ какія то льготныя грамоты, на которыя они впослѣдствіе и ссылались въ своихъ договорахъ съ князьями Едва ли имѣются основанія соглашаться съ такимъ ограничительнымъ толкованіемъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ свидѣтельствъ, во первыхъ—потому, что въ нихъ весьма опредѣленнымъ образомъ говорится, что Ярославъ далъ новгородцамъ не только какой то уставъ, но и правду, т е право, законъ, а во вторыхъ и потому, что дача Ярославомъ новгородцамъ Правды—нисколько не исключаетъ собою возможности предоставленія имъ и какихъ нибудь письменно формулированныхъ льготъ Покидая навсегда любимый имъ Новгородъ, Ярославъ оставлялъ тамъ своихъ посадниковъ Пересе-

ляясь въ далекое Приднѣпровье, ему могло представиться желательнымъ дать новгородцамъ письменныя гарантіи противъ возможности злоупотребленій правдою и судомъ, извѣстно, что даже много позже, въ XV-мъ—XVI-мъ вѣкахъ, у русскихъ великихъ князей было въ обыкновеніи съ такими же цѣлями предоставлять земщинамъ уставныя и судныя грамоты, въ качествѣ гарантій противъ утѣсненій мѣстными правителями. Не безинтереснымъ представляется въ данномъ случаѣ и соображеніе проф. И Д Бѣляева, который отмѣчаетъ, что данная Ярославомъ новгородцамъ Правда — въ извѣстномъ смыслѣ уже сама по себѣ носитъ характеръ грамоты льготной извѣстно, что сборы отъ суда, судебныя пошлины—являлись въ ту пору однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ княжескихъ доходовъ, между тѣмъ краткая Русская Правда совершенно игнорируетъ эту финансовую прерогативу княжеской власти Что же касается положенія о томъ что краткая Правда Ярослава была первоначально дана именно Новгороду, то на это, кромѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, указываютъ намъ какъ нѣкоторые, заключающіеся въ ней, этнологическіе термины (противопоставленіе „роусина“ и „словенина“, „варягъ“, „колбягъ“), такъ и примыкающій къ этому памятнику особый „Урокъ мостникамъ“, новгородское происхожденіе котораго стоитъ уже внѣ всякихъ сомнѣній

Въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о начальномъ происхожденіи Русской Правды находится и непосредственно вытекающій изъ него другой вопросъ распространила ли Русская Правда, въ начальномъ видѣ данная новгородцамъ, свое дѣйствіе и на остальныя русскія областныя земли? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ никакихъ затрудненій Русская Правда получила распространеніе и дѣйствующую силу по всей русской землѣ, конечно только дополняясь и видоизмѣняясь сообразно условіямъ мѣста и времени Мы уже изъ самой Русской Правды знаемъ, что, отмѣнивъ кровавую месть, сыновья Ярослава все остальное оставили такъ, „яко же судилъ“ отецъ ихъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что изъ сыновей Ярослава Изяславъ княжилъ—въ Кіевѣ, Святославъ—въ Черниговѣ, Всеволодъ — въ Переяславлѣ, то должны будемъ прійти къ заключенію, что во второй половинѣ XI-го вѣка во всѣхъ этихъ земляхъ, съ придачею къ нимъ и новгород-

скаго сѣвера, дѣйствовала Русская Правда, уже въ редакціи эпохи Ярославичей принявшая наименованіе „Правды уставленной Роуськой земли“ Общерусское значеніе Правды подтверждается и всею дальнѣйшею исторіею этого памятника

Д **Денежная система эпохи Русской Правды** Мы разсмотрѣли рядъ вопросовъ, связанныхъ съ внѣшнею исторіею Русской Правды Нашъ обзоръ былъ бы, тѣмъ не менѣе, не полонъ, если бы мы не затронули еще одного вопроса, близко соприкасающагося съ исторіею интересующаго насъ памятника и знакомство съ которымъ, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ, представляется въ высшей степени существеннымъ для возможности сознательнаго отношенія къ внутреннему содержанію Русской Правды. Дѣло въ томъ, что, при изслѣдованіи, въ своемъ мѣстѣ, внутренняго содержанія этого памятника, мы будемъ безпрестанно встрѣчаться съ указаніями на различнаго рода денежныя цѣнности эпохи Русской Правды (въ опредѣленіяхъ размѣра вирь, продажъ и другихъ видовъ денежныхъ пеней и взысканій, въ расцѣнкѣ объектовъ имущества и т п), безъ знанія смысла и взаимнаго соотношенія которыхъ крайне затруднительнымъ представилось бы сколько нибудь правильное пониманіе многихъ опредѣленій интересующаго насъ памятника, не говоря уже о возможности критическаго сопоставленія отдѣльныхъ статей его между собою

Только что указанныя соображенія приводятъ насъ къ вставочному, но весьма нелегкому, вопросу о денежной системѣ эпохи Русской Правды, которому мы и посвятимъ нѣсколько замѣчаній возможно общаго характера

Основною денежною единицею эпохи Русской Правды была—гривна, которая представлялась тройкою золотою серебряною и кунною, откуда и различіе понятій гривны золота, гривны серебра и гривны куны, соотвѣтствующее тремъ видамъ цѣнностей, имѣвшимъ въ древней Руси значеніе денежныхъ и мѣновыхъ единицъ—золоту, серебру и мѣхамъ Названіе—куна, а въ собирательной формѣ куны, ведущее свое происхожденіе отъ слова „кунница“, куній мѣхъ, осталось для болѣе позднихъ вѣковъ переживаніемъ тѣхъ древнѣйшихъ эпохъ жизни нашихъ предковъ, когда какъ цѣлые мѣха животныхъ, такъ и отдѣльныя части ихъ, въ дѣйствительности обращались въ качествѣ денежныхъ зна-

ковъ, такое же происхожденіе имѣютъ термины мордка (мордочка цѣннаго мѣха) ногата (ножка), рѣзана (обрѣзокъ), бѣлка, веверица (векша) и др названія, которыми обозначались въ древней Руси денежныя единицы

Слово куны имѣло въ древнія поры русской жизни и болѣе широкое, уже нарицательное, значеніе обозначая собою, съ одной стороны, понятіе мелкой денежной единицы, это слово употреблялось, съ другой стороны, для выраженія современнаго намъ собирательнаго представленія— денегъ, вообще Такимъ образомъ выраженія „взять свои куны", „отдать куны", равнозначущи современнымъ „получить свои деньги", „отдать деньги" и т п Другимъ нарицательнымъ же терминомъ для выраженія понятія денегъ, вообще, являлось слово — скотъ (совершенно соотвѣтствующее латинскимъ терминамъ „pecus", „pecunia"), такъ, древнія русскія выраженія „вдать свой скотъ" (pecuniam solvere), „погубить свой скотъ" (pecuniam trahere), „искать своего скота" (pecuniam exigere) — равносильны современнымъ „заплатить деньги", „растерять деньги", „взыскивать деньги" и т п Терминъ этотъ какъ у насъ, такъ и у древнихъ римлянъ, оставался воспоминаніемъ о тѣхъ далекихъ временахъ народной жизни, когда не только мѣха (которыми, по географическимъ условіямъ страны, богаты были наши предки), но и домашній скотъ служили реальными знаками денежнаго обращенія; такъ, даже въ исходѣ XIV-го вѣка такъ называемая „Двинская уставная грамота" (1397 г.), наряду съ терминами „бѣлы", „бѣлка", „куница шерстью", употребляетъ въ значеніи денежной единицы цѣнности слово — „боранъ" („а другъ у друга межу переорет или перекосить—вины боранъ, а межи сетъ межа 30 бѣлъ", „а учинится бой въ пиру—и намѣстнику дадутъ по куницѣ шерстью" и т п) И такъ, если въ памятникахъ древней русской письменности мы встрѣтимъ термины „куны" или „скотъ", безъ родового или количественнаго обозначенія—то должны принимать ихъ въ нарицательномъ значеніи денегъ, вообще, современные термины „деньга", „деньги"—появляются у насъ позже, будучи заимствованными отъ монголовъ въ эпоху владычества ихъ надъ русскою землею

Возвращаясь къ гривнѣ, какъ основной денежной единицѣ, мы должны замѣтить, что наименованіе это выражаетъ собою, прежде всего, понятіе опредѣленнаго вѣса—и въ этомъ

значеніи слова „гривна", „гривенка" употреблялись у насъ еще въ началѣ XVIII-го вѣка (различались два вида гривны: большая—въ 96 золотниковъ, т. е. фунтовая, и малая—въ 48 золотниковъ, полуфунтовая). Въ древнѣйшей Руси слово „гривна", въ его примѣненіи къ денежному обращенію, выражало собою понятіе около полуфунта благороднаго металла, золота или серебра. Отсюда различіе гривны золота и гривны серебра. Гривны перваго рода не имѣли сколько нибудь значительнаго примѣненія въ древне-русскомъ денежномъ обращеніи; основною валютною единицею этого послѣдняго являлась гривна серебряная, образцы которой очень часто попадаются въ древнихъ кладахъ или въ видѣ случайныхъ находокъ, представляя изъ себя отлитый въ форму продолговатаго брусочка и нерѣдко заклейменный слитокъ серебра, вѣсомъ (съ весьма ничтожными отклоненіями) въ пол фунта.

Гривна серебра представляла собою, такимъ образомъ, денежную единицу вполнѣ реальную, курсовая цѣнность которой стояла въ зависимости лишь отъ стоимости серебра въ данной мѣстности и въ данное время. Болѣе сложнымъ является вопросъ о гривнѣ кунъ или куньей гривнѣ, въ области котораго взгляды нашихъ нумизматовъ и историковъ расходятся въ то время, какъ одни авторы признаютъ „куны" реальными знаками денежнаго мѣхового обращенія, или въ видѣ цѣлыхъ мѣховъ, или въ видѣ клейменныхъ отрѣзковъ ихъ, другіе авторы (въ числѣ ихъ и историкъ русскаго права П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій—„Изслѣдованія о Русской Правдѣ", I, 1881) настаиваютъ на томъ, что эти древне-русскія „куны" были металлическими (низкопробными или биллонными) денежными знаками, это послѣднее возрѣніе имѣло бы за собою много шансовъ въ томъ случаѣ, если бы до нашихъ дней сохранились образцы такихъ металлическихъ кунъ, что должно было бы быть вполнѣ естественнымъ при томъ широкомъ распространеніи, какое имѣло въ древней Руси, на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, куньо-гривенная денежная система, между тѣмъ ни одного экземпляра этихъ предполагаемыхъ металлическихъ кунъ до насъ не дошло.

Какъ бы то ни было,—признаемъ ли мы куны или реальною мѣховою цѣнностью, или малоцѣнною металлическою единицею, или, наконецъ, денежною единицею чисто идеаль-

мою (подобною позднѣйшимъ ассигнаціямъ, бумажнымъ деньгамъ),—мы, во всякомъ случаѣ, должны признать рыночную, курсовую, цѣнность куньей гривны — находящеюся въ томъ или другомъ соотношеніи къ стоимости гривны серебряной. Всѣ изслѣдователи сходятся между собою въ томъ положеніи, что гривна кунъ стояла къ гривнѣ серебра въ отношеніи 1 $7^1/_2$, т е что 1 гривна серебра=$7^1/_2$ гривнамъ кунъ

Гривна кунъ, въ свою очередь, распадалась на меньшія единицы все той же куньей денежной системы, соотношеніе которыхъ къ цѣлой куньей гривнѣ вполнѣ точно возстановляется источниками—а именно 1 гривна кунъ заключала въ себѣ 20 ногатъ и 50 рѣзанъ или кунъ уже въ тѣсномъ, специфическомъ, значеніи этого послѣдняго термина, т е въ значеніи мелкой единицы денежнаго обращенія Еще болѣе мелкую единицу денежной цѣнности представляла собою векша, векошь или веверица (т е бѣлка), соотношеніе которой къ гривнѣ кунъ остается невыясненнымъ Что касается отношенія гривны золота къ гривнѣ серебра, то оно обусловливалось, конечно, соотношеніемъ цѣнности обоихъ металловъ, которое (какъ это выводится на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ) для эпохи Русской Правды можетъ быть сведено къ отношенію 1 . 7 (съ дробью), т е что 1 гривна золота=7 (съ небольшимъ) гривнамъ серебра=50 гривнамъ кунъ Сводя все вышеизложенное къ одному, получаемъ слѣдующее соотношеніе денежныхъ цѣнностей эпохи Русской Правды

1 гривна золота=7 (съ дробью) гривнамъ серебра= =50 гривнамъ кунъ=1000 ногатъ=2500 рѣзанъ или купъ

1 гривна серебра=$7^1/_2$ гривнамъ кунъ=150 ногатамъ=375 рѣзанамъ или кунамъ

1 гривна кунъ = 20 ногатамъ=50 рѣзанамъ или кунамъ

1 ногата=$2^1/_2$ рѣзанамъ или купамъ

Извѣстный историкъ древне-русскаго общественнаго права, покойный профессоръ московскаго университета В Н Лешковъ, предпринялъ въ свое время попытку перевести денежныя единицы эпохи Русской Правды на современную намъ денежную систему. Не входя въ подробное изложеніе въ высшей степени остроумныхъ пріемовъ и соображеній Лешкова

(интересующихся направляемъ къ капитальному труду его „Русскій народъ и государство“, 1858, стр 177—185), укажемъ лишь окончательный выводъ ихъ, по которому 1 рѣзана или куна=$2^2/_3$ копѣйкамъ Исходя изъ этого вывода, приходимъ къ слѣдующей расцѣнкѣ денежныхъ единицъ эпохи Русской Правды [1])

1 рѣзана или куна=$2^2/_3$ копѣйкамъ
1 ногата=$6^2/_3$ копѣйкамъ
1 гривна кунъ=$1^1/_3$ рублю
1 гривна серебра=около 10 рублей
1 гривна золота=около 70 рублей

Но этотъ разсчетъ не можетъ почитаться еще окончательнымъ, такъ какъ онъ упускаетъ изъ вида разницу въ цѣнѣ на благородные металлы въ эпоху Русской Правды и въ наше время Въ тѣ поры благородные металлы были рѣже, а потому и цѣнились дороже, вспомнимъ что, по свидѣтельству лѣтописи на гомерическихъ пирахъ в к Владимира Святославича дружинникамъ предлагались деревянныя ложки на что тѣ, подвыпивъ, и роптали Принявъ, слѣдомъ за Лешковымъ, что въ эпоху Русской Правды цѣнность серебра стояла по крайней мѣрѣ въ десять разъ выше современной (вспомнимъ, что въ западной Европѣ цѣнность этого металла съ открытіемъ Америки пала въ шесть или даже семь разъ) мы получимъ уже слѣдующую,—конечно только весьма приблизительную и относительную,—разцѣнку гривенной системы эпохи Русской Правды съ точки зрѣнія современнаго денежнаго курса

1 рѣзана или куна=около 26 копѣекъ
1 ногата=около 65 копѣекъ
1 гривна кунъ=около 13 рублей
1 гривна серебра=около $97^1/_2$ рублей

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ Русской Правдѣ, какъ и въ другихъ современныхъ ей памятникахъ, встрѣчается слово гривна безъ обозначенія о какого рода гривнѣ идетъ

[1]) Дроби округляются нами

рѣчь—золотой, серебряной или кунной, всегда подразумѣвается гривна кунная, которая и выступаетъ, такимъ образомъ, съ характеромъ преобладающей, ходячей, денежной единицы

Хотя приведенный выше разсчетъ и является,—еще разъ оговоримъ это,—лишь весьма приблизительнымъ, тѣмъ не менѣе онъ дастъ намъ довольно удовлетворительный критерій для уясненія себѣ значенія и взаимнаго соотношенія многочисленныхъ денежныхъ расцѣнокъ, переполняющихъ собою статьи Русской Правды Поясним примѣромъ Мы въ своемъ мѣстѣ узнаемъ, что за убійство свободнаго человѣка Русская Правда назначаетъ, смотря по общественному положенію убитаго, виру въ 40 и 80 гривенъ (кунныхъ) Лицу, незнакомому съ нашею древнею денежною системою, суммы эти могутъ показаться незначительными до нелѣпости Между тѣмъ, съ точки зрѣнія современной намъ денежной системы, первая вира представляетъ собою сумму до 520 ти рублей, а вторая—сумму до 1040 рублей, при рѣдкости въ ту отдаленную пору денегъ уже первая вира, ординарная—представляла собою взысканіе весьма чувствительное, вторая же вира, двойная—могла въ концѣ разорить человѣка, по условіямъ того времени, даже очень состоятельнаго Приведенный выше разсчетъ открываетъ путь и къ весьма любопытнымъ соображеніямъ историко-экономическаго характера которыя будутъ нами въ своемъ мѣстѣ отмѣчены

Е **Памятники самостоятельнаго характера, стоящіе въ связи съ Русскою Правдою „Урокъ мостникамъ“ и „Урокъ городникамъ“** Что бы покончить съ Русскою Правдою скажемъ еще нѣсколько словъ о двухъ „уставахъ“, которые, въ болѣе или менѣе подробной редакціи своей, входятъ въ составъ списковъ ея, хотя они, не представляя съ Русскою Правдою ничего общаго, носятъ черты памятниковъ совершенно самостоятельныхъ. Это—такъ называемые „уроки“ (уставы) мостникамъ и городникамъ, присутствіе которыхъ въ подробныхъ спискахъ Русской Правды служитъ еще однимъ доказательствомъ компилятивнаго характера ихъ

Урокъ мостникамъ имѣетъ своею задачею опредѣлить способы вознагражденія и содержанія „мостниковъ“, т е лицъ, строющихъ и ремонтирующихъ мосты Къ этому уроку въ нѣкоторыхъ подробныхъ спискахъ Русской Правды

примыкаетъ и статья „О городскихъ мостехъ о мостникахъ поплата“, заключающая въ себѣ распредѣленіе концовъ (частей), сотенъ (общинъ) и улицъ Великаго Новгорода по отношенію къ повинности содержанія въ исправности мостовъ и которая, какъ это было доказано проф. И. Д. Бѣляевымъ, не могла возникнуть ранѣе второй половины XIII-го столѣтія, она представляетъ собою, такимъ образомъ, одну изъ позднѣйшихъ вставокъ въ общій текстъ подробной Русской Правды.

Трудно сказать утвердительно, что слѣдуетъ разумѣть здѣсь подъ понятіемъ мостовъ. В. Н. Бешковъ („Русскій народъ и государство“) полагалъ, что рѣчь идетъ здѣсь о мостахъ въ общеупотребительномъ значеніи этого слова и въ частности, о знаменитомъ новгородскомъ „Волховскомъ мостѣ“, игравшемъ такую видную роль въ политической жизни Великаго Новгорода. М. П. Погодинъ утверждалъ, что подъ мостами слѣдуетъ разумѣть здѣсь уличныя мостовыя и патетически восклицалъ по этому поводу: „Ярославъ далъ уставъ о мостовыхъ въ Новгородѣ, которымъ до сихъ поръ мы не умѣли еще похвалиться предъ Европою. Новгородъ былъ мощенъ въ XI-мъ столѣтіи,—признакъ немаловажный цивилизаціи“! „Урокъ мостникамъ“ опредѣляетъ размѣръ денежнаго вознагражденія мастерамъ этого дѣла. Мостникъ получаетъ по ногатѣ отъ каждыхъ 10 ти локтей новаго моста и по одной кунѣ съ „городни“ (звѣна) въ случаѣ ремонта моста уже существующаго. На работу онъ выѣзжаетъ съ помощникомъ („отрокомъ“), при двухъ коняхъ, на прокормъ которыхъ мѣстные обыватели обязаны отпускать четыре лукна овса въ недѣлю, самимъ же мостникамъ предоставляется продовольствіе натурою, въ размѣрѣ дѣйствительной надобности.

Урокъ городникамъ нормируетъ размѣры денежнаго вознагражденія и натуральнаго довольствія „городниковъ“, т. е. мастеровъ, строющихъ городскія стѣны, въ то время бывшія почти исключительно деревянными. Закладывая „городню“, т. е. звѣно городской стѣны, городникъ получаетъ 1 куну, заканчивая ее—1 ногату. Недѣльное продовольствіе поставляется ему мѣстнымъ населеніемъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена и 7 луконь овса для четырехъ помогающихся при немъ коней,

за всѣ остальные продукты полагается ему 7 кунъ и, сверхъ того, единовременно 10 луконъ солоду Въ этомъ размѣрѣ опредѣляется городнику вознаграждение за все время работъ—„донелѣ же городъ срубитъ“

Два другіе самостоятельнаго характера устава, также вошедшіе въ общій составъ Русской Правды и нами уже упоминавшіеся,—„Уставъ великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха“ и „Уроки вирникамъ“,—будутъ разсмотрѣны нами, какъ представляющіе собою уже прямой историко-юридическій интересъ, при изложеніи внутренней исторіи права интересующаго насъ періода.

Глава V.

Договоры русскихъ князей и городовъ съ Готландомъ и нѣмецкими городами.

Обзоръ внѣшней исторіи Русской Правды привелъ насъ къ конечному заключенію, что, въ его цѣломъ, этотъ памятникъ не былъ продуктомъ ни единовременной ни, тѣмъ менѣе, оффиціальной кодификаціи права что отъ семьнадцати статей такъ называемой „краткой“ Русской Правды, или Правды Ярослава и до такъ называемой „подробной“, въ ея полной редакціи, Правды—лежитъ значительный, не менѣе двухъ вѣковъ, промежутокъ времени, на протяженіи котораго основная редакція этого памятника постепенно развивалась, восполнялась, видоизмѣнялась и расширялась въ своемъ содержаніи и объемѣ. До насъ дошло очень немного памятниковъ этой эпохи, которой можетъ быть присвоено наименованіе эпохи развитія Русской Правды, что и лишаетъ насъ возможности судить о томъ, какъ примѣнялась въ ту пору Русская Правда въ различныхъ областяхъ русской земли, какимъ модификаціямъ подвергались ея опредѣленія въ связи съ географическими, этнологическими, политическими и соціально-экономическими условіями и особенностями жизни отдѣльныхъ территоріальныхъ районовъ древняго нашего отечества

Только что указанный нами пробѣлъ въ значительной степени восполняется дошедшими до насъ договорами русскихъ князей и городовъ съ Готландомъ и

городами нѣмецкаго ганзейскаго союза, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и должны будемъ теперь приступить. Непосредственно примыкая къ Русской Правдѣ эти договоры представляютъ интересъ не только въ смыслѣ любопытныхъ памятниковъ международныхъ сношеній сѣверо-западной Руси XII-го—XIII-го столѣтій съ германскимъ ганзейскимъ союзомъ но они представляютъ высокое историко-юридическое значеніе въ качествѣ памятниковъ права, свидѣтельствующихъ о попыткахъ примѣненія началъ русскаго права, выраженныхъ въ Русской Правдѣ и, отчасти, въ нашихъ древнѣйшихъ церковныхъ уставахъ—къ сферѣ международныхъ отношеній Съ этой точки зрѣнія устанавливается близкая аналогія между договорами съ нѣмцами XII го—XIII-го вѣковъ и договорами съ греками X-го вѣка преслѣдуя, въ своей основѣ, задачи обезпеченія свободныхъ и безопасныхъ торговыхъ путей и, по возможности, наиболѣе твердыхъ и выгодныхъ торговыхъ условій, объ группы договоровъ затрогиваютъ и вопросы чисто правового характера, и тѣ и другіе становятся на почву компромисса между правами обѣихъ договаривающихся сторонъ, и тѣ и другіе выражаютъ со стороны руссовъ упорное стремленіе отстоять передъ чужеземнымъ вліяніемъ „законъ и поконъ“ своего „языка русскаго“ За то различіе сказывается между тѣми и другими съ точки зрѣнія русскаго элемента, участвующаго въ договорномъ соглашеніи въ договорахъ съ греками первенствующее значеніе выпадаетъ на долю южной, приднѣпровской, Руси, въ договорахъ съ нѣмцами активною стороною выступаетъ уже Русь сѣверная, жизнь которой продолжаетъ развивать черты весьма значительной политической и общественной обособленности по отношенію къ Руси кіевской, приднѣпровской.

Прежде, нежели приступимъ къ внѣшней исторіи договоровъ русскихъ князей и городовъ съ готами и нѣмцами, существеннымъ полагаемъ мы дать нѣсколько справокъ относительно тѣхъ **историческихъ условій, на почвѣ которыхъ послѣдовало самое возникновеніе этихъ памятниковъ.**

Извѣстно, что русскій сѣверо-западный край, соотвѣтствующій территоріальному району нашей сѣверной озерной системы и верхняго теченія Западной Двины, имѣетъ очень

отдаленную исторію, началомъ своимъ уходящую въ вѣка глубокой, незапамятной, старины. И древнѣйшія историческія свидѣтельства, и данныя нумизматики, археологіи и древней географіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нынѣшній русскій сѣверо-западъ уже издавна, еще въ эпохи до-историческія, служилъ естественнымъ путемъ для торговыхъ сношеній Балтійскаго побережья съ одной стороны—съ Черноморьемъ и Византіею, съ другой стороны—съ волжскою Булгаріею, нижне-волжскою Хазаріею и, далѣе, съ торговыми пунктами восточнаго калифата. Южное побережье Балтійскаго моря (древнее славянское „Поморье“—нынѣшняя прусская „Померанія“), издревле заселенное балтійскими славянами, должно было уже очень рано принять дѣятельное участіе въ торговлѣ съ Новгородомъ, сдѣлавшимся естественнымъ передаточнымъ пунктомъ торговли запада съ востокомъ, тѣмъ болѣе, что Новгородъ былъ расположенъ на великомъ водномъ пути „изъ варягъ въ греки“, головной участокъ котораго (Финскій заливъ—р. Нева—Ладожское озеро—р. Волховъ) непрерывнымъ воднымъ путемъ соединялъ съ Новгородомъ все Балтійское побережье; такой же водный путь (Рижскій заливъ—р. Западная Двина) соединялъ Балтику и съ русскими сѣверо-западными волостями—Смоленскою, Витебскою и Полоцкою. Стародавнія отношенія между славянствомъ прибалтійскимъ и славянствомъ прильменскимъ (новгородскимъ) послужили, какъ извѣстно, даже основою для той версіи вопроса о происхожденіи варяго-руссовъ, которая выводила этихъ послѣднихъ изъ славянскаго балтійскаго поморья.

Къ концу XII-го вѣка балтійское славянство—пало, а торговля поморскихъ городовъ его, изъ числа которыхъ особенно процвѣталъ г. Юлинъ (на островѣ противъ устья р. Одера), всецѣло перешла къ острову Готланду; здѣсь городъ Визби получаетъ теперь значеніе торговаго центра для всего балтійскаго побережья. Готландъ не преминулъ завязать оживленныя торговыя сношенія съ Великимъ Новгородомъ и уже въ XII-мъ столѣтіи находимъ мы въ Новгородѣ „готскій дворъ“, т. е. факторію, и готскую церковь, а на Готландѣ—такой же дворъ и церковь русскіе. Извѣстно что, паралельно съ паденіемъ прибалтійскаго славянства, на южномъ побережьи Балтійскаго моря начинается усилен-

ная германская колонизація, непосредственно направленная противъ самобытности мѣстнаго славянства (такъ называемый процессъ германизаціи прибалтійскаго славянства) и возникаютъ нѣмецкіе города,—или совершенно новые, или же переименованные изъ старыхъ славянскихъ (напримѣръ: Данцигъ—славянскій Гданскъ, Кенигсбергъ—Кралевецъ, Штетинъ—Щетинъ и т. п.). Всѣ эти нѣмецкіе и германизированные славянскіе города не замедлили въ свою очередь вступить въ торговое соперничество съ островомъ Готландомъ, завязавъ оживленныя торговыя сношенія и съ Новгородомъ—и вотъ въ томъ же XII-мъ вѣкѣ появляется въ Новгородѣ, на ряду съ прежнимъ „готскимъ“ дворомъ—и дворъ „нѣмецкій“. Вступивъ въ торговый союзъ съ Готландомъ, нѣмцы мало по малу стали брать здѣсь перевѣсъ надъ туземцами-готами и вскорѣ получаютъ рѣшительное торговое преобладаніе какъ на Балтійскомъ морѣ, такъ и въ Новгородѣ: старый новгородскій готскій дворъ становится въ подчиненіе двору нѣмецкому, получивъ значеніе какъ бы его филіальнаго отдѣленія, конторы.

Около половины XIII-го столѣтія наступаютъ въ Германіи политическія неурядицы (великое междуцарствіе и эпоха такъ называемаго господства „кулачнаго права“), давшія новое направленіе торговлѣ нѣмецкихъ прибалтійскихъ городовъ: имѣя въ виду обезпечить себѣ безопасность среди проявленій политической смуты и дикаго феодальнаго насилія—эти города заключаютъ между собою торговый и оборонительный союзъ. Такъ возникла въ XIII-мъ вѣкѣ знаменитая Ганза или ганзейскій союзъ нѣмецкихъ городовъ, съ преобладающимъ господствомъ среди нихъ города Любека, въ которомъ и сосредоточивается общее завѣдованіе всѣми дѣлами союза. Получая значительныя привиллегіи отъ окрестныхъ государей и владѣтелей, съ другой же стороны—путемъ заключенія выгодныхъ для себя торговыхъ договоровъ, ганзейскій союзъ сталъ быстро развиваться и скоро покрылъ весь сѣверъ Европы сѣтью своихъ факторій. Новгородъ сохранилъ при этомъ значеніе посредствующаго пункта для восточной торговли Ганзы; другимъ такимъ же русскимъ этапомъ для ганзейской торговли выступилъ г. Смоленскъ, къ которому велъ отъ моря удобный западно-двинскій водный путь.

Учреждая въ различныхъ торговыхъ пунктахъ свои гарарные склады и факторіи, Ганза дала послѣднимъ корпоративное устройство, выторговывая для нихъ не только значительныя торговыя льготы и преимущества, но и большую или меньшую самостоятельность по отношенію къ мѣстнымъ властямъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ граничившую даже съ началомъ экстерриторіальности. Внутреннее распорядки жизни этихъ факторій и всѣ руководящія для нихъ правила составляли предметъ содержанія особыхъ актовъ, вырабатывавшихся и редактировавшихся въ г. Любекѣ, на союзныхъ съѣздахъ ганзейскихъ торговцевъ. Такіе акты, составлявшіеся для новгородскаго „нѣмецкаго двора" (факторіи), извѣстны подъ названіемъ новгородскихъ „скръ" („скра"—слово исландское, выражающее собою понятіе таблицы, грамоты). Новгородскія скры дошли до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, древнѣйшими считаются три списка, изъ которыхъ два хранятся въ архивѣ г. Любека, а третій—въ копенгагенской королевской библіотекѣ. Заключая въ себѣ постановленія, касающіяся внутренняго устроенія и распорядка жизни новгородскаго нѣмецкаго двора—эти скры представляютъ значеніе для исторіи торговли ганзейцевъ въ древней Руси, но не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи русскаго права, будучи всецѣло построены на началахъ права германскаго, онѣ изданы проф. Н. Е. Андреевскимъ въ приложеніи къ его трудѣ „О договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами и пр." (СПБ., 1855).

Что касается отношеній къ готамъ и нѣмцамъ русскихъ городовъ, торговавшихъ съ Готландомъ и германскими городами, то эти отношенія опредѣлялись заключавшимися съ ними договорами, въ которыхъ, кромѣ регламентаціи международныхъ и торговыхъ отношеній, мы находимъ много опредѣленій, касающихся уголовнаго права и порядка процесса. Это послѣднее представляется вполнѣ естественнымъ: иноземнымъ торговцамъ было недостаточно гарантировать для себя условія свободной и льготной торговли въ русскихъ городахъ—необходимымъ предоставлялось имъ договориться съ русскими и относительно мѣры своихъ юридическихъ правъ и обязанностей на русской территоріи, такая же регламентація правовыхъ отношеній нужна была и русскимъ за предѣлами ихъ собственной территоріи.

До нашихъ дней дошло не менѣе одинадцати договоровъ, заключенныхъ съ нѣмцами сѣверо-западными русскими князьями и городами (исчисленіе ихъ см въ „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“ проф Владимірскаго-Буданова, вып 1-й) Изъ этихъ договоровъ нашему разсмотрѣнію будутъ подлежать только три нижеслѣдующіе, какъ представляющіе собою непосредственный интересъ съ точки зрѣнія русскаго историко юридическаго знанія

а) **Договорная (мирная) грамота новгородцевъ съ нѣмцами 1195-го года** Этотъ договоръ былъ заключенъ съ одной стороны—новгородскимъ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, по совѣту „съ посадникомъ съ Мирошкою, и съ тысяцкимъ Яковомъ, и со всѣми новгородци“, съ другой стороны — нѣмецкимъ посломъ Арбудомъ „со всѣми нѣмецкими сыны и съ готы и со всѣми латинскимъ языкомъ“, причемъ для ратификаціи этого договора, проектъ котораго былъ составленъ въ Новгородѣ, отправленъ былъ за рубежъ князескій посолъ Грига Относительно времени заключенія этого договора въ литературѣ встрѣчается разнорѣчіе такъ, проф П Д Бѣляевъ относитъ его къ 1188-мъ году, но большая часть историковъ пріурочиваютъ его къ 1195 му году [1]).

б) **Договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229-го года** Сторонами, заключившими этотъ договоръ, выступаютъ съ русской стороны—смоленскій князь лично отъ себя и за подручныхъ ему князей полоцкаго и витебскаго, съ нѣмецкой стороны — рижскій епископъ („пискупъ“) Николай, попъ Іоаннъ („провстъ Яганъ“), магистръ рыцарскаго ордена меченосцевъ Фолкоунъ („маґістеръ Вълквенъ, Божій дворянинъ“) и всѣ рижскіе горожане и „латинскіе“ (нѣмецкіе) купцы Договоръ свидѣтельствуетъ намъ, что послѣ смерти знаменитаго основателя ордена меченосцевъ, рижскаго епископа Альберта, князь смоленскій Мстиславъ Давидовичъ, желая

---

[1]) Наиболѣе пригодное, для цѣлей собственно учебныхъ, изданіе этого договора, также какъ слѣдующаго договора 1229-го года, дано въ «Хрестоматіи по исторіи русскаго права» проф Владимірскаго Буданова

установить миръ съ Ригою и Готландомъ послать изъ Смоленска въ Ригу своего „лучшаго попа Еремѣя и съ нимъ „умна мужа Пантелѣя", которые и установили условія мирнаго соглашенія. Ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ приняли нѣмецкій посолъ рыцарь („Божій дворянинъ") Ранофъ и смольянинъ Тумаша Составленный проектъ договора былъ утвержденъ печатями и рукоприкладствами представителей купечества острова Готланда и городовъ Любека, Риги, Бремена, Мюнстера, Грюнинга, Дортмунда и Кёльна

Вступленіе въ договоръ 1229 го года гласитъ, что онъ заключенъ съ тою цѣлью, что бы стоялъ довѣка миръ между договаривающимися сторонами, что бы „добро" (т е хорошо) было и Руси, и рижанамъ, и всему „латинскому" народу и вообще, всѣмъ тѣмъ, кто „у Руси гоститъ (торгуетъ)", всѣмъ тѣмъ, кто посѣщаетъ по торговымъ дѣламъ страны, лежащія къ востоку отъ Балтійскаго моря Съ этою то цѣлью — заявляетъ договоръ,—и порѣшено было составить „правду" (т е законъ), которою опредѣлялись бы взаимныя отношенія русскихъ и иноземныхъ гостей „Зѣ починается правда —говорится передъ первою статьею договора, послѣ чего открывается рядъ опредѣленій, относящихся къ области права уголовнаго

Договоръ Смоленска съ Ригою и Готландомъ извѣстенъ еще и въ другой редакціи, относящейся къ 1230-му году, которую нѣкоторые историки принимаютъ за самостоятельный договоръ, эта послѣдняя редакція не представляетъ, впрочемъ, сколько нибудь существенныхъ отклоненій отъ текста редакціи 1229-го года

в) **Договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 го года** Это, несомнѣнно, интереснѣйшій изъ памятниковъ разсматриваемой нами категоріи Профессоръ И Е Андреевскій, авторъ спеціальнаго изслѣдованія о немъ („О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году", 1855), замѣчаетъ, что во второй половинѣ XIII-го столѣтія „сама необходимость требовала заключенія письменнаго договора между нѣмецкими купцами и новгородцами" Эта необходимость вызывалась, съ одной стороны—желаніемъ ганзейцевъ воспользоваться въ Новгородѣ такими же привиллегіями, какими удалось имъ заручиться въ другихъ европейскихъ государствахъ, съ дру-

гой стороны — погребностью болѣе устойчивымъ образомъ опредѣлить торговыя и другія отношенія иноземныхъ гостей къ новгородцамъ и, съ третьей стороны—стремленіемъ нѣмецкихъ купцовъ сдѣлать для себя безопаснымъ древній торговый водный путь Невою, Ладожскимъ озеромъ и Волховомъ, путь, сдѣлавшійся опаснымъ какъ отъ усилившихся разбоевъ, такъ и отъ безпрестанныхъ нападеній шведовъ

Въ виду только что указанной необходимости, со стороны нѣмецкихъ купцовъ еще до 1270 го года сказалась попытка заключить съ Новгородомъ письменный договоръ, проектъ котораго, составленный на латинскомъ языкѣ, сохранился въ архивѣ города Любека Актъ этотъ послужилъ предметомъ спора какъ между нѣмецкими, такъ и между русскими учеными въ то время какъ одни изслѣдователи усматривали въ немъ простой проектъ несостоявшагося договорнаго соглашенія (Сарторіусъ, Шлецеръ, Карамзинъ), другіе признавали его за подлинный и ратифицированный договоръ (Лербергъ, Славянскій) Въ приведенномъ выше трактатѣ своемъ, П Е Андреевскій съ полною авторитетностію присоединяется къ тому мнѣнію, по которому этотъ спорный документъ представляетъ собою лишь проектъ договора, составленнаго въ промежутокъ времени отъ 1209-го до 1270-го года, — проектъ, который нѣмецкіе купцы хотѣли навязать Новгороду, но былъ послѣднимъ всецѣло отвергнутъ и взамѣнъ котораго впослѣдствіе и создался договоръ 1270-го года Если мы обратимся къ проекту 1209-го—1270 го годовъ, то для насъ сдѣлаются ясными тѣ причины, которыя побудили новгородцевъ его отвергнуть Здѣсь выговариваются для нѣмецкихъ купцовъ такія привиллегіи, на которыя, не поступаясь своимъ политическимъ престижемъ, Новгородъ не могъ согласиться такъ, въ этомъ проектѣ нѣмцы требуютъ права своего собственнаго суда надъ преступникомъ изъ руссовъ даже въ предѣлахъ русской территоріи, требуютъ, что бы русскіе предъявляли взысканія къ нѣмцамъ, опять таки на русской территоріи, не передъ своими судьями, но передъ альдерманомъ (старшиною) нѣмецкаго двора, требуютъ непомѣрнаго расширенія правъ нѣмецкой и готской факторій и т п Въ самыя уголовныя постановленія проекта нѣмцы внесли такого рода кары, которыя шли совершенно въ разрѣзъ русскому правосознанію и рѣзко

противорѣчили началамъ, выраженнымъ въ Русской Правдѣ, а потому и не могли быть приняты новгородцами. Сказано сятся, напримѣръ, клеймление преступниковъ, наказание розгами за незначительную кражу и смертною казнью за кражу крупную—тогда какъ Русская Правда совершенно игнорируетъ не только смертную казнь, но и наказания тѣлесныя.

Договоръ 1270-го года былъ заключенъ, съ русской стороны—новгородскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ съ посадникомъ Павломъ, тысяцкимъ Ратиборомъ, старостами и со всѣми новгородцами, съ другой стороны—нѣмецкимъ посломъ Генрихомъ Вунстдорфомъ и готскими послами Лутефомъ Добрике и Яковомъ Куринге. По подлиннымъ словамъ договора сила его дѣйствительна для нѣмцевъ, готовъ и ко „всѣхъ латинскихъ (католическихъ) языковъ". Подлинникъ договора писанный на нижне-нѣмецкомъ языкѣ хранится въ архивѣ г. Любека и лучшее и вполнѣ научное изданіе его съ переводомъ на современный нѣмецкій и на русскій языки, съ изслѣдованіемъ этого памятника и съ приложеніемъ текста новгородской „скры"—мы имѣемъ въ уже цитированномъ выше трудѣ проф. Андреевскаго, проекъ 1209 го—1270 го годовъ напечатанъ въ третьемъ томѣ (примѣч. 244, въ извлеченіи) „Исторіи государства россійскаго" Карамзина и въ монографіи Славянскаго „Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ" (Спб., 1817).

Внутреннее содержаніе договоровъ русскихъ князей и городовъ съ Готландомъ и нѣмецкими городами, общая характеристика котораго уже сдѣлана была нами выше, можетъ быть сведено къ тремъ группамъ опредѣленій: а) опредѣленія касающіяся *торговыхъ и международныхъ отношеній* договаривающихся сторонъ, б) опредѣленія относящіяся къ *праву уголовному* и в) опредѣленія *процессуальныя*. Въ виду того, что уголовныя и процессуальныя опредѣленія договоровъ будутъ разсмотрѣны нами въ связи съ общею исторіею уголовнаго и процессуальнаго правъ въ предѣлахъ интересующаго насъ періода русской историко-юридической жизни, мы въ настоящее время, какъ это было сдѣлано и по отношенію къ договорамъ съ

греками, ограничимся лишь обзоромъ опредѣленій, отнесенныхъ нами къ первой группѣ.

Опредѣленія договоровъ съ готами и нѣмцами, касающіяся торговыхъ и международныхъ отношеній, направлены, главнымъ образомъ, къ обезпеченію для договаривающихся сторонъ безопасныхъ торговыхъ путей и условій свободной торговли. Въ этихъ опредѣленіяхъ имѣется, преимущественно, въ виду торговля нѣмцевъ и готовъ въ русскихъ предѣлахъ—и это представляется вполнѣ понятнымъ, такъ какъ пріобрѣтеніе возможно большихъ льготъ въ торговомъ отношеніи составляло основную задачу международной политики нѣмецко-готскаго торговаго союза. О торговлѣ русскихъ въ нѣмецкихъ городахъ и на Готландѣ говорится здѣсь, вообще, глухо; договоры 1195-го и 1270-го годовъ почти ничего не говорятъ относительно торговли ихъ здѣсь и только договоръ 1229 го года, почти послѣ каждаго опредѣленія своего о торговыхъ и другихъ правахъ иноземцевъ въ Смоленскѣ, добавляетъ: „Тая правда оузяти Руси у Ризѣ и на Гочкомъ березѣ“ (т. е. тѣми же правами пользоваться и русскимъ въ Ригѣ и на готскомъ побережьи).

Взаимно обезпечивая себѣ свободные торговые пути, договаривающіяся стороны опредѣляютъ, напримѣръ, что всякій новгородецъ можетъ мирно ходить въ нѣмецкую землю и на готскій берегъ, ровно какъ и всякій нѣмецъ и готъ также свободно и мирно можетъ „безъ пакости, не обидимъ никѣмъ же“, ходить въ Новгородъ (договоръ 1195 г.). Смоленскій договоръ 1229-го года, заключая въ себѣ такое же опредѣленіе, добавляетъ къ нему, что какъ путь нѣмцевъ и готовъ въ Смоленскъ, такъ и путь смольянъ къ нѣмцамъ и готамъ—долженъ быть безмытнымъ, т. е. что на этихъ путяхъ не взыскивается никакихъ „мытовъ“, таможенныхъ и проѣзжихъ сборовъ; при этомъ со стороны рижскаго епископа и „мастера Божьихъ дворянъ“, т. е. магистра ордена меченосцевъ, свободный и безмытный путь къ Смоленску какъ водный, р. Зап. Двиною, такъ и гужевой, береговой, выговаривается только для тѣхъ, „кто правый купьчь есть“, кто идетъ, дѣйствительно, съ цѣлями торговыми.

Договоры стремятся обезпечить торговые пути не только свободные, но и безопасные. Такъ, договоръ 1270-го года опредѣляетъ отвѣтственность новгородскаго

князя и всѣхъ новгородцевъ за всякое, сопряженное съ матеріальнымъ ущербомъ, приключеніе, могущее встрѣтиться иноземному „лѣгнему гостю", т. е. торговцу, слѣдующему водянымъ путемъ, на протяженіи пучины между островомъ Котлиномъ (нынѣшній Кронштадтъ) и Новгородомъ гость же „зимній", слѣдующій сухимъ и болѣе опаснымъ путемъ, можетъ пускаться въ этотъ путь не иначе, какъ заручившись порукою князя, посадника и всего Великаго Новгорода, притомъ въ сопровожденіи новгородскаго пристава и съ караваномъ новгородскихъ купцовъ въ противномъ случаѣ ни князь, ни городъ Новгородъ — не принимаютъ на себя отвѣтственности за безопасность пути.

Договоръ 1229-го года заключаетъ въ себѣ любопытныя и характерныя постановленія, обезпечивающія неприкосновенность нѣмецкихъ товаровъ на „волокѣ между верховьями рѣкъ Западной Двины и Днѣпра, гдѣ товары выгружались изъ двинскихъ судовыхъ карабановъ и уже сухопутно (на протяженіи около ста верстъ) доставлялись въ Смоленскъ, или для потребностей мѣстнаго рынка, или для дальнѣйшаго сплава въ среднее и нижнее теченія р. Днѣпра. За цѣлость этихъ товаровъ несли отвѣтственность всѣ „волочане", т. е. населеніе волока, промышлявшее переволакиваніемъ (перевозкою) грузовъ отъ верховьевъ Двины къ г. Смоленску, эти волочане составляли такимъ образомъ, рабочую корпорацію, члены которой были связаны круговою порукою. Тотъ же договоръ воспрещаетъ примѣненіе берегового права по отношенію къ потерпѣвшему аварію судну: погерпѣвшій крушеніе владѣлецъ судна вправѣ не только извлекать изъ воды затопленный грузъ силами собственнаго экипажа, но можетъ нанимать для этой цѣли окрестныхъ жителей, договорившись съ ними, при свидѣтеляхъ, относительно вознагражденія за трудъ.

Договоры 1195-го и 1270-го годовъ выговариваютъ для нѣмецкихъ купцовъ право, за извѣстное вознагражденіе, требовать себѣ при вступленіи въ р. Неву лоцмановъ. Договоръ 1270-го года опредѣляетъ далѣе таксу для новгородскихъ возчиковъ за доставленіе товаровъ отъ пристани къ нѣмецкому и готскому дворамъ. Договоръ 1229-го года вмѣняетъ княжескимъ должностнымъ лицамъ („тіунамъ") въ обязанность доставлять нѣмецкимъ купцамъ

телѣги для перевозки грузовъ черезъ двинско-днѣпровскій волокъ, за что, въ видѣ вознагражденія, тіунъ получаетъ отъ иноземныхъ гостей пару рукавицъ, при этомъ опредѣляется, что нѣмецкіе грузы перевозятся здѣсь раньше грузовъ торговцевъ другихъ странъ Въ числѣ мѣръ по обезпеченію движенія судовыхъ нѣмецкихъ каравановъ можно отмѣтить и постановленіе договора 1270-го года, въ силу котораго экипажамъ этихъ каравановъ предоставляется право свободной рубки мачтовыхъ и другихъ деревьевъ по берегамъ р Невы

Договоры русскихъ съ нѣмцами заключаютъ въ себѣ, далѣе, опредѣленія, касающіяся нормированія пошлинъ и вѣса Договоръ 1195-го года не содержитъ въ себѣ опредѣленій этого рода Договоръ 1270-го года ссылается по отношенію къ размѣру пошлинъ на практику предшествовавшихъ лѣтъ гость, — заявляетъ этотъ актъ,— долженъ платить пошлинь столько, сколько платилось издавна, но не болѣе Договоръ 1229-го года содержитъ въ себѣ лишь нормировку размѣра вѣсовой пошлины съ покупаемаго иноземными купцами воска (по одной смоленской кунѣ съ двухъ единицъ вѣса, называвшихся „капями“) и вѣсовыхъ пошлинъ съ покупаемыхъ ими же благородныхъ металловъ какъ въ слиткахъ, такъ и въ дѣлѣ, размѣръ остальныхъ пошлинъ и здѣсь опредѣлялся, вѣроятно, по обычаю, по старинѣ, какъ то „изстари пошло“ (откуда и самый терминъ— „пошлина“) По отношенію къ благороднымъ металламъ этимъ договоромъ установляются слѣдующія вѣсовыя пошлины съ каждой купленной гривны (около $^1/_2$ фунта) золота и серебра въ дѣнь—одну смоленскую ногату пошлины, не въ дѣлѣ – двѣ рекши, съ каждой гривны серебра, отдаваемаго для переплава—одну смоленскую куну Нельзя не отмѣтить, при этомъ, любопытной черты таможенной политики смоленскаго договора облагая пошлиною покупку благородныхъ металловъ иноземными гостями, онъ не облагаетъ никакимъ сборомъ продажу ими таковыхъ, въ чемъ можно видѣть стремленіе противодѣйствовать вывозу за границу благородныхъ металловъ и, наоборотъ, покровительствовать ввозу ихъ изъ за границы

Постановленія о вѣсѣ имѣютъ своею задачею гарантировать иноземныхъ гостей отъ возможности злоупот-

ребленій со стороны русскихъ торговцевъ Договоръ 1229-го года свидѣтельствуетъ, что въ Смоленскѣ хранились въ двухъ экземплярахъ образцовыя единицы вѣса первые экземпляры ихъ находились при православной церкви во имя Пресв Богородицы, вторые—при смоленской католической („латинской“) церкви Въ случаѣ порчи или неточности торговыхъ гирь—договоръ предписываетъ провѣрять ихъ по этимъ нормальнымъ образцамъ Здѣсь умѣстнымъ будетъ припомнить, что мѣры и вѣса ввѣрялись особому попеченію церкви и древними русскими церковными уставами Договоръ 1270-го года опредѣляетъ, въ частности, норму вѣсовой единицы, получившей названіе „кани“ она соотвѣтствовала 8-ми ливонскимъ фунтамъ, при этомъ здѣсь же выражается общее требованіе, что бы вѣсы и гири содержались вѣрно и правильно.

Одною изъ серьезныхъ опасностей для торговли нѣмецкихъ купцовъ въ Россіи могли представляться воины русскихъ или съ сосѣдними странами, или внутреннія усобицы, и вотъ договоръ 1270-го года опредѣляетъ что, въ случаѣ войны, иноземные гости могутъ безпрепятственно совершать передвиженія, какъ водными, такъ и сухими путями, на протяженіи всей территоріи, подвластной Новгороду Договоръ 1229-го года установляетъ свободу отъ воинской повинности какъ нѣмцевъ въ Руси, такъ и русскихъ въ Ригѣ и на готскомъ берегу предоставляя, тѣмъ не менѣе, желающимъ предлагать свои услуги мѣстнымъ правительствамъ въ качествѣ добровольцевъ

Договоръ 1270-го года заключаетъ въ себѣ опредѣленія, регулирующія положеніе новгородскаго нѣмецкаго двора или факторіи, въ смыслѣ почной его неприкосновенности порча ограды двора кража хранящихся тамъ товаровъ, нанесеніе кому либо поранения въ предѣлахъ нѣмецкаго двора—влекутъ за собою преданіе виновнаго суду „по пошлинѣ“, т е на основаніи существующихъ обычаевъ Выговаривается и неприкосновенность находящихся во владѣніи нѣмцевъ или готовъ луговъ—откуда мы можемъ заключить, что иностранцы могли пріобрѣтать въ Новгородѣ и поземельную собственность

Наконецъ договоръ 1195 го года выговариваетъ личную неприкосновенность подданныхъ обѣихъ договаривающихся сторонъ въ случаѣ смерти мѣстныхъ властителей

Если,—опредѣляется въ этомъ договорѣ,—будетъ „судъ“ (т. е. наступитъ смерть) новгородскому князю въ Новгородѣ, или нѣмецкому князю „въ нѣмцахъ“—то это обстоятельство не должно служить для гостей препятствіемъ къ свободному возвращенію на родину, а самый договоръ долженъ быть подтвержденъ преемникомъ умершаго властителя.

Договорами русскихъ князей и городовъ съ нѣмцами и Готландомъ мы и заканчиваемъ обзоръ источниковъ права земско-вѣчевого періода русской исторической жизни

Библиотека ООН